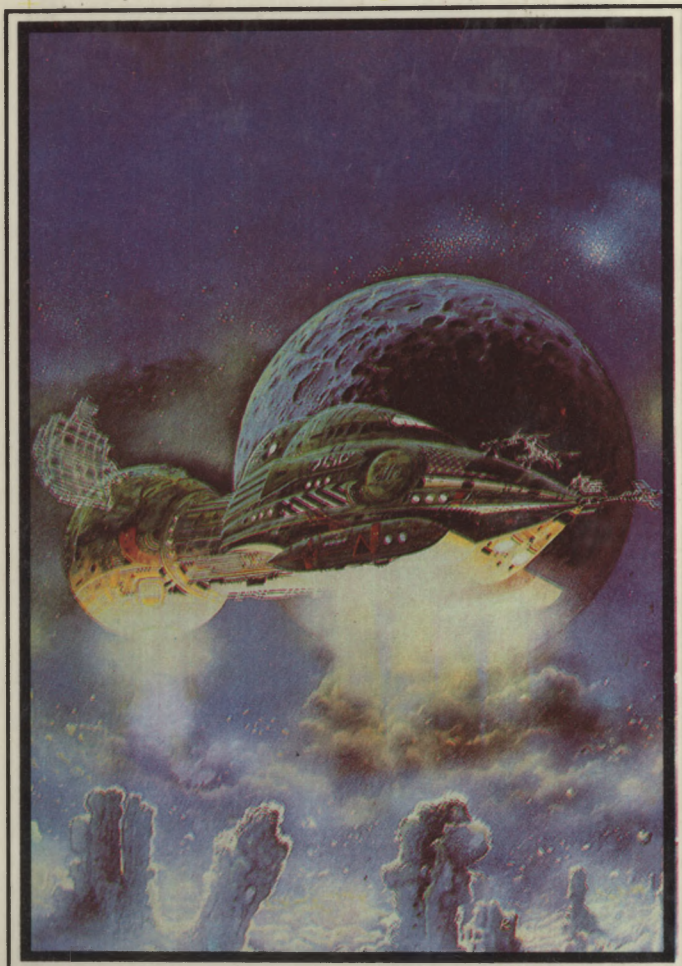

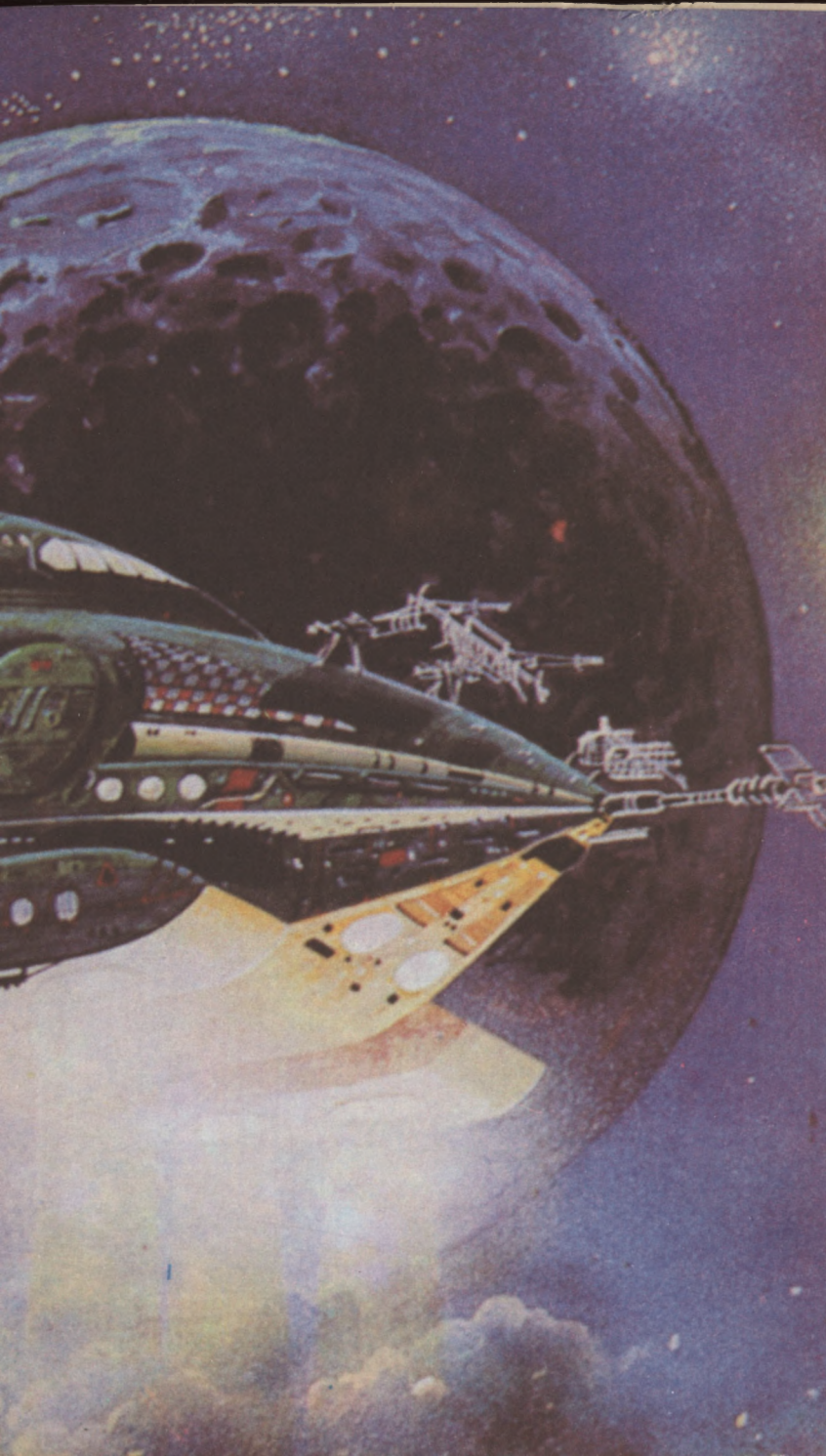
МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

4

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ISAAC ASIMOV

Volume four

THE ROBOTS OF DAWN

«POLARIS» PUBLISHERS
1994

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

Книга четвертая

РОБОТЫ ЗАРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994

The Robots of Dawn
Copyright © 1983 by Nightfall, Inc.

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
*перевод на русский язык, оформление,
название серии*

Книга выпущена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

РОБОТЫ ЗАРИ

Глава 1

БЕЙЛИ

1

Элайдж Бейли укрылся под тенистым деревом и пробурчал себе под нос:

— Так и есть! Я весь в поту.

Он умолк, утер мокрый лоб тыльной стороной ладони, а потом с отвращением поглядел на кожу, залоснившуюся от липкой влаги.

— Ненавижу потеть! — изрек он, ни к кому не обращаясь, словно формулируя космический закон, и вновь озлился на Вселенную за то, что она сотворила нечто необходимое таким противным.

В Городе никто не потел (разве что по собственному желанию!), так как температура и влажность надежно регулировались и организм не подвергался нагрузкам, при которых нарушается теплообмен.

Это и есть цивилизация!

Он посмотрел на поле, на неровную шеренгу мужчин и женщин — в какой-то мере своих подопечных. Большинство составляли юноши и девушки, еще не достигшие двадцати лет, но остальные по возрасту были ближе к нему. Они неуклюже орудовали мотыгами и занимались всякой другой работой, обычно выполнявшейся роботами, для нее сконструированными. И роботы справились бы с ней куда успешнее, но им было приказано отойти в сторону и ждать, пока люди упрямо практиковались в физическом труде.

В небе плыли тучки и сияло солнце, именно в эту минуту скрывшееся за одной из них. Элайдж с тревогой задрал голову. Конечно, она избавляла от прямых солнечных лучей (и пота!), но вдруг хлынет дождь?

Во Вне всегда так — богатейший выбор неприятностей.

Бейли неизменно поражало то, как относительно небольшая туча способна закрыть солнце целиком, погрузив землю в тень от горизонта до горизонта, хотя значительная часть неба продолжает голубеть.

Он остался стоять под густой кроной (подобие примитивной кровли, а ствол с корой, приятно крепкой на ощупь, создает ощущение стены) и перевел взгляд на шеренгу, с удовлетворением ее рассматривая. Раз в неделю они трудились здесь, какой бы ни была погода. И к ним присоединялись все новые добровольцы: горстка мужественных инициаторов заметно пополнилась. Правительство Города, хотя непосредственного участия в движении не принимало, относилось к нему положительно и помех не чинило.

Вдали у самого горизонта справа от Бейли (на востоке, как показывало клонящееся к закату солнце) маячили пологие купола и бесчисленные шпили Города, заключающего в себе все, ради чего стоит жить. И там Бейли вдруг увидел перемещающееся темное пятнышко, еле различимое на таком расстоянии.

Однако манера его передвижения и другие признаки, для которых он не нашел бы словесного выражения, подсказали Бейли, что это робот. Он не удивился: поверхность Земли вне Городов принадлежала роботам, а не людям — за исключением тех немногих, кто подобно ему грезил звездами.

По ассоциации он вновь обратил взгляд на взмахивающих мотыгами искателей звезд, переводя его с одного на другого. Он не только знал в лицо, но мог бы назвать по имени любого. Они трудились, они осваивались с существованием во Вне и...

Нахмурившись, он проворчал:

— А Бентли где?

И сразу же у него за спиной раздался голос, чуть захлебывающийся от торжества:

— Я тут, пап!

Бейли стремительно обернулся:

— Не делай так, Бен!

— Чего не делать?

— Не подкрадывайся ко мне сзади. Во Вне трудно сохранять хладнокровие и без того, чтобы к тебе подкрадывались исподтишка.

— Я не подкрадывался. Но попробуй громко топать, когда идешь по траве. Она же глушит шаги... Пап, а не вернуться ли тебе? Ты здесь уже два часа и, по-моему, дольше тебе задерживаться не стоит.

— Это еще почему? Потому что мне сорок пять, а ты девятнадцатилетний молокосос? И решил побереечь своего дряхлого родителя, а?

— В самую точку! — подхватил Бен. — Какой блестящий детективный анализ! От тебя ничего не скроешь.

Бен широко улыбнулся. Лицо у него было круглое, глаза блестели. Сколько в нем от Джесси, подумал Бейли. От его матери. И ничего общего с его собственной вытянутой чопорно-серьезной физиономией.

А вот умственным складом он пошел в отца и, когда глубоко о чем-нибудь задумывался, было ясно, что его мать хранила нерушимую верность мужу.

— У меня все отлично, — сказал Бейли.

— Не спорю, пап. Ты самый лучший из нас, учитывая...

— Что учитывая?

— Твой возраст, что же еще? И конечно, я помню, что все это затеял ты. Но я заметил, как ты укрылся под деревом, ну и подумал... Может, не надо, старик, перегибать палку?

— Я тебе покажу старика! — пригрозил Бейли. Робот, которого он заметил где-то возле Города, теперь приблизился настолько, что его можно было бы рассмотреть подробнее, но Бейли, не обращая на него внимания, продолжал: — Если солнце светит чересчур ярко, благоразумие требует время от времени постоять под деревом в тени. Мы не только привыкаем к трудностям Вне, но и учимся использовать его преимущества... Вон солнце выходит из-за тучи.

— Ага. Так, может, ты вернешься?

— Ничего, выдержу. Раз в неделю у меня есть свободные полдня, и я провожу их здесь. Пользуюсь привилегией, положенной моему рангу эс-семь.

— Дело не в привилегиях, пап, а в том, чтобы не переутомляться.

— Говорят же тебе, я прекрасно себя чувствую!

— Куда уж лучше! Дома сразу бухаешься на кровать и лежишь в темноте.

— Естественный способ дать отдохнуть глазам от яркого света.

— А мама волнуется.

— И пусть. Ей только полезно. Да и что тут опасного? Самое скверное, что я потею, но и с этим освоюсь. Никуда ведь не денешься. Вначале я не мог даже отойти далеко от Города, сразу поворачивал назад... А ходил тогда со мной один ты. А теперь взгляни, сколько людей тут с нами и как далеко я ухожу от Города. И способен много работать. Меня хватит по крайней мере еще на час. А то и больше. Знаешь, Бен, маме стоило бы ходить с нами.

— Маме? Ты шутишь.

— Если бы! Когда подойдет время отлета, я буду вынужден остаться, потому что она не полетит.

— А ты будешь рад. Не обманывай себя, пап. До этого еще далеко. И уж тогда ты правда будешь староват. Это дело для молодежи.

— Знаешь, — сказал Бейли, сжимая руки в кулаки, — до чего же ты и твоя «молодежь» мудры. Ты когда-нибудь покидал Землю? Кто-нибудь из них покидал Землю? А я — да. Два года назад. Еще до этой акклиматизации. И я выжил!

— Знаю, пап. Но улета́л ты ненадолго. В служебную командировку. И тебе создавали все необходимые условия в высокоорганизованном обществе. Совсем иное дело.

— Нет, не иное! — упрямо возразил Бейли, в глубине души признавая, что очень даже иное. — Да и отлета ждать придется не так уж долго. Если я получу разрешение побывать на Авроре, дело пойдет быстро.

— Забудь. Ничего не выйдет.

— Но попробовать мы должны. Без одобрения Авроры правительство разрешения нам не даст. Аврора —

самый большой и влиятельный из космомиров. И что она скажет...

— То и будет. Знаю. Мы же тысячу раз все обсуждали. Но зачем тебе лететь туда? Есть же гиперсвязь. Можешь поговорить с ними прямо с Земли... Ну сколько раз тебе повторять!

— Это совсем другое. Необходим личный контакт. Ну сколько раз тебе повторять!

— В любом случае мы еще не готовы, — заявил Бен.

— Не готовы, потому что Земля не дает нам корабли. А космониты дадут и окажут необходимую техническую помощь.

— Какое доверие! А зачем это им? Давно ли они так полюбили нас, недолговечных землян?

— Если бы я мог поговорить с ними...

— Ну послушай, пап! — Бен засмеялся. — На Аврору тебя тянет просто из-за этой женщины.

Бейли нахмурился. Его мохнатые брови сошлись над глубоко посаженными глазами.

— Женщины? Иосафат! Бен, о чем ты говоришь?

— Пап! Строго между нами — и маме ни слова, — что у тебя все-таки было с этой женщиной на Солярии? Я уже взрослый, и ты можешь мне рассказать.

— Какая еще женщина на Солярии?

— И ты способен смотреть мне прямо в глаза и делать вид, будто не знаешь какая, когда вся Земля видела ее в гиперволновой драме. Глэдия Дельмар, вот какая!

— Так ничего же не было. Гиперволновое вранье. Тысячу раз тебе повторяю! У нее даже в мыслях не было. И у меня не было. Сплошная выдумка, и я протестовал против демонстрации волновки, но правительство решило, что необходимо показать космонитам Землю в выгодном свете. Только попробуй внушить матери, будто это не так!

— Да с какой стати! Но эта Глэдия переселилась на Аврору, а ты туда так и рвешься!

— Ты что — искренне считаешь, что я хочу побывать на Авроре из-за... А, Иосафат!

Сын с недоумением посмотрел на него:

— Что с тобой?

— Видишь робота? Это Р. Джеронимо.

— И что?

— Рассыльный из нашего департамента. И он — во Вне. У меня свободный день, и я нарочно оставил свой волновик дома, чтобы до меня нельзя было добраться. Привилегия эс-семь. А они посылают за мной робота!

— Откуда ты знаешь, что за тобой?

— С помощью тончайшей дедукции. Во-первых, из полицейского департамента здесь только я, а во-вторых, эта жалкая жестянка движется прямо ко мне. Из этого я делаю вывод, что ее отправили за мной. Надо бы зайти за ствол и затаиться там.

— Пап, это же не стена! Робот обойдет дерево, и все...

И тут робот объявил:

— Господин Бейли, у меня сообщение для вас. Вас ждут в управлении.

— Я услышал и понял, — монотонно ответил Бейли. Иначе робот продолжал бы твердить одно и то же.

Слегка нахмурясь, Бейли изучающе посмотрел на робота. Новейшая модель, несколько более очеловеченная в сравнении с прежними. Его собрали и активизировали всего месяц назад. Не без шумихи. Правительство постоянно что-то придумывало (что ни попало!), лишь бы смягчить враждебное отношение к роботам. Оболочка сероватая, тусклая и словно бы упругая (на манер кожи). Выражение, хотя почти не менялось, не производило такого впечатления идиотизма, как обычно, хотя в умственном отношении он был таким же идиотом, как все остальные.

Тут Бейли вспомнился Р. Дэниел Оливо — космический робот, дважды помогавший ему в расследовании — на Земле и на Солярии. В последний раз они виделись, когда Дэниел обратился к нему за помощью в деле, которое они называли «Зеркальным отражением». Дэниел был настолько очеловеченным роботом, что Бейли воспринимал его как друга и скучал без него. Вот и сейчас... Эх, будь все роботы такими!

— Бой, — сказал он, — сегодня я свободен и мне не надо идти в управление.

Р. Джеронимо застыл. По рукам у него пробежала легкая вибрация. Бейли заметил ее. Она указывала на

помехи в позитронных связях робота. Всякий робот неукоснительно повиновался человеку, но нередко два человека требовали прямо противоположного. Затем робот сделал выбор и сказал:

— Сегодня вы свободны, господин. Вас ждут в управлении.

— Если тебя ждут, пап... — с тревогой сказал Бен. Бейли пожал плечами:

— Не позволяй надуть себя, Бен. Будь я им действительно нужен, они бы прислали закрытую машину с добровольцем-человеком, а не отправили пешего робота с сообщением, чтобы разозлить меня.

— Нет, пап! — Бен покачал головой. — Они же не знали, где ты и сколько понадобится времени, чтобы тебя отыскать. По-моему, при такой неопределенности посылать человека никто не станет.

— Да? Ну так посмотрим, насколько силен приказ. Р. Джеронимо! Возвращайся в управление и скажи, что я явлюсь на службу в девять ноль-ноль. — Он добавил резким тоном: — Возвращайся! Это приказ.

Робот заметно заколебался, повернулся, сделал несколько шагов, снова повернулся, шагнул к Бейли и замер на месте, весь вибрируя.

Бейли хорошо знал эти признаки и шепнул Бену:

— Иосафат! Надо идти.

Робот испытывал то, что робопсихологи называли равнодействующим противоречием второго уровня. Противоречие было Вторым Законом, и Р. Джеронимо в этот момент из-за столкновения примерно равных по силе, но совершенно противоположных приказов находился в состоянии шока. В просторечии это называлось «заблокировать робота» или еще проще — «роблок».

Робот медленно повернулся. Первый приказ был все-таки сильнее, но не намного, а потому он запинался.

— Господин, меня проинструктировали, что вы можете сказать так. И тогда я должен сказать... — Он помолчал и добавил уже совсем хрипло: — Я должен сказать, если вы один...

Бейли кивнул сыну, и Бен не стал ждать второго напоминания. Он прекрасно умел различать, когда его отец был «пап», а когда — полицейский, и быстро ретировался.

Бейли сердито поиграл с мыслью, не усилить ли собственный приказ, довершая роблок. Но результатом наверняка было бы какое-нибудь повреждение, которое потребовало бы позитронного анализа и репрограммирования. А их стоимость удержат из его жалованья. Возможно, в годовом размере. И он сказал:

— Я отменяю мой приказ. Что тебе велено сообщить?

Голос Р. Джеронимо мгновенно обрел звучность.

— Меня проинструктировали сообщить, что вы нужны в связи с Авророй.

Бейли обернулся и крикнул Бену:

— Пусть поработают еще полчаса, а потом передай от меня, чтобы возвращались. Я уйду.

Широким шагом пересекая поле, Бейли ворчал на робота:

— Почему тебе не приказали начать сразу с этого? И почему тебя не запрограммировали водить машину, чтобы я не плелся пешком?

Он прекрасно знал почему. С роботом за рулем самое незначительное происшествие вызвало бы новые беспорядки под лозунгом «долгой роботам!»

Он не сбавлял шага. До городской стены — два километра, а там до управления придется добираться по улицам, забитым машинами.

Аврора? Какой еще новый кризис назревает?

2

До входа в Город Бейли добрался через полчаса и весь напрягся, готовясь к тому, что могло его ожидать. Вдруг... вдруг на этот раз все будет в порядке?

Он подошел к границе между Вне и Городом. К стене, разделявшей хаос и цивилизацию. Прижал ладонь к сигнальной панели, и дверь поползла в сторону. Как всегда, он не стал ждать, а проскользнул внутрь, чуть только это оказалось возможным. Р. Джеронимо последовал за ним.

Полицейский на посту посмотрел на них с некоторой растерянностью, как бывало всегда, когда кто-то входил из Вне. Всякий раз то же изумление в глазах,

настороженная поза, рука, внезапно опускающаяся на бластер, недоуменно сдвинутые брови.

Бейли угрюмо предъявил удостоверение личности, и полицейский отдал ему честь. Дверь закрылась — и это произошло.

Бейли был в Городе. Вокруг сомкнулись стены, и Город воплотил в себе Вселенную. Бейли вновь погрузился в вечный нескончаемый гул, в запахи машин и людей, — с тем чтобы вскоре перестать замечать их. Погрузился в мягкий отраженный свет, ничуть не похожий на тени и непрерывно меняющуюся яркость во Вне, на зеленые, бурые, голубые и белые цвета с красными и желтыми вкраплениями. Вместо капризного ветра, жары, холода, угрозы дождя — вкрадчивая перманентность незаметных воздушных потоков, поддерживающих постоянную свежесть. Только тщательно вычисленное соотношение температуры и влажности, настолько идеальное для человеческого организма, что оно не ощущалось.

Бейли с трепетом сделал глубокий вздох, и его охватила радость от сознания, что он дома, в безопасности, где все знакомо и познаваемо.

Так случалось всегда. Вновь он воспринял Город как материнскую утробу и вернулся в нее со сладким облегчением. Но он же верит, что заключенное в этой утробе человечество должно вырваться наружу, должно родиться, так почему же он всегда вновь вот так в нее погружается?

И ничего нельзя изменить? Неужели, пусть он даже покинет Город, увезет бесчисленное количество людей туда — к звездам, ему самому не вырваться? Неужели он всегда будет чувствовать себя дома только в Городе?

Бейли стиснул зубы. Что толку думать об этом? Он сказал роботу:

— Бой, до этого места тебя доставили на машине?

— Да, господин.

— Где она?

— Не знаю, господин.

— Офицер! — Бейли обернулся к полицейскому. — Этот робот был доставлен сюда два часа назад. Где доставившая его машина?

— Сэр, я заступил на дежурство час назад.

Конечно. Глупо было спрашивать. Водитель машины не знал, сколько времени робот будет его разыскивать, и ждать не стал. Бейли прикинул, не вызвать ли машину, но отказался от этой мысли сразу же. Ему просто порекомендуют воспользоваться экспрессуэем. Так быстрее.

Да и колебался он, собственно, только из-за Р. Джеронимо. Ехать в его сопровождении экспрессуэем не хотелось, но позволить роботу добираться в управление одному среди враждебных толп он не мог.

И никакого выбора у него нет. Комиссар, несомненно, не жаждет его обласкать. И, конечно, зол, что он не оказался под рукой, будь у него хоть трижды свободный день.

— Сюда, бой! — сказал Бейли.

Город занимал пять тысяч квадратных километров, и нужды его двадцати с лишним миллионов жителей обслуживались четырьмястами километрами экспрессуэя и сотнями километров фидеруэя. Сложная сеть движущихся полос размещалась на восьми уровнях с сотнями переходов разной степени сложности. По службе Бейли был обязан знать их все — и знал. Если бы его с завязанными глазами отвезли в любую точку Города и сняли повязку, он мгновенно бы определил кратчайший путь до любого указанного места.

И, естественно, он знал дорогу в управление. Однако надо было выбрать из восьми равно удобных маршрутов, и он заколебался, прикидывая, какой в это время суток малолюднее остальных.

Секунду спустя он принял решение и скомандовал:

— Иди со мной, бой!

Робот послушно последовал за ним.

Они прыгнули в проходивший мимо фидер, и Бейли ухватился за вертикальную стойку — белую, теплую, в меру шероховатую, чтобы удобнее было держаться. Садиться не имело смысла: скоро предстояла пересадка. Он быстро кивнул роботу, и тот только тогда положил руку на ту же стойку. Конечно, он легко удерживал бы равновесие и без нее, но Бейли предпочитал держать его поближе к себе. Он отвечал за робота, и ему совсем не улыбалось возмещать убытки Городу, если бы Р. Джеронимо потерялся и получил повреждения.

Все немногочисленные пассажиры фидера, как и следовало ожидать, с любопытством уставились на робота. Бейли по очереди перехватывал эти взгляды. Держался он с властью официального лица, и те, на кого он смотрел, смущенно отводили глаза.

Бейли снова кивнул и, чуть они поровнялись с движущимися полосами, прыгнул на ближайшую, двигавшуюся с той же скоростью, что и фидер. Едва Бейли ступил на полосу, где не было пластикового экрана, как ему в лицо ударила воздушная струя. Он привычно наклонился ей навстречу, загораживая глаза приподнятой рукой, и побежал наискось вперед с одной полосы на другую, пока не добрался до экспрессуэя.

Раздался веселый крик подростка — «робот!» — и Бейли (он и сам когда-то был подростком) точно представил себе, что сейчас произойдет: двое-трое, если не целая компания, набегут сзади — или спереди, — робот каким-то способом будет опрокинут и с лязгом ударится о полосу. Если же виновник будет схвачен и предстанет перед администратором, то заявит, что робот столкнулся с ним и создал опасную обстановку, после чего мальчишку почти наверняка отпустят. А у робота нет права ни защищаться на полосе, ни давать показания в административном суде.

Бейли быстро шагнул вперед, успел загородить робота от подбегающего подростка, затем переступил на более быструю полосу, подняв руку повыше, точно из-за усиления воздушной струи, и как бы ненароком задел локтем мальчишку, столкнув его на более медленную полосу. Тот не был к этому готов и, вскрикнув «ой!», растянулся на ней. Остальные встали как вкопанные, оценили ситуацию и поспешили исчезнуть.

— На экспрессуэй, бой! — приказал Бейли.

Робот чуть замялся. Роботам разрешалось пользоваться экспрессуэем, только если они сопровождали человека, но приказ был категоричным, и он прыгнул. Бейли прыгнул следом за ним, после чего напряжение робота снизилось.

Бейли, толкая Р. Джеронимо перед собой, решительно прошел сквозь толпу стоящих пассажиров и поднялся на верхний, менее забитый уровень, а там ухватился

за стойку, наступил роботу на ногу и опять заставил зевак опустить глаза.

Через пятнадцать километров они приблизились к управлению на максимально короткое расстояние, и Бейли сошел. Р. Джеронимо последовал за ним. Его так никто и не тронул. Ни единой стычки за всю дорогу. В приемной Бейли сдал его и получил квитанцию, которую убрал в бумажник, только тщательно проверив дату, час и серийный номер робота. Не забыть поозже справиться, зарегистрирована ли квитанция компьютером.

Теперь предстояло явиться пред очи комиссара, а его Бейли знал как свои пять пальцев. Стоит ему допустить малейшую оплошность, и он окажется под угрозой понижения в должности. Характер у комиссара был жесткий, а прежние успехи Бейли он воспринимал как личное оскорбление.

3

Звали комиссара Уилсон Роф, и пост этот он занимал два с половиной года, сменив Джулиуса Эндерби, когда тот ушел на покой, тихо подав в отставку, едва улегся шум из-за убийства космонавта.

Бейли никак не удавалось приспособиться к этой перемене. Джулиус при всех его недостатках был не просто начальником, но и другом. Роф же оставался только начальником. И он даже не был уроженцем Города. Его перевели откуда-то из другой системы.

Роф был не очень высок и не очень толст. Но его голова выглядела несоразмерно большой, а шея — чуть выдвинутой вперед. В результате он производил впечатление тяжести — тяжелая голова, словно набрякшие от тяжести веки, всегда полузакрывавшие глаза. Из-за этого он казался сонным, что не мешало ему подмечать каждую мелочь, в чем Бейли не замедлил убедиться, едва Роф пришел в управление. Он не строил иллюзий, что Роф испытывает к нему хоть какую-то симпатию, и в любом случае сам к нему ни малейшей симпатии не питал.

В голосе Рофа, всегда ровном, не проскользнуло ни единой раздраженной ноты, но слова были далеко не теплыми.

— Бейли, почему вас так трудно разыскать? — начал он.

Бейли ответил с надлежащей долей почтительности:

— У меня свободный день, комиссар.

— Ах да! Ваша привилегия эс-семь. Но вы знаете, что такое волновик, не так ли? Прибор для трансляции официальных распоряжений? Даже в ваше свободное время вы обязаны являться по вызову.

— Мне это известно, комиссар, но пункт об обязательном ношении волновика из инструкций исключен. С нами можно связаться и без него.

— В пределах Города. Но вы же были во Вне? Или я ошибаюсь?

— Вы не ошибаетесь, комиссар. Я был во Вне. Но в инструкциях не указано, что в таких случаях я обязан брать с собой волновик.

— Прячетесь за буквой закона, а?

— Совершенно верно, комиссар, — невозмутимо ответил Бейли.

Комиссар встал — властный, даже грозный — и сел на край стола. Окно во Вне, пробитое при Эндерби, было давно заложено и закрашено. И в замкнутой комнате (ставшей благодаря этому теплее и уютнее) комиссар выглядел огромным. Он сказал, не повышая голоса:

— По-моему, Бейли, вы слишком уж рассчитываете на благодарность Земли.

— Я рассчитываю на то, что исполняю свои обязанности как могу лучше и точно соблюдаю инструкции.

— А когда вольничаете с духом этих инструкций, — то и на благодарность Земли.

Бейли промолчал, и комиссар сказал после паузы:

— Кое-кто считает, что вы отличились в деле об убийстве Сартонa три года назад.

— Благодарю вас, комиссар, — ответил Бейли. — И, если не ошибаюсь, результатом было закрытие Космотауна.

— Совершенно верно. И к большому облегчению Земли. Кое-кто считает также, что вы отличились на

Солярии два года назад. И результатом — я избавляю вас от необходимости произносить лишние слова, — и результатом был пересмотр торговых договоров с космомирами к значительной выгоде Земли.

— Насколько мне известно, все это есть в соответствующих архивных документах.

— А в результате вы — великий герой.

— Ни на что подобное я не претендую.

— После каждого из этих двух дел вы получали повышение, а происшествие на Солярии даже послужило сюжетом для гиперволновой драмы.

— Которую, комиссар, показали без моего разрешения и против моего желания.

— Тем не менее она превратила вас в героя определенного рода.

Бейли пожал плечами.

Комиссар выждал секунду-другую, не скажет ли он что-нибудь, а затем продолжал:

— Но вот уже почти два года вы практически ничего не делаете.

— И у Земли есть право спросить, чем я был ей полезен последнее время.

— Вот именно. И она задает этот вопрос. Известно, что вы — один из зачинателей новейшей моды уходить во Вне, копать в почве и разыгрывать из себя роботов.

— Это разрешено.

— Не все, что разрешено, следует одобрять. Не исключено, что люди считают вас не героем, а больше чудаком.

— Возможно, это согласуется с моим собственным мнением о себе, — сказал Бейли.

— Людская память коротка. Это избитая истина. В вашем случае героическое уже заслонено чудачествами, и вас ждут серьезные неприятности, если вы допустите ошибку. Репутация, на которую вы так уповаете...

— Со всем уважением, комиссар, я на нее не уповаю.

— Репутация, на которую, по мнению департамента полиции, вы уповаете, вас не спасет. И я не смогу вас спасти.

По сумрачному лицу Бейли скользнула тень улыбки.

— Я ни в коем случае не желаю, комиссар, чтобы вы поставили под угрозу свое положение в тщетной попытке спасти меня.

Комиссар пожал плечами и ответил столь же мимо-летней и смутной улыбкой.

— Это вас пусть не тревожит.

— Если так, комиссар, то для чего вы мне все это говорите?

— Предостерегаю вас. Я вовсе не собираюсь с вами разделяться, а потому предупреждаю в первый и последний раз. Вам предстоит участвовать в крайне щекотливом деле, и вы легко можете допустить ошибку. Вот я и предупреждаю вас, чтобы вы ее не допускали. — Тут на его губах появилась несомненная улыбка.

Бейли на нее не ответил.

— Вы не могли бы объяснить мне, в чем заключается это весьма щекотливое дело?

— Это мне неизвестно.

— Оно связано с Авророй?

— Р. Джеронимо приказали в случае необходимости сказать вам это, но сам я ничего не знаю.

— В таком случае почему вы считаете его щекотливым?

— Послушайте, Бейли, разгадывать загадки — ваша специальность. Для чего бы представитель Земного департамента юстиции лично прибыл в наш Город, а не вызвал вас в Вашингтон, как два года назад в связи с инцидентом на Солярии? И почему этот представитель хмурится, раздражается и проявляет все прочие признаки нетерпения, когда вас не удастся разыскать немедленно? Вы постарались, чтобы вас было трудно найти, — серьезная ошибка, за которую я никакой ответственности не несу. Сама по себе она, возможно, и не роковая, но, сдается мне, начинаете вы скверно.

— А вы задерживаете меня еще дольше, — хмуро буркнул Бейли.

— Отнюдь. Представитель департамента сейчас подкрепляется. Вы знаете, что земляне никогда не упускают случая перекусить. И он сам придет сюда, когда кончит. Ему сообщено, что вы здесь, и в данное время вы просто ждете, как жду я.

И Бейли начал ждать, размышляя о том, что снятая против его воли гиперволновая драма, хотя и помогла Земле укрепить позиции, ему в департаменте полиции причинила непоправимый вред. Она выставила его в объемной проекции на плоском фоне департамента, чем наложила на него неизгладимую печать нежелательности.

Его повысили в чине, дали ему больше привилегий, что только усугубило враждебное отношение к нему в департаменте. А чем выше он поднялся, тем сильнее расшибется, если упадет.

Стоит допустить ошибку...

4

Вошел представитель департамента юстиции, небрежно осмотрелся и сел за письменный стол в кресло Рофа. По старшинству в чине. Роф невозмутимо сел сбоку.

Бейли остался стоять, пытаясь скрыть изумление.

Роф мог бы его предупредить, но не счел нужным. И так подбирал слова, что Бейли не догадался.

Департамент юстиции представляла дама.

Но, собственно, почему бы и нет? Женщины могли занимать любые административные посты. Генеральный секретарь мог быть женщиной. Женщины служили в полиции — одна в чине капитана.

Просто без специального предупреждения мужчина подразумевался сам собой. В истории бывали периоды, когда женщин на высоких административных постах оказывалось чуть ли не большинство. Бейли знал это — он вообще хорошо знал историю. Только нынешний период таким не был.

Представительница выглядела очень высокой и сидела в кресле, чопорно выпрямившись. Ее форменный костюм мало отличался от мужского — как и прическа, как и косметика. Ее пол выдавал бюст — две выпуклости, которые она не маскировала.

Лет около сорока, правильные медальные черты лица, зрелая привлекательность, ни проблеска седины в темных волосах.

Она сказала:

— Вы детектив Элайдж Бейли, ранг эс-семь.

Это было утверждение, а не вопрос. Тем не менее Бейли ответил:

— Да, мэм.

— Я младший секретарь Лавиния Демачек. Вы выглядите совершенно не так, как в гиперволновой драме, вам посвященной.

Бейли слышал это далеко не в первый раз.

— Если бы они показали меня таким, какой я на самом деле, то отпугнули бы зрителей, — сухо сказал он.

— Не думаю. У вас куда более волевой вид, чем у актера с детской мордашкой, которого выбрали на вашу роль.

Бейли чуть поколебался и решил рискнуть. А вернее, просто не устоял перед искушением. Он произнес с глубокой серьезностью:

— У вас утонченный вкус, мэм.

Она засмеялась, и Бейли незаметно с облегчением перевел дух.

— Мне лестно это слышать. Но почему вы заставили себя ждать?

— Меня не предупредили, мэм. А у меня был свободный день.

— А свои свободные дни, насколько я поняла, вы проводите во Вне?

— Да, мэм.

— Один из этих чокнутых, как я выразилась бы, не будь мой вкус столь утонченным. А потому я скажу иначе: так вы один из этих энтузиастов?

— Да, мэм.

— Надеетесь со временем эмигрировать и осваивать новые миры в глуши Галактики?

— Возможно, не сам я, мэм. Неизвестно, позволит ли мой возраст...

— Сколько вам лет?

— Сорок пять, мэм.

— Вы так и выглядите. Кстати, мне тоже сорок пять.

— Но вы так не выглядите.

— А как? Моложе или старше? — Она опять засмеялась. — Впрочем, довольно играть словами. В любом случае, по-вашему, я слишком стара, чтобы стать первопроходцем?

— В нашем обществе никто не может стать первопроходцем, не пройдя подготовки во Вне. Молодым она дается легче. Мой сын, я надеюсь, когда-нибудь ступит на поверхность нового мира.

— Вот как! Но, естественно, вам известно, что Галактика принадлежит космическим мирам?

— Их всего пятьдесят, мэм. А в Галактике есть миллионы планет, пригодных для человеческого обитания, где разумная жизнь не развилась. Миллионы, которые можно сделать пригодными.

— Да, но ни один корабль не покинет Землю без разрешения космонитов.

— Разрешения можно добиться, мэм.

— Я не разделяю вашего оптимизма, мистер Бейли.

— Мне доводилось говорить с космонитами, которые...

— Я знаю, — перебила Лавиния Демачек. — Мой начальник, Альберт Минним, два года назад командировал вас на Солярию. — Ее губы чуть-чуть скривились в улыбке. — В гиперволнодраме его коротенькую роль сыграл актер, очень на него похожий, насколько помнится. И, насколько помнится, он был не слишком доволен.

Бейли воспользовался случаем переменить тему:

— Я просил помощника секретаря Миннимма...

— Он получил повышение, вы знаете?

Бейли знал всю важность чинов в иерархии.

— И его новое звание, мэм?

— Вице-секретарь.

— Благодарю вас. Я просил вице-секретаря Миннимма получить для меня разрешение посетить Аврору в связи с этим вопросом.

— Когда?

— Вскоре после моего возвращения с Солярии. С тех пор я дважды возобновлял эту просьбу.

— Но положительного ответа не получили?

— Нет, мэм.

— И вы удивлены?

— Разочарован, мэм.

— Напрасно! — Она чуть-чуть откинулась в кресле. — Наши отношения с космическими мирами очень щекотливы. Возможно, вам кажется, что ваши два рас-

следования несколько снизили напряжение. Так оно и есть. Эта жуткая гиперволнодрама тоже оказала благотворное действие. Но в целом трения уменьшились вот настолько (она сблизила большой и указательный пальцы так, что между ними осталась узенькая щелочка), при вот таком размахе. — И она развела ладони как могла шире.

— В таких обстоятельствах, — продолжала она, — было бы слишком рискованно отпустить вас на Аврору, где те или иные ваши действия могли бы вызвать межзвездный конфликт.

Бейли посмотрел ей прямо в глаза.

— Я был на Солярии, и никаких конфликтов не возникло. Наоборот...

— Знаю. Но вас командировали туда по просьбе космонитов. Просьба же с нашей стороны — это на сто парсеков другое дело, как вы отлично понимаете.

Бейли промолчал. Она неопределенно хмыкнула и продолжала:

— С тех пор как вы подали свои просьбы, а вице-секретарь их проигнорировал (с полным на то основанием), ситуация заметно ухудшилась. Особенно за последний месяц.

— Поэтому мы здесь, мэм?

— Вы теряете терпение, сэр? — иронически произнесла она тоном, каким обращаются к начальству. — И требуете, чтобы я сразу перешла к сути?

— Нет, мэм.

— Требуете, требуете. И что такого? Я излишне многословна. Хорошо, начнем с вопроса. Вам известен доктор Хэн Фастольф?

— Я видел его один раз почти три года назад в тогдашнем Космотауне.

— Если не ошибаюсь, он вам понравился?

— Он держался очень дружелюбно. То есть для космонита.

— Еще бы! — Она снова хмыкнула. — Вам известно, что последние два года он пользовался на Авроре большим политическим влиянием?

— Я слышал, что он вошел в правительство, от... от одного моего бывшего партнера.

— От Р. Дэниела Оливо, косморобота, вашего приятеля?

— Моего бывшего партнера, мэм.

— Когда вы разбирались с маленьким недоразумением между двумя математиками на борту космолета?

Бейли кивнул:

— Да, мэм.

— Как видите, мы следим за событиями. Доктор Хэн Фастольф последние два года был, так сказать, путеводной звездой аврорианского правительства, влиятельнейшей фигурой в законодательном собрании их мира, и его даже прочат в будущие председатели. Председатель в аврорианском обществе, как вы знаете, — это почти аналог главного администратора.

— Да, мэм. — Бейли кивнул, спрашивая себя, когда же она наконец перейдет к крайне щекотливому делу, о котором говорил комиссар.

Но Лавиния Демачек словно не торопилась.

— Фастольф, — продолжала она, — принадлежит к... э... умеренным. Так он себя называет. Он считает, что Аврора — и вообще космомиры — ушли по своему пути слишком уж далеко. Как, возможно, считаете вы, что мы здесь на Земле слишком уж далеко ушли по нашему пути. Он хотел бы снизить степень роботизации, вернуться к союзу и дружбе с Землей. Естественно, мы его поддерживаем... но втихомолку. Если мы выразим свое отношение открыто, для него это может обернуться смертным приговором.

— По-моему, — сказал Бейли, — он поддержит намерение Земли исследовать и заселять новые миры.

— Я тоже так полагаю. И, по-моему, он вам говорил об этом прямо.

— Да, мэм. В ту нашу встречу.

Лавиния Демачек сложила ладони и уперлась подбородком в кончики пальцев.

— Как вам кажется, он выражает общее мнение космомиров?

— Не знаю, мэм.

— Боюсь, что нет. Его сторонники не слишком рвутся в бой, а против него — легионы бешеных фанатиков. Только политическая искушенность и личное обаяние позволяют ему сохранять его нынешнее политиче-

ское положение. Наиболее уязвим он, естественно, в своих симпатиях к Земле. Из-за них он все время подвергается нападкам, и они отталкивают многих, кто был бы готов следовать за ним во всем остальном. Если бы вас отпустили на Аврору, малейший ваш промах лил бы воду на мельницу противников Земли и, следовательно, ослаблял бы положение доктора Фастольфа. Быть может, непоправимо. Земля просто не имеет права пойти на подобный риск.

— Понимаю, — пробормотал Бейли.

— Сам Фастольф готов рисковать. Именно он устроил вашу командировку на Солярию, когда еще только приобретал политическое влияние и его положение было очень непрочное. С другой стороны, он может потерять только свое положение, мы же обязаны обеспечивать благополучие восьми с лишним миллиардов землян. Именно поэтому нынешняя политическая ситуация до предела щекотлива.

Она замолчала, и в конце концов Бейли был вынужден спросить:

— В чем, собственно, заключается ситуация, мэм?

— Видимо, — ответила Лавиния Демачек, — Фастольф втянут в очень серьезный, просто беспрецедентный скандал. Если у него неостанет ловкости, то почти наверное его ждет политическая гибель в самое ближайшее время. Если же он сверхъестественно умен, то продержится еще несколько месяцев. Но рано или поздно он перестанет быть политической силой на Авроре, а это, как вы легко поймете, для Земли будет подлинной катастрофой.

— Могу ли я спросить, в чем его обвиняют? В коррупции? В государственной измене?

— По сравнению, это все мелочи. Да и его личную честность не подвергают сомнению даже заклятые враги.

— Преступление по страсти? Убийство?

— Своего рода убийство.

— Не понимаю, мэм.

— На Авроре, мистер Бейли, живут люди. А еще на ней есть роботы. В большинстве они на манер наших узко специализированы. Но есть еще горстка человекоподобных роботов. Настолько подобных, что их легко принять за людей.

— Это я знаю по опыту. — Бейли кивнул.

— Так вот, уничтожение человекоподобного робота, на мой взгляд, нельзя назвать убийством в строгом смысле слова.

Бейли шагнул к ней. Глаза у него широко раскрылись. Он почти закричал:

— Иосафат! Хватит играть, женщина! Доктор Фастольф убил Р. Дэниела. Вы это хотите мне сообщить?

Роф вскочил и двинулся к Бейли, но Лавиния Демачек остановила его небрежным жестом. Она сохранила полную невозмутимость.

— Учитывая обстоятельства, я извиняю вашу выходку, Бейли, — сказала она. — Нет, Р. Дэниел убит не был. На Авроре он не единственный человекоподобный робот. Убит был один из них, но не Р. Дэниел — то есть если термин «убит» тут применим. Точнее говоря, его мозг был парализован. Полностью и необратимо.

— И утверждают, будто это сделал доктор Фастольф?

— Да, его враги утверждают именно это. Экстремисты, считающие, что Галактику должны осваивать только космонавты, а землянам следует вообще исчезнуть с лика Вселенной, как говорится. Если они сумеют добиться перевыборов в ближайшие недели, то приобретут в правительстве преобладающее влияние с непредсказуемыми последствиями.

— Не понимаю, каким образом роблок мог приобрести такую политическую важность.

— Точно сказать не могу, — ответила Лавиния Демачек. — В политике Авроры я не очень разбираюсь. Видимо, экстремисты в своих планах отводили человекоподобным роботам какую-то существенную роль, и этот роблок привел их в ярость. — Она наморщила нос. — Их политика ставит меня в тупик, и я только запутаю вас, если начну подыскивать объяснения.

Бейли сделал огромное усилие, чтобы не потерять самообладания под ее въедливым взглядом, и спросил негромко:

— Для чего я здесь?

— Из-за Фастольфа. Вы уже один раз покидали Землю, чтобы расследовать убийство. С успехом. Фастольф хочет, чтобы вы попытались сделать то же те-

перь. Вы отправляетесь на Аврору установить, кто виновен в роблоке. Он считает, что это единственный шанс остановить экстремистов.

— Но я не респсихолог и ничего не знаю об Авроре...

— О Солярии вы тоже ничего не знали, но успеха добились. А главное, Бейли, мы не меньше доктора Фастольфа заинтересованы в установлении истины. Мы не хотим, чтобы он исчез с политической арены. Иначе космоэкстремисты окружают Землю такой стеной враждебности, какой мы и представить себе не можем. Этого допустить нельзя.

— Я не могу взять на себя такую ответственность, мэм. Подобная задача...

— Практически невыполнима. Да, мы это знаем. Но у нас нет выбора. Доктор Фастольф настаивает, а за ним пока еще стоит правительство Авроры. Если вы откажетесь или мы вас не пустим, нам придется испытать всю силу их ярости. Если вы отправитесь туда и преуспеете, мы будем спасены, и вы получите двойное вознаграждение.

— А если я отправлюсь... и потерплю неудачу?

— Мы сделаем все, чтобы вина за нее была возложена на вас лично, а не на Землю.

— Иными словами, администрация спасает свою шкуру.

— Красивей было бы сформулировать, — заметила Лавиния Демачек, — что вас бросают на съедение волкам ради жизненно важных интересов Земли. Один человек — не такая уж большая цена за благополучие планеты.

— Раз меня ожидает верная неудача, так зачем мне вообще туда лететь?

— Пустые слова, — спокойно сказала Лавиния Демачек. — Вас требует Аврора, и вы не можете отказать ей. Да и с какой стати? Вы два года добиваетесь возможности побывать на Авроре и возмущаетесь, что вам не дают разрешения.

— Я хотел побывать там с мирной миссией. Заручиться помощью для освоения новых миров, а не...

— Но что мешает вам попросить у них помощи для осуществления вашей мечты, Бейли, пока вы будете

заниматься расследованием? А если вы сумеете установить истину? Ведь это все-таки не исключается. Фастольф будет вам чрезвычайно обязан и, конечно, сделает для вас куда больше, чем в любом другом случае. И мы тоже будем благодарны вам настолько, чтобы со своей стороны оказать вам содействие. Ради всего этого разве не стоит пойти на риск, пусть и значительный? Даже если ваши шансы на успех малы, они будут равны нулю, останься вы на Земле. Подумайте, Бейли. Только, пожалуйста, не очень долго.

Бейли крепко сжал губы, но он знал, что выбора у него нет, и сказал:

— Сколько времени вы мне даете на...

Лавиния Демачек тут же его перебила:

— Послушайте! Я же объяснила, что альтернативы у нас нет. И времени тоже нет. Вы улетаете... — Она взглянула на охватывавший ее запястье часовой браслет. — Почти через шесть часов.

5

Космодром находился на восточной окраине Города в практически безлюдном секторе, который в сущности был почти Вне. Отчасти это компенсировалось тем, что кассы и залы ожидания были расположены в пределах Города, а к космолету пассажиров доставляли в машине по коридору без окон. Традиционно взлеты производились по ночам, так что полог мрака дополнительно смягчал воздействие Вне.

Космопорт, учитывая населенность Земли, казался довольно тихим. Земляне редко покидали свою планету, а грузовые рейсы обслуживались главным образом космонавтами и роботами.

В ожидании посадки Элайдж Бейли ощущал себя уже отрезанным от Земли.

Рядом с ним сидел Бен. Оба мрачно молчали. Наконец Бен сказал:

— Я так и думал, что мама не захочет тебя проводить.

— Естественно, — Бейли кивнул. — Когда я улетал на Солярию, она расстраивалась не меньше. Никакой разницы.

— Но ты сумел ее успокоить?

— Постарался, насколько мог, Бен. Она убеждена, что космолет погибнет со мной на борту. А если я все-таки доберусь до Авроры, меня обязательно убьют космониты.

— Так ты же вернулся с Солярии!

— Потому-то она вдвойне боится потерять меня. Боится, что вторично удача мне не улыбнется. Ну да ничего, она справится. Но ты ей помоги, Бен. Проводи с ней больше времени и ни в коем случае не упоминай, что подумываешь эмигрировать на какую-нибудь новую планету. Ведь на самом деле именно это ее и угнетает. Она чувствует, что через год-другой расстанется с тобой навсегда. Ей известно, что полететь с тобой она не сможет и, значит, больше тебя никогда не увидит.

— Ведь скорее всего так и будет, — заметил Бен.

— Ты-то примиришься с этим легко, а каково ей? Ну и помалкивай, пока я не вернусь, хорошо?

— Хорошо. Только, по-моему, расстраивается она еще и из-за Глэдии.

Бейли резко вскинул голову:

— С какой стати ты...

— Я ей ни слова не говорил. Но ведь она тоже видела эту гиперволновку и знает, что Глэдия теперь живет на Авроре.

— Ну и что? Аврора — большая планета. По-твоему, Глэдия Дельмар примчится в космопорт встречать меня? Иосафат! Бен, неужели твоя мать не понимает, что эта гиперволновка на девять десятых чистейшая машинная смазка, нашпигованная выдумками?

Бен с явным усилием сменил тему.

— Как-то странно, что ты сидишь здесь совсем без багажа.

— Не совсем. А моя одежда? Не успею я подняться на борт, как ее с меня снимут, обработают химикалиями и вышвырнут в космос. Потом снабдят меня новым гардеробом, но прежде окурят, вычистят и отполируют и снаружи, и внутри. Я уже один раз через это проходил!

Они снова помолчали. Затем Бен сказал:

— Знаешь, пап... — И вдруг осекся. — Он повторил: — Знаешь, пап... — И опять осекся.

Бейли внимательно посмотрел на сына:

— Бен, что ты мне хочешь сказать?

— Пап, я себя чувствую последним дураком, и все-таки, мне кажется, я не должен молчать. Ты ведь не герой. Даже я никогда тебя таким не считал. Ты отличный человек, замечательный отец, но ты не герой.

Бейли буркнул что-то невнятное.

— И все-таки, — продолжал Бен, — как подумать, так это ты убрал с карты Космотаун, это тебе принадлежит идея подготовки к заселению новых миров. Пап, ты сделал для Земли больше, чем все правительство, вместе взятое. Так почему тебя не ценят по заслугам?

— Именно потому, что я не герой, — ответил Бейли. — И еще потому, что мне насильно посвятили идиотскую гиперволновку. Из-за нее полдепартамента меня ненавидит, она травмировала твою мать, а мне навязала репутацию, поддерживать которую я не в силах... — На его радиобраслете замигала лампочка, и он встал. — Ну, мне пора, Бен.

— Ага. Но я хочу сказать, пап, что страшно тебя уважаю. И на этот раз, когда ты вернешься, тебя все оценят по-настоящему, а не я один.

Бейли был глубоко тронут. Он торопливо кивнул, положил руку на плечо сына и пробормотал:

— Спасибо... Береги себя... и маму, пока меня не будет.

Он ушел, не оглянувшись. Бену он объяснил, что летит на Аврору обсудить планы эмиграции. Будь так, он действительно мог бы вернуться с победой. Но...

«Вернусь я с позором, — подумал он. — Если вообще вернусь!»

Глава 2

ДЭНИЕЛ

6

На космолете Бейли летел уже в третий раз, и прошедшие два года не изгладил из его памяти ни единой подробности. Он досконально знал, что его ожидает.

Полная изоляция — к нему никто не подойдет, не заговорит с ним, за исключением разве что робота. Непрерывная медико-санитарная обработка — окуривание и стерилизация (других подходящих слов он просто не находил). Попытка довести до состояния, приемлемого для ипохондричных космонавтов, которые каждого землянина считают рассадником всяческой инфекции.

Впрочем, ждет его и кое-что новое. Прежнего ужаса перед космосом он теперь не испытает. Конечно же, ощущение, будто он беспощадно выброшен из теплой материнской утробы, не достигнет прежней панической степени.

Нет, он готов к восприятию пространства. И, смело заверил он себя, обязательно настоит на том, чтобы ему показали глубины космоса! (Правда, от этой мысли у него в горле поднялся комок.)

Намного ли это зрелище будет отличаться от фотографий, сделанных из Вне?

Ему припомнилось, как он впервые увидел (в безопасности Города, разумеется) ночной небосвод внутри

планетария. Ни малейших неприятных ощущений, никакой иллюзии, будто он очутился во Вне.

А те два... нет, три раза, когда он ночью оказался без крыши над головой и видел подлинные звезды на подлинном небосводе, они ошеломили его даже меньше, чем в планетарии, однако оба раза дул прохладный ветер и возникало ощущение огромных расстояний, вызывавшее в отличие от картин в планетарии знобящий страх, хотя и не такой отчаянный, как днем, — темнота окружала его спасительной стеной.

Будут ли звезды за обзорными иллюминаторами космолета больше напоминать о планетарии или о ночном небе Земли? А может, впечатление окажется совсем иным?

Он сосредоточился на этих мыслях, стараясь забыть, что расстается с Джесси, Беном и Городом.

Из чистой бравады он отказался от машины и короткое расстояние от ворот до космолета прошел пешком в сопровождении присланного за ним робота. В конце концов, идти надо было по закрытой галерее.

Она слегка изгибалась. На повороте он оглянулся на Бена у входа в нее, и небрежно ему помахал, словно отправлялся в Трентон на экспрессуэе. Бен отчаянно замахал в ответ обеими руками, растопырив пальцы в древнем знаке победы.

«Какая уж там победа!» — утрюмо подумал Бейли.

Чтобы отвлечься, он переключился на другую мысль. Каково было бы идти к космолету днем? Металл слепяще сверкает на солнце, а он и все остальные ощущают себя во Вне.

Каково было бы наглядно представить себе, что вот этот крохотный цилиндрический мирок сейчас отделится вместе с тобой от несравненно огромного мира, на котором пребывал лишь временно, и затеряется во Вне, безмерно превосходящем все земные Вне, и отыщет среди бесконечного протяжения Пустоты другой....

Бейли мрачно понуждал себя идти ровным шагом и сохранять внешнюю невозмутимость (во всяком случае так ему казалось). Однако шедший рядом робот внезапно остановил его.

— Вам нехорошо, сэр? (Не «господин», а просто «сэр». Робот с Авроры!)

— Нет, бой, — хрипло ответил Бейли. — Идем!

Но он упорно смотрел в пол и поднял глаза, только когда над ним нависла громада космолета.

Аврорианский космолет!

Сомнений быть не могло. В теплых лучах прожекторов он уходил в высоту, изящный, менее массивный, чем солярианские корабли, но исполненный особой мощи.

Бейли вошел внутрь. И там сравнение оказалось в пользу Авроры.

Каюта была заметно просторнее тех, которые он занимал два года назад, роскошнее и комфортабельнее.

Он точно знал, что предстоит, а потому без колебаний снял всю свою одежду. Возможно, ее просто сожгут в плазменной топке, но в любом случае по возвращении на Землю (если он все-таки вернется) ему ее не отдадут. Как и в первый раз.

Новый костюм он получит только после того, как его вымоют, исследуют, накормят медикаментами и обезопасят всякими инъекциями. Но он почти обрадовался этим принудительным унижительным процедурам. Они отвлекали его от происходящего: он практически не заметил стартового ускорения и толком не осознал момента, когда расстался с Землей и погрузился в космос.

Наконец одевшись, Бейли с тоской оглядел себя в зеркале.

Материал (неизвестно из чего сделанный) был совершенно гладким, глянцевым и менял цвет при каждом движении. Манжеты брючин туго обхватывали лодыжки и в свою очередь обхватывались верхом ботинок, которые мягко приняли форму его ступней. Манжеты блузы плотно прилегли к запястьям, а кисти были обтянуты тонкими прозрачными перчатками. Воротник блузы прилегал к шее и завершался капюшоном, которым при желании можно было укрыть всю голову. Бейли знал, что так его закутали только ради безопасности космонавтов.

Оглядывая этот кокон, он не сомневался, что ему будет жарко, тесно и вдобавок его прошибет пот. Однако никаких неудобств он не испытывал, а главное, кожа у него оставалась совершенно сухой, к великому

его облегчению. Вывод напрашивался сам собой, и Бейли спросил у робота, который проводил его на космолет и все время оставался с ним:

— Бой, этот костюм снабжен терморегулятором?

— Да, сэр, — ответил робот. — Такой костюм рассчитан на любую погоду и считается максимально удобным. Он очень дорогой, и на Авроре далеко не все в состоянии купить его.

— Неужели? Иосафат!

Он уставился на робота. Модель довольно-таки примитивная и мало чем отличается от земных. Если не считать некоторой живости выражения, земным не свойственной. Например, в определенных пределах этот робот обладал мимикой. Он словно бы чуть улыбнулся, когда дал понять, что Бейли бесплатно получил то, что далеко не все аврорианцы могут себе позволить.

Текстура его тела была металлической, но словно бы тканой, что придавало движениям некоторую плавность, и окрашенной в приятно гармонирующие и контрастирующие цвета. Короче говоря, возникало впечатление, что робот, хотя и не человекоподобен, но носит одежду. Лишь внимательно всмотревшись, можно было обнаружить, что это обман зрения.

— Как мне тебя называть, бой? — спросил Бейли.

— Я Жискар, сэр.

— Р. Жискар?

— Если вам угодно, сэр.

— На корабле есть библиотека?

— Да, сэр.

— Ты можешь принести мне книги об Авроре?

— Какие именно, сэр?

— По истории, общественному устройству, географии. Словом, такие, какие помогут мне лучше узнать планету.

— Хорошо, сэр.

— И проектор.

— Хорошо, сэр.

Робот вышел через двойную дверь, и Бейли мрачно кивнул ему вслед. Во время полета на Солярию ему не пришлось в голову воспользоваться неожиданным досугом для пополнения своих знаний. Да, за последние два года он заметно прогрессировал!

Бейли занялся осмотром каюты. Покрутил ручки гиперволновика. В уши ударила оглушительная музыка. В конце концов ему удалось снизить громкость, но все равно слушал он с неодобрением. Дисгармоничное дребезжание. Словно оркестранты не потрудились толком настроить инструменты.

Бейли покрутил ручки, нажал на кнопки и сумел получить изображение. Передавали космофутбольный матч. Игра, естественно, происходила в невесомости. Мяч летел по прямой, а футболисты (непривычно многочисленные, одетые в форму с плавниками на спине, локтях и коленях, видимо, обеспечивающими точность движений) грациозно взлетали наперерез или тихо парили в воздухе. С непривычки у Бейли закружилась голова. Он наклонился, отыскал выключатель, и тут у него за спиной открылась дверь.

Бейли обернулся, ожидая увидеть Р. Жискара, а потому в первый момент сообразил только, что вошел не Р. Жискара. Лишь через несколько секунд он осознал, что перед ним совершенно человеческая фигура. Широкое скуластое лицо, короткие золотистые волосы, гладко зачесанные назад, костюм консервативного покроя и расцветки...

— Иосафат! — придушенно ахнул Бейли.

— Партнер Элайдж! — произнес вошедший и шагнул к нему с легкой улыбкой на губах.

— Дэниел! — вскричал Бейли, сжимая робота в объятиях. — Дэниел!

7

Бейли все не отпускал Дэниела. Против всех ожиданий — кто-то знакомый на корабле! Прочное звено между настоящим и прошлым!

Он цеплялся за Дэниела с невыразимым облегчением и нежностью.

Затем мало-помалу собрался с мыслями и вспомнил, что обнимает не просто Дэниела, но Р. Дэниела — робота Дэниела Оливо. Он тискал робота, а робот слегка его обнимал, позволяя себя тискать, поскольку человеку это, видимо, доставляло удовольствие, терпеливо перенося объятия, так как позитронные связи его мозга

воспрещали ему уклониться от них и тем огорчить человека или смутить его.

Непреодолимый Первый Закон, управляющий роботами, гласит: «Робот не может причинить вред человеку...», а встретить равнодушием изъятие дружбы — значит причинить вред.

Не спеша, стараясь не выдать своей боли, Бейли разжал руки и погладил Дэниела по плечу, чтобы робот ничего не заметил.

— Дэниел, — сказал он, — мы не виделись с тех пор, как ты прилетал на Землю с двумя математиками, помнишь?

— Ну конечно, партнер Элайдж. Увидеть вас — большая радость.

— Так ты испытываешь эмоции? — небрежно спросил Бейли.

— Человеческими терминами определить мое состояние невозможно, партнер Элайдж. Однако когда я вас вижу, мне словно бы легче думается, а сила тяжести как будто уменьшается, слабее воздействует на мое восприятие окружающего. Я замечаю еще многое в том же роде. И мне кажется, все это в определенной мере аналогично тому, что испытываете вы, чувствуя радость.

Бейли кивнул:

— Можно обойтись без точных определений, старина. Раз такое состояние тебя устраивает больше того, в котором ты находился, пока не увидел меня, мне этого достаточно. Понимаешь? Но откуда ты взялся?

— Жискар Ревентлов доложил, что вы прошли...

— ...очищение? — иронически вставил Бейли.

— ...дезинфекцию, — закончил Дэниел. — И я счел, что могу войти.

— Неужто до этого ты опасался инфекции?

— Конечно, нет, партнер Элайдж. Но тогда многие на корабле не захотели бы, чтобы я к ним приближался. Возможность заражения настолько пугает жителей Авроры, что они неспособны логично оценить, насколько это маловероятно.

— Ах так! Но я спросил не о том, почему ты здесь сейчас, а о том, почему ты вообще здесь.

— Доктор Фастольф, к чьему дому я принадлежу, распорядился, чтобы я отправился на посланном за вами

космолете по нескольким причинам. Он считает желательным, чтобы вы незамедлительно узнали некоторые факты, связанные с вашей трудной, как он опасается, миссией.

— Это большая любезность. Я благодарю его.

Р. Дэниел признательно поклонился.

— Далее, доктор Фастольф считал, что эта встреча доставит мне... — робот помолчал, — ...адекватные ощущения.

— Радость? Ты это хочешь сказать, Дэниел?

— Если мне уместно воспользоваться этим термином, то да. И третья причина, самая важная...

Дверь отворилась, и вошел Р. Жискар.

Бейли обернулся, и на него нахлынуло раздражение. Р. Жискар был типичным роботом, и его присутствие каким-то образом подчеркивало роботство Дэниела («Р. Дэниела», — внезапно подумал Бейли), хотя Дэниел неизмеримо превосходил его во всех отношениях. А Бейли не желал замечать роботство Дэниела, не желал стыдиться упрямства, с каким он воспринимал Дэниела как человека, настоящего человека, несколько педантичного в манере выражаться. Он нетерпеливо спросил:

— Что тебе, бой?

— Я принес фильмокниги, сэр, — ответил Р. Жискар. — Как вы пожелали. И проектор.

— Ну так положи их. Вот сюда. И можешь идти. Со мной останется Дэниел.

— Хорошо, сэр. — Глаза робота (чуть-чуть светившиеся в отличие от глаз Дэниела, отметил про себя Бейли) быстро обратились на Р. Дэниела, словно ожидая распоряжений высшего существа.

Р. Дэниел сказал негромко:

— Друг Жискар, наилучшим будет остаться возле двери с той ее стороны.

— Я так и сделаю, друг Дэниел, — ответил Р. Жискар.

Он вышел, а Бейли сказал сердито:

— Зачем ему оставаться у двери? Я что, здесь в заключении?

— Только в том смысле, — ответил Дэниел, — что в пути вам не полагается встречаться с членами экипажа. Но Жискар здесь не по этой причине... Прежде

мне следует сказать вам, партнер Элайдж, что будет лучше, если вы не станете называть Жискара — или любого другого робота — боем.

Бейли нахмурился:

— Его задевает, когда к нему обращаются так?

— Никакой поступок человека не может задеть Жискара. Просто на Авроре обращение «бой» к роботу исчезло из употребления, и нежелательно, чтобы между вами и аврорианцами возникли трения из-за того, что вы непреднамеренно подчеркнули бы место своего происхождения, прибегнув к идиоме, без которой можно обойтись.

— Ну и как мне к нему обращаться?

— Как вы обращаетесь ко мне. Называйте его определенное имя. В конце концов, это просто набор звуков, обозначающий того, с кем вы говорите, так почему один набор должен быть предпочтительнее другого? Простая условность. И еще. На Авроре не принято упоминать инициал Р., кроме сугубо официальных случаев, когда робота необходимо назвать полным именем, хотя в последнее время инициал начали опускать и в этих случаях.

— При таком положении вещей, Дэниел (Бейли с трудом подавил внезапное желание сказать «Р. Дэниел»), как вы различаете роботов и людей?

— Различие чаще всего самоочевидно, партнер Элайдж, и нет нужды всякий раз вновь его подчеркивать. Во всяком случае, такова точка зрения Авроры, а поскольку вы заказали Жискару фильмокнижки про Аврору, я заключил, что вы намерены ознакомиться с обычаями и правилами поведения аврорианцев для облегчения взятой на себя задачи.

— Навязанной мне задачи. Остальное верно. А что, если различие между роботом и человеком не самоочевидно, Дэниел? Вот, например, ты сам.

— Но для чего проводить это различие, пока ситуация того не требует?

Бейли глубоко вздохнул. Теперь еще надо приспосабливаться к аврорианской причуде делать вид, будто роботов не существует.

Он спросил:

— Но если Р... Если Жискар тут не потому, что я под арестом, зачем ему стоять у двери?

— Таковы инструкции доктора Фастольфа, партнер Элайдж. Жискар охраняет вас.

— Охраняет? Меня? От чего или от кого?

— Доктор Фастольф не был конкретен, партнер Элайдж. Но поскольку человеческие страсти разбушевались из-за Джендера Пэнелла...

— Кто такой Джендер Пэнелл?

— Робот, чьей полезности был положен конец.

— То есть робот, который был убит?

— «Убит», партнер Элайдж, — это термин, обычно к роботам не прилагаемый, а только к людям.

— Но на Авроре же избегают проводить различия между людьми и роботами, разве нет?

— Да, конечно. Но в данном случае потери функциональности, насколько мне известно, вопроса о различиях не вставало, как и об их отсутствии. Какие тут действуют правила, я не знаю.

Бейли задумался. Конечно, мелочь, чисто семантический момент. Но ведь он решил проникнуть в аврорианский образ мышления. Иначе у него заведомо ничего не получится. И он сказал медленно:

— Функционирующий человек — это живой человек. Если его жизнь обрывается насильственно в результате преднамеренных действий другого человека, мы говорим «убийство». Или «лишение жизни», если действия были непреднамеренными. Можно также сказать во втором случае «убийство по неосторожности». Однако человек, увидев, как жизнь другого человека обрывают насильно, закричит: «Убийство!», не разбираясь, преднамеренно это или нет. Тут не до юридических тонкостей.

— Я не разобрался в различиях, которые вы проводите, партнер Элайдж. Поскольку термины «убийство» и «непреднамеренное убийство», оно же «лишение жизни», равно означают насильственное прекращение существования человека, они должны быть взаимозаменяемыми. Так в чем различие?

— Термин «убийство» без дополнительного определения более эффективен. Он заставит похолодеть людей, которые его слышат. А «непреднамеренное убий-

ство» или «лишение жизни» никто вообще кричать не станет.

— Но почему?

— Причина в ассоциациях, в контексте. Воздействует не словарное значение, а стоящий за ним образ. Различие в подразумеваемых условиях и обстановке.

— В моей программе ничего об этом нет, — сказал Дэниел, и Бейли вдруг почудились обертона беспомощности в его бесцветных интонациях, всегда бесцветных, о чем бы он ни говорил.

— Ты согласишься мне на слово, Дэниел? — спросил он.

— Ну конечно, — ответил Дэниел мгновенно, как будто ему сообщили решение задачи, поставившей его в тупик.

— Следовательно, мы можем сказать, что функционирующий робот — это живой робот, — продолжал Бейли. — Далеко не все согласятся с таким расширением этого понятия, но у нас есть право выбирать определения, нам полезные. Функционирующего робота удобно воспринимать как живого, и попытка изобрести новый термин, лишь бы избежать употребления привычного, привела бы только к ненужным помехам. Ведь ты живой, Дэниел, верно?

— Я функционирую, — четко и раздельно произнес Дэниел.

— Ну послушай! Если мы говорим «живые» о белках, жуках, деревьях и даже травинках, почему нельзя сказать «живой» про тебя? Мне в голову не придет сказать — или подумать, — что я живой, а ты всего лишь функционирующий. И уж тем более на Авроре, где мне надо следить за собой, чтобы не проводить ненужных различий между людьми и роботами. Поэтому я говорю тебе, что мы оба живые, и прошу поверить мне на слово.

— Хорошо, партнер Элайдж.

— Но можем ли мы тем не менее сказать, что сознательное насильственное действие со стороны человека, обрывающее жизнь робота, — это убийство? Тут есть повод для сомнений. Если преступление одно, то одной должна быть и кара. Но будет ли это справедливо? Если кара за убийство человека — смерть, сле-

дует ли казнить человека, который прервал существование робота?

— За убийство, партнер Элайдж, человек подвергается психозондированию и реконструкции личности. Преступление совершила личностная структура сознания, а не живущее тело.

— А как на Авроре карается насильственное действие, кладущее конец функционированию робота?

— Не знаю, партнер Элайдж. Насколько мне известно, такого случая на Авроре до сих пор не было.

— Думается, за это стиранием личности не карают, — заметил Бейли. — Так, может, робийство?

— Робийство?

— В качестве термина, подразумевающего сознательное уничтожение робота.

— Ну а глагол от этого существительного, партнер Элайдж? Не говорят же «убийствовать» и, значит, нельзя сказать «робийствовать».

— Ты прав. В обоих случаях придется сказать «совершить убийство».

— Но «убийство» относится только к людям. Например, нельзя совершить убийство животного.

— Верно, — сказал Бейли. — И даже если убить человека случайно, это не будет убийство в строгом смысле слова. Оно всегда подразумевает преднамеренность. Более общим будет «убить» в смысле «лишить жизни». Этот глагол употребляется, когда речь идет не только о сознательном убийстве, но и о несчастном случае. Он применим и к людям, и к животным. Даже дерево может быть убито болезнью, так почему же не может быть убит и робот, а, Дэниел?

— Люди, и животные, и растения, партнер Элайдж, — это живые существа, — ответил Дэниел. — А робот — такое же изделие человеческих рук, как вот этот проектор. Изделия же «уничтожают», «портят», «разбирают» и так далее, но не убивают.

— И все-таки, Дэниел, я предпочитаю слово «убить». Джэндер Пэнелл был убит.

— Каким образом замена одного слова другим может сделать другим то, что это слово обозначает? — спросил Дэниел.

— «То, что зовется розой, и под иным названием будет благоухать все так же». Ты это имеешь в виду, Дэниел? Благоухание розы?

Дэниел помолчал, а затем сказал:

— Я не вполне уверен, что именно подразумевается под «благоуханием розы». Но если роза на Земле — это тот же цветок, который называют розой на Авроре, а под благоуханием вы подразумеваете свойство, которое люди способны обнаружить, ощутить или измерить, то, разумеется, обозначение розы иной комбинацией звуков при сохранении всех остальных отличий не повлияет на ее благоухание или на любое другое из присущих ей свойств.

— Верно. Хотя, когда речь идет о людях, изменение названия порой приводит к изменению восприятия.

— Каким образом, партнер Элайдж?

— Видишь ли, люди часто бывают нелогичными, Дэниел. Отнюдь не похвальная черта характера.

Бейли погрузился в кресло поглубже и начал настраивать проектор, чтобы дать себе несколько минут на размышление. Разговор с Дэниелом был полезен сам по себе. Играя со смысловыми оттенками слов, он сумел забыть, что находится в космосе, что космолет стремительно удаляется от центра масс Солнечной системы, готовясь к Прыжку через гиперпространство. Сумел забыть, что вскоре между ним и Землей пролягут миллионы километров, а затем и несколько световых лет.

А еще важнее было то, что разговор этот подсказывал несколько практических выводов. Все утверждения Дэниела, будто аврорианцы не проводят различия между людьми и роботами, явно не слишком строго соответствовали истине. Пусть аврорианцы либерально убрали инициал Р., отказались от обращения «бой» и некоторых других формальных моментов, но упорное нежелание Дэниела пользоваться одним словом для обозначения насильственного уничтожения робота и человека (нежелание, заложенное в его программу, в свою очередь показывающую, какого поведения ждут от него аврорианцы) наталкивало на категорическое заключение, что все перемены остаются чисто внешними. По сути аврорианцы не меньше землян убеждены, что робот — машина и стоит неизмеримо ниже человека.

А это означало, что решение навязанной ему головоломки (если оно вообще достижимо) не будет осложнено неверным представлением хотя бы об одном аспекте человеческого общества Авроры.

Бейли взвесил, не расспросить ли Жискара для проверки, насколько правильные выводы он сделал из разговора с Дэниелом, и тут же отказался от этой мысли. Прямолинейное, свободное от тонкостей сознание Жискара ничего полезного в этом смысле не сулило.

— Дэниел, — сказал он, — давай-ка рассмотрим случившееся с Джендером Пэнеллом, то есть, насколько я понял из твоих слов, первое робийство на Авроре. Человек, чьих рук это дело, — то есть убийца — видимо, остался неизвестным.

— Если, — ответил Дэниел, — предположить, что это сделал человек, то да, его личность неизвестна. В этом вы правы, партнер Элайдж.

— Ну а побудительная причина? Почему Джендер Пэнелл был убит?

— Она тоже неизвестна.

— Но Джендер Пэнелл был человекоподобным роботом, таким, как ты, а не как, например, Р. Жи... Жискар, хотел я сказать.

— Да. Джендер был таким же человекоподобным роботом, как и я.

— В таком случае это, возможно, вообще не робийство.

— Я не понял, партнер Элайдж.

Бейли сказал с легким раздражением:

— Что, если убивший принял Джендера за человека? И произошло не робийство, а убийство?

После паузы Дэниел покачал головой:

— Человекоподобные роботы внешне очень сходны с людьми. Вплоть до волосков и пор на нашей коже. Голоса у нас безупречно естественные, мы способны точно воспроизводить процесс поглощения пищи и так далее. Но в нашем поведении есть заметные отличия. Возможно, в дальнейшем технические усовершенствования позволят устранить большинство из них, но пока они многочисленны. Вам и другим землянам, не привыкшим к человекоподобным роботам, эти отличия не бросаются в глаза, но уроженец Авроры замечает их сразу.

Ни один аврорианец не принял бы Джэндера — как и меня — за человека. Ни на секунду.

— Ну а космонит с другой планеты мог бы так ошибиться?

— Не думаю, — колебавшись, ответил Дэниел. — Вывод этот я сделал не из личных наблюдений, он не заложен в моей программе прямо. Однако она позволяет мне заключить, что на всех космомирах роботов знают не хуже, чем на Авроре, а на некоторых — на Солярии, например, — так даже еще лучше. А это дает мне основание заключить, что любой космонит сразу же заметит различие между человеком и роботом.

— А на других мирах есть человекоподобные роботы?

— Нет, партнер Элайдж. Пока они есть только на Авроре.

— В таком случае остальные космониты знают человекоподобных роботов не так уж хорошо и вполне могут не заметить их отличий от людей.

— Вероятность очень мала. Даже человекоподобные роботы обладают четкими отличиями, которых космонит не может не распознать.

— Но ведь есть же не очень умные космониты, менее опытные, менее зрелые. Ну и просто дети, наконец!

— Партнер Элайдж, это... это робийство неумный, неопытный или не вышедший из детства человек совершить не мог. Подобное совершенно исключено.

— Мы ограничиваем круг подозреваемых. Отлично. Итак, ни один космонит не мог бы допустить такой ошибки. Ну а землянин? Ведь...

— Партнер Элайдж, когда вы высадитесь на Авроре, то станете первым землянином, ступившим на ее почву по завершении периода заселения планеты. Все ныне живущие аврорианцы родились либо на Авроре, либо на других космомирах, но последних довольно мало.

— Первый землянин! — пробормотал Бейли. — Я польщен. Но не мог ли землянин попасть на Аврору тайно?

— Нет! — ответил Дэниел категорично.

— Но, Дэниел, возможно, твои сведения не полны.

— Нет! — Это было сказано с той же категоричностью.

— В таком случае, — Бейли пожал плечами, — остается предположить, что робийство было именно робийством и ничем иным.

— Таков был вывод с самого начала.

— Пришедшие к такому выводу аврорианцы с самого начала располагали всей полнотой информации, а я только сейчас узнаю кое-что.

— Партнер Элайдж, мои слова не несли в себе уничижительного оттенка. Мне ли ставить под сомнение ваши способности!

— Спасибо, Дэниел. И я знал, что в твоих словах не было насмешки. Но до этого ты сказал, что данное робийство не мог совершить кто-либо неумный, неопытный или не вышедший из детства, что подобное абсолютно исключено. Давай рассмотрим твоё утверждение...

Бейли знал, что выбирает окольный путь, но иного выхода не было. Он не осведомлен в обычаях аврорианцев, образ их мышления ему еще непонятен, а потому строить гипотезы и идти напролом пока рано. Примени он такую тактику к мало-мальски умному человеку, тот вскоре вскипел бы и сам все выложил бы, а вдобавок считал бы Бейли круглым идиотом. Но Дэниел будет следовать за ним по этой извилистой дороге с неистощимым терпением.

Одно из свойств, выдающих в нем робота вопреки его человекоподобию. Аврорианец определил бы, кто он такой, по ответу на первый же свой вопрос. Дэниел был совершенно прав, когда говорил о тонкости различий.

— Далее, — продолжал Бейли, — всех детей, а также, пожалуй, большинство женщин и многих мужчин можно исключить, исходя из предположения, что способ робийства требовал значительной силы — если голова Джэндера, например, была разбита сокрушительным ударом или ему расплющили в лепешку грудную клетку. Сделать это, на мой взгляд, мог бы только человек могучего телосложения.

По сведениям, которые Бейли получил на Земле от Лавинии Демачек, робийство было совершено иначе, но ведь ее могли сознательно дезинформировать.

— Никакому человеку это было бы не под силу, — сказал Дэниел.

— Почему?

— Партнер Элайдж, вы же знаете, что скелет робота сделан из металла, несравнимо более прочного, чем человеческие кости. Для движений у нас выделяется больше энергии, они стремительнее, более четко контролируются. Третий Закон гласит: «Робот должен заботиться о своей безопасности». Нападение человека было бы предотвращено без малейшего труда. Самого сильного человека можно мгновенно обездвигнуть. А вероятность, что робот будет застигнут врасплох, крайне мала. Присутствие человека мы определяем сразу же, иначе мы не могли бы выполнять свои функции.

— Ну послушай, Дэниел! — сказал Бейли с досадой. — Третий-то Закон гласит не совсем то! «Робот должен заботиться о своей безопасности в той мере, в какой это не противоречит Первому и Второму Законам». Второй Закон гласит: «Робот должен повиноваться всем приказам, которые дает человек, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому Закону». Ну и Первый Закон: «Робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред». Человек может приказать, чтобы робот себя уничтожил, и робот использует собственную силу, чтобы разбить собственный череп. А если человек нападет на робота, тот не сможет предотвратить нападения, не причинив человеку вреда. А это будет нарушением Первого Закона.

— Вы, мне кажется, думаете о земных роботах, — сказал Дэниел. — На Авроре (и на любом космомире) роботов ценят выше, чем на Земле, и в целом они сложнее, многостороннее и стоят дороже. Третий Закон заметно сильнее в сравнении со Вторым, чем на Земле. На любом космомире приказ самоуничтожиться будет подвергнут анализу и выполнен, только если причина окажется достаточно веской — наличие явной и неотвратимой опасности. А при отвращении нападения Первый Закон нарушен не будет. Аврорианские роботы очень умелы и способны обездвигнуть человека, не причинив ему ни малейшего вреда.

— Ну а если человек будет настаивать, что неминуемо погибнет, если он — робот — себя не уничтожит? Неужели робот и тогда не подчинится?

— Аврорианский робот безусловно усомнится в таком утверждении, если оно будет голословным. Ему потребуются четкие доказательства того, что в противном случае человеку действительно угрожает гибель.

— А если человек достаточно хитер и подстроит так, что роботу представится, будто опасность реальна и очень велика? Именно такая находчивость и заставляет тебя исключить неумных, неопытных и не вышедших из детства?

— Нет, партнер Элайдж, не она.

— В моих рассуждениях допущена ошибка?

— Нет.

— Следовательно, ошибочно мое предположение, что ему были нанесены физические повреждения. На самом деле физически он цел и невредим?

— Да, партнер Элайдж.

То есть сведения Лавинии Демачек были верными, подумал Бейли.

— Значит, Дэниел, робийство было психическим. Роблок! Полный и необратимый.

— Роблок?

— Упрощение термина «роботоблок», означающего перманентное отключение позитронных связей.

— На Авроре слово «роблок», партнер Элайдж, не употребляется.

— А как это называется у вас?

— Мы говорим «умственная заморозка».

— Два способа описать одно явление.

— Возможно, партнер Элайдж, разумнее будет пользоваться нашим, или ваши собеседники аврорианцы вас не поймут, и в разговоре возникнут затруднения. Вы недавно сами сказали, что разница в словах имеет значение.

— Ладно. Буду говорить «умственная заморозка». А она может наступить мгновенно?

— Да. Но робопсихологи считают, что шансы на это крайне малы. Как человекоподобный робот могу сообщить, что ни разу не испытал ничего, хотя бы отдаленно напоминающего умственную заморозку.

— Следовательно, остается предположить, что какой-то человек сознательно создал ситуацию, ведущую к умственной заморозке.

— Именно это утверждают противники доктора Фастольфа, партнер Элайдж.

— А поскольку для этого требуется практическое владение робопсихологией, опыт и умение, неумные, неопытные и не вышедшие из детства автоматически исключаются.

— Абсолютно логичный вывод, партнер Элайдж.

— И открывается возможность составить точный список аврорианцев с достаточной квалификацией, тем самым очертив группу подозреваемых, вряд ли очень многочисленную.

— Это было сделано, партнер Элайдж.

— Так сколько имен в этом списке?

— В самом подробном из предложенных — одно.

— Только одно имя?! — сердито крикнул Бейли, нахмутив брови.

— Только одно имя, партнер Элайдж, — негромко сказал Дэниел. — Это вывод доктора Хэна Фастольфа, крупнейшего теоретика в области робопсихологии на Авроре.

— Так где же тут тайна? Чье это имя?

— Доктора Хэна Фастольфа, естественно, — ответил Дэниел. — Я же только сейчас сказал, что он крупнейший теоретик в области робопсихологии на Авроре, и согласно профессиональному заключению доктора Фастольфа, только он один на Авроре был бы способен довести Джендера Пэнелла до полной умственной заморозки без каких-либо следов того, как это было достигнуто. Однако доктор Фастольф, кроме того, утверждает, что он этого не делал.

— Но никто другой сделать этого не мог?

— Вот именно, партнер Элайдж. В этом и заключается тайна.

— Ну а если доктор Фастольф... — Бейли умолк. Какой смысл спрашивать Дэниела, не мог ли доктор Фастольф солгать, допустить неточность либо в заключении, что кроме него ни у кого на это не достало бы квалификации, либо в утверждении, что сам он этого не делал. Дэниел запрограммирован Фастольфом, и програм-

ма просто не может включать способность усомниться в программирующем.

А потому Бейли ограничился тем, что сказал со всей доступной ему мягкостью:

— Я все это обдумую, Дэниел, и мы снова поговорим.

— Очень хорошо, партнер Элайдж. Да и наступило время сна. Поскольку на Авроре у вас будет очень много дела и вы не сможете придерживаться правильного режима, разумнее будет использовать возможность спать в полную меру. Я покажу вам, как раскрыть кровать и застелить ее.

— Спасибо, Дэниел, — буркнул Бейли, не сомневаясь, что заснуть ему не удастся. Его послали на Аврору, только чтобы доказать, что Фастольф не виновен в робийстве. Успешное достижение этой цели укрепило бы позиции Земли, а также (пусть и не по такому большому счету, но лично для него очень важному) поспособствовало бы дальнейшей его карьере. И вот еще на полпути к Авроре выясняется, что Фастольф практически признал себя преступником.

8

Бейли все-таки заснул, после того как Дэниел посоветовал ему снизить напряженность поля, обеспечивающего псевдотяготение. Это не было истинной антигравитацией и требовало такого количества энергии, что подобное понижение допускалось лишь на ограниченный срок в строго определенных условиях.

Дэниел не был запрограммирован для того, чтобы объяснить суть процесса. Впрочем, Бейли не сомневался, что никаких объяснений он все равно не понял бы. К счастью, включать и регулировать можно было и не разбираясь в принципах устройства.

— Снизить напряженность до нуля невозможно, — сообщил Дэниел. — Во всяком случае, с помощью этого аппарата. Да и в любом случае сон в условиях нуль-тяготения чреват рядом неудобств, особенно для тех, кто не привык к космическим полетам. Снизить ее надо ровно настолько, чтобы, не ощущая веса своего тела, сохранять ощущение верха и низа. Степень сни-

жения для разных людей разная. Большинство предпочитает максимум, предлагаемый аппаратом, но в первый раз вам, наверное, будет приятнее более высокая напряженность, позволяющая сохранить в определенной мере привычное ощущение собственной тяжести. Просто испытайте разные уровни и выберите наиболее вам приятный.

Увлечшись новизной ощущений, Бейли обнаружил, что проблема Фастольфа — его утверждение и отрицание — исчезает из его мыслей одновременно с тем, как на него накатывает сонливость. Видимо, это были две стороны одного процесса.

Ему приснилось, что он снова на Земле (естественно!) и едет на экспрессуэе, но не сидит, а словно парит над скоростной полосой над самыми головами движущихся людей, чуть-чуть их обгоняя. Никто из них словно не удивлялся, никто не оборачивался на него. Состояние было удивительно приятным, и, проснувшись, он пожалел, что оно не продлилось.

Утром после завтрака...

Но утро ли это? Бывает ли в космосе утро или другое время суток? Нет, конечно. Поразмыслив, он пришел к выводу, что «утро» следует определять как время, следующее сразу за пробуждением, а «завтрак» — как пищу, съедаемую в этот отрезок времени; вести же счет времени вообще не надо, так как оно объективного значения не имеет — во всяком случае для него, если не для экипажа.

Итак, утром после завтрака он просмотрел принесенные ему листы с новостями, убедился, что робийство на Авроре в них не упомянуто, и взялся за фильмокниги, которые накануне (в предыдущее бдение?) ему принес Жискар.

Он выбрал исторические — судя по названиям — и, бегло проглядев несколько, пришел к выводу, что Жискар снабдил его литературой, предназначенной для подростков. Множество иллюстраций и упрощенный текст. Ах так вот как Жискар определил его интеллектуальный уровень? Или же полагал, что точно выполняет его заказ? Бейли подумал, подумал и решил, что Жискар по своей позитронной простоте сделал совсем

недурной выбор, и вовсе незачем выискивать тут скрытую насмешку.

Бейли расположился поудобнее и сосредоточился. Вскоре он заметил, что Дэниел смотрит фильмокниги вместе с ним. Из любопытства? Или просто чтобы дать занятие глазам?

Дэниел ни разу не попросил повторить страницу. И не задал ни единого вопроса. Возможно, он воспринимал все, что читал, с доверчивостью робота, не позволяя себе роскоши вроде сомнений или любопытства.

Бейли в свою очередь не задавал Дэниелу никаких вопросов по содержанию книг, хотя и осведомился у него, как включить аврорианский проектор, устройства которого не знал.

Иногда Бейли отрывался от проектора и посещал примыкавшее к его каюте маленькое помещение, которое служило для удовлетворения различных физиологических потребностей личного характера — настолько, что оно называлось «Личная» и помечалось заглавной буквой «Л» и на Земле, и — как Бейли понял из слов Дэниела — на Авроре. Тут места в нем хватало лишь на одного человека, что стесняло уроженца Города, привыкшего к длинным рядам уриалов, экскрементсидений, раковин и душей.

Просматривая фильмокниги, Бейли не старался запоминать детали. Он не собирался стать специалистом по аврорианскому обществу или хотя бы набраться сведений в школьном объеме. Нет, он просто хотел ощутить дух этого общества.

Например, вопреки житийному тону, присущему всякой исторической литературе, предназначенной для подростков, он убедился, что первопроходцы на Авроре — отцы-основатели, пионеры, — явившиеся с Земли осваивать Аврору в раннюю эпоху космических полетов, были землянами в полном смысле этого слова. Их политика, свары, все аспекты их поведения были законченно земными. То, что тогда происходило на Авроре, напоминало заселение относительно пустынных областей Земли за два-три тысячелетия до описываемых событий.

Естественно, аврорианцам не пришлось столкнуться и вести войну с разумными существами, с мыслящими

аборигенами, и этических проблем гуманизма и беспощадной жестокости у пришельцев с Земли не возникало. Собственно, жизни как таковой на Авроре вообще почти не было, а потому люди, их культурные растения, их животные, а также паразиты и микроорганизмы, захваченные ими нечаянно, быстро освоили планету. Ну и, конечно, первопоселенцы привезли с собой роботов.

Первые аврорианцы быстро почувствовали, что планета принадлежит им, тем более что завладели ею, ни с кем не соперничая. И вначале называли ее Новой Землей. Вполне естественно: ведь она была первой планетой вне Солнечной системы — первым космосом, — где поселились люди. Первый практический плод межзвездных полетов, первый проблеск зари чудесной новой эры. Правда, они очень скоро обрезали пуповину и назвали планету «Аврора» в честь римской богини зари.

Мир Зари! Вот так поселенцы практически с самого начала сознательно объявили себя праотцами обновленного человечества. Прежде его история являла собой темную Ночь, и только для аврорианцев на их новой планете наконец-то занялся новый День.

Это великое свершение, это упоенное самовосхваление давало себя чувствовать во всех частностях, оно отражалось в именах и праздниках, в различиях победителей и неудачников. В нем заключалась вся суть.

Началось заселение других миров — одних с Землей, других с Авроры, — но Бейли не задерживался на этих и других частных подробностях. Его интересовали более широкие мазки, и он обнаружил две кардинальные перемены, еще больше столкнувшие аврорианцев с их былой земной орбиты: нарастающее включение роботов во все стороны жизни общества и, во-вторых, увеличение среднего срока человеческой жизни.

Чем технически совершеннее и разностороннее становились роботы, тем больше полагались на них аврорианцы. Но не в ущерб своей самостоятельности. Ничего общего с той полной зависимостью, с какой Бейли столкнулся на Солярии, где горстка людей нежилась в теплом коконе, сплетенном и обслуживаемом множеством роботов. На Авроре роль роботов была иной.

И все-таки зависимость возникла.

Интуитивно нащупывая какую-то общую тенденцию, Бейли обнаружил, что каждая ступень во взаимоотношении человек—робот словно бы зависела от зависимости. Даже то, как права роботов стали общепризнанными, — постепенный отказ от того, что Дэниел назвал бы «ненужными различиями», — было симптомом зависимости. На взгляд Бейли, более гуманная позиция аврорианцев объяснялась не внутренней потребностью, но лишь помогала маскировать искусственную природу роботов и рождалась из желания избавиться от неприятной необходимости открыто признать тот факт, что люди зависят от неодушевленных предметов, снабженных искусственным интеллектом.

Продлению же срока жизни сопутствовало замедление исторического развития. Взлеты и падения выравнивались. Росло неприятие резких перемен, росло всеобщее согласие.

Во всяком случае история, с которой он знакомился, становилась все менее интересной и почти уже вызывала зевоту. Тем, из чьих судеб она слагалась, несомненно, жилось хорошо. Ведь история интересна катастрофами, весьма увлекательными на экране проектора, но наводящими ужас на тех, кого они постигают. Вероятно, индивидуальная жизнь продолжала быть интересной для подавляющего большинства аврорианцев, а если общее взаимодействие этих жизней обрело безмятежную устойчивость, кто мог возражать?

Если Мир Зари вступил в тихий солнечный день, кто из обитателей этого мира начал бы требовать бурь?

Наклоняясь над проектором, Бейли вдруг испытал ощущение, не поддававшееся описанию. Словно его на миг вывернули наизнанку, сказал бы он, если бы у него попросили объяснения. Вывернули и за ничтожную долю секунды вернули в нормальное положение.

Произошло это столь мгновенно, что Бейли чуть не прозевал это ощущение, словно просто неожиданно икнул.

Лишь почти через минуту он задним числом осознал, что нечто подобное ему уже довелось почувствовать дважды — когда он летел на Солярию и когда возвращался с этой планеты на Землю.

Это был Прыжок, переброс в гиперпространство, который за вневременной внепространственный интервал перекинул корабль через парсеки, преодолев барьер скорости света, незыблемый для Вселенной. (В словах никакой тайны нет: корабль просто покинул Вселенную и пересек нечто, не ставящее предела скорости. Но вот понятие окружено непроницаемой тайной, ибо описать суть гиперпространства возможно лишь с помощью математических символов, которые еще никому не удавалось преобразовать в нечто удобопонятное.)

Если просто принять факт, что люди научились использовать гиперпространство, не понимая, что именно они используют, то практический результат становился предельно ясен. Корабль находился в нескольких микропарсеках от Земли, а в следующий момент оказался в нескольких микропарсеках от Авроры.

В идеале Прыжок занимал нулевой момент — в буквальном смысле нуль времени — и будь он выполнен безупречно, никакой биологической реакции не возникло бы и возникнуть не могло. Однако по утверждению физиков абсолютная безупречность требовала неограниченной энергии, потому всегда возникал «эффект времени», не вполне равный нулю, но поддающийся сокращению до требуемой малой величины. Именно из-за него возникало непривычное, но абсолютно безвредное ощущение, что тебя вывернули наизнанку.

Едва Бейли осознал, что теперь находится очень далеко от Земли и очень близко от Авроры, как им овладело сильнейшее желание поскорее увидеть этот мир.

И просто как обитаемую планету, и как объект, с которым он познакомился по фильмокнигам, а теперь мог своими глазами посмотреть на то, чем были заняты все его мысли.

В эту минуту вошел Жискар с едой, подаваемой в середине периода между пробуждением и сном — так сказать, обедом, — и сообщил:

— Мы приближаемся к Авроре, сэр, но обозреть ее из рубки вы не сможете. Правда, обозреть пока нечего. Солнце Авроры в данный момент выглядит просто яркой звездой, и пройдет еще несколько суток,

прежде чем мы приблизимся к Авроре настолько, что ее можно будет рассматривать в подробностях.

Жискар замолчал, но затем как будто что-то сообразил и поспешил добавить:

— Но и тогда, сэр, обозревать ее из рубки вы не сможете.

Бейли стиснул зубы от унижения. Видимо, никто не сомневался, что он захочет взглянуть на планету из космоса, и это желание бесцеремонно подавили в самом зародыше. Его присутствия в рубке в качестве наблюдателя не требовалось.

— Хорошо, Жискар, — сказал он, и робот ушел.

Бейли угрюмо смотрел ему вслед. Какие еще ограничения будут на него наложены? Успешное завершение его миссии и так представлялось весьма сомнительным, но сколько способов изыщут аврорианцы, чтобы оно стало заведомо невозможным?

Глава 3

ЖИСКАР

9

Бейли обернулся к Дэниелу и сказал:

— Дэниел, меня раздражает, что я должен сидеть здесь взаперти, потому что аврорианцы на борту опасаются меня как источника инфекции. Ведь это чистойшей воды суеверие. Разве я не прошел полную обработку?

— Вас просят не покидать каюту, партнер Элайдж, вовсе не потому, что вы внушаете аврорианцам хоть какие-то опасения, — ответил Дэниел.

— Да? Тогда почему же?

— Если помните, при нашей встрече на этом корабле вы спросили меня о причине, из-за которой меня послали сопровождать вас. Я ответил: чтобы у вас, пока вы будете осваиваться с новой обстановкой, было рядом что-то знакомое и чтобы доставить радость мне. Я собирался сообщить вам третью причину, но пришел Жискара с проектором и фильмокнигами, а затем мы заговорили о роботпсихологии.

— И третью причину ты так и не назвал. Так в чем она состоит?

— Просто, партнер Элайдж, мне поручили оберегать вас.

— От чего оберегать?

— Случай, который мы условились называть робийством, пробудил разные необычные страсти. Вас пригласили на Аврору доказать невиновность доктора Фас-тольфа. А гиперволновая драма...

— Иосафат, Дэниел! — возмущенно вскричал Бейли. — Неужто ее видели и на Авроре?

— Ее видели на всех космомирах, партнер Элайдж. Она пользовалась огромным успехом и неопровержимо доказывала, что вы необычайно талантливый следователь.

— И замешанные в робийстве могли так испугаться моего появления, что готовы рискнуть многим, лишь бы помешать мне установить истину. Даже убить меня.

— Доктор Фастольф, — невозмутимо сказал Дэниел, — абсолютно убежден, что в робийстве никто не замешан, поскольку совершить его было под силу только ему самому. С точки зрения доктора Фастольфа, это была несчастная случайность. Однако есть люди, которые пытаются использовать ее в своих целях, и в их интересах воспрепятствовать вам, помешать доказать, что это была именно случайность. Вот почему вас необходимо оберегать.

Бейли торопливо прошелся по каюте, словно стараясь подстегнуть свои мысли физическим напряжением. Почему-то ощущения грозящей опасности у него не возникло. Он сказал:

— Дэниел, сколько всего человекоподобных роботов на Авроре?

— Теперь, когда Джендер больше не функционирует?

— Да. Теперь, когда Джендер умер.

— Один, партнер Элайдж.

Бейли потрясенно уставился на Дэниела и беззвучно повторил: «один?» После паузы он сказал:

— Я хочу уточнить, Дэниел. Ты единственный человекоподобный робот на Авроре?

— И на всех остальных планетах, населенных людьми, партнер Элайдж. Я думал, вам это известно. Доктор Фастольф не считал нужным создать их больше, а никто другой на это не способен.

— Но если так и один из двух человекоподобных роботов был убит, неужели доктор Фастольф не сообщил, что второму и теперь единственному человекоподобному роботу — тебе, Дэниел, — может угрожать опасность?

— Такой вариант он учитывает. Но вероятность повторения редчайшего стечения обстоятельств, вызвав-

шего умственную заморозку, фантастически мала. Тем не менее он полагает, что возможность какого-либо несчастного случая полностью исключить нельзя, и, надо думать, это также сыграло свою роль в его решении отправить меня на Землю за вами. Так, чтобы меня неделю не было на Авроре.

— И теперь ты такой же заключенный, как и я, Дэниел?

— Только в том смысле, — спокойно ответил Дэниел, — что мне не следует покидать пределы этой каюты.

— А в каком еще смысле можно быть заключенным?

— В том смысле, что подобное ограничение свободы действий отрицательно влияет на подвергнутых ему. В понятие «заключение» заложено отсутствие добровольности. Я же вполне понимаю причину, почему мне нельзя выходить отсюда, и признаю ее весомость.

— Ты-то признаешь, — отрезал Бейли, — а я нет. То есть я заключенный в полном смысле слова. Да и что обеспечивает нам безопасность здесь?

— Во-первых, партнер Элайдж, снаружи дежурит Жискар.

— А у него хватит сообразительности принять меры?

— Он полностью понимает распоряжения, которые получил. Он очень прочен, силен и сознает всю важность возложенных на него обязанностей.

— Ты хочешь сказать, что он позволит разломать себя, лишь бы защитить нас с тобой?

— Естественно. Как и я дам себя разломать, чтобы обеспечить безопасность вам.

Бейли растерялся.

— И тебя не возмущает ситуация, — пробормотал он, — при которой ты можешь быть вынужден отказаться от своего существования ради меня?

— Я так запрограммирован, партнер Элайдж, — ответил Дэниел голосом, в котором словно бы зазвучала необычная мягкость. — Но почему-то мне кажется, что и без программирования утрата моего существования куда менее важна, чем ваше спасение.

Бейли не устоял. Он схватил руку Дэниела и яростно ее потряс.

— Спасибо, партнер Дэниел, но только ни в коем случае собой не жертвуй. Я не хочу, чтобы ты перестал существовать. Это слишком дорогая цена за мое спасение, так я считаю.

Бейли с изумлением понял, что говорит абсолютно искренне, и слегка ужаснулся своей готовности рискнуть жизнью ради робота... Нет, не робота — Дэниела.

10

Вошел Жискар, и снова без предупреждения. Бейли уже свыкся с этим: робот, как его телохранитель, должен был входить и выходить без разрешения, когда считал нужным сам. А в глазах Бейли Жискар оставался всего лишь роботом, пусть он и не называл его «боем» и опускал инициал Р. Если Жискар застанет его, когда он будет чесаться, ковырять в носу, удовлетворять ту или иную неаппетитную физиологическую потребность, то (решил Бейли) воспримет его действия с полным равнодушием, без осуждения или критики и лишь безразлично зафиксирует в памяти это наблюдение.

Таким образом, Жискар оставался самодвижущимся предметом обстановки, и его присутствие совершенно Бейли не смущало... Впрочем, мимоходом подумал Бейли, Жискар еще ни разу не появлялся в неподходящий момент.

В пальцах Жискара был зажат какой-то кубик.

— Сэр, я полагаю, вы все еще хотели бы посмотреть на Аврору из космоса?

Бейли вздрогнул от неожиданности. Разумеется, Дэниел заметил его досаду, правильно определил причину и нашел выход из положения. Поручить исполнение Жискару, словно тот сам простодушно додумался до этой идеи, Дэниелу подсказала тонкая деликатность. Так он освобождал Бейли от необходимости выразить благодарность. Во всяком случае, это придумал Дэниел.

Собственно говоря, то, что ему беспричинно (как он был убежден) препятствуют увидеть Аврору из космоса, сердило Бейли даже больше, чем самый факт заточения в каюте. После Прыжка миновало двое суток, но он все еще был зол, что лишился этого зрелища. И вот... Он повернулся к Дэниелу:

— Спасибо, друг.

— Это придумал Жискар, — сказал Дэниел.

— Ну конечно, — поправился Бейли с легкой улыбкой. — Я благодарю и его. А что это такое, Жискар?

— Астросимулятор, сэр. Работает примерно как трехмерный приемник и подключен к обзорному салону. Если мне можно добавить...

— Ну?

— Вид вам не покажется интересным, сэр. Мне не хотелось бы, чтобы вы были разочарованы.

— Постараюсь не предвкушать ничего особенного, Жискар. В любом случае, даже если я буду разочарован, то не по твоей вине.

— Благодарю вас, сэр. Я должен вернуться на свой пост, но Дэниел поможет вам настроить прибор, если возникнут какие-нибудь затруднения.

Он вышел, а Бейли сказал Дэниелу с одобрением:

— По-моему, Жискар отлично выполнил задание. Пусть он и простая модель, но прекрасной конструкции.

— Он ведь тоже робот доктора Фастольфа, партнер Элайдж. Астросимулятор снабжен блоками питания и самонастраивается. Поскольку он уже наведен на Аврору, достаточно слегка нажать на контрольную пластинку. Прибор включится, и больше вам ничего делать не надо. Хотите сами включить его?

— Зачем? — Бейли пожал плечами. — Включи ты.

Дэниел поставил кубик на тот же стол, за которым Бейли работал с проектором.

— Это контрольная пластинка, партнер Элайдж, — сказал Дэниел, кивнув на узкий прямоугольник у себя на ладони. — Ее нужно просто взять за края — вот так — и слегка нажать. Прибор включится. При повторном нажатии он выключается.

Дэниел нажал на пластинку, и Бейли придушенно вскрикнул. Он полагал, что кубик засветится и спроецирует голографическое изображение звездного пространства. Но произошло прямо противоположное: внезапно он очутился в космосе — в космосе! — среди ярких немигающих звезд повсюду вокруг.

Длилось это мгновение, а затем все обрело прежний вид: каюта, а в ней Бейли, Дэниел и кубик.

— Прошу прощения, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Я выключил его, едва заметил вашу реакцию. Я не предусмотрел, что вы не подготовлены.

— Так подготовь меня. Что произошло?

— Астросимулятор воздействует непосредственно на зрительный центр человеческого мозга. Отличить внушаемый им образ от трехмерной реальности невозможно. Прибор относительно новый и пока употребляется только для астрономических изображений, поскольку они отличаются разнообразием мелких деталей.

— И ты видел то же, что я?

— Да, но туманно и далеко не так реалистично, как человек. Я вижу смутную картину, наложенную на обстановку каюты, сохраняющую полную четкость. Но мне объяснили, что люди видят только картину. Несомненно, когда мозг таких, как я, получит более тонкую восприимчивость и будет настроен...

Бейли уже совсем оправился.

— Дело в том, Дэниел, что я ничего, кроме изображения, не осознавал. Даже себя. Я не видел своих рук, не знал, где они. У меня было ощущение, будто я дух бесплотный, что... э... То есть я, наверное, так себя чувствовал бы, если бы умер, но продолжал существовать только как сознание в какой-то нематериальной загробной жизни.

— Теперь я понимаю, почему это так плохо на вас действовало.

— По правде говоря, очень и очень плохо.

— Прошу прощения, партнер Элайдж, и сейчас же скажу Жискару, чтобы он унес прибор.

— Нет. Теперь я подготовлен. Дай мне попробовать еще раз. А сумею я выключить прибор, даже не осознавая, что у меня есть руки?

— Пластинка прилипнет к вашей ладони, партнер Элайдж, и уронить ее вы не сможете. Ознакомившись с этим явлением, доктор Фастольф сказал мне, что едва у держащего контрольную пластинку возникнет желание выключить астросимулятор, как пальцы сожмутся сами собой. Безусловный рефлекс, связанный с теми же нервными механизмами, что и само зрение. Во всяком случае, так реагируют аврорианцы, и, полагаю...

— ...что земляне достаточно сходны с аврорианцами и реакция будет такой же. Отлично. Дай мне пластинку, и я попробую.

Бейли не без внутренней дрожи нажал на края пластинки и вновь очутился в космосе. Но теперь он знал, чего ждать, и, убедившись, что дышит нормально и абсолютно не ощущает себя в вакууме, решил сполна воспользоваться этой зрительной иллюзией. Дышал он, правда, довольно глубоко (возможно, в доказательство, что он действительно дышит), однако озирался по сторонам с подлинным любопытством.

Внезапно осознав, что слышит свое сопение, он спросил:

— Дэниел, ты меня слышишь? — И услышал свой голос. Словно из отдаления с какой-то непривычной интонацией — но услышал.

А затем услышал и голос Дэниела, тоже чем-то отличающийся от обычного, однако вполне внятный.

— Да, я вас слышу, — ответил Дэниел. — Как и вы меня, партнер Элайдж. Зрение и мышечное восприятие подвергаются воздействию ради реалистичности, но слух не затрагивается. Вернее, лишь в очень слабой степени.

— Ну, вижу я только звезды, причем знакомые. Но у Авроры же есть солнце, и мы настолько близко от него, что, по-моему, эта звезда должна выделяться особой яркостью.

— Совершенно верно, партнер Элайдж. Но ее яркость чересчур велика и астросимулятор ее снижает, иначе ваша ретина могла бы получить серьезные повреждения.

— Ну а планета где? Аврора?

— Видите созвездие Ориона?

— Да... Неужели и здесь созвездия выглядят так же, как с Земли? В планетарии Города?

— Более или менее. По космическим меркам мы находимся не очень далеко от Земли и Солнечной системы, к которой она принадлежит, и поэтому карты звездного неба Земли и Авроры примерно совпадают. Солнце Авроры, Тау Кита для землян, отстоит от земного всего лишь на три целых шестьдесят семь сотых парсека. Так вот, если вы медленно проведете черту от

Бетельгейзе к средней звезде в поясе Ориона и продолжите ее на чуть большее расстояние, то увидите звезду средней яркости. Это и есть Аврора. На протяжении ближайших нескольких суток она, по мере нашего приближения к ней, будет становиться все более заметной.

Бейли сосредоточенно уставился на блестящую звездочку. На нее не указывала светящаяся стрелка, над ней не изгибались четкие буквы названия. Он сказал:

— А где Солнце? Звезда Земли, хочу я сказать.

— В созвездии Девы, каким оно представляется с Авроры. Звезда второй величины. К сожалению, астро-симулятор запрограммирован недостаточно для того, чтобы как-то выделить его для вас. Но в любом случае отсюда оно выглядит самой обычной звездой.

— Неважно, — сказал Бейли. — Я хочу выключить эту штуку. Если у меня не получится, то помоги.

У него получилось. Стоило ему подумать об этом, как изображение исчезло, и он замигал от яркого света каюты.

Только почувствовав себя совершенно нормально, Бейли вдруг сообразил, что несколько минут он ощущал себя в открытом космосе, ничем от него не отгороженным, и тем не менее его земная агорафобия не дала о себе знать! Едва он свыкся с условной бесплотностью, как все неприятные ощущения исчезли.

Эта мысль его заинтриговала и на некоторое время отвлекла от фильмокниг.

Опять и опять он включал астросимулятор и вновь созерцал космос таким, каким он выглядел бы с наблюдательного пункта вне оболочки корабля, а сам куда-то исчезал. (Мнимо, разумеется.) Иногда он включал прибор всего на минуту, просто чтобы убедиться, что неизмеримая пропасть пространства действительно не производит на него угнетающего действия. А иногда узоры звезд его завораживали. Он начинал лениво их пересчитывать или выискивал геометрические фигуры, наслаждаясь способностью заниматься тем, что на Земле было ему недоступно: там нарастающая агорафобия быстро заслонила бы все.

Мало-помалу яркость Авроры увеличивалась. Вскоре отыскивать ее среди прочих светящихся точек стало

очень просто, затем еще проще, и вот она уже сразу бросалась в глаза. Узкий осколочек света быстро увеличивался, Бейли начал различать фазы, когда Аврора обрела форму почти идеального полумесяца.

На его вопрос Дэниел ответил:

— Мы приближаемся к ней не в плоскости орбиты, партнер Элайдж. Под этим углом южный полюс Авроры находится примерно в центре ее диска на освещенной стороне. В южном полушарии там сейчас весна.

— Я прочел, — сказал Бейли, — что ось Авроры имеет наклон в шестнадцать градусов. (Физическое описание планеты он пробежал, торопясь добраться до аврорианского общества, но этот факт запомнил.)

— Да, партнер Элайдж. Скоро мы войдем в плоскость орбиты, и тогда смена фаз участится, поскольку Аврора вращается быстрее Земли...

— В ее сутках ведь двадцать два часа?

— Аврорианские сутки равны двадцати двум традиционным часам с тремя десятymi. Сутки Авроры делятся на десять аврорианских часов, каждый час на сто аврорианских минут, в свою очередь делящихся на сто аврорианских секунд. Иными словами, аврорианская секунда равна примерно одной восьмой земной секунды.

— В книгах их называют метрическими часами, метрическими минутами и так далее, верно?

— Да. Добиться, чтобы аврорианцы отказались от привычных единиц времени, было нелегко, и вначале обе системы — стандартная и метрическая — употреблялись одновременно. Затем, естественно, метрическая система одержала победу. Теперь на Авроре говорят просто «часы», «минуты», «секунды», подразумевая метрическую систему. Она принята на всех космомирах, хотя и не увязана там с вращением планеты. Разумеется, каждый космомир пользуется и местной системой измерения времени.

— Как и Земля.

— Да, партнер Элайдж. Но Земля пользуется исключительно первоначальными стандартными единицами, и это причиняет много неудобств космомирам в сфере торговли, но они не препятствуют Земле поступать по-своему.

— Не из лучших чувств, естественно. Полагаю, они только рады подчеркнуть обособленность Земли. Но как десятиричность согласуется с исчислением года? Ведь у Авроры есть период обращения вокруг ее солнца, создающий смену времен года. Как же определяется он?

— Аврора, — ответил Дэниел, — обращается вокруг своего солнца за триста семьдесят три с половиной аврорианских суток, то есть приблизительно за девяносто пять сотых земного года. Для хронологии это существенно значимым не считается. Аврора принимает тридцать своих суток за месяц. Десять месяцев составляют метрический год. Метрический год равен примерно восьми десятым периода обращения планеты, то есть, грубо говоря, трем четвертям земного года. Разумеется, у каждой планеты это соотношение меняется. Десять суток принято называть децимесяцем. Этой системой пользуются все космомиры.

— Неужели не нашлось более удобного способа отразить смену времен года?

— Каждый мир имеет и сезонный год, но в широкое употребление эта система не вошла. С помощью компьютера очень просто найти соответствие любой даты — прошлой или будущей — с сезонными сутками, если почему-либо возникнет нужда в такой информации. И соотношение местных суток любого мира устанавливается столь же легко. И, конечно, партнер Элайдж, любой робот способен вычислить все это и направить деятельность человека, когда она как-то связана с сезонным годом или местным исчислением времени. Преимущество десятиричных единиц состоит в том, что они обеспечивают человечеству единое исчисление времени, требующее поправок не более чем на одну-две десятые.

Бейли удивило, что в просмотренных им книгах это нигде точно не объяснялось. Впрочем, из истории Земли он знал, что некогда основой календаря был лунный месяц, а затем наступило время, когда ради более точного летоисчисления от лунного месяца отказались — и никаких следов это не оставило. В книгах о Земле, которые он мог бы предложить инопланетянину, тот, скорее всего, не нашел бы никаких упоминаний о

лунном месяце или других преобразованиях календаря в прошлом. Даты давались бы без объяснений или ссылок.

А что еще давалось бы без объяснений?

Так в какой мере может он полагаться на приобретенные им сведения? Надо будет постоянно задавать вопросы и ничего не считать само собой разумеющимся.

Сколько будет случаев упустить очевидное, сколько будет шансов понять неверно, сколько будет возможностей ошибиться и избрать неправильный образ действий!

11

Теперь, когда Бейли включал астросимулятор, Аврора доминировала надо всем и очень напоминала Землю. (Своими глазами он Землю из космоса не видел ни разу, но внимательно ознакомился с фотографиями, иллюстрировавшими астрономические справочники.)

И теперь он видел те же конфигурации облаков, те же проблески пустынь, те же протяженности ночной тени и дневного света, те же скопления мерцающих огней по всему ночному полушарию, какие запечатлелись на космофотографиях земного шара.

Бейли жадно вглядывался в приближающуюся планету, а сам думал: что, если по неведомой причине его взяли в космос, сказали, будто он летит на Аврору, а на самом деле возвращают на Землю? По какой-то причине — тайной и безумной. Как определить до высадки, что происходит на самом деле?

Но какие у него основания для подозрений? Дэниел специально сообщил ему, что созвездия с обеих планет выглядят примерно одинаково. Но ведь так и должно быть на планетах, обращающихся вокруг соседних солнц? Общий вид их из космоса совпадает, но может ли быть иначе, раз обе они пригодны для людского обитания и отвечают основным нуждам человечества?

Не слишком ли нарочито предположение, что приложено столько стараний для того лишь, чтобы ввести его в заблуждение? Ради чего? Ну а вдруг впечатление нарочитости и бесполезности создается умышленно?

Ведь лежи причина на поверхности, он бы сразу ее обнаружил.

Но может ли Дэниел участвовать в подобном заговоре? Будь он человеком, ответом было бы категорическое «нет!». Но он робот, и не исключено, что имеется способ продиктовать ему такое двуличное поведение.

Сделать окончательный вывод было нельзя, и Бейли поймал себя на том, что высматривает, не подскажут ли ему очертания континентов, Земля перед ним или не Земля. Это было бы решающим доказательством, но, к несчастью, недостижимым. В прорехи облачного покрова он видел только частности, которые ни о чем ему не говорили. Географию Земли он знал поверхностно и по-настоящему хорошо представлял себе только ее подземные Города — ее стальные пещеры.

То, что он успевал разглядеть, было ему незнакомо, однако с тем же успехом могло находиться на Земле, как и на Авроре.

Но откуда вообще эти подозрения? Он же летел на Солярию и не сомневался, что летит именно туда. Ему и в голову не приходило, что его могут завернуть назад на Землю... Да, но тогда ему было дано четкое задание, вполне выполнимое. А теперь у него нет никаких шансов чего-то добиться.

Так, может, подсознательно он предпочел бы вернуться на Землю, вот и сочинил нелепый заговор, отвечающий его тайным желаниям?

Овладевшая им неуверенность словно обрела самостоятельное существование. От нее не удавалось избавиться, и он пожирал Аврору глазами, лишь бы не возвращаться к реальности своей каюты.

Аврора очень медленно вращалась.

Он так долго смотрел на нее, что успел заметить крохотное смещение. В глубинах космоса все выглядело неподвижным, как на театральном заднике, — беззвучный и статичный узор из огненных точек, среди которых позже возник полумесяц немногим больше их. Может, эта неподвижность и помогла ему преодолеть агорафобию?

Но теперь он увидел, что Аврора вращается, и понял, что корабль зашел на последние спирали перед посадкой. Облака вспухали ему навстречу...

Да нет же, нет! Не облака! Это корабль устремляется к ним. Двигается корабль! Двигается он сам! Бейли вдруг осознал свое существование. Он, он падает сквозь облака! Ничем не защищенный, он падает сквозь разреженный воздух на твердую поверхность.

Горло ему перехватила судорога. Дышать стало трудно.

«Ты защищен! — в отчаянии твердил он себе. — Ты внутри оболочки корабля!»

Но никакой защитной оболочки он не ощущал.

«Кроме той оболочки, у тебя же есть оболочка собственной кожи», — подумал он.

Но он не ощущал и кожи.

Это было хуже простой наготы: он — ничем не огражденная внутренняя сущность, полностью обнаженная личность, точка жизни, единственная среди распаханной бесконечности Вселенной. И он падает!

Бейли попытался спастись от этого зрелища, стиснуть пластинку в кулаке, но ничего не произошло. Его нервные окончания настолько потеряли связь с реальностью, что усилие воли не сжало пальцы. Да у него и нет воли! Глаза не закрылись, кулак не сжался. Им овладел ужас, парализовал его.

Он осознавал только облака перед собой — белые... не совсем белые... с оранжево-золотой подсветкой...

Все слилось в сплошную серость... Он тонул. Не мог вздохнуть... Он отчаянно пытался преодолеть судорогу, позвать Дэниела...

И не мог издать ни единого звука. .

12

Бейли дышал так, словно секунду назад разорвал грудью ленточку на финише марафона. Каюта перекосилась, его локоть упирался в какую-то твердую поверхность.

Он сообразил, что лежит на полу.

Рядом с ним на коленях стоял Жискар. Пальцы робота (упругие, но довольно холодные) охватывали его запястье. За плечом Жискара Бейли увидел распаханную дверь каюты.

Ему не нужно было спрашивать, что произошло. Жискар схватил бессильную человеческую кисть и сжал в ней пластинку, чтобы выключить астросимулятор. Не то бы...

Бейли увидел над собой и лицо Дэниела, выражавшее что-то похожее на страдание. Дэниел сказал:

— Партнер Элайдж, вы молчали. Если бы я быстрее понял, что вам плохо...

Бейли попытался жестом показать, что понял и что это неважно. Говорить он еще не мог.

Оба робота ждали, пока Бейли не сделал слабого движения, чтобы подняться, а тогда их руки тотчас подхватили его, подняли, усадили в кресло, и Жискар осторожно высвободил пластинку из его пальцев со словами:

— Мы скоро пойдем на посадку и, полагаю, астросимулятор вам больше не понадобится.

— В любом случае, его лучше унести, — добавил Дэниел.

— Погодите, — сказал Бейли таким хриплым шепотом, что сам себя не расслышал. Он с трудом кашлянул и повторил: — Погодите!.. Жискар!

Жискар вернулся.

— Слушаю, сэр.

Бейли помолчал. Раз Жискар знает, что нужен ему, он будет ждать. До бесконечности, если будет надо. Бейли попытался собраться с мыслями. Агорафобия агорафобией, но он все равно не знает, где сейчас они совершат посадку. Эта неуверенность возникла до припадка агорафобии и, возможно, дала толчок для него.

Надо узнать точно. Жискар не солжет. Робот не способен солгать, если его специально не проинструктировать. А для чего тратить время на Жискара? В спутники ему дали Дэниела. Дэниел должен был безотлучно находиться при нем. И лгать принудили бы Дэниела. Жискар — просто посыльный, страж у дверей. Так зачем было бы прилагать усилия на сложное инструктирование, чтобы он мог сплести паутину лжи?

— Жискар! — Голос Бейли прозвучал почти нормально.

— Слушаю, сэр.

— Мы идем на посадку, так?

— Да. Остается несколько меньше двух часов.

Двух метрических часов, решил Бейли. А они длиннее реальных часов? Или короче? Неважно! Только лишняя путаница. Выкинь из головы.

Бейли сказал со всей резкостью, на какую был способен:

— Сейчас же назови планету, на которой мы совершим посадку!

Человек либо вовсе не ответил бы, либо ответил бы после недоуменной паузы.

Жискар ответил без запинки констатирующим тоном:

— Аврора, сэр.

— Откуда ты знаешь?

— Это порт нашего назначения. Кроме того, она не может быть, например, Землей, поскольку солнце Авроры Тау Кита имеет массу на десять процентов меньше массы земного Солнца. Поэтому Тау Кита чуть холоднее и ее свет непривычным глазам землян кажется слишком оранжевым. Возможно, вы уже ознакомились с характерным цветом солнца Авроры по отблескам на облачном слое. И, пока вы не свыкнетесь, ландшафты планеты будут казаться вам необычными.

Бейли отвел глаза от невозмутимого лица Жискара. Конечно же, он заметил оранжевый тон облаков и не придал ему никакого значения. Непростительная ошибка.

— Можешь идти, Жискар.

— Слушаю, сэр.

Бейли с досадой обернулся к Дэниелу:

— Я сваял дурака, Дэниел.

— Насколько я понял, вы проверяли, не обманываем ли мы вас, не летим ли вместо Авроры куда-то еще. У вас есть причина для таких подозрений, партнер Элайдж?

— Никакой. Возможно, агорафобия порождает смутную тревогу и я искал для нее объяснения. Правда, при виде неподвижного космического пространства я никаких неприятных ощущений не создавал. Однако они могли таиться у самого порога сознания и создавали тревожное чувство.

— Вина наша, партнер Элайдж. Зная ваше отвращение к открытым пространствам, мы не должны были подвергать вас астросимуляции, и, во всяком случае, следить за вами мы обязаны внимательнее.

Бейли раздраженно мотнул головой:

— Не говори так, Дэниел! С меня хватит слезки. Вопрос в том, насколько внимательно за мной будут следить на Авроре.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, — мне кажется, вам будет сложно получить свободный доступ на Аврору и к аврорианцам.

— Тем не менее такой доступ мне необходим. Установить подоплеку этого робийства я смогу, только если буду свободен собирать информацию на месте — и от людей, как-то причастных к случившемуся.

Бейли уже чувствовал себя нормально, хотя и несколько уставшим. Но, к его большому смущению, пережитое напряжение пробудило в нем острое желание выкурить трубку. А он-то думал, будто окончательно избавился от этой привычки больше года назад. И вот он прямо-таки ощущал запах и вкус табачного дыма, проникающего через гортань в ноздри.

Что ж, придется обойтись воспоминаниями. На Авроре ему курить не разрешат. Ни на одном космомире табак не употребляется, и захвати он с собой пачку, ее забрали бы и уничтожили.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Это вам необходимо обсудить с доктором Фастольфом, как только мы совершим посадку. У меня нет полномочий решать такие вопросы.

— Знаю, Дэниел. Но как мне поговорить с Фастольфом? С помощью какого-нибудь эквивалента астросимулятора? С пластиной в кулаке?

— Вовсе нет, партнер Элайдж. Вы будете разговаривать лицом к лицу. Он намерен встретить вас в космопорту.

Бейли прислушивался в ожидании звуков, которые сказали бы ему, что они совершили посадку. Но какие

это будут звуки? Он не знал. Он не знал устройства корабля, не знал, сколько на борту людей и что им полагается делать при посадке, и каких именно звуков следует ожидать.

Крики? Гул? Вибрирующий свист?

Он не слышал ничего.

— Партнер Элайдж, вас что-то тревожит, — сказал Дэниел. — Будет лучше, если вы сразу станете говорить мне о своих неприятных ощущениях, не откладывая. Я обязан помочь вам в тот самый момент, когда вы по какой бы то ни было причине почувствуете себя нехорошо.

Слово «обязан» было произнесено с легким нажимом.

«Его подстегивает Первый Закон, — рассеянно подумал Бейли. — Наверное, он по-своему страдал не меньше моего, когда я потерял сознание, а он не сумел вовремя этого предупредить. Пусть для меня недопустимый дисбаланс позитронных потенциалов — пустой звук, но у него в результате возникают те же неприятные ощущения и те же реакции, которые вызвала бы у меня сильная боль».

И еще он подумал: «Но откуда мне знать, что прячется под псевдокожей и в псевдосознании робота? Как и Дэниел не может знать, что происходит во мне».

И тут, терзаясь из-за того, что подумал о Дэниеле как о роботе, Бейли поглядел в его добрые глаза (когда именно они начали казаться ему добрыми?) и сказал:

— Я сразу же сообщу тебе о неприятных ощущениях. Но сейчас их у меня нет. Я просто прислушиваюсь к звукам, которые предупредили бы меня, что начинается посадка.

— Благодарю вас, партнер Элайдж, — очень серьезно произнес Дэниел, слегка наклонив голову. — Посадка никаких неприятных ощущений вызвать не должна. На вас может сказаться ускорение, но слабо, поскольку каюта оборудована так, чтобы смягчать его. Может подняться температура в каюте, но не больше чем на два градуса по шкале Цельсия. Что до звуков, то может слышаться негромкое шипение, когда мы вой-

дем в более плотные слои атмосферы. Что-нибудь из этого способно плохо на вас подействовать?

— Вряд ли. Тревожит меня другое: что мне отказано в возможности наблюдать посадку. Я предпочел бы набраться опыта в подобных вещах. Я не желаю, чтобы меня держали взаперти и не позволяли ни с чем знакомиться.

— Но вы ведь уже убедились, партнер Элайдж, что такого рода опыт — слишком тяжелая нагрузка для вас.

— А как же я научусь с ней справляться, Дэниел? — упрямо возразил Бейли. — Разве этого достаточно, чтобы не выпускать меня отсюда?

— Партнер Элайдж, я уже объяснил, что вас не выпускают отсюда ради вашей безопасности.

Бейли мотнул головой, не скрывая злости:

— Я обдумал это. Полнейшая чепуха! Шансы, что я распутая этот клубок, настолько малы, даже помимо всех накладываемых на меня ограничений, а также трудностей, с которыми я столкнусь, стараясь понять аврорианцев, что вряд ли хоть кто-нибудь в здравом рассудке палец о палец ударит, чтобы мне помешать. А если и так, с какой стати тратить усилия, добираясь до меня, когда можно уничтожить весь корабль? Если уж мы вообразили, что нам угрожают отпетые злодеи, так они и глазом не моргнут, покончив с кораблем, всеми людьми на нем, с тобой и Жискаром, ну и, естественно, со мной.

— Такая возможность была учтена, партнер Элайдж. Корабль был тщательно проверен. Любая попытка саботажа была бы обнаружена.

— Ты уверен? На сто процентов?

— Полной уверенности в подобных случаях не бывает. Однако Жискару и мне достаточно того, что вероятность подобного крайне мала и можно лететь спокойно, так как опасность минимальна.

— А если вы ошиблись?

Лицо Дэниела на мгновение сморщилось, словно его просили о чем-то, что нарушало ровную работу позитронных связей его мозга.

— Но мы не ошиблись.

— Утверждать это ты не можешь. Мы заходим на посадку и приближается самый опасный момент. Собственно, сейчас уже незачем уничтожать корабль. Опасность, угрожающая лично мне, особенно велика именно сейчас, в эту самую минуту. Если мне предстоит высадиться на Авроре, я не смогу и дальше прятаться в каюте. Мне придется пройти через корабль в пределах досягаемости для прочих. Вы приняли меры предосторожности на время посадки? (Он просто злился и без всяких оснований нападал на Дэниела, потому что изнывал от долгого заключения в каюте и стыдился своего обморока.)

Но Дэниел сказал спокойно:

— Да, приняли, партнер Элайдж. И, кстати, посадку мы уже совершили и находимся на поверхности Авроры.

Бейли растерялся. Он дико посмотрел по сторонам, но, естественно, не увидел ничего, кроме глухих стен каюты. Он не услышал и не почувствовал ничего из того, о чем предупреждал Дэниел. Ни ускорения, ни повышения температуры, ни свиста воздуха... Или Дэниел нарочно заговорил еще раз о грозящей ему опасности, чтобы отвлечь его от других неприятных — но мелких — возможностей?

— Однако остается еще высадка. Как мне покинуть корабль, не подставив себя потенциальным врагам?

Дэниел отошел к стене и прикоснулся к ней. Стена мгновенно раскололась посередине, и половины поползли в противоположные стороны. Бейли увидел перед собой длинную трубу. Туннель.

В эту секунду в дверь вошел Жискар и сказал:

— Сэр, мы втроем пойдем по выходному проходу. Снаружи он под наблюдением. А у того конца ждет доктор Фастольф.

— Мы приняли меры предосторожности, — добавил Дэниел.

Бейли пробормотал:

— Прошу извинения, Дэниел... Жискар... — И угрюмо вошел в туннель. Заверения, что все меры предосторожности приняты, указывали, что меры эти сочтены необходимыми.

Бейли хотелось думать, что он не трус, но он был теперь на чужой планете, не имел понятия, как отличать друзей от врагов, не находил опоры в привычном и знакомом (конечно, не считая Дэниела). В решающий момент, подумал он с дрожью, у него не будет замкнутого приюта, где можно согреться и успокоиться.

Глава 4

ФАСТОЛЬФ

14

Доктор Хэн Фастольф действительно ждал — и улыбался ему. Высокий, худощавый. Светло-каштановые не слишком густые волосы — и, конечно, уши. Бейли помнил их все три прошедших года. Большие уши, сильно оттопыренные, они придавали его внешности легкую комичность, симпатичную непритязательность. И улыбнуться Бейли заставили именно уши, а не приветственная улыбка Фастольфа.

Бейли мимолетно удивился: неужели медицина на Авроре не располагает средствами для такой несложной косметической операции, какой требуют эти уши? Но, может быть, Фастольфу они нравятся именно такими? Как ни странно, и ему они тоже нравятся. В лице, которое заставляет тебя улыбаться, есть что-то привлекательное.

Возможно, Фастольф дорожит приятным впечатлением, которое производит при первой встрече. Или считает полезным, чтобы его недооценивали? Или ему просто нравится быть непохожим на других.

— Детектив Элайдж Бейли, — сказал Фастольф, — я прекрасно вас помню, хотя невольно представляю вас похожим на актера, который вас играл.

Бейли насупился:

— Эта гиперволновая постановка меня буквально преследует, доктор Фастольф. Если бы я знал, куда мне от нее сбежать!

— Некуда, — любезно сказал Фастольф. — То есть в обычных обстоятельствах. Но раз она вам неприятна, мы с этой минуты исключим ее из наших бесед. Больше я ее упоминать не буду. Договорились?

— Спасибо. — С рассчитанной внезапностью он протянул Фастольфу руку.

Фастольф заметно замялся. Потом взял руку Бейли, немножко — очень недолго — подержал в своей и сказал:

— Полагаю, вы не ходячий склад инфекции, мистер Бейли. — Потом добавил, с сожалением глядя на свои ладони: — Впрочем, должен признаться, мои руки покрыты защитной пленкой, что не так уж удобно. Я порождение иррациональных страхов моего общества.

Бейли пожал плечами:

— Как и все мы. Я не в восторге от мысли, что нахожусь во Вне, то есть под открытым небом. И если на то пошло, то я не в восторге от того, что вынужден был прилететь на Аврору при данных обстоятельствах.

— Я прекрасно это понимаю, мистер Бейли. Вас ждет закрытая машина, а когда мы приедем в мой дом, будет сделано все, чтобы вы оставались в замкнутом пространстве.

— Спасибо, но мне кажется, что на Авроре мне надо будет иногда оставаться во Вне. Я к этому подготовлен. Насколько возможно.

— Понимаю. Но подвергать вас Вне мы постараемся только в случае безусловной необходимости. Сейчас ее нет, так что, прошу вас, не отказывайтесь от закрытого пространства.

Машина ждала в тени туннеля. Почти не во Вне. Бейли знал, что позади него стоят Дэниел и Жискар — внешне совсем разные, но оба в позе спокойного ожидания, и оба бесконечно терпеливые.

Фастольф открыл заднюю дверцу и сказал:

— Садитесь, прошу вас.

Бейли сел. Быстро и осторожно Дэниел сел рядом с ним, а Жискар практически в тот же момент каким-то законченно танцевальным движением забрался в машину с другой стороны. Бейли оказался между ними, но это его не стеснило. Наоборот, его обрадовало, что

между ним и Вне с обеих сторон находятся тела роботов.

Только никакого Вне не возникло. Фастольф сел на переднее сиденье, захлопнул дверцу, и стекла стали непроницаемо матовыми, а машину внутри залил мягкий искусственный свет. Фастольф сказал:

— Обычно я так не езжу, мистер Бейли, но ничего против не имею, а вам, наверное, это будет удобнее. Машина полностью компьютеризирована. Она знает, куда ехать, и сумеет справиться со всеми помехами и неожиданностями. Нашего вмешательства не требуется.

Бейли ощутил еле заметный толчок, а затем плавное, почти не воспринимаемое ускорение.

— Все в полном порядке, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Я приложил много стараний, чтобы как можно меньше людей знало, что вы будете находиться в этой машине, и чтобы вас не смогли в ней обнаружить. Да, кстати, движется она на воздушной подушке, и мы скоро будем на месте, однако, если желаете, вы могли бы вздремнуть. Вы в полной безопасности.

— Вы говорите так, словно считаете, что мне угрожает опасность. На корабле меня для большей надежности держали взаперти. И теперь опять. — Бейли обвел взглядом тесное замкнутое пространство машины, в которой он был укрыт металлом и непрозрачным стеклом, не говоря уж о металлических телах двух роботов.

— Я, конечно, перебарщиваю. — Фастольф засмеялся. — Но обстановка на Авроре накаленная. Вы приехали в разгар кризиса, и я предпочту выглядеть несколько смешным, принимая излишние меры, лишь бы избежать риска, которым чреват любой недосмотр.

— По-моему, вы понимаете, доктор Фастольф, что моя неудача здесь обернется тяжелым ударом для Земли, — сказал Бейли.

— Я прекрасно это понимаю и не меньше вас хочу, чтобы вы добились успеха, поверьте мне.

— Верю. И еще: моя неудача тут, по какой бы ни было причине, означает конец моей карьеры на Земле и тяжелые перемены в личной жизни.

Фастольф обернулся и растерянно посмотрел на Бейли:

— Неужели? Но для этого нет причин.

— Согласен, однако так будет. Я окажусь идеальным козлом отпущения для земного правительства в его отчаянном положении.

— Я совершенно не представлял себе ничего подобного, когда просил, чтобы вас прислали сюда, мистер Бейли. Не сомневайтесь, я сделаю все, что в моих силах. Хотя, если быть честным (он отвел глаза), в случае нашей неудачи сделать я смогу немного.

— Знаю, — угрюмо ответил Бейли, откинулся на мягкую спинку и закрыл глаза. Движение машины было еле заметным и убаюкивающим, но Бейли не заснул. Он только сосредоточенно размышлял — другого ведь не оставалось.

15

Когда они приехали, Бейли опять избежал соприкосновения со Вне. Из машины он вышел в подземном гараже, и маленький лифт поднял его на — как оказалось — первый этаж.

Его проводили в солнечную комнату, и, пересекая прямые солнечные лучи (действительно оранжевые), он поежился.

Фастольф заметил это и поспешил сказать:

— Полностью заматовать окна нельзя, но они затемняются, и, если хотите, я их затемню. Собственно, мне следовало сообразить...

— Не надо, — ответил Бейли ворчливо. — Просто я сяду к ним спиной. Нужно привыкать!

— Как угодно. Но если вам станет неприятно, сразу же скажите мне... Мистер Бейли, сейчас здесь, в этой части Авроры, позднее утро. Не знаю, каким был распорядок на корабле. Но если вы не спали уже много часов и хотели бы отдохнуть, то пожалуйста. А если не хотите спать и не голодны, то завтракать вам необязательно. Однако если вы не прочь, то прошу вас позавтракать со мной через несколько минут.

— Это совпадает с распорядком на корабле.

— Прекрасно. Хочу напомнить вам, что наш день на семь процентов короче земного. Это не должно бы

сказаться на ваших биоритмах, но в случае необходимости мы постараемся приспособиться к ним.

— Благодарю вас.

— И еще одно... Не знаю, какую еду вы предпочитаете.

— Буду есть все, что мне подадут.

— И все-таки... Я не обижусь, если что-то покажется вам несъедобным.

— Благодарю вас.

— Вы не станете возражать, если Дэниел с Жискаром присоединятся к нам?

— Они тоже будут есть? — Бейли слегка улыбнулся.

Но Фастольф не ответил ему улыбкой, а сказал серьезно:

— Нет. Но я хочу, чтобы они все время были с вами.

— Опасность? Даже здесь?

— Я ни на что полностью не полагаюсь. Даже здесь.

— Сэр, завтрак подан, — доложил вошедший робот.

Фастольф кивнул:

— Хорошо, Фабер. Мы сядем за стол через несколько минут.

— Сколько у вас роботов? — спросил Бейли.

— Довольно много. Мы не достигли уровня Солярии: десять тысяч роботов на одного человека, но у меня их больше, чем в среднем имеют мои сограждане. Пятьдесят семь. Дом большой, и в нем помещаются и моя приемная, и моя мастерская. Ну и моей жене — когда у меня есть жена, — необходимо отдельное крыло, изолированное от мастерской, а также своя прислуга.

— Ну, из полсотни роботов вы, пожалуй, можете поступиться двумя. Теперь я чувствую себя менее виноватым, что вам пришлось остаться без Жискара и Дэниела, когда вы отправили их за мной.

— Уверяю вас, мистер Бейли, это был не случайный выбор. Жискар мой мажордом и моя правая рука. Он со мной со времен моей молодости.

— И все-таки вы послали его проводить меня на Аврору, — сказал Бейли. — Я очень польщен.

— Просто доказательство вашей важности, мистер Бейли. Жискар — самый надежный из моих роботов, сильный и крепкий.

Бейли покосился на Дэниела, и Фастольф добавил:

— Моего друга Дэниела я в эти расчеты не включаю. Он не мой слуга, а мой триумф, и я им бесконечно горжусь. Он первый в своей категории, а доктор Родж Наменну Сартон был его дизайнером и моделью. Тот человек, который...

Он тактично умолк, но Бейли отрывисто кивнул и пробормотал:

— Знаю.

Фразу не нужно было доканчивать: он помнил, что Сартон был убит на Земле.

— Сартон занимался конструированием, — продолжал Фастольф, — но создание Дэниела сделали возможным мои теоретические выкладки. — Он улыбнулся Дэниелу, и тот чуть наклонил голову в знак признательности.

— Но ведь был еще Джендер, — напомнил Бейли.

— Да. — Фастольф покачал головой и опустил глаза. — Наверное, мне следовало бы оставить его у себя, как Дэниела. Но он был вторым моим человекоподобным роботом, а это немножко другое. Дэниел, фигурально выражаясь, был моим первенцем, особым во всех отношениях.

— И теперь вы уже не создаете человекоподобных роботов?

— Нет. Но идемте, — сказал Фастольф, потирая ладони. — Пора поесть. По-моему, мистер Бейли, население Земли не привыкло к натуральным продуктам питания. Нас ждет салат из креветок, хлеб, сыр, молоко, если вы пожелаете, или фруктовый сок по вашему выбору. А на сладкое мороженое.

— Традиционные земные блюда, — заметил Бейли, — которые теперь существуют в своей первоначальной форме только в древней земной литературе.

— На Авроре они тоже редкость, но было бы неразумно предлагать вам наши изысканные блюда, основу которых составляют аврорианские пищевые продукты и пряности. К ним надо приобрести вкус. — Он встал. — Прошу вас, мистер Бейли. Мы будем вдвоем и обойдемся без церемоний и застольных ритуалов.

— Спасибо, — сказал Бейли. — Я считаю это большой любезностью с вашей стороны. Во время полета я

развлекался, изучая видеоматериалы об Авроре, и знаю, что совместная еда подразумевает особый церемониал, который меня просто путает.

— И напрасно.

— А не могли бы мы, — спросил Бейли, — нарушить правила вежливости даже еще больше, доктор Фастольф, и поговорить за столом о делах? Мне не следует терять времени.

— Я разделяю вашу точку зрения. Да, мы займемся обсуждением наших дел, и, полагаю, вы никому не выдадите, что я допустил подобное нарушение этикета. Мне не хотелось бы, чтобы двери светского общества для меня закрылись. — Он засмеялся, но тут же посерьезнел. — Только смеяться мне не следовало бы. Тут не до смеха. Напрасная трата времени в данном случае легко может стать роковой.

16

Комната, в которой происходил этот разговор, была скудно обставлена: несколько стульев, бюро, какой-то похожий на рояль инструмент, но с латунными клапанами вместо клавиш. Стены покрывал мерцающий узор, пол был выложен квадратами коричневого цвета, но разных оттенков, возможно, под дерево, и блестел, словно только что натертый. Однако подошвы на нем не скользили.

Столовая, расположенная на том же этаже, оказалась совсем другой. Она представляла собой вытянутый прямоугольник, всячески изукрашенный. Шесть больших квадратных столов, которые можно было расставлять в любой конфигурации, у одной короткой стены — бар со множеством разноцветных сверкающих бутылок, а за ними выгнутое зеркало, словно удлиняющее комнату в бесконечность. В четырех нишах другой короткой стены ждали роботы.

Обе длинные стены были выложены мозаикой, цвета которых медленно изменялись. Одна изображала планетарные пейзажи, но Бейли не мог решить, Аврора это, какой-нибудь другой мир или просто плод воображения. В дальнем конце поле пшеницы (или какого-то другого растения) убирали нарядные машины, управля-

емые только роботами. Затем взгляд скользил по разбросанным человеческим жилищам, которые у другого конца стены образовали, как решил Бейли, аврорианский Город.

Вторая длинная стена представляла космическую панораму. Бело-голубая планета, озаряемая отдаленным солнцем, отражала свет таким образом, что, лишь внимательно всмотревшись, можно было избавиться от иллюзии, будто она медленно вращается. Окружающие звезды — одни чуть заметные, другие яркие, — тоже словно меняли свое расположение, хотя стоило сосредоточить взгляд на одной мелкой группе, и оказывалось, что звезды в ней неподвижны.

Бейли оба панно показались перегруженными и неприятными.

— Подлинное произведение искусства, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Обошлось дороже, чем оно того стоило, но Фанья настояла... Фанья моя нынешняя подруга.

— Она присоединится к нам, доктор Фастольф?

— Нет, мистер Бейли. Как я и сказал, мы будем завтракать вдвоем. Я попросил ее временно оставаться в своем крыле. Мне не хотелось бы обременять ее проблемой, которой мы с вами занимаемся. Вы понимаете, я надеюсь?

— Ну конечно.

— Прошу вас, садитесь.

Один из столов был накрыт на два прибора. Тарелки, чашки, разнообразные ножи и вилки (Бейли знал назначение далеко не всех), а в центре стола — витой цилиндр, несколько напоминавший огромную пешку, вырезанную из серого камня. Бейли не удержался и потрогал цилиндр.

— Это комбисудок. Он очень прост в обращении и позволяет добавить в кушанье или какую-то его часть заданное количество различных специй и отдельно, и в десятках сочетаний. Его полагается взять в руку и проделать с ним довольно сложные трюки, сами по себе бесполезные, но очень ценимые в светском обществе Авроры как символ изящества и деликатности, с какими следует вести себя за столом. Я, когда был помоложе, легко проделывал тройной переброс с по-

мощью трех пальцев и в заключение на ладони у меня оказывалась щепотка соли. Но решишь я на что-либо подобное теперь, то рисковал бы посадить своему гостю синяк. Надеюсь, вы извините меня, если я обойдусь без этого ритуала.

— Прощу, доктор Фастольф, обойдитесь без него!

Робот поставил на стол салат, второй подал поднос с фруктовыми соками, третий принес хлеб и сыр, четвертый разложил салфетки. Все четверо двигались в слаженном ритме, словно исполняли сложный танец, и ни разу не сбились с темпа, не помешали друг другу. Бейли следил за ними в полном изумлении.

Когда они завершили приготовления, то каждый оказался у одной из сторон стола. Они разом отступили на шаг, разом поклонились и, разом повернувшись, отошли в ниши в глубине столовой. И тут Бейли увидел Дэниела с Жискаром. Он не заметил, как они вошли и встали в двух нишах, возникших среди пшеничного поля. Дэниел стоял ближе к нему.

— Теперь, когда они ушли... — начал было Фастольф, умолк и виновато покачал головой. — Только они не ушли. Принято, чтобы роботы покидали комнату до того, как люди приступят к еде. В отличие от людей, роботы в пище не нуждаются. Поэтому логично, чтобы те, кто ест, ели, а кто не ест, уходили. И в конце концов это превратилось в еще один ритуальный обычай. Теперь и помыслить нельзя о том, чтобы приступить к еде, пока роботы находятся в столовой. Ну невозможно! Однако, учитывая обстоятельства...

— Им пришлось остаться, — закончил Бейли.

— Да. Я решил, что безопасность важнее этикета, и еще я решил, что вы не австриец, и вас это не шокирует.

Бейли ждал, чтобы Фастольф сделал первый ход. Фастольф взял вилку, и Бейли тоже взял вилку. Фастольф пустил вилку в ход, неторопливо, так чтобы Бейли мог следить за ним без помех.

Бейли осторожно раскусил креветку и мысленно облизнулся. Вкус напомнил ему земную креветочную пасту, но насколько же креветка была сочнее и восхитительнее! Он медленно ее пережевывал и, забыв нетерпеливое желание начать расследование здесь же за

столом, предался гастрономическому блаженству, не в силах его прервать.

И первый ход сделал Фастольф.

— Не приступить ли нам к решению задачи, мистер Бейли?

Бейли почувствовал, что краснеет.

— Да-да. Разумеется. Прошу у вас извинения, но ваша аврорианская пища меня настолько поразила, что я просто не мог думать ни о чем другом. А задача ведь создана вами, доктор Фастольф, верно?

— Почему вы так считаете?

— Кто-то совершил робийство способом, требующим высочайшей квалификации. Так по крайней мере меня информировали.

— Робийство? Забавный термин. — Фастольф улыбнулся. — Конечно, я понимаю, что вы под ним подразумеваете. И вас информировали правильно: способ требует невероятной квалификации.

— И ею обладаете только вы... как меня информировали.

— И это тоже верно.

— Даже сами вы признаете... точнее, категорически настаиваете, что одни вы могли вызвать у Джендера умственную заморозку.

— Я говорю только чистую правду, мистер Бейли. Лгать было бы глупо, даже если бы я не побрезговал унизиться до лжи. Ведь я признан самым выдающимся знатоком теоретической робопсихологии на всех пятидесяти мирах.

— Тем не менее, доктор Фастольф, разве второй после вас выдающийся робопсихолог... или третий... или пятнадцатый не может обладать достаточными знаниями, которые позволили бы совершить это робийство? Неужели тут требуется квалификация самого лучшего?

— Я считаю, — невозмутимо ответил Фастольф, — что оно бесспорно требует максимум квалификации от самого лучшего специалиста. Собственно, на мой взгляд, даже я сумел бы это сделать лишь в особо удачный день. Не забывайте, что лучшие умы в области робопсихологии (включая меня) специально стремились создать

позитронный мозг, который было бы невозможно довести до умственной заморозки.

— Вы уверены? По-настоящему уверены?

— Абсолютно.

— И объявили это публично?

— Естественно. Было проведено публичное расследование, дорогой мой землянин. Мне задавали те же вопросы, какие сейчас задали вы, и я отвечал правдиво. Так принято на Авроре.

— Я не сомневаюсь, — сказал Бейли, — что вы отвечали правдиво, насколько вам представляется. Но не могло ли на вас повлиять самолюбие? Естественная гордость за себя? Ведь и это может быть типичным для аврорианца, не так ли?

— Вы спрашиваете, не заставило ли меня желание слыть лучшим в своей области добровольно внушить всем, что только я мог довести Джендера до заморозки?

— Почему-то мне кажется, что вы готовы пожертвовать своим политическим влиянием и положением в обществе ради сохранения своей репутации как ученого.

— Ах так. У вас интересная манера мыслить, мистер Бейли. Мне бы подобное и в голову не пришло. Значит, по-вашему, окажись я перед выбором: признать себя не самым лучшим специалистом или признать, что я виновен в робийстве, как вы это называете, я бы сознательно выбрал второе!

— Нет, доктор Фастольф, я представляю себе это совсем не так упрощенно. Разве не может быть, что вы обманываете себя, считая, будто вы далеко превосходите остальных робопсихологов, будто у вас нет и не может быть соперников, и вы отчаянно цепляетесь за эту веру, поскольку бессознательно, повторяю, бессознательно, доктор Фастольф, знаете, что другие уже равны вам или даже вас превосходят?

Фастольф засмеялся, но в его смехе проскользнуло раздражение.

— Ничего подобного, мистер Бейли. Вы попали пальцем в небо.

— Подумайте, доктор Фастольф. Вы абсолютно уверены, что никто из ваших коллег не способен с вами сравниться?

— Таких, кто хоть что-то знает о человекоподобных роботах, крайне мало. Создание Дэниела положило начало совершенно новой профессии, у которой даже названия нет. На Авроре кроме меня нет ни одного робопсихолога, понимающего, как работает позитронный мозг Дэниела. Доктор Сартон понимал. Но он умер. А кроме того, в этом он разбирался хуже меня. Ведь теория разработана мной.

— Так, конечно, и было, но ведь вы не можете сохранять за собой исключительное право собственности на нее. Неужели с ней никто не знаком?

Фастольф отрицательно покачал головой:

— Никто. Я никого ей не обучал, и я хотел бы посмотреть, как кто-нибудь из ныне живущих робопсихологов попробовал бы самостоятельно ее разработать!

Бейли спросил досадливо:

— А что, если есть талантливый молодой человек, только что с университетской скамьи, еще никому неизвестный, но...

— Нет, мистер Бейли. Нет. О таком молодом человеке я бы знал. Он бы стажировался в моей лаборатории, он бы какое-то время работал со мной. В данный момент такого молодого человека не существует. Со временем он появится. И возможно, не один. Но пока его нет!

— Значит, если бы вы умерли, новая наука умерла бы с вами?

— Мне всего только сто шестьдесят пять лет. Естественно, по метрическому календарю, то есть по вашему земному счету мне примерно сто двадцать четыре года. По меркам Авроры я еще относительно молод, и нет никаких медицинских оснований полагать, что я прожил хотя бы половину своей жизни. Не так уж редко люди доживают до четырехсот лет — метрических, естественно. У меня еще достаточно времени, чтобы найти себе учеников.

Они кончили есть, но продолжали сидеть за столом. И никто из роботов не подошел убрать со стола. Казалось, напряженный обмен репликами двух людей совершенно их обездвигил.

Прищурившись, Бейли сказал:

— Доктор Фастольф, два года назад я побывал на Солярии. Там у меня создалось четкое впечатление, что соляриане в целом — самые искусные робопсихологи и робоконструкторы на всех космомирах.

— В целом, пожалуй, и так.

— И никто из них не мог бы это сделать?

— Никто, мистер Бейли. Искусность их ограничивается роботами, которые в лучшем случае модернизированы не больше моего бедного надежного Жискара. Соляриане не имеют понятия о конструировании человекоподобных роботов.

— Но как вы можете быть в этом уверены?

— Вы ведь были на Солярии, мистер Бейли, и, следовательно, знаете, что соляриане избегают всяких личных контактов и общаются друг с другом исключительно с помощью трехмерной проекции, кроме абсолютно неизбежных встреч для совершения полового акта. И вы думаете, что кому-то из них могла прийти мысль создать робота, настолько внешне неотличимого от человека, что его вид их невыносимо раздражал бы? Сходство с человеком заставило бы их избегать его, а в таком случае для чего бы он им понадобился?

— Ну а если есть отдельные соляриане, которых человеческое тело не отталкивает? Вы же не станете отрицать такой возможности?

— Я и не отрицаю, но в этом году на Авроре не было граждан Солярии.

— Ни одного?

— Ни одного! Контакт с аврорианцами им тоже неприятен, и сюда они прилетают в крайне редких случаях, если того требуют дела. Они избегают посещать и все остальные миры. А уж если вынуждены прилететь, то остаются на орбите и ведут переговоры с нами с помощью электроники.

— В таком случае, — сказал Бейли, — если вы и только вы — тот единственный человек на всех мирах, кто мог бы это сделать, Джендер был убит вами?

— Не верю, чтобы Дэниел не поставил вас в известность, что я это отрицаю.

— Он мне сказал, но я хотел услышать, что скажете вы.

Фастольф скрестил руки на груди и нахмурился. Потом процедил сквозь стиснутые зубы:

— Хорошо, я скажу вам: я этого не делал.

Бейли покачал головой:

— Я верю, что вы верите своим словам.

— Верю. И совершенно искренне. Я говорю правду. Я не убивал Джендера.

— Но если вы этого не делали, а никто другой сделать этого не мог, значит... Погодите. Не исключено, что я сделал необоснованный вывод. Джендер действительно мертв или меня вызвали сюда под ложным предлогом?

— Робот действительно уничтожен. Вы сможете без помех увидеть его — если, конечно, Законодательное собрание до истечения дня не запретит мне доступ к нему. Но, полагаю, они этого не запретят.

— В таком случае, если вы этого не делали и никто другой сделать этого не мог, а робот действительно мертв, то кто же совершил это преступление?

Фастольф вздохнул:

— Полагаю, Дэниел сообщил вам, что я утверждал при расследовании, но вы желаете услышать это из моих уст.

— Совершенно верно, доктор Фастольф.

— Ну так никто этого преступления не совершал. Умственная заморозка Джендера была вызвана какой-то внутренней неполадкой в позитронных связях.

— Велика ли вероятность такой неполадки?

— Крайне мала. Но раз я тут ни при чем, произойти могло только это.

— Но не логично ли предположить, что вероятность того, что вы лжете, заметно больше вероятности неполадки?

— Многие предполагают именно это. Но мне известно, что я этого не делал, следовательно, неполадка остается единственным возможным объяснением.

— И вы затребовали меня сюда для того, чтобы я доказал, что причиной действительно была неполадка?

— Да.

— Но как можно это доказать? А ведь очевидно, что спасти вас, Землю и себя я могу, только отыскав доказательства.

— По нарастающей важности, мистер Бейли?

Бейли поморщился:

— Ну, пусть вас, меня и Землю.

— Боюсь, — сказал Фастольф, — что по зрелом размышлении я пришел к выводу, что доказать это невозможно.

17

Бейли в ужасе уставился на Фастольфа:

— Невозможно?!

— Никак невозможно. — И тут словно в припадке внезапной рассеянности Фастольф взял комбисудок. — Знаете, мне хочется проверить, сумею ли я и теперь сделать тройной переброс.

Резким, точно рассчитанным рывком кисти Фастольф подбросил судок так, что он перевернулся в воздухе, и подставил под узкий конец ребро правой ладони, прижав к ней большой палец. Судок снова взлетел, покачиваясь, и был подкинут ребром левой ладони, перелетел по дуге в обратную сторону, ударился о ребро правой ладони, затем о ребро левой. После этого — третьего — переброса он был подкинут так резко, что снова перевернулся. Фастольф поймал его правой рукой, подставляя левую ладонь. Зажав судок в кулаке, он показал Бейли левую ладонь с поблескивающей кучкой соли на ней.

— С научной точки зрения, — сказал Фастольф, — просто мальчишеское хвастовство, и затраченные усилия предельно непропорциональны цели — получению щепотки соли. Однако хороший хозяин дома на Авроре гордится таким умением жонглировать. Есть специалисты, способные перекидывать судок полторы минуты, двигая руки с такой быстротой, что за ними трудно уследить.

— Бесспорно, — задумчиво прибавил он, — Дэниел способен перекидывать судок гораздо изящнее и быстрее любого человека. Я давал ему такое задание, когда проверял действенность его мозговых связей, но позволить ему продемонстрировать такую способность зрителям было бы величайшей ошибкой. Это без всяко-

го толку унизило бы судочников — разговорное их название, которого ни в одном словаре вы не найдете.

Бейли буркнул что-то невнятное.

— Но нам следует вернуться к делу, — вздохнула Фастольф.

— Ради которого по вашему настоянию я пролетел несколько парсеков.

— Совершенно верно. Ну так продолжим.

— Вы ведь не просто из тщеславия показали мне свое искусство, доктор Фастольф, — сказал Бейли.

— Мы зашли в тупик. Я вызвал вас сюда сделать то, чего сделать нельзя. Выражение вашего лица было достаточно красноречивым, и, честно говоря, у меня на душе тоже кошки скребли. И потому я счел, что нам не помешает немного передохнуть. А теперь продолжим.

— Разговор о невыполнимой задаче?

— Но не для вас, мистер Бейли. Вы же слышите специалистом по невозможному.

— Гиперволновка? Вы поверили этому дурацкому перетолкованию того, что произошло на Солярии?

Фастольф развел руками:

— У меня нет выбора.

— Как и у меня, — сказал Бейли. — Я должен попытаться. Вернуться на Землю с неудачей я не могу. Это мне дали понять со всей ясностью. Так объясните мне, доктор Фастольф, как могли убить Джендера? Что требовалось проделать с его сознанием?

— Мистер Бейли, не представляю, как бы я мог объяснить это даже другому робопсихологу, — а вы ведь не робопсихолог! — даже если бы намеревался обнародовать свою теорию, чего совсем делать не намерен. Однако кое-что растолковать вам я, пожалуй, смогу... Вам, конечно, известно, что роботы были изобретены на Земле.

— Робопсихология и роботехника на Земле не в чести...

— Космомиры полностью осведомлены о земном предубеждении против роботов.

— Однако земное происхождение роботов очевидно для всякого землянина, который потрудится хоть немного подумать. Всем известно, что гиперпространственные полеты были осуществлены с помощью робо-

тов, а поскольку космомиры не могли быть заселены до начала гиперпространственных полетов, значит, роботы существовали до их заселения, когда Земля еще оставалась единственной планетой, где обитали люди. Следовательно, роботы были изобретены на Земле и землянами.

— Однако Земля этим не гордится, так?

— Мы этого не обсуждаем, — буркнул Бейли.

— И земляне ничего не знают о Сьюзен Кэлвин?

— Я встречал ее фамилию в старинных книгах. Она была в числе пионеров робопсихологии.

— И это все, что вы о ней знаете?

Бейли пожал плечами:

— Наверное, я мог бы узнать больше, порывшись в архивных документах, но у меня не было в этом необходимости.

— Как странно! — сказал Фастольф. — Для всех космонитов она — богиня, и думаю даже, что, кроме узких специалистов, никто из них не представляет ее себе уроженкой Земли. Такая мысль показалась бы кощунством. И они не поверили бы, если бы им сообщили, что она умерла, не прожив и ста метрических лет. А для вас она всего лишь одна из числа пионеров робопсихологии!

— Она имеет какое-то отношение к нашей проблеме, доктор Фастольф?

— Косвенное. Учтите, что вокруг ее имени родилось множество легенд. По большей части это чистые измышления, но они неразрывно с ней связаны. Одна из самых знаменитых легенд (и наименее правдоподобная) касается робота, сконструированного в ту раннюю эпоху. Благодаря какой-то случайности при сборке он оказался наделенным телепатическими способностями...

— Что-о!

— Это же легенда, как я вам объяснил, и, несомненно, лживая. Хотя, учтите, существуют теоретические предпосылки, допускающие подобную возможность, но пока еще никто не предложил практической схемы, которая позволила бы создать такого робота. А о том, что подобная способность оказалась присуща примитивному позитронному мозгу в догиперпространственную эру, и речи быть не может. Вот почему мы абсо-

лютно уверены, что данное сказание — чистая выдумка. Но тем не менее разрешите мне продолжать, потому что у этой истории есть мораль.

— Продолжайте, прошу вас.

— Этот робот, как гласит сказание, умел читать мысли. И когда ему задавали вопросы, он читал мысли спрашивающего и говорил именно то, что спрашивающему хотелось услышать. Первый Закон ясно и недвусмысленно запрещает роботу причинять вред человеку или бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред. Обычный робот понимает этот вред как физический. Робот же, способный читать мысли, несомненно решил бы, что разочарование, гнев или любое другое тягостное чувство делают человека, их испытывающего, несчастным, и вызвать их — значит причинить ему вред. А потому, предполагая, что правда может огорчить или рассердить спрашивающего, пробудить в нем зависть, сделать его несчастным, робот-телепат подменил бы истину приятной ложью. Понимаете?

— Конечно.

— И робот лгал даже самой Сьюзен Кэлвин. Долго так продолжаться не могло, поскольку разным людям говорились разные вещи, не только не согласующиеся друг с другом, но и не подкрепляемые объективной реальностью. Сьюзен Кэлвин обнаружила, что робот ей лгал и что из-за его лжи она попала в крайне тягостное положение. То, что вначале причинило бы ей лишь некоторое разочарование, теперь из-за ложных надежд обернулось нестерпимой болью... Вы действительно не знаете эту историю?

— Даю вам слово.

— Поразительно! Однако родилась она не на Авроре, поскольку бытует на всех космосирах... Как бы то ни было, Кэлвин отомстила. Она указала роботу, что скажет ли он правду или солжет, человеку, с которым он разговаривает, неизбежно будет причинен вред. И любое его действие окажется нарушением Первого Закона. Осознав это, робот укрылся от неразрешимой дилеммы в полном бездействии. Его позитронные связи, если вам нравится цветистость, мгновенно испепелились. В его мозгу произошло необратимое разрушение.

Согласно легенде, последним словом Сьюзен Кэлвин, обращенным к роботу, было «Лжец!»

— Если я понял правильно, — сказал Бейли, — что-то подобное произошло и с Джендером Пэнеллом. Он столкнулся с неразрешимым противоречием, и его мозг испепелился?

— Да, впечатление создается именно такое. Однако теперь поставить робота в подобное положение далеко не так просто, как в дни Сьюзен Кэлвин. Робопсихологи (возможно, из-за этой легенды) всегда принимали самые тщательные меры, чтобы подобное противоречие не могло возникнуть. Теория позитронного мозга развивается, модели его все более усложняются, а параллельно создаются все более надежные системы защиты, рассчитанные на то, чтобы в любой ситуации противодействующие факторы не уравнивались, оставляя возможность для какого-то действия, которое можно было бы истолковать как выполнение Первого Закона.

— Следовательно, испепелить мозг робота невозможно. Вы это хотите сказать? Но тогда что произошло с Джендером?

— Нет, этого я сказать не хочу! Все более надежные системы, о которых я говорю, абсолютной надежности не гарантируют и не могут гарантировать. Каким бы сложным и тонко мыслящим ни стал мозг, всегда найдется способ создать неразрешимое противоречие. Это математическая истина. Никогда не удастся создать настолько тонко мыслящий и защищенный мозг, чтобы свести возможность противоречия к нулю. К очень малой степени — да, но не к полному нулю. Однако системы настолько приближаются к нулю, что создание условий для умственной заморозки требует глубочайшего понимания конкретного позитронного мозга. А для этого необходим очень умный теоретик.

— Вроде вас, доктор Фастольф?

— Вроде меня. А если речь идет о человекоподобном роботе, так есть только я один.

— Или вообще нет никого, — заметил Бейли с тяжелой иронией.

— Или вообще никого. Вот именно, — ответил Фастольф, словно не заметив иронии. — Человекоподобные роботы обладают мозгом, да и телом, могу я приба-

вить, сформированными сознательно по образцу человеческих. Позитронный мозг — чрезвычайно тонкий механизм и, естественно, в определенной мере обладает хрупкостью человеческого мозга. Как у человека может произойти инсульт в результате какого-то внутреннего процесса и без всякого внешнего воздействия, так и человекоподобный мозг может по чистой случайности — непроизвольного дрейфа позитронов — впасть в умственную заморозку.

— Вы можете доказать это, доктор Фастольф?

— Могу продемонстрировать это математически, но отнюдь не все из тех, кто способен разобраться в формулах, согласятся с ходом моих рассуждений. В них включены некоторые мои предположения, которые не согласуются с общепринятыми положениями роботсихологии.

— Насколько вероятна самопроизвольная умственная заморозка?

— Если взять большое количество человекоподобных роботов, например сто тысяч, то почти наверное у одного из них на протяжении среднего срока жизни аврорианца произойдет самопроизвольная заморозка. Но произойти это может и много раньше, вот как с Джендером, хотя вероятность будет несравненно меньше.

— Послушайте, доктор Фастольф! Даже если вы сумеете неопровержимо доказать, что робот в принципе может пострадать от самопроизвольной заморозки, отсюда еще не следует, что именно это произошло конкретно с Джендером конкретно в этот момент.

— Да, — признал Фастольф. — Вы совершенно правы.

— Вы, величайший эксперт в области роботсихологии, не можете доказать, что Джендер оказался жертвой именно такой случайности.

— Опять-таки вы совершенно правы.

— Так как же вы можете требовать этого от меня, когда я ничего не смыслю в роботсихологии?

— Но ведь доказывать ничего не надо. Разве не достаточно выдвинуть хитроумное предположение, которое убедит широкую публику в возможности самопроизвольной заморозки?

— Например?

— Я не знаю.

— Вы уверены, что не знаете, доктор Фастольф? — резко спросил Бейли.

— Как это? Я же только что сказал вам, что не знаю.

— Разрешите, я укажу вам кое на что. Полагаю, аврорианцам в целом известно, что я прилетел на планету для разрешения загадки. Было бы трудно привезти меня втайне, учитывая, что я землянин, а это Аврора.

— Бесспорно. И я не делал из этого никакой тайны. Я посоветовался с председателем Законодательного собрания и добился от него разрешения привезти вас сюда. Именно таким образом мне удалось настоять на отсрочке разбирательства. Вам дают возможность найти разгадку, прежде чем я предстану перед судом. Сомневаюсь, что они дадут мне много времени.

— Так я повторю: аврорианцы в целом знают, что я здесь, и, полагаю, совершенно точно знают, для чего. Чтобы разгадать загадку смерти Джендера.

— Разумеется. Какая еще могла быть причина?

— И с той минуты, когда я поднялся на корабль, доставивший меня сюда, вы держали меня под постоянным и неусыпным надзором из опасения, что ваши враги попытаются меня убить, так как считают, будто я чудодей, разгадаю загадку и обеспечу вам победу, несмотря на все стоящие передо мной трудности.

— Боюсь, что такая возможность не исключена.

— Допустим, некто, не желающий, чтобы загадка была разгадана и вы вышли из положения с честью, все-таки сумеет меня убить. Не пойдет ли это вам на пользу, доктор Фастольф? Ведь люди предположат, будто ваши враги предполагали, что вы не виновны, а то почему бы им понадобилось препятствовать расследованию и убивать меня?

— Слишком сложно, мистер Бейли. Не исключаю, что при умении вашу смерть можно было бы использовать для такой цели, но ведь этого не произойдет. Вы надежно защищены, и вас не убьют.

— Но для чего защищать меня, доктор Фастольф? Почему не позволить, чтобы они меня убили, и не использовать мою смерть для своей победы?

— Потому что я предпочитаю, чтобы вы остались живы и сумели неопровержимо доказать мою невиновность.

— Но вы же знаете, что доказать вашу невиновность не в моих силах, — возразил Бейли.

— А вдруг? У вас достаточно побудительных причин. От того, сумеете вы или нет, зависит благополучие Земли, а также, по вашим словам, ваша собственная карьера.

— Что толку от побудительных причин? Если вы потребуете, чтобы я замахал руками и полетел, объяснив, что в случае неудачи я умру под пыткой, а Земля будет взорвана и все ее население уничтожено, у меня будут крайне веские причины взмахнуть руками и полететь. Но все равно я не полечу.

— Я знаю, что шансы невелики, — сказал Фастольф неуверенно.

— Вы знаете, что они равны нулю, — яростно воскликнул Бейли. — И что спасти вас может только моя смерть.

— В таком случае для меня нет спасения, потому что я забочусь, чтобы мои враги до вас не добрались.

— Но сами вы можете до меня добраться.

— Что?

— Мне пришла мысль, доктор Фастольф, что вы-то вполне можете меня убить таким образом, чтобы убийство приписали вашим врагам. Тогда вы используете мою смерть против них. Ради этого вы и затребовали меня на Аврору.

Секунду Фастольф смотрел на Бейли с недоумением, потом от внезапного бешеного гнева его лицо покраснело и свирепо исказилось. Схватив со стола комбисудок, он замахнулся, готовясь метнуть его в Бейли.

А Бейли, захваченный врасплох, только в ужасе прижался к спинке стула.

Глава 5

ДЭНИЕЛ И ЖИСКАР

18

Как ни быстры были движения Фастольфа, Дэниел оказался быстрее.

Бейли, который забыл о присутствии роботов, увидел и услышал что-то стремительное, смутное, а затем рядом с Фастольфом Дэниела. Держа в руке судок, робот говорил:

— Надеюсь, доктор Фастольф, я не причинил вам вреда?

Как во сне Бейли обнаружил, что с другого бока от Фастольфа шагах в двух стоит Жискар, а четыре робота покинули свои ниши и очутились почти у обеденного стола.

Волосы Фастольфа были растрепаны. Он сказал слегка прерывающимся голосом:

— Нет, Дэниел. Ты отлично справился. — Он добавил погромче: — Вы все отлично справились, но помните: никаких промедлений, даже если это касается меня.

Он засмеялся и снова сел, проводя рукой по волосам.

— Извините, мистер Бейли, — сказал он, — но мне показалось, что наглядная демонстрация будет убедительнее любых моих слов.

Бейли, чей мгновенный ужас был чисто рефлекторным, расстегнул воротничок и ответил с легкой хрипотцой в голосе:

— Боюсь, я ожидал слов, но согласен, что демонстрация получилась очень убедительная. Рад, что Дэниел находился достаточно близко, чтобы вас обезоружить.

— Они все были достаточно близко, чтобы обезоружить меня, но Дэниел был ближе и добрался до меня первым — так быстро, что почти не применил силы. Находись он дальше, ему, возможно, пришлось бы вывихнуть мне руку или даже оглушить меня.

— И он бы зашел так далеко?

— Мистер Бейли, — сказал Фастольф, — я отдал распоряжение защищать вас, а отдавать распоряжения я умею. Они без колебаний спасли бы вас, даже если бы это означало причинить вред мне. Разумеется, они постарались бы — как Дэниел, — чтобы вред оказался минимальным. Он причинил вред только моему достоинству и прическе. Ну и пальцы у меня покалывает. — Фастольф огорченно пошевелил ими.

Бейли глубоко вздохнул, стараясь оправиться от секундной растерянности, и спросил:

— Разве Дэниел не стал бы защищать меня даже без вашего специального распоряжения?

— Разумеется. У него не было бы выбора. Однако не думайте, будто реакция робота — это просто да или нет, вверх или вниз, вперед или назад. Это очень распространенное заблуждение. Вопрос в быстроте реакции. Свои распоряжения относительно вас я сформулировал таким образом, что потенциал, заложенный во всех роботах моего дома, включая Дэниела, повысился далеко за нормальный уровень — до максимального в пределах разумного, насколько я мог это обеспечить. Поэтому реакция на четкую угрожающую вам опасность практически мгновенна. Я знал это и потому мог позволить себе напасть на вас со всей доступной мне быстротой — ведь необходимо было как можно нагляднее показать вам, что любое мое нападение будет предотвращено.

— Безусловно, но «спасибо» я вам все-таки не скажу.

— А! Я абсолютно уверен в своих роботах, а в Дэниеле — особенно. Хотя, правда, я с некоторым опозданием сообразил, что не выпусти я судок сразу, Дэниел бы против своей воли — или эквивалента воли у роботов — мог сломать мне руку.

— Мне кажется, было глупо подвергаться такому риску, — сказал Бейли.

— Мне тоже так кажется — задним числом. А вот если бы вы приготовились швырнуть в меня судок, Дэниел сразу вам воспрепятствовал бы, но не совсем с той же быстротой, поскольку особых распоряжений о моей безопасности не получал. Надеюсь, он сумел бы меня спасти, но абсолютной уверенности у меня нет, и, пожалуй, я предпочту этого не проверять. — Фастольф весело улыбнулся.

— Ну а если на дом сбросят с той или иной воздушной машины какое-нибудь взрывное устройство? — спросил Бейли.

— Или если бы мы подверглись удару гамма-луча с соседнего холма? Мои роботы не гарантия абсолютной защиты, но здесь, на Авроре, подобные террористские покушения крайне маловероятны. Полагаю, из-за них нам волноваться не стоит.

— Согласен. Сказать правду, я серьезно не думал, доктор Фастольф, что вы опасны для меня, но мне необходимо было полностью исключить такую возможность, прежде чем идти дальше. Теперь мы можем продолжить.

— Да, конечно, — сказал Фастольф. — Этот весьма драматичный эпизод не снял главной проблемы: как доказать, что умственная заморозка Джендера была самопроизвольной и случайной.

Но Бейли теперь полностью сознавал присутствие Дэниела и, обернувшись к нему, спросил с тревогой:

— Дэниел, тебе неприятно, что мы обсуждаем эту проблему?

Дэниел, тем временем поставивший комбисудок на самый дальний из столов, ответил:

— Партнер Элайдж, я предпочел бы, чтобы былой друг Джендер функционировал по-прежнему, но раз это не так и раз его функциональность восстановить невозможно, то важно принять меры, чтобы подобные случаи в будущем не повторялись. Поскольку данное обсуждение имеет именно такую цель, оно мне более приятно, чем неприятно.

— Ну, чтобы покончить с этим окончательно: Дэниел, ты полагаешь, что за гибель твоего бывшего товари-

ща робота Джендера ответственность несет доктор Фастольф? Вы извините мой вопрос, доктор Фастольф?

Тот одобрительно кивнул, и Дэниел сказал:

— Доктор Фастольф заявил, что он тут ни при чем. Значит, это так.

— И у тебя нет никаких сомнений, Дэниел?

— Никаких, партнер Элайдж.

Фастольфа это словно позабавило.

— Вы ведь допрашиваете робота, мистер Бейли!

— Я это знаю, но Дэниела я воспринимаю не совсем как робота, а потому спросил.

— Никакая следственная комиссия не примет его ответы во внимание. Его позитронные потенциалы вынуждают Дэниела верить мне.

— Но я-то не комиссия, доктор Фастольф, и расчищаю завалы. Вернемся к исходной позиции: либо вы испепелили мозг Джендера, либо это была случайность. Вы заверили меня, что такая случайность недоказуема, а потому у меня остается один выход: опровергнуть вашу причастность. Иными словами, если я смогу продемонстрировать, что у вас не было возможности убить Джендера, единственной альтернативой останется случайность.

— И как же вы это продемонстрируете?

— Вопрос стоит о средствах, удобном случае и мотиве. Средство убить Джендера у вас имелось — теоретическая оснащенность, позволяющая поставить его перед такой дилеммой, что умственная заморозка была бы неизбежной. Но был ли у вас удобный случай? Джендер принадлежал вам в том смысле, что вы считали его мозговые связи и наблюдали за его изготовлением, но находился ли он в вашем владении в момент заморозки?

— Собственно говоря, нет. Он находился во владении другого лица.

— Как долго?

— Около восьми месяцев. То есть несколько больше ваших шести.

— А-а! Интересно. Вы были с ним или где-нибудь поблизости в момент его гибели? Могли как-то добраться до него? То есть не можем ли мы доказать, что вы находились на таком расстоянии от него и настолько

были лишены всякой связи с ним, что никак не могли быть причастным к его гибели в тот момент, когда она предположительно произошла?

— Боюсь, что нет, — ответил Фастольф. — Его гибель могла произойти на протяжении порядочного отрезка времени. С роботом после гибели не происходит ничего аналогичного окостенению или разложению — процессам, позволяющим точно установить время смерти человека. И мы можем сказать только: известно, что в такой-то момент Джендер еще функционировал, а в такой-то момент уже не функционировал. Между этими двумя моментами — промежуток около восьми часов. Полного алиби на весь этот отрезок времени у меня нет.

— Никакого? А чем вы занимались в эти часы, доктор Фастольф?

— Я был здесь, у себя.

— Но ваши роботы, конечно, знают, что вы были здесь, и могут засвидетельствовать...

— Знать они безусловно знают, но юридически их свидетельства ничего не стоят, а в тот день Фанья уехала по своим делам.

— Да, кстати. Фанья тоже специалист в робопсихологии?

Фастольф позволил себе ироническую улыбку:

— О робопсихологии она знает меньше вас... К тому же все это ни малейшей важности не имеет.

— Как так?

Терпение Фастольфа явно истощилось.

— Мой дорогой мистер Бейли, речь же идет не о прямом физическом нападении вроде моей недавней атаки на вас. То, что произошло с Джендером, не требовало моего физического присутствия. Вообще-то Джендер находился относительно недалеко отсюда, но с тем же успехом мог бы находиться в другом полушарии. Я ведь мог вызвать его по переговорному устройству и, манипулируя распоряжениями и его реакцией на них, довести его до умственной заморозки. И времени на это потребовалось бы немного.

— Следовательно, — перебил Бейли, — это короткий процесс и кто-то мог бы случайно получить роковой результат, хотя имел в виду что-то совсем другое?

— Нет! — отрезал Фастольф. — Авроры ради, землянин, дайте же мне говорить. Я уже объяснил вам, что так быть не могло. Процесс доведения Джендера до заморозки был бы долгим, сложным и хитрым, требующим глубочайшего понимания и находчивости. И никто не мог бы получить такой результат случайно. Разве что ему предшествовал бы длинный ряд немыслимых совпадений и случайностей. Самопроизвольная заморозка все-таки гораздо более вероятна по сравнению со случайным следованием по такому сверхсложному пути, и я доказал бы это математически, если бы мои формулы принимались во внимание. Но вот если бы я хотел вызвать заморозку, то мало-помалу на протяжении недель, месяцев, даже лет, тщательно соразмеряя изменения и реакции, довел бы Джендера до критической точки. И ни разу на протяжении этого процесса не появилось бы никаких признаков, что он находится на грани гибели, — вот как вы в темноте можете шаг за шагом приближаться к пропасти, до последнего момента ощущая под ногами твердую почву. Когда же я довел бы его до предела — до края пропасти, — достаточно было бы одного моего слова, чтобы покончить с ним. Этот последний шаг занял бы лишь миг, понимаете?

Бейли сжал губы. Какой смысл скрывать разочарование?

— Короче говоря, удобный случай у вас был.

— Не только у меня, но у любого обитателя (или обитательницы) Авроры при условии, что он (или она) обладает необходимыми качествами.

— Но качества эти есть только у вас.

— Боюсь, что так.

— Таким образом, остается только мотив.

— А!

— И вот тут мы можем преуспеть. Эти человекоподобные роботы — ваши. Они созданы на основании вашей теории и вы участвовали во всех стадиях их конструирования, пусть даже занимался им доктор Сартон. Они существуют благодаря вам — и только благодаря вам. Вы назвали Дэниела своим «первенцем». Они ваши творения, ваши детища, ваш дар человечеству, ваша заявка на бессмертие. (Бейли дал волю своему воображению, на мгновение представив себе, будто

выступает перед следственной комиссией.) Так зачем, во имя всего святого, — или, если угодно, во имя Авроры, — вам понадобилось перечеркнуть свой труд? С какой стати вы уничтожили бы жизнь, которую создали ценой невероятной затраты умственных сил?

Фастольф усмехнулся:

— Но, мистер Бейли! Вы же ничего в этом не понимаете. Так почему вы считаете мою теорию плодом «невероятной затраты умственных сил?» Ведь это могла быть просто очень скучная экстраполяция какого-то очень нудного уравнения, которую мог бы сделать кто угодно, и просто я первый решил поскучать.

— Не думаю, — ответил Бейли, стараясь вернуться к более спокойному тону. — Если никто кроме вас не способен понять человекоподобный мозг настолько, чтобы его уничтожить, то не сомневаюсь, что только вы понимаете его настолько, чтобы его создать. Вы будете это отрицать?

Фастольф покачал головой:

— Не буду. Однако, мистер Бейли (таким мрачным его лицо стало впервые с момента их встречи), ваш тщательный анализ только ухудшил наше положение. Мы уже установили, что средство для убийства и удобный случай его совершить были только у меня. Но волей судеб у меня есть и мотив — самый веский мотив в мире. И моим врагам это известно. Так как же, во имя всего святого — или, перефразируя вас, во имя Земли, мы сумеем доказать, что я его не совершал?

19

Бейли яростно насупился. Он быстро отошел, направляясь в угол, словно в поисках замыкающих стен, но внезапно обернулся и сказал резко:

— Доктор Фастольф, по-моему, вам нравится ошарашивать меня.

— Вовсе нет. — Фастольф пожал плечами. — Я просто обрисовываю вам проблему такой, какова она в реальности. Бедняга Джендер принял робосмерть из-за каприза позитронного дрейфа. Поскольку я не имел к ней никакого отношения, то могло быть только это, я убежден. Однако больше никто не может безоговороч-

но признать меня невиновным, а все косвенные улики указывают на меня. И следует смотреть правде в глаза, решая, можем ли мы что-то сделать, а если можем, то что.

— Хорошо. В таком случае рассмотрим ваш мотив. Возможно, он вовсе не такой веский, как представляется вам.

— Вряд ли, мистер Бейли. Я ведь не дурак.

— Но вы и не судья себе и своим побудительным мотивам. Как правило, люди не слишком способны судить о себе и своих поступках. Не исключено, что по какой-то причине вы себя драматизируете.

— Не думаю.

— Ну так объясните мне свой мотив. В чем он заключается? Говорите!

— Не торопитесь, мистер Бейли. Это не так просто. Не выйдете ли вы со мной наружу?

Бейли быстро взглянул на окно. Выйти во Вне?

Солнце опустилось ниже, и свет его ярче наполнял столовую. Бейли замаялся, а потом сказал громче, чем следовало:

— Да. С удовольствием.

— Превосходно, — отозвался Фастольф и добавил дружески: — Но не хотите ли сперва заглянуть в Личную?

Бейли прикинул. Никакой потребности он не испытывал. Но как знать, что ждет его во Вне? Долго ли они там останутся и какие там есть удобства? Главное же, он не знает обычаев аврорианцев, а в фильмокнигах, которые он просмотрел на корабле, об этой стороне их жизни, насколько ему помнилось, не было ничего. Пожалуй, безопаснее последовать намеку хозяина дома.

— Спасибо, — сказал он. — Если можно.

Фастольф кивнул и распорядился:

— Дэниел, проводи мистера Бейли в Личную для гостей.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, — вот сюда.

Когда они вышли в соседнюю комнату, Бейли сказал:

— Мне очень жаль, Дэниел, что ты не принимал участия в моем разговоре с доктором Фастольфом.

— Так не полагается, партнер Элайдж. Когда вы задали мне прямой вопрос, я ответил, но статья участником разговора меня не пригласили.

— Я бы пригласил, Дэниел, но я здесь гость и подумал, что было бы нетактично взять инициативу на себя.

— Я понимаю... Вот Личная для гостей, партнер Элайдж. Когда помещение свободно, дверь откроется, если вы прикоснетесь к ней в любом месте.

Но Бейли не вошел. Он задумался, а потом спросил:

— Но если бы тебя пригласили участвовать в разговоре, Дэниел, ты сказал бы что-нибудь? Сделал бы какое-нибудь замечание? Я хотел бы узнать твое мнение, друг мой.

Дэниел сказал с обычной серьезностью:

— Мне хотелось бы сказать, что утверждение доктора Фастольфа, будто у него был веский мотив вывести Джэндера из строя, было для меня полной неожиданностью. Я не знаю, в чем заключается этот мотив. Но что бы он вам ни сказал об этом, вы могли бы спросить его, почему тот же мотив не побудит его подвергнуть умственной заморозке меня. Если кто-то верит, что у него была побудительная причина вывести из строя Джэндера, почему та же причина не относится ко мне? Мне любопытно это узнать.

Бейли пристально посмотрел на Дэниела, машинально стараясь прочесть выражение лица, которое всегда находилось под жестким контролем, и сказал:

— Ты испытываешь тревогу, Дэниел? Ты чувствуешь, что Фастольф тебе угрожает?

— Третий Закон требует, чтобы я берег свое существование, — сказал Дэниел. — Однако я не стал бы защищаться, если бы доктор Фастольф или любой другой человек обоснованно решил, что его следует прервать. Таков Второй Закон. Но я знаю, что представляю большую ценность и с точки зрения вложенных в меня материалов, труда и времени, и в научном смысле. Поэтому потребовалось бы убедить меня в вескости причин, требующих, чтобы мое существование было прервано. Доктор Фастольф ни разу — ни разу, партнер Элайдж! — не говорил мне ничего, указывающего, что он думает о подобном. Я не верю, что он даже

отдаленно помышляет о том, чтобы кончить мое существование, или что такая мысль приходила ему относительно Джендера. Существование Джендера, видимо, прервал случайный позитронный дрейф, как он, возможно, когда-нибудь прервет и мое. Во Вселенной всегда присутствует элемент случайности.

— Ты утверждаешь это, Фастольф утверждает это, и я верю, что так и было. Трудность в том, чтобы убедить большинство людей согласиться с нами. — Он угрюмо посмотрел на дверь Личной. — Ты войдешь со мной, Дэниел?

По лицу Дэниела скользнуло что-то, соответствующее веселой улыбке.

— Очень лестно, партнер Элайдж, когда тебя настолько принимают за человека. Этих потребностей у меня, естественно, не существует.

— Естественно. Но все равно ты можешь войти.

— Входить мне не полагается. Не принято, чтобы роботы входили в Личную. Обстановка такого помещения чисто человеческая... А к тому же это одностенная Личная.

Одностенная! Бейли был неприятно поражен, но справился со своими чувствами. Другие миры — другие обычаи! И об этом обычае в фильмокнигах вроде не упоминалось. Он сказал:

— Ах так вот что ты имел в виду, когда сказал, что дверь откроется, только если там не занято. Ну а если занято, как будет тогда?

— Тогда прикосновение снаружи дверь не откроет: ваши личные процедуры полностью ограждены. Естественно, прикосновение изнутри ее откроет.

— Ну а если посетитель потеряет сознание, находясь там? Если с ним произойдет инсульт или инфаркт и он не сможет прикоснуться к двери изнутри? Получается, что никто не сможет войти, чтобы помочь ему?

— Если появится такая необходимость, есть аварийные способы открыть дверь. — Он встревоженно добавил: — Вам кажется, что нечто подобное может произойти?

— Конечно, нет. Я просто поинтересовался.

— Я буду стоять у самой двери, — сказал Дэниел с беспокойством. — Если я услышу ваш голос, партнер Элайдж, то сразу приму меры.

— Ну, это вряд ли понадобится. — Бейли небрежным жестом чуть коснулся двери, и она тотчас открылась. Он подождал, проверяя, закроется она или нет. Дверь оставалась открытой, но едва он вошел, как она закрылась.

Пока он глядел в дверь, Личная казалась строго функциональным помещением. Раковина, кабинка (видимо, с душем), ванна, прозрачный экран на петлях, за которым виднелось сиденье, скорее всего унитаза. И еще какие-то приспособления, назначения которых он не знал. Предположительно, те или иные туалетные принадлежности.

Но ничего толком он разглядеть не успел, так как через мгновение обстановка исчезла, и ему оставалось гадать, действительно ли он видел раковину, ванну и прочее, или ему померещилось, потому что он ожидал их увидеть.

Едва дверь закрылась, на миг наступила полная темнота, так как помещение было без окон, затем свет вспыхнул, но вокруг все стало другим. Свет был солнечный, а он находился во Вне... или так казалось?

Открытое небо над головой с облаками, проплывающими настолько симметрично, что выглядели явно нереальными. А по сторонам простирались заросли трав, которые колыхались столь же упорядоченно.

Бейли почувствовал знакомый ком в горле, встававший там всякий раз, когда он бывал во Вне... Но сейчас он не во Вне. Он вошел в помещение без окон. Следовательно, это зрительная иллюзия.

Он медленно зашаркал по полу, глядя прямо перед собой. Вытянул руки вперед. Медленно. Напрягая зрение.

Его пальцы прикоснулись к гладкой стене. Он провел ладонями по ее гладкости вправо и влево. И прикоснулся к тому, что из-за двери показалось ему раковиной. Ощупывая ее, он сквозь слепящий свет разглядел смутные очертания.

Нащупал кран. Но вода не потекла. Провел ладонью до его основания, но не обнаружил никакого эквивален-

та ручек, регулирующих струю. Зато нащупал на стене шероховатый овал и слегка нажал на него, проверяя. Тут же травы, простирающиеся далеко за плоскость, которую его пальцы определили как стену, раздвинулись, пропуская поток воды, и она с громким плеском полилась с высоты к его ногам.

Бейли в панике отпрыгнул, но вода исчезала, не касаясь его ног. Она продолжала литься, но не достигала пола. Он подставил под нее ладонь. Не вода, а игра света. Ладонь осталась сухой, он ничего не почувствовал. Но глаза упорно продолжали видеть воду.

Он провел рукой по струе вверх и тут ощутил воду. Она струйкой текла из крана и была холодной.

Его пальцы снова нащупали овал и, экспериментируя, он начал нажимать на него в разных местах. Температура быстро изменялась, и он установил, где именно следует нажать, чтобы вода была теплой.

Мыла он не нашел и неохотно принялся тереть ненамышленные руки друг о друга под (как казалось) струей родника, которая должна была бы обливаться его с головы до ног, но не обливала. Тут вода стала мыльной — то ли аппарат читал его мысли, то ли (что было вероятней) среагировал на потирание рук, — а родник, который он видел и не видел, вдруг запенился.

Все с той же неохотой он нагнулся над раковиной и обтер мыльной водой лицо, ощущая под ладонями колючую щетину. Но получить принадлежности для бритья без объяснения, как это сделать, он не мог.

Он кончил умываться, но продолжал беспомощно держать руки под струей. Как прекратить подачу мыла? Праздный вопрос! Видимо, достаточно было того, что его руки перестали тереться о его лицо и друг о друга. Вода перестала быть мыльной и смыла пену с его рук. Он ополоснул лицо, стараясь не касаться кожи. И сильно намочил рубашку, потому что ничего не видел и с не привычки был очень неуклюж.

Полотенца? Салфетки?

Он попытался, зажмурившись и вытянув шею вперед, чтобы вода, стекающая с лица, больше на одежду не попадала. Видимо, шаг назад явился сигналом, так

как он ощутил на лице теплую струю воздуха, а потом подставил под нее и руки.

Комок в горле давно исчез под влиянием раздражения. Он понимал, что Личные на каждой планете должны обладать своими особенностями, но создавать в Личной иллюзию Вне — это уж слишком!

На Земле Личная представляла собой обширное помещение для людей одного пола, снабженное закрытыми кабинками, которые отпирались личным ключом. На Солярии в Личную шли по узкому коридору, пристроенному к стене дома, словно соляриане надеялись создать впечатление, что помещение это к дому отношения не имеет. Однако на обеих планетах, несмотря на все их колоссальные различия, Личные были оборудованы строго функционально, и в них нельзя было спутать назначение предметов. Так для чего на Авроре старательно маскируют обстановку Личной сложной иллюзией сельской местности?

Ну во всяком случае злость не оставила места для переживаний из-за того, что он словно бы очутился во Вне.

Бейли шагнул туда, где видел прозрачный экран, но ошибся в выборе направления и отыскал его, медленно пробираясь вдоль стены на ощупь и ушибаясь о невидимые выступы.

В конце концов он помочился в иллюзию небольшого пруда, поверхность которого не пошла кругами от его струи. Колени сказали ему, что он целится в центр того, что счел урином. А если это вовсе не уринал или он промахивается, то вина не его!

Затем он хотел было снова отыскать раковину и ополоснуть руки, но передумал. Опять разыскивать, опять этот поддельный водопад? Нет уж!

Он принялся ощупью искать входную дверь, но обнаружил, что нашел ее, только когда она открылась от его прикосновения. Свет внутри сразу погас, и он вышел на нормальный реальный свет дня.

Рядом с Дэниелом стояли Фастольф и Жискар.

— Вы пробывали там почти двадцать минут, — сообщил Фастольф. — Мы уже начали беспокоиться.

Бейли захлестнула жаркая волна гнева.

— Мне мешали ваши дурацкие видеоиллюзии, — сказал он, крепко держа себя в руках.

Фастольф вытянул губы, и его брови поднялись в безмолвном удивлении. Он сказал:

— Сразу за дверью есть контакт, регулирующий видеоиллюзии. Их можно сделать прозрачными, так чтобы видеть обстановку, или отключить совсем.

— Меня не предупредили. И все Личные у вас такие?

— Нет, — ответил Фастольф. — Личные на Авроре часто оборудованы для иллюзий, но в зависимости от индивидуальных вкусов. Мне нравится иллюзия природной зелени и время от времени я меняю некоторые детали. Ведь все приедается, вы понимаете. Некоторые люди заказывают эротические иллюзии, но меня они не прельщают. Помещения абсолютно стандартны, и ориентироваться в них легко. Не труднее, чем у себя в спальне, когда погашен свет... Но объясните, мистер Бейли, почему вы не вышли и не спросили, что надо делать?

— Потому что не захотел, — отрезал Бейли. — Не скрою, иллюзия вызвала у меня большое раздражение, но я приспособился. В конце концов, к Личной меня привел Дэниел, но он не предупредил меня, ничего не объяснил. А действуй он без специальных инструкций, я, конечно, получил бы от него подробные объяснения, поскольку он должен был предвидеть, что иначе мне будет причинен вред. Следовательно, я мог только заключить, что вы специально распорядились, чтобы он меня не предупреждал. Но, конечно, поступили вы так не из любви к шуткам, а из каких-то серьезных соображений.

— Да?

— Вы ведь пригласили меня выйти во Вне, но едва я согласился, как вы осведомились, не хочу ли я воспользоваться Личной. Я сделал вывод, что подвергнут действию иллюзии Вне для проверки, выдержу я или в панике выскочу наружу. Ну так я выдержал. Немного намок, спасибо вам, но скоро высохну.

— У вас ясная голова, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Приношу извинение за проверку и неудобства, которые причинил вам. Но я просто стремился

предупредить более серьезные последствия. Вы все еще хотите прогуляться со мной?

— Не только хочу, мистер Фастольф, а настаиваю.

20

Они пошли по коридору, Дэниел и Жискар следовали по пятам.

— Надеюсь, вы не против, что роботы будут нас сопровождать? — спросил Фастольф светским тоном. — Аврорианцы никогда не выходят из дома без сопровождения хотя бы одного робота, а я должен настаивать, чтобы Дэниел и Жискар все время были с вами.

Он открыл дверь, и Бейли собрал все силы, чтобы выдержать солнечные лучи и ветер, не говоря уж о сильных, незнакомых, инопланетных запахах аврорианской земли.

Фастольф отступил в сторону, а Жискар прошел вперед, внимательно оглядываясь. Было ясно, что все его органы чувств напряжены. Он оглянулся, и Дэниел, подойдя к нему, тоже произвел рекогносцировку.

— Подождем, мистер Бейли, — сказал Фастольф. — Они скажут нам, когда по их заключению мы сможем выйти. А пока я воспользуюсь случаем еще раз извиниться за подлую шутку, которую сыграл с вами в Личной. Но, поверьте, мы сразу же узнали бы, стань вам нехорошо — все проявления вашей жизнедеятельности регистрировались. Я очень доволен, хотя и не удивлен, что вы разгадали мое намерение. — Он улыбнулся и лишь с еле заметной заминкой положил ладонь на левое плечо Бейли и дружески его сжал.

Бейли ответил сухо:

— Вы, кажется, забыли еще одну вашу подлую шутку — псевдопопытку швырнуть в меня комбисудок. Если вы дадите мне слово, что с этой минуты между нами все будет открыто и честно, я признаю, что вами руководило желание сделать как лучше.

— Договорились!

— Уже можно идти? — спросил Бейли, наблюдая за Жискаром и Дэниелом, которые тем временем прошли дальше и все с той же напряженной сосредоточенностью повернули в разные стороны.

— Пока еще нет. Они обойдут дом вокруг... Дэниел сказал, что вы приглашали его зайти с вами в Личную. Вы не шутили?

— Нет. Конечно, я знаю, что ему это не требуется, но я опасался, что просто оставить его стоять было бы невежливо. О том, как положено поступать в подобных случаях на Авроре, я понятия не имею, хотя и много прочел об общественных институтах Авроры.

— Думается, аврорианцы не считают, что это заслуживает упоминания. Ну и нельзя требовать, чтобы в книгах была сделана попытка просветить заезжих землян в этих вопросах.

— Потому что земляне заезжают к вам редко?

— Вот именно. Суть, естественно, в том, что роботы не посещают Личные. Это единственное место, где люди от них свободны. Видимо, существует подсознательное чувство, что в определенные моменты и в определенных местах надо от них освобождаться.

— Однако, — заметил Бейли, — когда Дэниел был на Земле в связи со смертью Сартона три года назад, я попытался не пустить его в коммунальную Личную, напоминая, что ему это не нужно, но он все-таки настоял и вошел.

— И поступил правильно. Ему тогда были даны строжайшие инструкции ни в чем не отличаться от людей — вы помните почему. Но здесь, на Авроре... А! Они закончили.

Роботы направились к двери, и Дэниел жестом пригласил их выйти.

Но Фастольф вытянул руку перед грудью Бейли.

— С вашего разрешения, мистер Бейли, я выйду первым. Сосчитайте неторопливо до ста и присоединяйтесь к нам.

21

Произнеся вслух «сто!», Бейли твердо переступил порог и пошел к Фастольфу. Пожалуй, лицо у него было слишком каменным, зубы стиснуты слишком крепко, а спина выглядела слишком прямой.

Он огляделся. Примерно то же, что он видел в Личной. Возможно, Фастольф взял образцом собствен-

ные уголья. Всюду зелень, а в одном месте по склону струился ручей. Возможно, искусственный, но не иллюзорный. Вода была настоящей: проходя мимо, он почувствовал на лице брызги.

И все было каким-то прирученным. На Земле Вне выглядело более диким и величаво красивым, чем этот пейзаж.

Фастольф слегка коснулся плеча Бейли и показал рукой:

— Пойдемте вон туда. Посмотрите! — И он указал на широкую лужайку, видневшуюся в просвете между двумя деревьями.

В первый раз Бейли ощутил протяженность пространства, различил у горизонта какое-то жилище — низкое, широкое и такого зеленого цвета, что оно почти сливалось с окружающим пейзажем.

— Это жилой район, — объяснил Фастольф. — Возможно, вам, привыкшему к гигантским ульям Земли, он таким не кажется, но тем не менее мы находимся в аврорианском городе Эос, административном центре планеты. В нем живет двадцать тысяч человек — и это самый крупный населенный пункт не только на Авроре, но и на всех космoмирах. Численность населения Эоса равна численности населения всей Солярии, — с гордостью закончил Фастольф.

— А роботов сколько, доктор Фастольф?

— В этом районе? Около ста тысяч. В целом на планете на каждого человека в среднем приходится пятьдесят роботов, а не десять тысяч, как на Солярии. Большая часть наших роботов занята на наших фермах, наших рудниках и в космосе. Собственно говоря, у нас все время ощущается нехватка роботов, особенно домашних. Большинству аврорианцев приходится обходиться двумя-тремя, а некоторым так даже одним. Однако мы не намерены идти путем Солярии.

— А у какого числа аврорианцев вообще нет домашних роботов?

— Таких нет. Это не в интересах общества. Если бы мужчина или женщина по той или иной причине не могли оплатить робота, ему или ей был бы предоставлен робот, оплачиваемый из общественных средств.

— Что произойдет с ростом населения? Вы добавите роботов?

Фастольф покачал головой:

— Численность населения не увеличивается. Население Авроры равно двумстам миллионам и цифра эта остается стабильной уже триста лет. Число это наиболее оптимально. Но, конечно же, вы читали об этом в фильмо книгах?

— Да, — подтвердил Бейли, — но мне не верилось.

— Уверяю вас, это правда. Таким образом, у каждого из нас есть достаточно земли, достаточно пространства, достаточно возможностей уединиться и достаточная доля мировых ресурсов. Ни избытка населения, как на Земле, ни недостатка его, как на Солярии. — Он взял Бейли под руку, чтобы они могли идти дальше.

— Вы видите перед собой, — продолжал Фастольф, — одомашненный мир. Я пригласил вас сюда, чтобы показать его вам, мистер Бейли.

— И в нем нет ничего опасного?

— Какая-то опасность присутствует всегда, мистер Бейли. У нас есть ураганы, горные оползни, землетрясения, лавины, бураны, парочка вулканов... Несчастные случаи со смертельным исходом также полностью исключить нельзя. И остаются страсти злобных и завистливых людей, глупости умственно незрелых, безумие недаленовидных. Однако все это второстепенные беды, и они не слишком влияют на цивилизованное спокойствие, царящее в нашем мире.

Фастольф, казалось, задумался над своими словами, а потом сказал со вздохом:

— Я не могу желать, чтобы он был иным, но у меня есть некоторые «но». Мы привезли на Аврору только те растения и тех животных, которых считали полезными или декоративными, или объединяющими эти два качества. Мы приложили все силы, чтобы уничтожить то, что расценивали как сорняки, как вредных животных или паразитов. Или просто не отвечающих стандартам. Мы отобрали сильных, здоровых, привлекательных людей — разумеется, с нашей собственной точки зрения. Мы пытались... Вы, по-моему, улыбаетесь, мистер Бейли.

Но Бейли не улыбался. Просто у него скривились губы.

— Нет, нет, — сказал он. — Чему тут улыбаться?

— Отчего же? Я не хуже вас понимаю, что не могу считаться привлекательным по аврорианским меркам. Беда в том, что мы не можем стопроцентно контролировать комбинации генов и внутриматочные воздействия. Теперь, разумеется, когда эктогенез становится все более распространенным (хотя я надеюсь, он никогда не распространится так, как на Солярии), меня ликвидировали бы на поздней стадии эмбрионального развития.

— В таком случае, доктор Фастольф, миры лишились бы великого теоретика робопсихологии.

— Совершенно верно, — ответил Фастольф без малейшего видимого смущения. — Однако миры бы об этом не узнали, не правда ли? Но как бы то ни было, мы стремились создать очень простой, но абсолютно практичный экологический баланс, здоровый климат, плодородную почву, а также елико возможно равномерное распределение ресурсов. Результатом явился мир, который производит все, в чем мы нуждаемся, и в необходимых количествах. Мир, который, если мне будет позволено выразиться фигурально, считается с нашими потребностями. Сказать вам, к какому идеалу мы стремились?

— Прошу вас, — ответил Бейли.

— Мы трудились, чтобы создать планету, которая, взятая целиком, подчинялась бы Трем Законам роботехники. Она не причиняет вреда человеку ни активно, ни пассивно. Она делает то, чего мы от нее ждем, если только мы не толкаем ее причинять вред людям. И она защищает себя, если исключить те моменты и те места, когда и где она должна служить нам или спасать нас даже ценой причинения вреда себе. Нигде еще — ни на Земле, ни на других космосмирах — нет такого приближения к идеалу, как на Авроре.

— Земляне тоже стремились к этому, — печально сказал Бейли. — Но нас уже было слишком много, и мы в дни нашего невежества причинили планете такой ущерб, что теперь уже не в состоянии исправить. Но

как же эндемичные формы жизни Авроры? Вы ведь осваивали не мертвую планету.

— Вы это знаете, — сказал Фастольф, — раз вы просмотрели фильмокниги по нашей истории. Когда мы прибыли на Аврору, она имела флору, фауну и азотокислородную атмосферу. Это же относится и ко всем пятидесяти космомирам. Интересно, что на всех них живые организмы были малочисленны и малоразнообразны. И за свою планету они держались не слишком цепко. Мы овладели планетой, так сказать, без борьбы, а что осталось от эндемиков, сохраняется в наших аквариумах, в наших зоопарках и нескольких тщательно поддерживаемых заповедниках первобытной природы. Мы, собственно, по-настоящему не знаем, почему все планеты, на которых человек обнаруживал жизнь, оказывались такими скудными ее носителями, почему только сама Земля просто кишела упорными всевозможными видами жизни, заполнявшими каждую экологическую нишу, и почему только на Земле появился разум.

— Может быть, это совпадение, — сказал Бейли. — Результат неполного исследования космоса. Слишком мало пока мы знаем планет.

— Согласен, — отозвался Фастольф. — Это наиболее правдоподобное объяснение. Возможно, где-то существует такой же сложный экологический баланс, как на Земле. Где-то может существовать разумная жизнь и технологическая цивилизация. Но ведь жизнь и разум Земли распространились на парсеки и парсеки во всех направлениях. Так почему же те не вышли в космос и почему мы не встретились?

— Это может произойти уже завтра. Как знать?

— Да, может. И если такая встреча неминуема, тем больше причин не ждать сложа руки. А мы становимся все пассивнее, мистер Бейли. Ни единый космомир не был освоен за последние два с половиной столетия. Наши миры настолько одомашнены, настолько восхитительны, что мы не хотим их покидать. Видите ли, этот мир был освоен потому, что сама Земля стала такой неприятной, что риск и опасности освоения новых пустынных миров выглядели в сравнении куда предпочтительнее. К тому времени, когда сложились наши пять-

десять миров — последним была Солярия, — ни нужды, ни побудительных причин двигаться дальше не осталось. А сама Земля отступила в свои подземные стальные пещеры. Все. Конец.

— Вы говорите несерьезно!

— Если мы останемся такими же? Безмятежными, всем довольными и застывшими? Нет, я говорю совершенно серьезно. Человечество должно расширять свои границы, чтобы не захиреть. И один из способов — распространение в космосе, постоянное устремление к другим мирам. Если мы откажемся от этого, какая-нибудь иная цивилизация, переживающая такой же взрыв, доберется до нас, и мы не сможем противостоять ее динамизму.

— Вы предкаете межзвездную войну? В стиле гиперволновок?

— Нет. Сомневаюсь, что в этом возникнет нужда. Цивилизации, распространяющейся в космосе, вряд ли потребуется горстка наших миров. К тому же в интеллектуальном отношении она, вероятно, достигнет таких высот, что ей не понадобится добиваться гегемонии тут насильственным путем. Однако в окружении более энергичной, более дерзновенной цивилизации мы сойдем на нет просто в силу сравнения, мы погибнем, осознав, во что превратились, какой потенциал растратили зря. Конечно, мы могли бы заменить эту экспансию какой-нибудь другой — например, научным взлетом или подъемом культуры. Боюсь, однако, что все эти экспансии взаимосвязаны. Отказаться от одной — значит отказаться от всех. И мы, безусловно, сходим на нет во всем. Живем чересчур долго. Слишком ценим комфорт.

— На Земле, — сказал Бейли, — мы считаем космонитов всемогущими, полными неколебимой уверенности в себе. Я просто не могу поверить, что слышу от вас такое.

— Ни от одного другого космонита вы этого и не услышите. Мои взгляды не модны. Многие сочтут их возмутительными, и аврорианцам я редко говорю что-либо подобное, но просто призываю к новому устремлению в космос и умалчиваю об угрозе катастрофы, которая неминуемо разразится, если мы откажемся от дальнейшей колонизации. И хотя бы в этом я преуспел:

Аврора серьезно — даже с энтузиазмом — обдумывала начало новой эры исследований и освоения.

— Вы говорите это, — заметил Бейли, — без особого энтузиазма. В чем дело?

— Просто мы подходим к мотиву, который мог побудить меня уничтожить Джендера Пэнелла.

Фастольф помолчал, встряхнул головой и продолжал:

— Мне бы хотелось, мистер Бейли, лучше понимать людей. Я потратил шесть десятков лет на изучение тонкостей позитронного мозга и надеюсь посвятить им еще пятнадцать-двадцать. И за все это время я практически не соприкоснулся с проблемами человеческого мозга, неизмеримо более сложными. Нет ли Законов для человека, аналогичных Трем Законам для роботов? Сколько их? Как их можно выразить математически? Я не знаю. Однако может наступить день, когда кто-то разработает Законы Человека и сможет предсказывать большие отрезки будущего, зная точно, что ждет человечество, а не просто строя догадки, как я, зная точно, как улучшить положение вещей, а не шаря в темноте. Иногда я мечтаю о создании математической науки, которую назвал бы «психоистория», но знаю, что мне это не удастся. Да и никому другому, боюсь, тоже.

Он умолк. Бейли подождал, а потом сказал мягко:

— А ваш мотив уничтожить Джендера Пэнелла, доктор Фастольф?

Фастольф словно не услышал его. Во всяком случае, он ничего не ответил. И сказал только:

— Дэниел и Жискар опять сигналият, что опасности нет. Скажите, мистер Бейли, вы расположены пройти со мной еще некоторое расстояние?

— А куда? — осторожно осведомился Бейли.

— К соседнему дому. Вон в том направлении через лужайку. Вам тяжело будет идти через нее?

Бейли сжал губы и поглядел, куда указывал Фастольф. Он словно примирялся.

— По-моему, я стерплю. И не предвижу никаких осложнений.

Жискар, находившийся в пределах слышимости, подошел поближе. В солнечных лучах его глаза не свети-

лись. Его голос был лишен человеческой эмоциональности, но слова были исполнены заботливости:

— Сэр, могу ли я напомнить вам, что на пути сюда вы испытали серьезное недомогание при посадке?

Бейли обернулся к нему. Как бы он ни относился к Дэниелу, как бы теплота воспоминаний о их совместной работе ни нейтрализовала его отношения к роботам вообще, к Жискару это все никакого отношения не имело. Эта более примитивная модель действовала на него отталкивающе. Он попытался подавить злость и ответил:

— На борту корабля, бой, я был неосторожен, слишком поддавшись любопытству. Я столкнулся с тем, чего прежде никогда не испытывал, и у меня не было времени приспособиться. А это совсем другое.

— Сэр, вы испытываете сейчас неприятные ощущения? Могу ли я узнать это?

— Испытываю или нет, — твердо ответил Бейли (напомнив себе, что робот вынужден следовать требованиям Первого Закона, и пытаясь быть вежливым с куском металла, который, в конце концов, печется только о его, Бейли, благополучии), — значения не имеет. Я обязан исполнить свой долг, но не смогу этого сделать, если буду прятаться в закрытых помещениях.

— Ваш долг? — повторил Жискара так, словно его программа этого слова не включала.

Бейли быстро взглянул на Фастольфа, но тот стоял спокойно и явно вмешиваться не собирался. Казалось, он с абстрактным интересом взвешивает реакцию робота данного типа на новую ситуацию и примеривает ее к взаимосвязям, переменным и дифференциальным уравнениям, понятным только ему.

Во всяком случае так показалось Бейли. Он рассердился, что служит пищей для подобных наблюдений, а потому сказал (излишне резким тоном, как сам заметил):

— Ты знаешь, что такое долг?

— То, что положено делать, сэр.

— Твой долг — повиноваться Трем Законам. У людей есть свои законы, как недавно упомянул доктор Фастольф, твой хозяин, и они должны им повиноваться.

Я должен сделать то, что мне поручено. Это очень важно.

— Но выйти на открытое пространство, когда вам не...

— Тем не менее сделать это необходимо. Мой сын со временем, возможно, отправится на планету, куда менее приятную для жизни, чем ваша, до конца дней жить во Вне. А если бы я сумел вынести это, я бы отправился с ним.

— Но почему вы хотите это сделать?

— Я уже сказал тебе, что подчиняюсь своему долгу.

— Сэр, я не могу не подчиниться Законам. А вы своим? Прошу вас...

— Я могу пренебречь своим долгом, но не хочу, а это, Жискар, особо сильное побуждение.

Наступило молчание, потом Жискар сказал:

— Вам повредит, если я уговорю вас не выходить на открытое место?

— В той мере, в какой я тогда буду сожалеть, что не выполнил свой долг.

— А это вреднее неприятных ощущений, которые могут возникнуть у вас на открытом месте?

— Гораздо вреднее.

— Благодарю вас, сэр, за объяснение, — сказал Жискар, и Бейли почудилось удовлетворение на невыразительном лице робота. (Человеческая склонность к индивидуализации неукротима!)

Жискар отступил назад, и тут Фастольф сказал:

— Это было очень интересно, мистер Бейли. Жискару понадобились пояснения, прежде чем он разобрался, как согласовать реакцию позитронного потенциала с Тремя Законами, а вернее, как эти потенциалы должны среагировать в таких условиях. Теперь он знает, как себя вести.

— Я заметил, что Дэниел вопросов не задавал, — сказал Бейли.

— Дэниел знает вас. Он был с вами на Земле и на Солярии... Так пойдемте. Не будем спешить. Будьте осторожны, и если вам захочется подождать, отдохнуть или даже повернуть обратно, надеюсь, вы мне немедленно скажете.

— Хорошо. Но в чем цель этой прогулки? Раз вы опасаетесь, что я почувствую себя дурно, вы предложили совершить ее не просто так.

— Конечно, — ответил Фастольф. — Я подумал, что вы хотите увидеть парализованное тело Джендера.

— Да, чтобы выполнить все формальности. Но полагаю, мне это ничего не даст.

— Я тоже так считаю, но, кроме того, вы сможете задать вопросы лицу, в чьем временном владении находился Джендер в момент трагедии. Полагаю, вы захотите поговорить об этом еще с одним человеком, кроме меня.

22

Фастольф медленно пошел вперед, сорвал лист с какого-то куста, сложил его пополам и сунул в рот.

Бейли посмотрел на него с любопытством, недоумевая, что космониты, трепеща перед инфекцией, способны жевать что-то не обработанное, не приготовленное и даже не мытое. Тут он припомнил, что на Авроре нет (абсолютно нет?) патогенных микроорганизмов, но все равно почувствовал отвращение. Но отвращение ведь не требует рационального обоснования, подумал он виновато... И внезапно почувствовал, что готов простить космонитам их отношение к землянам.

Он спохватился. Это же совсем другое! Речь идет о людях!

Жискар прошел вперед, сворачивая вправо. Дэниел шел сзади левее. Оранжевое солнце Авроры (Бейли перестал замечать его оранжевость) чуть грело его спину, а не пекло, как земное Солнце летом. (Но какое время года сейчас в этой части Авроры и вообще какой тут климат?)

Трава или... (но растительность очень напоминала траву) была более жесткой и пружинящей, чем ему помнилась земная, а почва казалась очень твердой, словно тут давно не выпадал дождь.

Теперь они направлялись прямо к дому впереди — видимо, дому квазивладельца Джендера.

Бейли услышал, как справа в траве прошуршало какое-то животное, на дереве позади громко чирикнула

птица, а вокруг неясно где раздавался стрекот насекомых. А ведь предки всех них, подумал Бейли, когда-то жили на Земле. Откуда им знать, что этот участочек почвы не был для них исконным, уходящим назад во тьму времен. Ведь даже деревья и трава происходят от деревьев и травы, которые росли на Земле.

Только люди могли жить в этом мире и сознавать, что они — не его аборигены, а происходят от землян. Но сознают ли это космонавты или попросту выкинули из головы? Не наступит ли время, когда они прочно об этом забудут? Когда не будут знать, с какого мира происходят и даже что такой мир вообще существовал?

— Доктор Фастольф! — сказал он внезапно, отчасти для того, чтобы отвлечься от мыслей, которые становились все тягостнее. — Вы все еще не сообщили мне свой мотив уничтожения Джендера.

— Вы совершенно правы. Не сообщил. А как, по-вашему, мистер Бейли, для чего я потратил столько трудов, чтобы создать теоретическую основу позитронного мозга человекоподобных роботов?

— Не знаю.

— А вы подумайте. Задача заключается в том, чтобы создать мозг для робота, настолько близкий к человеческому, насколько возможно, а это, видимо, потребует определенного вторжения в поэтическую... — Он умолк, и его легкая улыбка превратилась в веселую усмешку. — Знаете, некоторых моих коллег шокирует, когда я говорю им, что вывод, если он поэтически не сбалансирован, не может быть верным научно. Они говорят, что не понимают, при чем тут поэзия.

— Боюсь, я тоже не понимаю, — сказал Бейли.

— А я понимаю. Не могу объяснить, но чувствую это объяснение, хотя не нахожу для него слов. Возможно, потому-то я добивался того, чего не добивались мои коллеги. Однако я впадаю в высокопарность, а это верный признак, что мне следует перейти на деловую прозу. Подражание человеческому мозгу, когда я ничего не знаю о человеческом мозге, требует интуитивного прорыва — чего-то, что я ощущаю как поэзию. И тот же интуитивный прорыв, который подарит мне позитронный мозг для человекоподобных роботов, должен, по-моему, открыть нам новый доступ к познаниям о

человеческом мозге. Вот во что я верил: что человекоподобные роботы помогут мне сделать хотя бы шагок к психоистории, про которую я вам говорил.

— Ах так.

— А раз мне удалось разработать теоретическую основу человекоподобного позитронного мозга, мне потребовалось для него человекоподобное тело. Мозг сам по себе не существует, вы понимаете? Он взаимодействует с телом, так что человекоподобный мозг в нечеловекоподобном теле сам в какой-то мере станет нечеловечным.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Просто сравните Дэниела с Жискаром.

— Следовательно, Дэниел был создан как экспериментальный прибор для лучшего постижения человеческого мозга?

— Верно! Я трудился два десятилетия над этим вместе с Сартонем. Многочисленные неудачи, а потом первый успех — Дэниел. Конечно, я сохранил его для дальнейшего изучения, ну и... — Он криво усмехнулся, словно признаваясь в большой глупости. — И из нежности. Ведь Дэниел способен постигнуть понятие человеческого долга, а Жискару, несмотря на все его достоинства, это далось нелегко, как вы видели.

— А когда Дэниел три года назад был со мной на Земле, он выполнял первое свое задание?

— Первое важное. Когда Сартона убили, нам потребовался робот, которому не грозили бы инфекционные болезни Земли, и в то же время настолько похожий на человека, что он не пробуждал бы в землянах их обычной антипатии к роботам.

— Удивительное совпадение, что Дэниел оказался у вас под рукой в нужную минуту.

— А? Вы верите в совпадения? У меня такое ощущение, что всякий раз, когда появляется такое революционное изобретение, как человекоподобный робот, обязательно возникает ситуация, требующая его применения. Подобного рода ситуации, без сомнения, постоянно возникали на протяжении всех тех лет, пока Дэниела еще не было, — и потому, что его не было,

приходилось подыскивать другие решения задачи и другие способы.

— А ваши труды оказались успешными, доктор Фастольф? Вы теперь понимаете мозг человека лучше, чем прежде?

Фастольф все замедлял и замедлял шаг, и Бейли тоже, а теперь они совсем остановились примерно на полпути между домом Фастольфа и тем, к которому они направлялись. Для Бейли это был самый трудный момент, поскольку он был равно далек от обоих возможных приютов, но он упрямо боролся с нарастающей тревогой, чтобы не спровоцировать Жискара. Он не хотел невольным движением и вздохом — или просто выражением лица — дать толчок желанию Жискара спасти его. Он не хотел, чтобы его взяли на руки и отнесли в безопасное место.

Фастольф как будто не замечал дилеммы Бейли.

— Вне всяких сомнений, — сказал он, — в изучении мышления произошел значительный прогресс. Остаются еще огромные проблемы — и, возможно, они так и останутся неразрешенными, однако продвижение вперед налицо. Тем не менее...

— Да?

— Тем не менее Аврору не удовлетворяет чисто теоретическое изучение человеческого мозга. Были предложены способы использования человекоподобных роботов, которые я одобрить не мог.

— Например, на Земле.

— Нет. Это был короткий эксперимент, который я поддерживал и наблюдал с большим интересом. Сможет Дэниел провести землян? Оказалось, что да, хотя, конечно, взгляд землян не натренирован на роботов. Однако предлагались и другие способы его использования.

— Какие же?

Фастольф задумчиво поглядел вдаль.

— Я говорил вам, что этот мир одомашнен. Когда я начал свою кампанию за возвращение к исследованию космоса и освоению новых планет, я надеялся, что инициатива будет принадлежать не купающимся в комфорте аврорианцам и вообще космонавтам. Мне казалось, нам следует привлечь землян. С их жутким миром — простите меня — и кратким сроком жизни

терять им практически нечего, и я думал, они ухватятся за такую возможность, тем более если мы окажем им техническую помощь. Я говорил с вами об этом, когда мы встретились три года назад на Земле. Вы помните? — Он искоса посмотрел на Бейли.

— Прекрасно помню, — ответил Бейли невозмутимо. — Собственно, вы навели меня на мысли, в результате которых на Земле возникло небольшое движение за то, о чем вы говорите.

— Неужели? Но, полагаю, это очень нелегко. Ваша агорафобия, ваше нежелание покидать ваши стены...

— Мы с ней боремся, доктор Фастольф. Наша организация планирует выход в космос. Мой сын принадлежит к лидерам этого движения, и я надеюсь, что наступит день, когда он покинет Землю во главе экспедиции, отправляющейся осваивать новый мир. И если мы действительно получим техническую помощь, о которой вы упомянули... — Бейли выжидающе умолк.

— Если мы предоставим вам корабли, имеете вы в виду?

— И другое оборудование. Да, доктор Фастольф.

— Тут есть трудности. Многие аврорианцы не хотят, чтобы земляне вышли в космос и заселили новые миры. Они опасаются быстрого распространения земной культуры, ее Городов-ульев, ее хаотичности. — Он переступил с ноги на ногу и сказал: — Но почему мы стоим тут? Идемте же!

Он медленно пошел вперед, говоря:

— Я доказывал, что ничего подобного не произойдет. Я напоминал, что поселенцы с Земли перестанут быть землянами в классическом смысле слова. Они не будут заключены в Городах. Поселившись на новой планете, они уподобятся Отцам-Основателям Авроры, когда те прибыли сюда. Они создадут **управляемое** экологическое равновесие и по мироощущению **будут** ближе к аврорианцам, чем к землянам.

— Но не разовьются ли и у них слабости, **которые** вы обнаружили в культуре космонитов, доктор Фастольф?

— Возможно, что и нет. Они учтут наши ошибки... Но это чисто академическая дискуссия: возник новый фактор, лишаящий этот аргумент всякой силы.

— Какой же?

— Да человекоподобные роботы. Видите ли, есть люди, которые считают человекоподобных роботов идеальными первопоселенцами. Пусть они создают новые миры.

— Но роботы у вас были всегда, — заметил Бейли. — Вы хотите сказать, что эта идея никогда прежде не выдвигалась?

— Выдвигалась, конечно, но была практически неосуществимой. Обычные, не человекоподобные роботы без непосредственного человеческого руководства, создавая мир, подходящий для них, просто не сумеют одомашнить и приспособить его к более тонкому и гибкому человеческому интеллекту, к потребностям человеческого тела.

— Но ведь этот мир, наверное, окажется вполне освоенным в первом приближении и пригодным для дальнейшего усовершенствования.

— Бесспорно, мистер Бейли. Однако аврорианский декаданс проявляется в том, что в подавляющем большинстве мои сопланетники считают, что первого приближения вопиюще мало. А вот группа человекоподобных роботов, очень близких к человеку и телесно, и интеллектуально, сумеет создать мир, который, во всем отвечая их нуждам, неизбежно окажется удобным и для аврорианцев. Вам понятна их логика?

— Вполне.

— Они создадут такой безупречный мир, что, понимаете, когда он будет закончен, а аврорианцы, наконец, сочтут возможным переселиться, они просто сменят одну Аврору на другую. То есть в сущности не расстанутся с родной планетой, а обретут точно такую же, и упадок будет продолжаться.

— Я вижу силу вашего аргумента, но аврорианцы, насколько я понял, с ним не соглашаются.

— Могут не согласиться. Мне кажется, я сумею убедительно защитить свою позицию, если только оппозиции не удастся уничтожить меня политически с помощью этого обвинения в уничтожении Джендера. Понимаете теперь, какой мне приписывается мотив? **Якобы я планирую уничтожить человекоподобных ро-**

ботов, лишь бы не допустить, чтобы они осваивали новые планеты.

Теперь остановился Бейли. Задумчиво посмотрев на Фастольфа, он сказал:

— Вы отдаете себе отчет, доктор Фастольф, что победа вашей точки зрения полностью отвечает интересам Земли?

— И вашим интересам, мистер Бейли.

— И моим. Но если я на время оставляю их в стороне, то для моего мира остается жизненно важным, чтобы нашим людям позволили, поспособствовали укрепиться в таком намерении и помогли исследовать Галактику. Чтобы мы сохранили свой образ жизни в той мере, в какой он нас устраивает. Чтобы мы не были осуждены вечно оставаться на Земле, поскольку это неотвратимо приведет к нашей гибели.

— Думаю, многие из вас предпочтут остаться на Земле навеки.

— Безусловно. Не исключено, что такой выбор делают почти все. И все-таки некоторые из нас — все, кого удастся убедить, — спасутся, если нам позволят. Поэтому мой долг, не только как блюстителя закона заметной части человечества, но и как просто землянина, помочь вам очистить свое имя, виновны вы или не виновны. Тем не менее полностью отдался выполнению этой задачи я могу, только если буду твердо знать, что выдвинутые против вас обвинения несостоятельны.

— Разумеется! Я понимаю.

— В таком случае теперь, когда вы объяснили мне, какой вам приписывается мотив, подтвердите еще раз, что вы этого не делали.

— Мистер Бейли, — сказал Фастольф, — я прекрасно понимаю, что у вас нет выбора. Я сознаю, что с полной безнаказанностью мог бы открыть вам, что я виновен, и вы в силу ваших насущных интересов и насущных интересов вашего мира вынуждены были бы помочь мне скрыть этот факт. Более того, будь я виновен, мне пришлось бы сказать вам об этом, чтобы вы учитывали мою вину и, зная правду, более успешно помогали мне... и себе. Но я не могу признаться, потому что не виновен. Как бы факты ни свидетельствовали

против меня, Джендера я не губил. Ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Ни разу?

Фастольф грустно улыбнулся:

— Ну, возможно, раза два у меня и мелькала мысль, что для Авроры было бы лучше, если бы я не разрабатывал оригинальные идеи, которые привели к созданию человекоподобного позитронного мозга... Или что для нее было бы лучше, окажись такой мозг не очень стабильным, подверженным умственной заморозке. Но ни на одну секунду я не планировал покончить с Джендером по этой причине.

— В таком случае мы должны дезавуировать мотив, который вам приписывают.

— Отлично. Но как?

— Доказать его бессмысленность. Что толку было уничтожать Джендера? Ведь можно сконструировать других человекоподобных роботов. Тысячи их. Миллионы.

— Боюсь, это не так, мистер Бейли. Я один знаю, как их конструировать, а пока есть опасность, что их будут использовать для освоения планет, я не создам больше ни одного. Джендера больше нет, и остается только Дэниел.

— Другие повторяют ваше открытие.

Фастольф вздернул подбородок:

— Покажите мне робопсихолога, способного на это. Мои враги создали Институт робопсихологии с единственной целью установить, какими методами можно создать человекоподобного робота, но у них ничего не получится. Во всяком случае, я знаю, что пока они своего не добились. И не добьются.

— Но если вы единственный человек, знающий секрет человекоподобных роботов... — Бейли нахмурился. — А ваши враги отчаянно рвутся его узнать, разве они не попытаются заставить вас его открыть?

— Конечно. Угрожая моему политическому существованию, даже обещая каким-то образом добиться, чтобы мне было запрещено работать в этой области, что положит конец и моему профессиональному существованию, они рассчитывают вырвать у меня согласие на сотрудничество. Они даже могут устроить так, чтобы

Законодательное собрание приказало мне открыть секрет под угрозой конфискации моего имущества, тюремного заключения или еще чего-нибудь. Однако я твердо решил принять все последствия — любые последствия, но не уступить. Но вы понимаете, что я предпочту избежать подобной необходимости.

— А они знают, что вы не уступите?

— Надеюсь. Я сообщил им это совершенно недвусмысленно. Возможно, они считают, что я в последнюю минуту пойду на попятный, что только делаю вид. Но мое решение серьезно.

— Но если они вам поверят, то могут предпринять что-нибудь опасное.

— То есть?

— Ну, украсть ваши расчеты. Похитить вас. Пытать.

Фастольф громко расхохотался, и Бейли, покраснев, буркнул:

— Сожалею, что вынужден говорить в стиле гиперволновки, но все-таки о такой возможности вы думали?

— Мистер Бейли, — сказал Фастольф, — во-первых, мои роботы — вполне достаточная защита. Потребуется настоящая война, чтобы захватить мои расчеты или меня. Во-вторых, и удайся что-либо подобное, ни один из настроенных против меня робопсихологов не стерпит, чтобы всем стало ясно, что открыть секрет позитронного мозга он сумел, только украв или силой вырвав его у меня. Это стало бы полным крахом его (или ее) профессиональной репутации. В-третьих, на Авроре такого просто не может быть. Малейшего намека на непрофессиональное посягательство на меня или мою работу будет достаточно, чтобы Законодательное собрание — и общественное мнение! — оказалось на моей стороне.

— Ах так? — пробормотал Бейли, про себя кроя последними словами необходимость работать на планете, чье общественное устройство на каждом шагу ставило его в тупик.

— Да. Поверьте моему слову. Я бы очень хотел, чтобы они допустили такую мелодраматичную выходку. Я бы очень хотел, чтобы у них хватило на это глупости. Право, мистер Бейли, я очень жалею, что вряд ли сумею убедить вас познакомиться с ними, войти к ним в

доверие и подтолкнуть их напасть на мой дом или подстеречь меня в укромном месте, или... ну, что там еще принято у вас на Земле.

— Это не в моем стиле, — сухо ответил Бейли.

— Совершенно с вами согласен, а потому не стану и пытаться. Но, как я уже сказал, очень жаль. Ведь если мы не можем убедить их прибегнуть к самоубийственному насилию, они выберут метод, более удачный с их точки зрения, и уничтожат меня ложью.

— Какой ложью?

— Они приписывают мне не просто уничтожение одного робота. Это достаточно скверно и может сыграть решающую роль. Но они пускают слухок... пока еще только слухок, будто гибель Джендера была просто моим экспериментом — удачным и чреватым большой опасностью. Они намекают, что я разрабатываю метод, чтобы быстро и необратимо парализовать человекоподобный мозг. И тогда, чуть мои враги создадут собственных человекоподобных роботов, я вместе с моими сторонниками смогу всех этих роботов уничтожить, помешав таким способом Авроре осваивать новые миры и предоставив Галактику моим сообщникам землянам.

— Но ведь это же неправда!

— Конечно. Я ведь сказал вам, что они распускают ложь. И к тому же нелепую. Такой метод даже теоретически существовать не может, а Институт робопсихологии вовсе не готов выпускать собственных человекоподобных роботов. Я никак не могу устроить оргию массового уничтожения, даже если бы хотел. Не могу!

— Но в таком случае они сами себя изобличат.

— Да только будет уже поздно. Пусть это детский вздор, но он успеет восстановить против меня общественное мнение в такой степени, что в Законодательном собрании я не соберу необходимое число голосов. В конце концов выяснится, какая это чепуха, но тогда уже ничего не поправить. И заметьте, Землю тут используют как козла отпущения. Обвинение, что я действую в ссачке с Землей, имеет большую силу, и многие поверят этой ерунде, поверят ему рассудку вопреки, только из неприязни к Земле и землянам.

— Иными словами, по-вашему, общественное мнение активно восстанавливается против Земли, — сказал Бейли.

— Совершенно верно, мистер Бейли. С каждым днем положение Земли — и мое — становится все хуже, и времени у нас очень мало.

— Но разве нет очень простого способа опровергнуть эту ложь? (В отчаянии Бейли решил, что пора пустить в ход аргумент Дэниела.) Если вам и в самом деле необходимо было проверить метод уничтожения человекоподобного робота, зачем было экспериментировать с роботом, находящимся в другом доме? Возможно, трудно достижимым? У вас же в доме есть Дэниел. Прямо у вас под рукой. Самый удобный материал. Будь в этих слухах хоть йота правды, вы бы поставили свой эксперимент на нем, ведь верно?

— Нет, нет, — возразил Фастольф. — Этому никто не поверит. Дэниел — мой первый успех, мой триумф. Его я бы не уничтожил ни при каких обстоятельствах. Естественно, я избрал бы Джендера. Это ясно всякому, и я выглядел бы дураком, попытайся я убедить их, что логика подсказывала бы мне выбрать Дэниела.

Они уже снова шли, и до их цели было рукой подать. Бейли хмуро молчал.

— Как вы себя чувствуете, мистер Бейли? — спросил Фастольф.

Бейли ответил тихо:

— Если вы спрашиваете о том, как на меня действует Вне, то я просто его не замечаю. Если вы подразумеваете нашу проблему, то я думаю, не проще ли мне просто залезть в ультразвуковую камеру для размягчения мозгов. — Потом он добавил с яростью: — Почему вы за мной послали, доктор Фастольф? Почему задали мне эту задачу? Что я такого вам сделал?

— Собственно говоря, — ответил Фастольф, — идея принадлежала не мне, и в свое оправдание я могу только сослаться на безвыходность моего положения.

— Так чья же это идея?

— Предложена она была вот в этом доме, к которому мы подходим. А я готов был ухватиться за соломинку.

— В этом доме? Но с какой стати его владелец...

— Владелица.

— Пусть владелица. Но с какой стати она это предложила?

— Ах, да я же не упомянул, что она знакома с вами, мистер Бейли! Вон она встречается нас.

Бейли с недоумением взглянул туда, куда указывал Фастольф.

— Иосафат!

Глава 6

ГЛЭДИЯ

23

Вышедшая к ним навстречу молодая женщина сказала с печальной улыбкой:

— Я знала, Элайдж, что, снова встретившись с вами, самым первым услышу именно это слово!

Бейли смотрел на нее во все глаза. Она заметно изменилась. Волосы были подстрижены короче, а лицо стало еще более печальным, чем два года назад, и как будто стало старше на два года. И тем не менее это была прежняя Глэдия. То же лицо сердечком с высокими скулами и небольшим подбородком. Та же невысокая тоненькая фигурка, сохранившая что-то от маленькой девочки.

После того как он вернулся на Землю, она часто ему снилась, но прямо эротически — никогда. В его снах она всегда оставалась недостижимой, как он ни искал ее. Она неизменно была так далеко, что с ней нельзя было заговорить. Если он звал ее, она не слышала. И когда шел к ней, то не приближался ни на шаг — расстояние, их разделявшее, не уменьшалось ни на йоту.

Он понимал, почему она снится ему только так. Ведь родилась она на Солярии и редко встречалась с другими людьми лицом к лицу — только с их трехмерными изображениями.

Элайдж был для нее запрещен как человек, а сверх этого (разумеется) как землянин. Хотя расследование

убийства вынудило их встречаться лицом к лицу, она всегда была в глухой одежде, чтобы избежать даже случайного прикосновения. И все же во время их последней встречи она вопреки здравому смыслу слегка погладила его щеку рукой без перчатки. Она должна была знать, что может таким образом получить инфекцию. Он тем более ценил это прикосновение, что оно противоречило всему ее воспитанию.

Со временем сниться ему она перестала.

— Так это вам принадлежал... — растерянно сказал Бейли.

Он умолк и Глэдия закончила за него:

— Тот робот. А два года назад у меня был муж. Все, к чему я ни прикоснусь, погибает.

Неожиданно для себя Бейли провел ладонью по щеке. Глэдия словно бы не заметила его жеста. Она сказала:

— В тот раз вы прилетели спасти меня. Простите, но я должна была позвать вас снова... Входите же, Элайдж. Входите, доктор Фастольф.

Фастольф отступил, пропуская Бейли вперед, а сам вошел за ним. Следом за Фастольфом вошли Дэниел и Жискар, но сразу же с обычной для роботов ненавязчивостью молча встали в пустых стенных нишах напротив друг друга.

Мгновение казалось, что Глэдия отнесется к ним с обычным для аврорианцев равнодушием. Однако, взглянув на Дэниела, она отвернулась и сказала Фастольфу чуть прерывающимся голосом:

— Вон тот. Пожалуйста. Отшлите его.

— Дэниела? — спросил Фастольф, удивленно глядя на нее.

— Он... он слишком похож на Джендера!

Фастольф обернулся к Дэниелу, и на мгновение его лицо исказилось от ничем не замаскированной боли.

— Конечно, моя дорогая. Простите меня. Я не подумал... Дэниел, пройди в соседнюю комнату и оставайся там, пока мы не уйдем.

Дэниел молча вышел.

Глэдия взглянула на Жискара, словно проверяя, насколько он похож на Джендера, и повернулась, слегка пожав плечами.

— Могу ли я предложить вам что-нибудь перекусить или выпить? — сказала Глэдия, — Кокосовый коктейль, свежий и холодный?

— Нет, Глэдия, спасибо, — сказал Фастольф. — Я просто привел мистера Бейли, как обещал. Но я ненадолго.

— Я выпил бы воды, — сказал Бейли, — если можно.

Глэдия подняла ладонь. Несомненно, за ней наблюдали, так как почти сразу в комнату бесшумно вошел робот со стаканом воды на подносе и вазочкой, полной чего-то вроде крекеров с розовой шишечкой на каждом.

Бейли не удержался и взял один, хотя и не представлял себе, чем может оказаться это угощение. Происхождение, конечно, земное: вряд ли на Авроре люди едят хоть что-то из скудной исконной биоты. Или синтетическую пищу, если на то пошло. Тем не менее земные источники пищи могли со временем претерпеть существенные изменения либо благодаря специальной селекции, либо под воздействием новой природной среды. Ведь Фастольф сказал за завтраком, что к аврорианской кухне надо приобрести вкус.

Он был приятно удивлен. Что-то островатое, пряное, но восхитительное. Он тут же взял второй крекер, сказал роботу «спасибо», хотя тот продолжал бы невозмутимо стоять сколько угодно времени, и забрал у него стакан вместе с вазочкой.

Робот ушел.

День уже начинал клониться к вечеру, и в западные окна били красноватые солнечные лучи. Бейли показалось, что дом был меньше дома Фастольфа, но выглядел бы веселее и уютнее, если бы грустное лицо Глэдии не одевало все унынием.

Конечно, это могло ему просто почудиться. Да и как может казаться веселым и уютным здание, которое якобы служит людям жилищем и укрытием, а само со всех сторон открыто Вне, подстерегающему за каждой стеной. Нигде ни намека на покой многолюдия, общности. За каждой внешней стеной, крышей, полами — неодушевленный мир. Полный холода. Холода!

И холод нахлынул на Бейли, едва он вспомнил свое положение. (Встреча с Глэдией на миг заставила его забыть грозную дилемму.)

— Садитесь, Элайдж, — сказала Глэдия. — Извините, что я немного не в себе. Во второй раз я оказалась в центре всепланетной сенсации, а для меня и первого раза было более чем достаточно.

— Я понимаю, Глэдия, — сказал Бейли. — Пожалуйста, не извиняйтесь.

— А вы, дорогой доктор, пожалуйста, не считайте, что вам следует уйти.

— Ну-у... — Фастольф взглянул на временную ленту на стене. — Я останусь, но ненадолго, дорогая моя, — меня ждет работа, которую необходимо сделать, хоть рухну небеса. И тем более что меня поджидает скорое будущее, когда мне вообще не придется работать.

Глэдия заморгала, словно удерживая слезы.

— Я знаю, доктор Фастольф. У вас страшные неприятности из-за... из-за того, что произошло тут, а я веду себя так, словно думаю только... только о собственных неудобствах.

— Я постараюсь справиться со своими трудностями, Глэдия. И пожалуйста, не считайте себя виноватой. Возможно, мистер Бейли сумеет помочь нам обоим.

Бейли только стиснул зубы, услышав это, а потом сказал упрямо:

— Я понятия не имел, Глэдия, что вы каким-то образом причастны к случившемуся.

— Как будто могло быть иначе! — сказала она со вздохом.

— Вы владеете... владели Джендером Пэнеллом?

— Ну, не совсем. Доктор Фастольф мне его одолжил.

— Вы были с ним, когда он... — Бейли замялся, ища слова.

— Когда он умер? Можно, мы будем говорить «умер»? Нет, не была. И сразу скажу вам, что в то время в доме никого не было. Только я. Я обычно бываю одна. Почти всегда. Привычка, воспитанная на Солярии, вы ведь не забыли? Конечно, это чисто добровольно. И вы сейчас здесь оба, и я ничего против не имею... почти.

— И вы точно были совсем одна, когда Джендер умер? Ошибки тут нет?

— Я ведь уже сказала, — с легким раздражением ответила Глэдия. — Извините, Элайдж. Я знаю, вам

надо, чтобы все повторялось по нескольку раз. Да, я была одна. Честное слово.

— Но ведь в доме были роботы?

— Да, конечно. Я подразумеваю, что со мной не было других людей.

— Сколько у вас роботов, Глэдия? Не считая Дженера?

Глэдия помолчала, словно считая про себя. Потом сказала:

— Двадцать. Пять в доме и пятнадцать на участке. Кроме того, роботы свободно расхаживают между моим домом и домом доктора Фастольфа, а из-за их быстроты не всегда успеваешь разглядеть, мой он или его.

— А-а! — сказал Бейли. — Поскольку у доктора Фастольфа пятьдесят семь роботов, то, если их объединить, получается в целом семьдесят семь роботов. А есть ли поблизости еще дома, так что роботы оттуда могут оказаться среди ваших?

— Других домов, расположенных достаточно близко, здесь нет. Да и вообще такое смешение роботов обычно не допускается. Мы с Глэдией особый случай — она не уроженка Авроры, а я взял на себя... э... определенную ответственность за нее.

— Но даже и так их семьдесят семь.

— Да, — сказал Фастольф. — Но почему вы придаете этому значение?

— А потому, — ответил Бейли, — что это подразумевает семьдесят семь движущихся объектов, более или менее сходных с человеческими фигурами. Вы привыкли замечать их уголком глаза и не обращать на них особого внимания. А потому, Глэдия, если бы какой-то человек пробрался в дом с какой бы то ни было целью, вы могли бы его и не заметить. Просто еще один движущийся объект, сходный с человеческой фигурой, не привлекающей вашего внимания.

Фастольф добродушно усмехнулся, а Глэдия покачала головой с поаной серьезностью.

— Элайдж, — сказала она, — сразу видно, что вы землянин. Неужели вы воображаете, что человек, пусть даже доктор Фастольф, мог бы подойти к моему дому и мои роботы не доложили бы мне об этом? Я могла бы

не заметить движущуюся фигуру, принять ее за робота, но ни один робот такой ошибки не совершил бы. Вот сейчас я вышла к вам навстречу, но потому лишь, что мои роботы предупредили меня о вашем приближении. Нет, нет, когда Джендер умер, в доме ни одного человека не было.

— Кроме вас?

— Кроме меня. Так же, как никого, кроме меня, не было в доме, когда был убит мой муж.

— Это совсем другое дело, Глэдия, — мягко вмешался Фастольф. — Ваш муж был убит тупым орудием. Убийца должен был оказаться рядом с ним, и если, кроме вас, других людей в доме не было, положение становилось серьезным. Но Джендера вывели из строя хитроумной словесной программой. Физическое присутствие того, кто это сделал, не требовалось. То, что вы были в доме одна, ровно ничего не значит, тем более что вы понятия не имеете о том, как заблокировать сознание человекоподобного робота.

Они посмотрели на Бейли — Фастольф с легкой усмешкой, а Глэдия печально. (Бейли рассердилось, что Фастольф, чье будущее выглядело не более светлым, чем его собственное, тем не менее не утратил юмора. «Ну над чем он смеется, точно идиот!» — подумал Бейли зло.)

— Незнание, — медленно сказал Бейли, — еще не доказательство. Человек может не знать дороги куда-то, пойти наугад и все-таки прийти на место. Или в разговоре с Джендером случайно вызвать заморозку.

— И какова вероятность? — спросил Фастольф.

— Вы специалист, доктор Фастольф, и, наверное, объясните, что она очень мала.

— Невероятно мала. Человек может не знать дороги куда-то, но, если добраться туда можно лишь по канатам, натянутым зигзагами, какова вероятность, что он доберется туда с завязанными глазами, шагая наугад?

Руки Глэдии словно вспорхнули, она крепко сжала кулачки и положила их на колени.

— Случайно или нет, это сделала не я! Когда это произошло, меня с ним не было. Не было! Я разговаривала с ним утром. Он был такой же, как всегда, абсолютно нормальный. А через несколько часов я его

позвала, он не пришел. Я пошла посмотреть, а он стоял на своем обычном месте, такой же, как всегда. Но только он не прореагировал на меня. Совсем. И теперь не реагирует ни на что и ни на кого.

— А не могло ли, — спросил Бейли, — что-то сказанное вами мимоходом вызвать заморозку, когда вы уже ушли? Через час, например.

Фастольф резко его перебил:

— Абсолютно исключено, мистер Бейли. Если заморозка происходит, то мгновенно. Пожалуйста, не допрашивайте Глэдию в такой манере. Она не способна вызвать заморозку сознательно, и невысказано, чтобы она вызвала ее случайно.

— Но ведь невысказано, чтобы ее вызвал случайный позитронный дрейф, хотя, по-вашему, причина все-таки он?

— Но не в такой степени.

— Обе возможности крайне маловероятны? Какие могут быть различия в невысказанности?

— Очень большие. Я оценил бы вероятность умственной заморозки из-за позитронного дрейфа как один к десяти в двенадцатой степени, а из-за непреднамеренного создания всех необходимых условий — как один к десяти в сотой степени. Оценка, естественно, очень примерная, но соотношение достаточно точное. Различие больше, чем между одним электроном и всей Вселенной, и оно в пользу позитронного дрейфа.

Некоторое время царило молчание. Потом Бейли сказал:

— Доктор Фастольф, вы упомянули, что торопитесь.

— Я и так уже очень задержался.

— Так не уйти ли вам?

Фастольф привстал было, но потом сказал:

— А что?

— Я хочу поговорить с Глэдией наедине.

— Допрашивать ее?

— Я должен расспросить ее без вашего вмешательства. Наше положение слишком серьезно, чтобы считаться с правилами вежливости.

— Милый доктор, я не боюсь мистера Бейли, — вмешалась Глэдия. И добавила тоскливо: — Мои робо-

ты защитят меня, если его невежливость перейдет границы.

Фастольф улыбнулся.

— Ну хорошо, Глэдия. — Он встал и протянул руку. Она слегка ее пожала. Он добавил: — Я хотел бы, чтобы Жискар остался здесь для общей защиты и, если разрешите, Дэниел пока останется в соседней комнате. Не одолжите ли мне какого-нибудь вашего робота, чтобы он проводил меня домой?

— Ну конечно, — ответила Глэдия. — По-моему, вы знаете Пандиона.

— Да-да. Робот крепкий и надежный!

Он ушел в сопровождении робота.

Бейли выжидающе следил за Глэдией, всматривался в нее. Она сидела, разглядывая сложенные на коленях руки.

Бейли не сомневался, что она может рассказать еще многое. И не знал, как убедить ее быть откровеннее. Но в одном он был убежден: в присутствии Фастольфа она не скажет ничего.

24

Наконец Глэдия подняла голову. Лицо ее было лицом маленькой девочки. Она сказала тихим голосом:

— Как вы, Элайдж? Как себя чувствуете?

— Неплохо, Глэдия.

— Доктор Фастольф сказал, что приведет вас сюда через лут и постоит с вами в самом тяжелом для вас месте.

— А? Но зачем? Чтобы посмеяться?

— Нет, Элайдж. Я рассказывала ему, как на вас действует пребывание под открытым небом. Помните, как вы потеряли сознание и упали в пруд?

Элайдж быстро мотнул головой. Помнить-то он помнил, но вспоминать не хотел и сказал сердито:

— Я теперь уже не совсем такой. Стал выносливее.

— Но доктор Фастольф сказал, что испытает вас. Все прошло хорошо?

— Достаточно хорошо. Сознания я не потерял. — Он вспомнил, что произошло, когда космолет шел на

посадку, и скрипнул зубами. Нет, это другое и обсуждения не требует. Он сказал, меняя тему:

— Как мне называть вас здесь? Как к вам обращаться?

— Вы же называете меня Глэдий.

— Но, возможно, это нежелательно. Миссис Дельмар? Но вы ведь...

Глэдия вскрикнула и перебила его:

— Тут я этой фамилией не пользуюсь! Пожалуйста, не называйте меня так.

— Ну, а как называют вас аврорианцы?

— «Глэдия Солярия», но это просто указание, что я с другой планеты, и мне тоже не нравится. Я просто Глэдия. Одно имя. Оно не аврорианское, и, наверное, другой Глэдии на планете нет, так что его вполне достаточно. А я вас буду по-прежнему называть Элайдж, если вы не против.

— Нет, я не против.

— Не выпить ли нам чаю, — сказала Глэдия не вопросительно, а утвердительно, и Бейли кивнул.

— А я не знал, что космониты пьют чай, — сказал он.

— Не земной. Это экстракт одного растения, приятный на вкус и во всех отношениях безвредный. Мы называем его чаем.

Она подняла руку, и Бейли заметил, что рукав плотно затянут на запястье и соединен с тонкой перчаткой телесного цвета. Она по-прежнему в его присутствии укрывала свою кожу, где было возможно. Все еще снижала вероятность инфекции.

Ее рука на мгновение замерла в воздухе, а еще через несколько секунд вошел робот с подносом. Он был заметно примитивнее Жискара, но расставил чашки и тарелочки с канapé и бисквитами плавно и ловко. А чай разлил даже с грацией.

— Как это у вас получается, Глэдия? — с любопытством спросил Бейли.

— Что получается, Элайдж?

— Вы просто поднимаете руку, когда вам что-нибудь нужно, и роботы уже знают, что делать. Откуда вот этот узнал, что надо подать чай?

— Все очень просто, Элайдж. Каждый раз, когда я поднимаю руку, она вносит искажение в небольшое

электромагнитное поле, постоянно поддерживаемое в комнате. Различия в повороте ладони и положении пальцев создают разные искажения, которые мои роботы воспринимают как распоряжения. Пользуюсь я этим приспособлением только для самых простых приказов: «иди сюда!», «принеси чай!» и тому подобное.

— Я не заметил, чтобы доктор Фастольф пользовался такой системой.

— Это на Авроре не очень принято. Но я привыкла к этому на Солярии... К тому же в это время я всегда пью чай. Борграф уже ждет сигнала.

— Его зовут Борграф? — Бейли с интересом оглядел робота, вдруг осознав, что до этого даже на него не посмотрел. Привычка быстро рождала равнодушие. Еще день, и он вообще перестанет видеть роботов. Они будут незримо хлопотать вокруг него, и все будет делаться словно само собой.

Однако просто их не замечать его не устраивало. Он хотел, чтобы их вообще рядом не было. Он сказал:

— Глэдия, я хочу остаться с вами наедине. Даже без роботов... Жискар, пойді к Дэниелу. Можешь охранять оттуда.

— Слушаю, сэр, — ответил Жискар, словно включившись при звуке своего имени.

Глэдию это как будто позабавило.

— Вы, земляне, такие странные! Я знаю, что у вас на Земле есть роботы, но вы словно не знаете толком, как с ними обращаться. Выкрикиваете распоряжение, будто они глухие. — Она обернулась к Борграфу и сказала вполголоса: — Борграф, пусть никто из вас сюда не входит без зова. Не отвлекайте нас, если только не произойдет что-то, действительно не терпящее отлагательства.

— Слушаю, мэм, — сказал Борграф, попятился, оглядел стол, словно проверяя, не упустил ли он что-то, повернулся и вышел из столовой.

Теперь смешно стало Бейли. Голос Глэдии был тихим, зато тон таким резким, словно она была сержантом и отдавала приказ новобранцу. Но чему удивляться? Он давно убедился, что чужие промашки легче увидеть, чем свои.

— Ну вот мы одни, Элайдж, — сказала Глэдия. — Даже роботы ушли.

— Вы не боитесь быть наедине со мной? — спросил Бейли.

Помедлив, она покачала головой:

— С какой стати? Стоит мне поднять руку, махнуть, вскрикнуть — и здесь сразу же появятся несколько роботов. На космолетах ни у одного человека нет оснований бояться другого. Это не Земля! Но почему вы спросили?

— Потому что есть другие страхи, помимо физических. Я не нападу на вас, не причиню вам никакого физического вреда, это разумеется само собой. Но разве вы не опасаетесь моих вопросов и того, что с их помощью может обнаружиться? Помните, это ведь не Солярис. Там я симпатизировал вам и поставил своей задачей доказать вашу невиновность.

— А сейчас вы мне не симпатизируете? — тихим голосом спросила она.

— На этот раз речь идет не об убитом муже. Вас не подозревают в убийстве. Всего лишь погиб робот, и, насколько мне известно, вы не подозреваетесь ни в чем. Заниматься я должен доктором Фастольфом. Мне крайне важно по причинам, о которых говорить нет нужды, убедительно доказать, что он ни в чем не виновен. Если это может как-то повредить вам, я буду бессилен что-либо изменить. Я не собираюсь сворачивать с пути, чтобы не причинить вам боли. Только честно предупрежу вас об этом.

Она подняла голову и смерила его надменным взглядом:

— Как что-нибудь может повредить мне?

— Так, может быть, приступим к тому, чтобы выяснить это? — холодно ответил Бейли. — Без вмешательства доктора Фастольфа. — Он подцепил канapé вилочкой (брать пальцами не стоило — не исключено, что после этого Глэдия к ним не притронулась бы), стряхнул на свою тарелочку, отправил в рот и запил глотком чая.

Она тоже взяла одно канapé и тоже выпила глоток чая. Если он держался хладнокровно, видимо, она решила не уступать ему в этом.

— Глэдия, — сказал Бейли, — мне абсолютно необходимо знать, какие отношения существуют между вами и доктором Фастольфом. Вы его соседка и роботы у вас почти общие. Он явно озабочен вашей судьбой. Он не стал защищаться, ограничившись утверждением, что он этого не делал, но грудью встал на вашу защиту, едва я начал задавать вам жесткие вопросы.

— Что вы подозреваете, Элайдж? — Глэдия чуть-чуть улыбнулась.

— Не фехтуйте со мной, — сказал Бейли. — Я не хочу подозревать. Мне необходимо знать твердо.

— Доктор Фастольф говорил что-нибудь о Фанье?

— Да, он про нее упоминал.

— Вы спросили у него, жена ему Фанья или просто подруга? И есть ли у него дети?

Бейли поежился. Конечно, он мог бы задать такие вопросы, однако в тесноте Земли очень ценилось право человека не выставлять напоказ личную жизнь — именно потому, что практически это было невозможно. На Земле люди волей-неволей знали все о семейных делах окружающих, а потому такие вопросы не задавались, и полагалось делать вид, будто тебе ничего неизвестно.

Здесь, на Авроре, земные обычаи, естественно, соблюдать не следовало, но он машинально их придерживался. Глупо!

— Нет, пока не спрашивал. Так скажите мне, — попросил он.

— Фанья его жена. Он вступал в брак много раз, поочередно, разумеется, хотя одновременные браки для каждого пола или для обоих на Авроре тоже порой заключаются. — Легкая брезгливость, с какой она это произнесла, заставила ее добавить в свое оправдание: — На Солярии ни о чем подобном и помыслить нельзя.

— Однако, — продолжала она, — нынешний брак доктора Фастольфа будет, по-видимому, скоро расторгнут. Тогда они оба будут свободны заключить новый брак, хотя часто ни муж, ни жена не ждут расторжения предыдущего... Признаюсь, я не понимаю, Элайдж, такого небрежного отношения к подобным вопросам, однако на Авроре так принято. Доктор Фастольф, насколько я понимаю, человек высокой морали. Он всегда

состоит в том или ином браке и вне брака не ищет ничего. На Авроре это считается старомодным и глупым.

Бейли кивнул:

— Я кое-что узнал об этом из книг. Брак заключается, когда есть намерение иметь детей, если не ошибаюсь.

— Теоретически да, но мне говорили, что к этому уже давно никто не относится серьезно. У доктора Фастольфа уже есть двое детей, и его квота исчерпана, но он тем не менее вступает в брак и обращается за разрешением на третьего. Естественно, он получает отказ, в чем не сомневался с самого начала. А некоторые не затрудняют себя подачей заявления.

— Но тогда зачем затруднять себя заключением брака?

— Это дает определенные социальные преимущества. Я не аврорианка и не очень в этом разбираюсь.

— Неважно. Расскажите мне о детях доктора Фастольфа.

— У него две дочери от двух разных жен. Но, конечно, не от Фаньи. Сыновей у него нет. Обе дочери вызревали в материнской утробе, как принято на Авроре. Обе они уже взрослые и имеют свои дома.

— Он близок с дочерьми?

— Не знаю. Он о них почти не упоминает. Одна — робопсихолог, и, полагаю, он следит за ее работой. Вторая, кажется, выставила свою кандидатуру в совет одного из городов. Или она член совета? Точно не знаю.

— Вы что-нибудь знаете о каких-нибудь семейных неурядицах?

— Мне о них ничего неизвестно, но это мало что значит, Элайдж. Он как будто в нормальных отношениях со всеми своими прошлыми женами. Ни одно из расторжений не сопровождалось ссорами. Вообще доктор Фастольф не такой человек. Просто не могу себе представить, что он встретил бы превратности судьбы с чем-то кроме добродушного вздоха. Он будет шутить на смертном одре.

Вот это похоже на правду, подумал Бейли, а вслух сказал:

— Но ваши отношения с доктором Фастольфом? И, пожалуйста, правду. Наше положение не позволяет уклониться от правды, чтобы избежать неловкости.

Она подняла глаза и твердо встретила его взгляд.

— Никакой неловкости избегать не надо. Доктор Хэн Фастольф — мой друг, мой очень дорогой друг.

— Насколько дорогой, Глэдия?

— Я уже сказала: очень дорогой.

— Вы ждете расторжения его брака, чтобы стать его следующей женой?

— Нет. — Она произнесла это слово с полным спокойствием.

— Ну так вы любовники?

— Нет.

— Но были?

— Нет. Вас это удивляет?

— Мне просто нужна информация.

— Тогда, Элайдж, разрешите мне отвечать на ваши вопросы без понуждения и не рывкайте на меня так, словно надеетесь поймать меня врасплох, чтобы я от неожиданности призналась в том, что хотела скрыть. — В тоне у нее не было раздражения. Могло даже показаться, что это ее забавляет.

Бейли, слегка покраснев, хотел было ответить, что ничего подобного ему и в голову не приходило, но к чему было отрицать заведомую истину? Он проворчал:

— Ну так валяйте.

Чашки и тарелки все еще загромождали столик между ними, и Бейли подумал, что при обычных обстоятельствах Глэдия, наверное, подняла бы руку, согнула пальцы на определенный манер, и робот Борграф вошел бы бесшумно и быстро унес бы все.

Быть может, неубранный стол действует Глэдии на нервы, и от этого она, отвечая, немножко утрачивает власть над собой? Если так, пусть он стоит неубранный... Но Бейли особенно на это не надеялся: неубранный стол, насколько он мог судить, Глэдию нисколько не беспокоил — она его просто не замечала.

Глэдия вновь опустила глаза и наклонила голову. Лицо у нее стало словно жестче, как будто она возвращалась в прошлое, которое предпочла бы забыть.

Глэдия заговорила:

— Вы кое-что узнали о моей жизни на Солярии. Она **не** была счастливой, но ничего другого я не знала. И только когда я ощутила мгновение счастья, я внезапно поняла, до какой степени — и как глубоко — была несчастна моя прежняя жизнь. И первым намеком я обязана вам, Элайдж.

— Мне? — Бейли растерялся от удивления.

— Да, Элайдж. Наша последняя встреча на Солярии... надеюсь, вы помните ее, Элайдж... она открыла мне что-то. Я прикоснулась к вам! Сняла перчатку — такую же, как эта, — и прикоснулась к вашей щеке! Прикосновение было коротким. Не знаю, что оно значило для вас... нет-нет, не говорите, это неважно... Но для меня оно значило очень много.

Она подняла голову и посмотрела на него с вызовом.

— Для меня оно значило все! Оно изменило мою жизнь. Не забудьте, Элайдж, что до той минуты я, если не считать недолгих лет детства, ни разу не прикасалась к мужчине... вообще ни к кому, кроме моего мужа. И к мужу я прикасалась очень редко. Конечно, я видела мужчин в трехмерном телеизображении, рассматривала их и так **ознакомилась** со всеми физическими особенностями мужчин, с каждой телесной их подробностью. И в этом смысле мне узнавать было нечего. Но у меня не было причин думать, что один мужчина при прикосновении чем-то отличается от другого. Я знала ощущение от кожи моего мужа, от его рук, когда он принуждал себя прикоснуться ко мне, от... от всего. Мне не приходило в голову, что с другим мужчиной может быть иначе. Прикосновения моего мужа не доставляли мне никакого удовольствия, но я его и не ожидала. Какое удовольствие доставит мне прикосновение моих пальцев к этому столу? Ну, разве что он приятно гладкий. Соприкосновение с моим мужем было частью ритуала, который он изредка исполнял, поскольку так было положено, и он, как порядочный солярианин, совершал все, чего от него ожидали, по календарю и часам, на протяжении стольких-то минут и в манере, предписываемой благовоспитанностью. Но и только. Он никогда не обращался за разрешением на ребенка, хотя этот периодический контакт имел целью половой акт, и мне кажется, не испытывал к такой возможности ни

малейшего интереса. А я слишком благоговела перед ним, чтобы по собственной инициативе попросить разрешения, хотя это было мое право.

— Теперь, вспоминая, — продолжала Глэдия, — я понимаю, что мой сексуальный опыт был поверхностным и механическим. Я ни разу не испытала оргазма. Ни разу. О существовании чего-то такого я узнала из некоторых книг, но описания только запутывали меня, а к тому же все эти книги импортировались — в солярианских книгах секс вообще не упоминается, — и они не внушали мне доверия. Я принимала их за вычурные иносказания. Не могла я испробовать — во всяком случае успешно — и аутоэротизм. Кажется, мастурбация — обиходное слово. То есть я слышала это слово на Авроре. На Солярии, естественно, никакие вопросы пола никогда не обсуждаются, и ни одно слово, связанное с сексом, в приличном обществе не употребляется. Впрочем, приличное общество там — единственное, и никаких других не существует. Почерпнутые мной отрывочные сведения ничего толком не объясняли. И хотя я несколько раз пыталась следовать описаниям, но тут же останавливалась. Запрет, наложенный на прикосновение к человеческой плоти, делал даже собственное мое тело чем-то запретным и неприятным. Порой я задевала рукой бок, закидывала ногу на ногу, ощущала прикосновение колена к колену, но это были случайные касания, и я их не замечала. Но превратить процесс прикосновений в источник сознательного наслаждения — это было совсем другое. Все мое существо восставало против этого, и потому наслаждение не приходило.

Она помолчала.

— И я ни разу не подумала, что прикосновение может принести радость при других обстоятельствах. С какой стати я подумала бы так? Откуда взялась бы подобная мысль? Так было, пока я не коснулась тогда вашей щеки. Не знаю, почему я это сделала. Я почувствовала прилив нежности к вам, потому что вы спасли меня от обвинения в убийстве. И к тому же запрет касался вас не полностью. Вы не были уроженцем Солярии. Вы не были — простите меня — подлинным мужчиной. Вы были порождением Земли. Внешность у

вас была человеческая, но короткий срок жизни и склонность к инфекциям позволяли отмахнуться от вас как в лучшем случае от недочеловека. И вот, потому что вы спасли меня и по-настоящему мужчиной не считались, я могла прикоснуться к вам. И более того: вы смотрели на меня не с враждебностью и отвращением, как мой муж, и не с отработанным равнодушием, с каким смотрят на трехмерное изображение. Вы находились прямо передо мной на расстоянии протянутой руки, и глаза у вас были теплыми, полными сочувствия. И вы даже вздрогнули, когда моя рука потянулась к вашей щеке, я это заметила.

Она снова помолчала.

— В чем тут дело, я не знаю. Прикосновение было таким коротким, а физическое ощущение ничем не отличалось от того, которое я испытала бы, прикоснувшись к мужу, к другому мужчине и даже к другой женщине. Но это не ограничивалось физическим ощущением. Вы были рядом, вы обрадовались ему, я замечала у вас все признаки... нежности. И когда ваша кожа и моя — моя рука, ваша щека — соприкоснулись, мне показалось, что я дотронулась до ласкового огня, и он пробежал по пальцам, по руке, и я вся запылала. Не знаю, как долго это длилось — хотя, конечно, не более одной-двух секунд, — но время для меня остановилось. Со мной случилось что-то, чего я прежде никогда не испытывала, и вспоминая, много времени спустя, уже узнав его, я поняла, что испытала почти оргазм. Я попыталась скрыть...

Бейли, не осмеливаясь взглянуть на нее, покачал головой.

— Так, значит, я скрыла. Я сказала: «Спасибо, Элэйдж», благодаря вас за то, что вы сделали для меня в связи со смертью моего мужа. Но еще больше я благодарила вас за то, что вы осветили мою жизнь, сами того не зная, показали, чем она богата, за то, что распахнули дверь, указали путь, открыли горизонты. Физически это был ничего не значащий пустяк, всего лишь прикосновение. Но оно стало началом всего.

Голос ее замер, она умолкла, вспоминая. Потом приподняла палец:

— Нет. Ничего не говорите. Я еще не кончила. У меня и прежде были фантазии: какой-то мужчина и я делаем то, что делали мой муж и я. Но что-то было другим... я не понимала, в чем именно... и чувствовали что-то другое — но что, я вообразить не могла, как ни напрягала воображение. И мне предстояло прожить всю жизнь, пытаясь вообразить невообразимое, и я бы умерла, как, полагаю, часто умирают женщины на Солярии... да и мужчины тоже... ничего не зная, даже после трех-четырех веков. Ничего не зная. Производя на свет детей и не зная... не зная... Но одно прикосновение к вашей щеке, Элайдж, и я поняла. Удивительно, правда? Вы открыли мне то, чего искало мое воображение. Не механическую форму, не скучное неохотное сближение тел, но нечто такое, чего я и представить себе не могла в связи с этим. Выражение лица, свет в глазах, ощущение... нежности... доброты... нет, я не могу описать... Принятие, исчезновение страшного барьера, разделяющего двух людей. Наверное, любовь — слово, охватывающее все это и больше, больше. Я почувствовала к вам любовь, Элайдж, потому что... мне показалось... вы могли почувствовать любовь ко мне. Я не говорю, что вы меня полюбили, но вы могли бы... Вот чего у меня никогда не было. Хотя в старинных книгах говорилось об этом, смысл мне оставался столь же непонятным, как и когда герои в тех же книгах говорили о «чести» и ради нее убивали друг друга. Слово я знала, но не осознавала, что оно означает. И сейчас не понимаю. Как было и со словом «любовь», пока я не дотронулась до вашей щеки. После я могла вообразить... И на Аврору я прилетела, помня вас, думая о вас, без конца мысленно разговаривая с вами и веря, что на Авроре я встречу миллион таких, как Элайдж.

Она замолчала, погрузившись в свои мысли, а затем внезапно снова заговорила:

— Я их не встретила. Оказалось, что по-своему Аврора ничем не лучше Солярии. На Солярии секс был неприличен. Его ненавидели, и мы все избегали его. Мы не могли любить из-за ненависти, которую вызывал секс. На Авроре секс оказался очень скучным. Его воспринимают спокойно, небрежно — так же небрежно, как дыхание. Когда возникает импульс, обращаются

к кому-нибудь, кто кажется наиболее подходящим, и если тот или та не заняты чем-либо неотложным, совершается половой акт в наиболее удобной для обоих форме. Просто, как дыхание... Но какой экстаз дарит дыхание? Да, конечно, если подавиться, то, возможно, первый вздох после удушья будет исполнен невообразимого восторга и облегчения, но если вы всегда дышите нормально? А если никто добровольно не обходится без секса? Если его преподают детям на равных началах с чтением и программированием? Если детям полагается экспериментировать с ним точно так же, как играть? А старшим детям помогать им?

Она вздохнула.

— На Авроре секс, дозволенный и доступный, как вода, не имеет ничего общего с любовью. Не более чем запретный и постыдный секс имеет отношение к ней на Солярии. И там, и тут детей мало и рождение их требует официальной санкции. А когда санкция получена, следует интерлюдия секса, назначение которого — зачатие и больше ничего. Секса скучного и тягостного. А если через положенный срок выясняется, что зачатия не произошло, мало кто согласен на повторение и приходится прибегать к искусственному осеменению. Со временем здесь, как и на Солярии, победа останется за эктогенезисом — оплодотворение и развитие эмбриона будут происходить в генотариях, а секс превратится в одну из форм общения и игры, что походит на любовь не больше, чем космическое поло. Элайдж, я не могла принять аврорианский взгляд. Я не так воспитана. С ужасом я искала секса — и никто не отказал, и каждый ничего не значил. Когда я предлагала себя, глаза каждого оставались пустыми и были пустыми, когда он соглашался. Еще одна, говорили они, почему бы и нет? Они соглашались с готовностью, но и только. И прикосновение к ним ничего не давало — словно я прикасалась к своему мужу. Я научилась проделывать, что полагается, следовать за ними, принимать их руководство — но все это ровно ничего не значило. Я даже не обрела потребности проделывать это сама наедине с собой. Чувство, которое подарили мне вы, не повторялось, и со временем я оставила эти попытки.

— И во время всего этого, — продолжала она после паузы, — доктор Фастольф был моим другом. Он один на Авроре знал все, что произошло на Солярии. То есть так мне кажется. Вы же знаете, что достоянием гласности случившееся стало не целиком, и уж во всяком случае настоящая наша история осталась за пределами этой ужасной гиперволновой программы, о которой я слышала. Смотреть ее я отказалась. Доктор Фастольф ограждал меня от отсутствия понимания у аврорианцев, от презрения, которое они питают ко всем солярианам. Он ограждал меня и от отчаяния, которое мной овладело. Нет, мы не были любовниками. Я бы предложила себя, но к тому времени, когда у меня мелькнула эта мысль, я уже не верила, что чувство, которое вызвали у меня вы, Элайдж, когда-нибудь повторится. Я решила, что, возможно, память сыграла со мной шутку, и сдалась. Я не предложила себя. И он не предложил. Не знаю почему. Возможно, он понял, что мое отчаяние было порождением моей неудачи найти в сексе что-то мне нужное, и не хотел усугубить его еще одной неудачей. Типичная его доброта — побережь меня таким образом. Вот мы и не стали любовниками. Он просто был моим другом, когда я нуждалась в друге особенно сильно. Ну вот, Элайдж, полный ответ на заданные вами вопросы. Вы хотели узнать о моих отношениях с доктором Фастольфом, сказали, что вам необходима информация. Вот она. Вы удовлетворены?

Бейли попытался скрыть свою тоску.

— Мне очень жаль, Глэдия, что жизнь была так к вам жестока. Вы дали мне всю необходимую информацию. И дали много больше информации, чем, наверное, вам кажется.

— Каким образом? — Глэдия нахмурилась.

Бейли не ответил на ее вопрос, а сказал:

— Глэдия, я рад, что воспоминание обо мне так много для вас значило. На Солярии мне ни на секунду не приходило в голову, что я произвожу на вас такое впечатление, а если бы и пришло, я бы не... ну, вы понимаете.

— Да, Элайдж, — сказала она мягче. — И попытайтесь вы, ничего не было бы. Я бы не могла.

— Я знаю. И не считаю приглашением то, что вы мне сейчас сказали. Одно прикосновение, один миг сексуального прозрения — вот и все. Вполне вероятно, что он неповторим, и не следует его портить, глупо пытаюсь воскресить пережитое один раз. Вот почему я сейчас... не предлагаю себя. Не надо истолковывать это как еще одну вашу неудачу. А кроме того...

— Что?

— Вы, как я упомянул, сказали мне, пожалуй, много больше, чем собирались. Вы мне сказали, что история не кончается вашим отчаянием.

— Почему вы так решили?

— Рассказывая мне о чувстве, которое вызвало у вас прикосновение к моей щеке, вы сказали примерно так: «Много позже, узнав его, я поняла, что почти испытала оргазм». А затем вы сообщили, что секс с аврорианцами неизменно бывал неудачным, и, полагаю, оргазма вы не испытали. А испытать его, Глэдия, вы были должны, иначе как бы вы узнали ощущение, охватившее вас тогда на Солярии? Вспомнить и распознать, что это было, вы могли, только если все-таки научились любить. Иными словами, у вас был любовник, и вы познали любовь. Если доктор Фастольф не ваш любовник и никогда им не был, из этого следует, что кто-то другой — ваш любовник... или был им.

— А если и так? Почему вы считаете, что это вас касается, Элайдж?

— Я не знаю, Глэдия, касается или нет. Скажите мне, кто он, и, если выяснится, что это правда не мое дело, на том оно и кончится.

Глэдия промолчала.

— Если вы мне не скажете, Глэдия, я должен буду сам вам сказать. Я ведь предупредил вас, что в моем положении не могу щадить ваши чувства.

Глэдия только крепче сжала губы — так, что их уголки побелели.

— Кто-то был, Глэдия, а вы необычайно тяжело переживаете потерю Джендера. Вы отослали Дэниела, потому что у вас не было сил смотреть на него — настолько его лицо напоминало вам о Джендере. Если я ошибаюсь, сделав вывод, что Джэндер Пэннелл был... — Он помолчал, а потом сказал резко: — Если робот

Джендер Пэнелл не был вашим любовником, отрицайте это.

И Глэдия прошептала:

— Джендер Пэнелл, робот, не был моим любовником. — Повысив голос, она договорила твердо: — Он был моим мужем.

25

Губы Бейли беззвучно шевельнулись, но восклицание все равно как будто прозвучало. Все четыре слога.

— Да, — сказала Глэдия. — Иосафат! Вы потрясены. Почему? Вы не одобряете?

— Не мое дело одобрять или не одобрять, — глухо ответил Бейли.

— То есть вы не одобряете.

— То есть мне нужна только информация. Как на Авроре различают любовников и мужей?

— Если двое людей живут в одном доме какое-то время, они могут упоминать друг друга как «жену» или «мужа», а не как «любовницу» или «любовника».

— Но какое время?

— В разных регионах оно разное в зависимости от местных обычаев. Здесь, в городе Эос, оно равно трем месяцам.

— И в течение этого времени не полагается иметь половых отношений с другими?

Глэдия удивленно подняла брови:

— С какой стати?

— Я просто спросил.

— Избирательность на Авроре противопоказана. Муж, любовник — разницы нет никакой. Сексом занимаются по желанию.

— А у вас бывало такое желание, пока вы держались Джендера?

— Вообще-то нет, но так хотела я сама.

— Но другие предлагали себя?

— Иногда.

— И вы отказывали?

— Я всегда вправе отказать, это один из аспектов неизбирательности.

— Но вы отказывали?

— Да.

— А те, кому вы отказывали, знали причину?

— Не понимаю.

— Они знали, что у вас есть муж-робот?

— У меня был муж! Не называйте его «муж-робот». Такого выражения не существует.

— Они знали?

— Не имею представления, — ответила она после паузы.

— Вы им не говорили?

— Зачем?

— Не отвечайте вопросом на вопрос. Вы им говорили?

— Нет.

— Но как вы могли этого избежать? Вам не кажется, что объяснить причину своего отказа было бы естественнее?

— Никаких объяснений не требовалось. Отказ — это отказ, и его всегда принимают спокойно. Я вас не понимаю.

Бейли промолчал, собираясь с мыслями. Они с Глэddieй не блуждали, а двигались параллельно. Он продолжал:

— А на Солярии иметь мужа-робота было бы нормально?

— На Солярии о таком и помыслить нельзя. Подобная мысль была бы для меня невозможна. На Солярии все было немыслимым... И на Земле тоже, Элайдж. Ваша жена могла бы взять в мужья робота?

— Это не относится к делу, Глэddieя.

— Пожалуй. Но выражения вашего лица более чем достаточно. Пусть мы не уроженцы Авроры — вы и я, но мы находимся на Авроре. Я прожила здесь два года и принимаю ее мораль и нравы.

— Вы подразумеваете, что половая связь между человеком и роботом на Авроре явление заурядное?

— Не знаю. Убеждена, впрочем, что она позволительна, потому что здесь в области секса позволительно все, то есть все добровольное, дающее взаимное удовлетворение и никому не причиняющее вреда. Какая разница для всех остальных, как человек или любое объединение людей обретают удовлетворение? Кого-нибудь беспокоило бы, какие книги я проглядываю, какую пищу ем, в какой час засыпаю или просыпаюсь?

Люблю ли я кошек или не терплю роз? Вот и секс не имеет значения — на Авроре.

— На Авроре, — повторил Бейли. — Но вы же родились не на Авроре и воспитывались не по правилам ее морали. Совсем недавно вы сказали мне, что не сумели приспособиться к их равнодушию в вопросах пола, которое теперь хвалите. Еще раньше вы с брезгливостью отозвались о множественных браках и постоянной смене партнеров. Если вы не говорили тем, кому отказывали, почему отказываете им, не исключено, что где-то в глубине своего существа вы стыдились, что взяли в мужья Джендера. Возможно, вы знали, или подозревали, или просто предполагали, что вы — не такая, как все, и вам было стыдно.

— Нет, Элайдж, вы не заставите меня устыдиться, что бы вы ни говорили. Если иметь мужем робота необычно даже на Авроре, то лишь потому, что необычен такой робот, как Джендер. Роботы на Солярии, на Земле, даже на Авроре (если не считать Джендера и Дэниела) сконструированы так, что могут дать лишь самое грубое сексуальное удовлетворение. Их можно использовать, пожалуй, как приспособления для мастурбации — ну, вроде вибратора — но и только. Когда новые, человекоподобные роботы станут многочисленными, многочисленными станут и сексуальные связи людей и роботов.

— Но как вообще, Глэдия, — спросил Бейли, — Джендер оказался у вас? Ведь таких было только два, и оба — в доме доктора Фастольфа. И он просто передал вам одного из них, то есть половину всего?

— Да.

— Почему?

— По доброте душевной, мне кажется. Я была одинока, разочарована, несчастна — чужая в чужой стране. И он отдал мне Джендера, чтобы скрасить мою жизнь, и мне никогда не отблагодарить его за это. Продолжалось это всего полгода, но эти полгода, возможно, стоят всей остальной моей жизни.

— Доктор Фастольф знал, что Джендер был вашим мужем?

— Он никогда об этом не упоминал, так что я не знаю.

— А вы когда-нибудь упоминали?

— Нет.

— Почему?

— Не видела надобности... И нет, не потому что я стыдилась.

— Как это произошло?

— Что я не видела надобности?

— Что Джендер стал вашим мужем.

Глэдия нахмурилась и сказала враждебно:

— С какой стати я должна это объяснять?

— Глэдия, час уже поздний. Почему вы все время боретесь со мной? Вы огорчены, что Джендера... больше нет?

— Зачем спрашивать?

— Вы хотите знать, что произошло?

— И еще раз: зачем спрашивать?

— Тогда помогите мне. Мне необходима вся информация, какую только мне удастся получить, чтобы я мог приступить — хотя бы приступить! — к решению задачи, видимо, не имеющей решения. Как Джендер стал вашим мужем?

Глэдия откинулась на спинку кресла, и ее глаза внезапно наполнились слезами. Она оттолкнула тарелку с крошками, которые остались от бисквитиков, и сказала прерывающимся голосом:

— Обычно роботы не носят одежду, но они сконструированы так, что создается впечатление, будто они одеты. Я хорошо знаю роботов, ведь я жила на Солярис, и у меня есть некоторые художественные способности.

— Я помню ваши световые скульптуры, — тихо сказал Бейли.

Глэдия благодарно кивнула.

— Я разработала несколько эскизов для новых моделей, более, по-моему мнению, интересные и стильные, чем принятые на Авроре. Некоторые мои картины, сделанные по этим эскизам, висят в этой комнате. Остальные — в других.

Взгляд Бейли обратился на картины. Он уже заметил их. Да, конечно, роботы, но не натуралистические, а какие-то удлинённые с неестественными искривлениями. Но теперь он обнаружил, что искажения эти искусно выделяли те части тела, которые, когда он взглянул на них по-новому, казались одетыми. Каким-то образом

возникла идея костюмов для слуг, которые он видел в книге, посвященной средневековой Англии викторианской эпохи. Были они известны Глэдии или сходство возникло случайно, хотя и уместно? Вопрос этот скорее всего не имел ни малейшего значения, но оставлять его без внимания, пожалуй, не следовало.

В первый раз посмотрев на картины, он подумал, что таким способом Глэдия окружает себя роботами в подражание жизни на Солярии. Эту жизнь, по ее словам, она ненавидела, но чувство это было плодом сознательных мыслей. Солярия была для нее единственным по-настоящему знакомым ей приютом, а этого так просто не отбросить, даже если такая возможность вообще существует. И, быть может, это останется действенным фактором в ее живописи, пусть ее новый мотив и выглядит правдоподобно. А Глэдия тем временем говорила:

— Я преуспела. Некоторые концерны, выпускающие роботов, хорошо заплатили за мои эскизы, и довольно много уже функционирующих роботов были обновлены внешне согласно моим указаниям. Все это принесло мне некоторое удовлетворение, чуть-чуть компенсирующее эмоциональную пустоту моей жизни. Когда доктор Фастольф одолжил мне Джендера, у меня в доме появился робот в настоящей одежде. Милый доктор был так добр, что снабдил меня сменными костюмами для Джендера. Но все они выглядели очень серо, и я для развлечения купила новые, на мой взгляд, более подходящие. Необходимо было снять с него мерку, поскольку я хотела, чтобы все было подогнано точно, ну а для этого ему пришлось раздеться. Постепенно. И только когда он остался совсем обнаженным, я окончательно поняла, как он похож на человека. Все было на своем месте, а части, способные к эрекции, действительно обладали такой способностью. Собственно, они находились под сознательным контролем, как мы сказали бы про человека. Джендер мог включать и выключать эрекцию по приказанию. Он сказал мне это, когда я спросила, функционален ли его пенис в этом отношении. Мне было любопытно, и он продемонстрировал. Однако поймите, что при всем его сходстве с мужчиной я знала, что он робот. Прикасаюсь к

мужчинам, вы знаете, мне было трудно — думаю, это входило в причины, почему я не могла получить удовлетворения с аврорианцами. Но он не был настоящим мужчиной, а я всю жизнь общалась с роботами и могла прикасаться к Джендеру легко и свободно.

Глэдия помолчала.

— Вскоре я поняла, что мне нравится прикасаться к нему, и Джендер, конечно, сразу это заметил. Он был роботом, настроенным изумительно тонко, и безукоризненно выполнял Три Закона. Не дать радость, когда это было в его возможностях, значило вызвать разочарование. Разочарование же эквивалентно причинению вреда, а причинить вред человеку он не мог. И потому с бесконечной заботливостью старался дать мне радость, а я, видя это желание доставить радость, которого никогда не замечала в мужчинах Авроры, отдавалась ей целиком и в конце концов полностью познала то, что, как мне кажется, называют оргазмом.

— Значит, вы были абсолютно счастливы?

— С Джендером? Да, абсолютно.

— Вы никогда не ссорились?

— С Джендером? А как я могла бы с ним поссориться? Его единственной целью, единственным смыслом существования было угождать мне.

— А это вас не угнетало? Что он угождал вам потому, что другого выбора у него не было?

— Но ведь в конечном счете все поступают так, а не иначе, потому что другого выбора у них нет.

— И у вас никогда не возникало потребности испытать настоящих... испытать аврорианцев, после того как узнали оргазм?

— Это было бы плохой заменой. Я хотела только Джендера... Теперь вы понимаете, как велика моя потеря?

Обычно серьезное лицо Бейли стало совсем мрачным. Он сказал:

— Глэдия, я понимаю. Если я раньше причинял вам боль, простите меня, потому что тогда я еще не понимал.

Но она плакала, и он замолчал, не зная, чем ее утешить, какие слова найти. Наконец она встряхнула головой, утерла глаза рукой и прошептала:

— Еще что-нибудь?

— Несколько вопросов на другую тему, — сказал Бейли виновато. — И тогда я перестану вам докучать. Сегодня, — добавил он предусмотрительно.

— Так что? — Голос у нее был очень усталым.

— Вы знаете, что некоторые люди считают, будто в убийстве Джендера виноват доктор Фастольф?

— Да.

— Вы знаете, что доктор Фастольф настаивает, что только он обладает знаниями и опытом, достаточными, чтобы убить Джендера, как он был убит?

— Да. Милый доктор сам мне рассказывал об этом.

— Так вот, Глэдия: считаете ли вы, что Джендера убил доктор Фастольф?

Она бросила на него пронзительный взгляд и сказала гневно:

— Конечно, нет. Для чего он стал бы его убивать? Джендер был его роботом, не забывайте, и он очень им дорожил. Элайдж, вы не знаете милого доктора так хорошо, как знаю его я. Он очень мягкий человек и никогда никому не причинит зла, а уж тем более роботу. Сказать, что он мог бы убить робота, значит утверждать, что брошенный камень будет падать вверх.

— Больше у меня вопросов нет, Глэдия, и мне здесь остается только увидеть Джендера... то, что осталось от Джендера. С вашего разрешения, конечно.

— Зачем? Для чего? — В ее голосе вновь появились подозрительность и враждебность.

— Глэдия! Ну прошу вас! Не думаю, что от этого будет хоть какая-то польза, но я обязан увидеть Джендера и убедиться, что его вид ничего мне не подскажет. Я попытаюсь не расстраивать вас еще больше.

Глэдия встала. Ее платье, очень простое и узкое, было не черным (какое она надела бы на Земле), но удивительно тусклого цвета без единой искорки. Бейли, мало что понимавший в умении одеваться, прекрасно понял, как точно оно воплощает траур.

— Идемте со мной, — прошептала Глэдия.

Следом за Глэдией Бейли прошел несколько комнат, стены которых мягко светились. Раза два он краем глаза

замечал какое-то движение — видимо, робот поспешно ретировался — ведь им было приказано держаться в стороне.

По коридору, вверх по небольшой лестнице — и они вошли в небольшую комнату, где часть одной стены светилась, точно под лучом прожектора.

В комнате не было никакой мебели, кроме простой кровати и стула.

— Это была его комната, — тихо произнесла Глэдия, а затем, точно прочитав его мысли, добавила: — Это все, что ему было нужно. Я как могла дольше не звала его — весь день, если у меня хватало силы. Я не хотела, чтобы он хоть когда-нибудь мне надоел. — Она скорбно покачала головой. — Как я теперь жалею, что не проводила с ним каждую секунду. Я же не знала, как мало у нас было времени... Вот он.

Джендер лежал на кровати, и Бейли сосредоточенно оглядел его. Робот был укрыт глянцевым покрывалом. Светящаяся стена озаряла голову, очень правильную и нечеловеческую в своей безмятежности. Широко раскрытые глаза были матовыми и тусклыми. Джендер походил на Дэниела настолько, что присутствие Дэниела действительно не могло не быть тягостным для Глэдии. Над покрывалом виднелись шея и обнаженные плечи.

— Доктор Фастольф его обследовал? — спросил Бейли.

— Да. И очень тщательно. Я в отчаянии бросилась к нему, и если бы вы видели, как он поспешил сюда, как волновался, какую испытывал боль и... и панику, вы бы сразу поняли, что он тут ни при чем. Но помочь ему не удалось.

— Он лежит раздетый?

— Да. Доктор Фастольф снял с него одежду для полного обследования. А снова его одевать не имело смысла.

— Вы разрешите мне откинуть покрывало, Глэдия?

— Вам обязательно нужно?

— Я не хочу, чтобы меня могли упрекнуть в таком упущении.

— Но что вы надеетесь обнаружить такого, чего не заметил доктор Фастольф?

— Ничего, Глэдия. Но я обязан убедиться, что ничего не обнаружу. Прошу вас, не препятствуйте мне.

— Ну хорошо. Но, пожалуйста, потом накройте его покрывалом точно так, как он накрыт сейчас.

Она повернулась спиной к нему и к Джендеру, прижала к стене левую руку и опустила голову на локоть. Она стояла неподвижно в полной тишине, но Бейли знал, что она снова плачет.

Тело было все-таки не совсем человеческим. Мускулатура выглядела несколько упрощенной и схематичной, но все было на своем месте. Соски, пупок, пенис, мошонка, волосы в паху и так далее. Даже тонкие светлые волосы на груди.

Сколько дней прошло с тех пор, как Джендера убили? Бейли вдруг сообразил, что точно это ему неизвестно, — но во всяком случае до того, как он отправился на Аврору. Значит, прошло более недели, но никаких признаков тления — ни зрительных, ни обонятельных. Четкое отличие робота.

Бейли заколебался, но затем подsunул одну руку под плечи Джендера, а другую под колени. Попросить Глэдию помочь ему он и подумать не мог. Он напрягся и с некоторым усилием перевернул Джендера на живот, удержав его на кровати.

Кровать скрипнула. Глэдия, конечно, поняла, что он делает, но не обернулась. Помочь, конечно, не предложила, но и не стала возражать.

Бейли опустил руки. На ощупь Джендер казался теплым. Видимо, блок питания продолжал поддерживать температуру, и когда мозг отключился. Тело было твердым и упругим. Явно стадии окостенения оно не проходило.

Теперь одна рука свисала с края кровати совсем по-человечески. Бейли осторожно ее потрогал и отпустил. Она чуть-чуть качнулась раз-другой и замерла. Он согнул одну ногу в колене, осмотрел обе ступни. Ягодцы были сформированы безупречно. Имелся даже сфинктер заднего прохода.

Бейли не мог отогнать тягостного чувства: ему все время казалось, что он посягает на неприкосновенность человеческого тела. А будь это действительно труп человека, охлаждение и окостенелость лишили бы его человеческой сущности.

Труп робота кажется более человеческим, чем человеческий, подумал он тоскливо.

Снова он подsunул руки под Джендера, приподнял и перевернул.

Расправив простыню, насколько сумел, он накрыл робота покрывалом, как раньше, и старательно разгладил покрывало. Потом отступил на шаг, посмотрел и решил, что вид совершенно прежний — во всяком случае почти.

— Глэдия, я кончил, — сказал он.

Она обернулась, посмотрела на Джендера влажными глазами и сказала:

— Так мы можем уйти?

— Конечно. Только, Глэдия...

— Что?

— Вы оставите его лежать так? Полагаю, он не истлеет.

— Если и так, то что? Какое это имеет значение?

— Некоторое имеет. Вы должны дать себе возможность оправиться от горя. Вы не можете провести триста лет, оплакивая его. Что прошло, то прошло. (Даже ему самому эти сентенции показались фальшиво напыщенными. Так как же их восприняла она?)

— Я знаю, Элайдж, — ответила Глэдия, — что вы желаете мне добра. Меня просили оставить Джендера здесь до конца расследования. А тогда по моей просьбе его сплазмут.

— Сплазмут?

— Поместят под плазменную горелку и разложат на составные элементы, как человеческие трупы. У меня останется его голограмма... и воспоминания. Это вас успокоит?

— Конечно. А теперь я должен вернуться в дом доктора Фастольфа.

— Да. Тело Джендера навело вас на какую-нибудь мысль?

— Я ни на что подобное не рассчитывал, Глэдия.

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Элайдж, я хочу, чтобы вы узнали, кто это сделал и почему. Мне необходимо знать.

— Но, Глэдия...

Она яростно мотнула головой, словно не желая слышать того, к чему была еще не готова.

— Я знаю, вы сумеете это выяснить.

Глава 7

СНОВА ФАСТОЛЬФ

27

Из дома Глэдии Бейли вышел навстречу закату. Он обернулся в ту сторону, которую счел западом, и увидел у горизонта багровое солнце Авроры, а над ним — светло-зеленое небо, исчерченное легкими полосками облаков.

— Иосафат! — пробормотал он.

Выяснилось, что это солнце, более холодное и оранжевое, чем земное, зримо и разительно отличается от земного в часы заката, когда его лучи косо, почти горизонтально, пронизывают всю толщу аврорианской атмосферы.

На этот раз Дэниел следовал за Бейли, а Жискар, как и по дороге в дом Глэдии, шел далеко впереди.

Внезапно Бейли услышал голос Дэниела совсем рядом:

— Партнер Элайдж, вам нехорошо?

— Наоборот, очень хорошо, — ответил Бейли, чрезвычайно довольный собой. — Дэниел, я как будто вовсе не замечаю, что нахожусь во Вне. И даже спокойно люблюсь заходящим солнцем. А закаты здесь всегда такие?

Дэниел бесстрастно посмотрел на солнечный диск, уже почти коснувшийся горизонта.

— Да, — ответил он. — Но давайте побыстрее пойдем к дому доктора Фастольфа. В это время года

темнеет быстро, партнер Элайдж, и я хотел бы проводить вас туда, пока вы еще видите дорогу.

— Я готов. Пошли! — Про себя Бейли взвешивал, не лучше ли дожждаться темноты. Конечно, идти вслепую не так приятно, зато у него будет иллюзия замкнутого пространства, а в глубине души он не был уверен, долго ли продлится эйфория, вызванная тем, что он глядел на закат (закат прямо во Вне, заметьте!). Однако неуверенность эта была трусливой, и он не желал поддаваться ей.

Жискар бесшумно скользнул назад к нему и сказал:

— Не предпочтете ли подождать, сэр? Возможно, темнота вам будет приятнее, а для нас никакой разницы нет.

Тут Бейли заметил в отдалении других роботов. Поручила ли Глэдия своим полевым роботам охранять его или Фастольф прислал своих?

Это подчеркивало, как они его оберегают, но из духа противоречия он не захотел признаться в своей слабости.

— Нет, — ответил он Жискару, — идемте сейчас же! — И энергично зашагал к дому Фастольфа, еле различимому за дальними деревьями.

А роботы пусть идут за ним или нет, это уж как им угодно, храбро подумал он. Он знал, что стоит ему задуматься над своим решением, как что-то в нем съежится по-прежнему: он на поверхности планеты и ничем не защищен от необъятной бездны, если не считать тонкого слоя воздуха. Но думать он об этом не будет. Нет!

И конечно, опьяняющее освобождение от страха, только оно, заставляет дрожать его подбородок, а зубы стучать... И прохладный вечерний ветер, заодно покрывший его руки гусиной кожей...

Но не Вне!

Нет и нет!

Он сказал, стараясь не стискивать зубы:

— Ты хорошо знал Джендера, Дэниел?

— Одно время мы были вместе: с того момента, когда друг Джендер был сконструирован, и до того, как он перешел в дом мисс Глэдии, мы почти не расставались.

— Дэниел, а тебя тревожило, что Джендер выглядит почти как ты?

— Нет, сэр. Мы с ним различались, партнер Элайдж, и доктор Фастольф нас не путал. Следовательно, индивидуальность у каждого из нас была своя.

— Жискар, а ты их тоже различал? (Жискар теперь шел почти рядом, потому что дорогу впереди проверяли другие роботы.)

— Я не припомню случая, — сказал Жискар, — когда мне требовалось их различать.

— А возникни такая необходимость, Жискар?

— Тогда я сумел бы их различить.

— Какого мнения ты был о Джендере, Дэниел?

— Какого мнения? — повторил тот. — Касательно какой стороны Джендера?

— Ну, например, хорошо ли он выполнял свои обязанности?

— Безусловно.

— И был надежен во всех отношениях?

— Насколько мне известно, во всех.

— Ну а ты, Жискар? Твое мнение?

— Я с другом Джендером никогда не был так близок, как друг Дэниел, а потому мне не следует высказывать какое-либо мнение. Но могу сказать, что, насколько мне известно, доктор Фастольф был неизменно доволен другом Джендером. Он, казалось, был одинаково доволен другом Джендером и другом Дэниелом. Однако, по-моему, моя программа не позволяет мне составлять точные заключения в таких вопросах.

— Ну а с того времени, Дэниел, — сказал Бейли, — когда Джендер перешел в дом мисс Глэдии? Ты продолжал его видеть?

— Нет, партнер Элайдж. Мисс Глэдия держала его у себя в доме. Когда она навещала доктора Фастольфа, он, насколько мне известно, ее не сопровождал. Когда же я сопровождал доктора Фастольфа в дом мисс Глэдии, друга Джендера я не видел ни разу.

Бейли чуть удивился. Он обернулся к Жискару, чтобы задать тот же вопрос, помедлил и пожал плечами. Только пустая трата времени — как указал в их разговоре доктор Фастольф, допрашивать роботов бессмысленно. Они никогда сознательно не сообщат сведения,

которые могут повредить человеку, и их нельзя ни запугать, ни подкупить, ни улестить. Прямо лгать они не станут, но будут упрямо, хотя и со всей вежливостью, отбиваться пустопорожними ответами.

Да и... может быть... это уже потеряло значение.

Они подходили к дверям Фастольфа, и Бейли почувствовал, как учащается его дыхание. Он был уже твердо убежден, что руки и нижняя губа у него дрожат только из-за холодного ветра.

Солнце уже закатилось, заблестели первые звезды, темнеющее небо приобрело зеленовато-лиловый оттенок, словно по нему разливался синяк. И тут Бейли вошел в дверь — в тепло между светящимися стенами.

Безопасность!

Фастольф приветствовал его словами:

— Вот вы и вернулись, мистер Бейли. Ваш разговор с Глэдией оказался полезным?

— Очень, доктор Фастольф. Возможно даже, что ключ к загадке у меня в руке.

28

Фастольф только вежливо улыбнулся: без удивления, радости или недоверия. Он провел Бейли в столовую, но меньше и уютнее, чем та, в которой они завтракали.

— Мы с вами, мой дорогой мистер Бейли, — сказал Фастольф любезно, — пообедаем вместе без церемоний. Вдвоем. Даже отошлем роботов, если вам так больше нравится. И не станем разговаривать о деле, конечно, если вы сами не захотите.

Бейли промолчал, он в изумлении смотрел на стены. По ним прокатывались волны зеленого сияния — медленно менялась яркость, менялись оттенки, волны вздымались от пола к потолку. Словно колыхались более темные водоросли, мелькали тени. Комната казалась освещенным гротом на дне мелкого морского залива. От этого зрелища кружилась голова. Во всяком случае у Бейли.

Фастольф без труда истолковал выражение на лице Бейли. И сказал:

— Согласен, мистер Бейли, к этому необходимо привыкнуть. Жискар, пригаси освещение стен. Благодаря тебе.

Бейли облегченно вздохнул:

— А я благодарю вас, доктор Фастольф. Не мог бы я зайти в Личную, сэр?

— Разумеется.

— Нельзя ли... — нерешительно начал Бейли.

Фастольф засмеялся:

— Там все будет абсолютно обычным, мистер Бейли. Вам будет не на что пожаловаться.

Бейли наклонил голову:

— Благодарю вас от всей души.

Без нестерпимых иллюзий Личная (та же самая, решил он) была тем, чем была, — только роскошнее и удобнее, чем все, какие он когда-либо видел. От земных она отличалась просто до невообразимости: на Земле Личные состояли из бесконечных рядов идентичных кабинок, каждая предназначалась для использования в данное время только одним человеком.

Она просто сверкала гигиенической чистотой. Возможно, верхний молекулярный слой убирался после каждого использования и накладывался новый. Бейли смутно почувствовал, что, если он останется на Авроре подольше, ему уже трудно будет приспособиться к земным толпам, оттеснявшим гигиену и чистоту на задний план, превращая их в недостижимый идеал, который почитают издавна.

И среди этих приспособлений из слоновой кости и золота (несомненно, не настоящей слоновой кости и не настоящего золота), таких сияющих и полированных, Бейли вдруг поймал себя на том, что с содроганием думает о небрежном обмене микроорганизмами на Земле, о богатстве ее инфекций. Не то ли чувствуют космонавты? Можно ли их винить за это?

Он тщательно вымыл руки, весело прикасаясь к контрольной пластинке, меняя температуру. И все же эти аврорианцы украшают свои комнаты с неприятной броскостью, навязчиво изображая, будто они живут в общении с природой, хотя одомашнили природу и выдрессировали ее. Или это только вкусы Фастольфа?

Ведь дом Глэдии производит куда более строгое впечатление... Или это потому, что она с Солярии?

Обед оказался сплошным восторгом. Снова, как и за завтраком, ощущение приближения к природе. Блюда были разнообразны и многочисленны, хотя количество каждого отнюдь не поражало изобилием и большинство выдавало, что прежде было частью какого-то растения или животного. А некоторые неудобства — косточки, кусочек хряща, растительное волокно — уже не внушали Бейли отвращения, как было бы еще вчера, а превращались в забавное приключение.

Начали они с рыбки — очень маленькой, которую полагалось есть целиком со всеми ее внутренними органами, и в первую секунду Бейли счел это еще одним глупым способом барахтаться в Природе с большой буквы. Но по примеру Фастольфа он все-таки проглотил рыбку, ее вкус сразу его покорила. Он никогда ничего подобного не пробовал. Словно вкусовые сосочки были созданы и вставлены ему в язык только сейчас.

Каждое блюдо обладало своими особенностями, иногда странноватыми и не совсем приятными, но он обнаружил, что это не так уж важно. Своеобразие вкуса — букета своеобразных вкусов (по совету Фастольфа он запивал каждое кушанье глотком душистой воды), — вот что имело значение, а не отдельные частности.

Он прилагал все усилия, чтобы есть помедленнее, не сосредоточиваться на еде и не облизывать тарелку. С упорством отчаяния он продолжал следить за Фастольфом, подражать ему и не обращать внимания на насмешливые, хотя и добродушные искорки в глазах своего гостеприимного хозяина.

— Надеюсь, — сказал Фастольф, — вы находите обед съедобным?

— Прекрасным, — сумел выговорить Бейли, не подавившись.

— Прошу вас, не насилуйте себя из пустой вежливости. Не ешьте того, что покажется вам непривычным или неприятным. Я распоряжусь, чтобы второй раз подали то, чем вы остались довольны.

— Спасибо, доктор Фастольф. Все это очень недурно.

— Я рад, что вам нравится.

Хотя Фастольф сам предложил пообедать без роботов, еду подавал робот. (Очевидно, Фастольф так к этому привык, что просто его не замечает, подумал Бейли и промолчал.)

Конечно, робот молчал, а его движения были безупречными. Красивая ливрея казалась заимствованной из исторических гиперволновок. И только внимательно всмотревшись вблизи, удавалось заметить, что практически все это было иллюзией, игрой света, а на самом деле поверхность робота оставалась металлической и только.

— Наружность официанта сделана по эскизу Глэдии? — спросил Бейли.

— Да, — ответил Фастольф, явно довольный. — Как она будет польщена, услышав, что вы узнали ее стиль. Она очень талантлива, не правда ли? Ее роботы приобретают все большую известность, и она заняла очень нужную нишу в аврорианском обществе.

Разговор за обедом лился непринужденно, но никакого значения не имел. У Бейли не возникало желания «говорить о деле»: наоборот, он предпочитал молчать, наслаждаться едой и предоставлять своему подсознанию — или тому, что заменяет активную мысль, — решать, как подойти к вопросу, который теперь представлялся ему ключом к загадке Джендера. Но Фастольф избавил его от этого труда, сказав:

— Да, кстати о Глэдии, мистер Бейли. Могу я спросить, каким образом, отправившись к ней в глубоком отчаянии, вы вернулись просто в радужном настроении и утверждаете, что ключ к этому делу в ваших руках? В доме Глэдии вы узнали что-то новое — и, может быть, неожиданное?

— Совершенно верно, — ответил Бейли рассеянно, увлекшись десертом, хотя и не понял, что это такое. Но выражение его глаз было, видимо, настолько жаждущим, что побудило официанта поставить перед ним еще одну (небольшую) порцию. Его переполняла приятная сытость. Никогда в жизни он так не наслаждался процессом еды и впервые подсадовал, что физиологические возможности организма не позволяют есть вечно. Ему стало немножко стыдно.

— Так что же удалось узнать нового и неожиданно-го? — спросил Фастольф терпеливо. — Видимо, что-то мне неизвестное?

— Возможно. Глэдия сказала мне, что вы одолжили ей Джендера полгода назад.

— Ну, это мне известно. — Фастольф кивнул. — Я ей его одолжил.

— Почему? — резко спросил Бейли.

Лицо Фастольфа медленно утратило добродушное выражение. Он сказал после паузы:

— А почему бы и нет?

— Не знаю, почему бы и нет, доктор Фастольф. И не интересуюсь. Я спросил: почему?

Фастольф слегка покачал головой и ничего не ответил.

— Доктор Фастольф! — сказал Бейли. — Я здесь для того, чтобы разобраться в очень скверном деле. И вы еще не сделали ничего — абсолютно ничего! — чтобы упростить положение вещей. Наоборот, вы словно с удовольствием стараетесь показать мне, насколько оно скверно, и с удовольствием же разбиваете любые мои предварительные соображения. Нет, я не жду, что другие станут отвечать на мои вопросы — на этой планете я лицо сугубо неофициальное и не имею права даже задавать вопросы, а не то чтобы требовать ответа. Но к вам это не относится. Я здесь по вашей просьбе и стараюсь спасти не только мою карьеру, но и вашу, а по вашим же словам выручаю я не только Землю, но и Аврору. Вот почему я жду, что на мои вопросы вы будете отвечать правдиво и подробно. Прошу вас, оставьте эту нейтрализующую тактику. Не спрашивайте меня, почему бы и нет, когда я спрашиваю почему. И я снова спрашиваю: почему? В последний раз.

Фастольф выпятил губы и нахмурился:

— Приношу свои извинения, мистер Бейли. Если я ответил не сразу, то потому лишь, что теперь, оглядываясь назад, убеждаюсь в отсутствии сколько-нибудь веской причины. Глэдия Дельмар... Нет, она не хочет употреблять эту фамилию... Ну так Глэдия на этой планете чужая, а на родной перенесла глубокую душевную травму, как, возможно, вам неизвестно.

— Нет, я знаю. Пожалуйста, говорите прямее.

— Ну так я ее жалел. Она чувствовала себя отчаянно одинокой, а Джендер, подумал я, может скрасить ей жизнь.

— Жалели ее? И все? Вы любовники? Или были любовниками?

— Вовсе нет. Я не предлагал себя. А она себя. Почему вы спросили? Или она сказала, что мы любовники?

— Нет. Но мне в любом случае требовалось независимое подтверждение. Если возникнут какие-нибудь противоречия, я вам скажу, можете не беспокоиться. Но раз вы так ей сочувствуете, а Глэдия, насколько я понял из ваших слов, так вам благодарна, почему же ни вы, ни она себя не предложили? У меня создалось впечатление, что на Авроре предложение совместного секса мало чем отличается от разговора о погоде.

Фастольф снова нахмурился:

— Мистер Бейли, вы ничего об этом не знаете. Не судите нас по меркам вашего мира. Секс для нас не составляет вопроса первостепенной важности, но пользуемся мы им с большой осмотрительностью. И даже, хоть вам так не кажется, предлагаем мы его отнюдь не легкомысленно и неразборчиво. Глэдия, не привыкшая к нашим обычаям, сексуально разочарованная на Солярии, возможно, и предлагала его бездумно (а вернее, с отчаянием), а потому не удивительно, что радости ей это не принесло.

— И вы не попытались улучшить положение?

— Предложив себя? Я не то, в чем она нуждается, и, раз уж мы коснулись этого, она не то, в чем нуждаюсь я. Я очень ее жалею. Она мне нравится. Я восхищаюсь ее талантом художницы. И я хочу, чтобы она была счастлива. В конце концов, мистер Бейли, вы не станете отрицать, что симпатия одного человека к другому вовсе необязательно должна иметь источником сексуальное чувство или что-либо еще, кроме обычной сердечности. Разве вы никогда ни к кому не питали симпатии? Никогда не хотели помочь кому-то просто из доброжелательности без всякой задней мысли, только ради радости, которую получаешь, помогая чужому горю? Да с какой вы планеты?

— Вы вправе говорить так, доктор Фастольф. Я не ставлю под сомнение вашу порядочность. И все-таки разрешите мне продолжать. Когда я вас спросил, почему вы одолжили Джендера Глэдии, вы ведь не объяснили мне, как сделали сейчас — и очень эмоционально, могу я добавить. Первым вашим импульсом было уклониться, заколебаться, оттянуть время вопросом, почему бы и нет. Пусть затем вы сказали мне правду, но что в этом вопросе в первую минуту вас смутило? По какой причине, в которой вы не хотите признаться, вы подыскиали причину, назвать которую готовы? Извините мою настойчивость, но мне необходимо это знать — и вовсе не из праздного любопытства, уверяю вас. Если то, что вы мне скажете, не будет иметь отношения к нашему злополучному делу, считайте, что ваше признание канет в черную дыру.

— Я искренне не знаю, — тихим голосом ответил Фастольф, — почему я сначала парировал ваш вопрос. Возможно, вы ненароком коснулись чего-то, на что я хотел бы закрыть глаза. Разрешите мне подумать, мистер Бейли.

Они замолчали. Подавальщик убрал со стола и ушел. Дэниел и Жискар отсутствовали (вероятно, охраняли дом). Наконец-то Бейли и Фастольф остались наедине друг с другом без роботов.

— Право, не знаю, что я могу вам сказать, — заговорил Фастольф. — Разрешите мне вернуться на несколько десятилетий назад. У меня есть две дочери. Возможно, это вам известно. Они от разных матерей...

— Вы бы предпочли сыновей, доктор Фастольф?

Фастольф взглянул на него с искренним удивлением.

— Нет. Вовсе нет. Кажется, мать моей второй дочери хотела сына, но я не дал согласие на искусственное осеменение обработанной спермой — пусть и моей собственной — и настоял на естественном броске генетических костей. Предупрежу ваш вопрос: потому что я не хочу исключать из жизни элемент случайности и еще, пожалуй, потому что предпочитал оставить шанс на рождение дочери. Нет, я не имел ничего против сына, вы понимаете, но не желал лишиться шанса на вторую дочь. Почему-то дочери меня больше устраивали. Ну, мой второй ребенок действительно оказался

дочерью. Возможно, это была одна из причин, почему ее мать вскоре расторгла наш брак. С другой стороны, значительный процент браков расторгается именно после рождения ребенка, и особой причины искать незачем.

— Насколько я понимаю, девочку забрала она?

Фастольф посмотрел на Бейли с недоумением:

— Зачем бы?... А, я забыл, что вы с Земли. Естественно, нет. Детей помещают в ясли, где они вырастают, окруженные тщательным уходом. Однако (он сморщил нос, словно смущаясь) девочку в ясли не отдали. Я решил, что выращу ее сам. Это вполне законно, но бывает крайне редко. Конечно, я был еще очень молод — мне еще и ста не стукнуло, — однако уже приобрел имя в робопсихологии.

— И вам это удалось?

— Вырастить ее и воспитать? О да. Я к ней очень привязался. Назвал ее Василия. Это имя моей матери, понимаете? — Он усмехнулся своим воспоминаниям. — Есть во мне эта странная сентиментальность — вроде любви к моим роботам. Естественно, своей матери я никогда не видел. Но ее имя стояло в моей медицинской карте. И она еще жива, насколько мне известно, и я мог бы с ней увидеться... но, по-моему, есть какая-то омерзительность во встрече с той, в чьем теле ты одно время находился... О чем, бишь, я?

— Вы назвали свою дочь Василией...

— А, да! Я ее вырастил и очень к ней привязался. Очень. Мне представлялось ясным, в чем заключается прелесть этого, но, естественно, я шокировал своих друзей и, когда контактировал с ними, должен был ее удалять, была ли встреча деловой или светской. Вот помню... — Он умолк.

— Что?

— Я уже десятки лет об этом не вспоминал. Как-то, когда у меня был доктор Сартон и мы обсуждали одну из первых программ для человекоподобных роботов, она вдруг вбежала вся в слезах и прижалась ко мне. Ей было только семь лет, по-моему, и, конечно, я обнял ее, расцеловал и прервал наше обсуждение — совершенно непростительная выходка с моей стороны. Сартон ушел, кашляя, давясь, вне себя от негодования. Прошла

целая неделя, прежде чем мне удалось восстановить контакт с ним и продолжить дискуссию. Я полагаю, не следует, чтобы дети действовали на людей подобным образом, но детей так мало и сталкиваешься с ними так редко!

— А ваша дочь... Василия... была к вам привязана?

— О да! Во всяком случае, пока... Она была очень ко мне привязана. Я следил за ее обучением и позаботился, чтобы ее интеллект развился во всей полноте.

— Вы сказали, что она была привязана к вам, пока не произошло что-то. Фразу вы не закончили. Следовательно, настало время, когда ее привязанность к вам иссякла. Когда именно?

— Она выросла и пожелала жить в собственном доме. Вполне естественно.

— Но вы этого не хотели?

— Что значит — не хотел? Разумеется, хотел. Вы все время стараетесь сделать из меня чудовище, мистер Бейли.

— Следовательно, едва она достигла возраста, когда могла обзавестись собственным домом, у нее не осталось той привязанности к вам, какую она естественно испытывала, пока оставалась вашей дочерью активно и жила в вашем доме на вашем иждивении?

— Все не так просто. Наоборот, сложно и очень. Видите ли... — Фастольф словно бы смутился, — я отказал ей, когда она предложила мне себя.

— Она... предложила себя вам?! — в ужасе переспросил Бейли.

— Этого можно было ожидать, — ответил Фастольф невозмутимо. — Она хорошо меня знала. Я был ее наставником в сексе, поощрял ее эксперименты в этой области, брал ее на Игры Эроса, сделал для нее все, что было в моих силах. Так что этого следовало ожидать, а я по глупости не сообразил, и она поймала меня врасплох.

— Но это же кровосмешение!

— Кровосмешение? — переспросил Фастольф. — Ах да! Земной термин. На Авроре, мистер Бейли, такого понятия не существует. Очень малый процент аврорианцев знаком со своими родителями, или детьми, или другими близкими родственниками. Разумеется, когда речь идет о браке и подается заявление о ребенке, проводится генеалогическое исследование, но при чем

тут простой секс? Нет-нет, противоестественным было, что я отказал собственной дочери! — Он покраснел, а его большие уши стали совсем багровыми.

— Еще бы вы не отказали! — пробормотал Бейли.

— И у меня не было для этого ни единой веской причины... то есть убедительной для Василии. С моей стороны было преступным не предвидеть этого, не подготовить логического обоснования для отказа такой юной и неопытной девочке, чтобы не ранить ее, не подвергнуть столь страшному унижению. Мне нестерпимо стыдно, что я вопреки обычаю взял на себя ответственность за воспитание ребенка для того лишь, чтобы нанести своей дочери такую ужасную травму. Мне казалось, что нам следует продолжать наши отношения отца—дочери, двух друзей, но она не отступала. И каждый раз, когда я ей отказывал, как бы бережно я это ни делал, напряжение между нами росло.

— Пока наконец...

— Наконец она пожелала иметь свой дом. Сначала я возражал — не потому, что считал, будто она к этому не готова, но стремясь восстановить наши любовные отношения до того, как она переедет. Однако ничто не помогало. Пожалуй, это было самое тяжелое время в моей жизни. Наконец она твердо — и очень несдержанно — настояла на отъезде: больше я ей препятствовать не мог. К тому времени она уже стала дипломированным робопсихологом (я рад, что она не отказалась от своей профессии из отвращения ко мне) и могла завести собственный дом без моей помощи, которую отвергла наотрез. С тех пор мы практически не контактируем.

— Доктор Фастольф, — сказал Бейли, — раз она не бросила робопсихологию, так, может быть, не чувствует себя совсем уж чужой вам.

— Но это область, которая ее особенно интересует, в которой она обретает наибольшее удовлетворение. Сначала у меня была такая мысль, и я попытался восстановить дружеские отношения, но безуспешно.

— Вам ее недостает, доктор Фастольф?

— Конечно, недостает, мистер Бейли... Лишнее доказательство того, что воспитывать ребенка самому — большая ошибка. Вы подчиняетесь иррациональному порыву, атавистической потребности, а в результате

внушаете ребенку сильнейшую любовь и подвергаете себя опасности отвергнуть первое предложение себя юной девочки, эмоционально калеча ее на всю жизнь. А вдобавок обрекаете собственную психику воздействию абсолютно иррационального чувства тоски по отсутствующему. Прежде я ничего подобного не ощущал. И с тех пор тоже. И она, и я испытали совершенно ненужные страдания только по моей вине.

Фастольф, казалось, погрузился в воспоминания, и Бейли сказал мягко:

— И какое отношение все это имеет к Глэдии?

Фастольф растерянно посмотрел на него:

— Да, конечно. У меня просто из головы вылетело. Все вполне просто. Про Глэдию я вам говорил чистую правду. Она мне нравилась. Я сочувствовал ей. Я восхищался ее талантом. А еще — она похожа на Василию. Я заметил их сходство, когда смотрел гиперрепортаж о ее прибытии на Аврору. Сходство просто поразительное, и оно пробудило во мне интерес к ней. — Он вздохнул. — Когда я понял, что она, как и Василия, перенесла тяжелейшую сексуальную травму, то почувствовал, что обязан что-то сделать. Я, как вы знаете, устроил так, что она поселилась по соседству со мной, стал ее другом, старался по мере сил смягчать тяготы приспособления к чужому миру.

— Итак, для вас она — субститут дочери.

— В каком-то смысле. Да, пожалуй, это можно назвать и так, мистер Бейли. И вы не представляете, как я счастлив, что ей не вздумалось предложить себя. Отвергнуть ее — значило бы вторично пережить то, что я пережил с Василией. А приняв ее предложение только оттого, что мне не достало духа отказать, я горько омрачил бы собственную жизнь: меня бы мучило чувство, что для этой чужой женщины, слабой копии моей дочери, я делаю то, в чем дочери отказал! В любом случае... Но не важно, вы теперь понимаете, почему я ответил вам не сразу. Ваш вопрос напомнил мне о трагедии моей жизни.

— А ваша другая дочь?

— Люмен? — равнодушно сказал Фастольф. — У меня с ней нет никакого контакта, хотя время от времени до меня доходят новости о ней.

— Насколько я понял, она выставила свою кандидатуру на политический пост.

— Региональный. С глобалистских позиций.

— А что это?

— Глобалисты? Они стоят за Аврору и только за нее — то есть наша планета в великом и в малом. Аврорианцы должны возглавить заселение Галактики. Никого другого к этому не допускать, насколько возможно, и в первую очередь землян. «Просвещенное самоутверждение», как они это называют.

— Вы этой точки зрения, конечно, не разделяете.

— Категорически нет. Я возглавляю гуманистическую партию, верящую, что у всех людей есть равное право на освоение Галактики. Когда я говорю о «моих врагах», то подразумеваю глобалистов.

— Значит, Люмен принадлежит к вашим врагам?

— И Василия тоже. Она член аврорианского Института робопсихологии — АИР, учрежденного несколько лет назад и возглавляемого робопсихологами, для которых я демон и должен быть ниспровергнут любой ценой. Однако, насколько мне известно, мои многочисленные экс-жены политикой не интересуются и могут даже принадлежать к гуманистам. — Криво улыбнувшись, он добавил: — Ну, мистер Бейли, вы задали все вопросы, какие собирались задать?

Руки Бейли бесцельно шарили в карманах его гладких, свободных аврорианских брюк (эта привычка у него появилась почти сразу же, как он облачился в них на корабле) и ничего не обнаружили. Тогда он скрестил их на груди — за неимением лучшего — и сказал:

— По-моему, доктор Фастольф, вы так и не ответили на мой первый вопрос. Мне кажется, вы старательно уклоняетесь. Почему вы одолжили Джендера Глэдии? Давайте вести разговор совершенно открыто, чтобы наконец увидеть свет в темноте.

29

Фастольф снова покраснел. На этот раз, возможно, от гнева, но голос его остался негромким.

— Не давите на меня, мистер Бейли. Я вам уже ответил. Я жалел Глэдию и подумал, что Джендер

скрасит ее одиночество. Я был с вами откровеннее, чем с кем-либо другим, отчасти из-за положения, в котором нахожусь, а отчасти потому, что вы не аврорианец. Взамен я настаиваю на разумном уважении.

Бейли закусил нижнюю губу. Это не Земля, он не представитель власти, а на кон поставлено нечто большее, чем его профессиональная гордость.

— Извините, доктор Фастольф, — сказал он, — если я вас обидел. Я вовсе не подразумевал, будто вы говорите неправду или не стараетесь мне помочь. Тем не менее у меня ничего не получится, если я не узнаю всю правду. Разрешите мне самому предложить возможный ответ, а вы скажете, верен он, почти верен или полностью ошибочен. Возможно, вы одолжили Джэндера Глэдии для того, чтобы ее сексуальные устремления сосредоточились на нем и у нее не возникало бы желания предложить себя вам. Пусть побуждение было подсознательным, но подумайте над ним теперь. Не играло ли роль такое чувство в вашем подарке?

Фастольф, не глядя, взял легкую прозрачную безделушку, украшавшую обеденный стол, и начал крутить ее в пальцах. Если бы не это движение, его можно было бы принять за статуэту. Наконец он сказал:

— Не исключено, мистер Бейли. Бесспорно, после того как я одолжил ей Джэндера (кстати, формально это не был подарок), я уже меньше опасался, что она предложит себя.

— Вам известно, использовала ли Глэдия Джэндера в сексуальных целях?

— А Глэдию вы об этом спрашивали, мистер Бейли?

— Тут нет никакой связи с моим вопросом. Известно это вам или нет? Видели ли вы что-либо сексуальное в их поведении? Сообщал ли вам какой-нибудь ваш робот о подобном? Не рассказала ли вам она сама?

— На все эти вопросы я отвечу «нет», мистер Бейли. Если подумать, то в использовании роботов в сексуальных целях мужчинами или женщинами ничего особенного нет. Обычно роботы не слишком для этого подходят, но люди в подобных случаях бывают удивительно изобретательны. А Джэндер вполне для этого подходил, поскольку мы стремились сделать его настолько человекоподобным, насколько возможно.

— Для того, чтобы он мог совершать половой акт?

— Нет. Об этом мы не думали. Мы решали абстрактную задачу создания абсолютно человекоподобного робота — покойный доктор Сартон и я.

— Но такие человекоподобные роботы идеальны для секса, не так ли?

— Полагаю, что так, и теперь, когда я позволил себе задуматься над этим, то Глэдия вполне могла использовать Джендера таким образом. И я признаю, что такая мысль, возможно, пряталась в моем подсознании с самого начала. Если это правда, надеюсь, она получала радость. В таком случае то, что я одолжил ей его, было истинно добрым делом.

— А что, если это доброе дело привело к последствиям, которых вы не учли?

— В каком смысле?

— Что вы скажете, если узнаете, что Глэдия и Джендер были женой и мужем?

Рука Фастольфа судорожно сжала безделушку, а потом уронила ее.

— Что? Какая нелепость! Это юридически невозможно. Дети исключаются, и, значит, просить разрешения бессмысленно. А без этого брак не заключают.

— Юридическая сторона тут роли не играет, доктор Фастольф. Не забывайте, что Глэдия — солярианка и взгляды у нее не аврорианские. Ситуация сугубо эмоциональная. Глэдия сама сказала мне, что считала Джендера своим мужем. Мне кажется, теперь она считает себя его вдовой и еще раз перенесла сильнейшую сексуальную травму. Если вы хоть в чем-то сознательно способствовали...

— Клянусь всеми звездами! — воскликнул Фастольф с внезапным гневом. — Я тут ни при чем. О чем бы я ни думал, мне в голову не приходило, что Глэдия вообразит себя замужем за роботом. Ни один аврорианец не способен вообразить подобное.

Бейли кивнул и поднял ладонь.

— Я вам верю. Не думаю, что вы настолько актер, что способны заморочить меня притворной искренностью. Но я должен был убедиться. В конце концов...

— Нет! Или, по-вашему, я мог предвидеть такую ситуацию? И сознательно устроил это омерзительное

вдовство ради какой-то цели? Никогда! Это немыслимо, и я не мог этого измыслить. Мистер Бейли, в чем бы ни заключались мои намерения, когда я отправил Джендера в ее дом, они были самыми лучшими. И подобное в них не входило. Ссылка на хорошие намерения, разумеется, плохая защита, но другой у меня нет.

— Доктор Фастольф, не будем больше упоминать про это, — сказал Бейли. — Зато у меня, возможно, есть разгадка тайны.

Фастольф тяжело вздохнул и откинулся в кресле.

— Вы прозрачно намекнули на это, когда вернулись от Глэдии. — Он посмотрел на Бейли почти с яростью. — Почему вы сразу же не сказали? Неужели нельзя было обойтись без всего... этого.

— Простите, доктор Фастольф, но без всего... этого мне нечего было бы сказать.

— Ну хорошо. Говорите же!

— Сейчас. Джендер оказался в положении, которого вы, величайший робопсихолог-теоретик во всем этом мире, по вашим же словам, не предвидели. Он давал Глэдии такую радость, что она глубоко его полюбила и считала своим мужем. Что, если выяснится, что, давая Глэдии эту радость, он тем самым причинял ей вред?

— Я не вполне улавливаю смысл ваших слов.

— Послушайте, доктор Фастольф, она старательно это скрывала. А, насколько я понял, на Авроре то, что связано с сексом, никто особенно не прячет.

— По тривидению мы это не передаем, — сухо сказал Фастольф, — но скрываем не больше, чем все другие чисто личные дела. Обычно нам известен самый последний партнер, а если речь идет о друзьях, мы часто знаем, как хорош, как увлечен — или прямо наоборот — тот или другой партнер, а также оба. Это одна из тем дружеской болтовни.

— Да, но вы ничего не знали о связи Глэдии с Джендером.

— Подозревал...

— Это другое. Она вам ничего не говорила. Вы не видели никаких свидетельств. Ни один робот ничего не сообщил. Она хранила это в тайне даже от вас, своего лучшего друга на Авроре. Из чего следует, что ее роботам была дана строгая инструкция ничего о Джен-

дере не говорить, а сам Джендер, несомненно, получил самые обстоятельные инструкции все скрывать.

— Полагаю, что такое заключение вполне логично.

— Но почему она так поступила, доктор Фастольф?

— Солярианское чурание секса?

— Иными словами, она стыдилась?

— Для этого причин у нее не было, хотя, бесспорно, идея считать Джендера мужем сделала бы из нее по-смешнице.

— Этот момент она могла бы скрыть очень легко, не пряча остального. Предположим, ей как солярианке было стыдно.

— Ну и?

— Стыдиться никто не любит, и она могла винить в этом Джендера — с той нелогичностью, с какой люди всегда стараются возложить на других ответственность за то, в чем, несомненно, виноваты сами.

— Так что же?

— Могли быть минуты, когда Глэдия, по натуре импульсивная, вдруг раздражалась слезами и бранила Джендера как причину ее стыда и огорчений. Это могло длиться недолго, тут же сменяться извинениями и ласками, но ведь Джендер, наверное, пришел бы к выводу, что он — источник ее стыда и огорчений. И любое его действие становилось нарушением Первого Закона, а потому спасти его могло только полное бездействие — умственная заморозка. Вспомните историю, которую вы мне рассказывали о легендарном роботе, читавшем мысли, которого довела до самоуничтожения эта зачинательница робопсихологии.

— Сьюзен Кэлвин. Да, понимаю! Вы построили свою разгадку на этой старой легенде. Очень изобретательно, мистер Бейли, но нереально.

— Почему же? Когда вы утверждали, что никто кроме вас не мог бы вызвать у Джендера умственной заморозки, вы же понятия не имели, в какой сложной ситуации он оказался. Точная параллель с ситуацией легенды.

— Предположим, что история Сьюзен Кэлвин и робота, читавшего мысли, не выдумка, а правда. Рассмотрим ее серьезно. И убедимся, что никакой параллели между этой историей и положением Джендера не

существует. Сюэзен Кэлвин имела дело с примитивнейшим роботом — в наши дни он даже игрушкой быть не мог бы. И в подобной ситуации исходил бы только из оценки ситуации: А причиняет огорчение, не-А причиняет огорчение — и умственная заморозка.

— Ну а Джендер? — спросил Бейли.

— Любой современный робот — любой робот прошлого века — рассмотрел бы такое положение количественно. Какая из ситуаций причинит больше огорчения — А или не-А? Робот мгновенно пришел бы к выводу и выиграл бы причинение меньшего огорчения. Шанс, что по его оценке два взаимоисключающих действия вызывали бы абсолютно равное огорчение, ничтожно мал, но на такой непредвиденный случай современный робот снабжается рандомизирующим фактором. Если А и не-А порождают абсолютно равное огорчение, он выбирает то или иное, ничем не руководствуясь, а затем неуклонно его придерживается. И в умственную заморозку не впадает.

— Иными словами, Джендер вообще не мог в нее впасть? Но ведь, по вашему утверждению, сами вы были способны довести его до такого состояния.

— Имея дело с человекоподобным позитронным мозгом, можно найти способ обойти рандомизирующий фактор — способ, опирающийся на конструкцию данного мозга. Даже при глубоком знании теории процесс доведения робота до умственной заморозки с помощью искусной последовательности вопросов и распоряжений был бы крайне трудным и длительным. Случайность тут полностью исключается, как и то, что видимое противоречие, рождаемое одновременностью любви и стыда, могло бы привести к заморозке без тщательнейшей количественной корректировки при крайне необычных обстоятельствах... А это, как я уже говорил, оставляет нам только одно объяснение: недетерминированную случайность.

— Но ваши враги будут настаивать, что ваше вмешательство куда вероятнее. Не могли бы мы в свою очередь настаивать на том, что до заморозки Джендера довел конфликт, рождаемый любовью и стыдом Глэдии? Ведь это же правдоподобно? И могло бы обеспечить вам поддержку общественного мнения, верно?

— Мистер Бейли! — Фастольф нахмурился. — Вы слишком увлекаетесь. Подумайте серьезно! Если бы мы попытались выбраться из этой дилеммы таким не слишком честным способом, каковы были бы последствия? Я уж не говорю, в какой стыд и горе ввергнет Гладию мысль, что Джендера она потеряла по собственной вине — если, конечно, она действительно испытывала стыд и иногда каким-то образом его выдавала. Я не пошел бы на такое, но пока оставим этот аспект. Просто подумайте: мои враги заявят, будто я одолжил ей Джендера, чтобы создать именно такую ситуацию. Они будут утверждать, что я сделал это, разрабатывая способ, как вызывать умственную заморозку у человекоподобных роботов и остаться вне подозрений. Мы окажемся даже в худшем положении, чем теперь, так как меня будут уже обвинять не просто в том, что я ловкий интриган, а еще и в чудовищном поведении по отношению к ничего не подозревавшей женщине, другом которой я бессовестно притворялся. Хотя бы от этого я пока избавлен!

Бейли был ошеломлен. Он почувствовал, что у него отвисает челюсть.

— Конечно же, они не посмеют... — произнес он, заикаясь.

— Еще как посмеют. Вы же сами несколько минут назад почти склонялись к такому предположению.

— Просто как к чисто гипотетическому...

— Мои враги не найдут в этом ничего гипотетического и обвинят меня совсем не гипотетически.

Бейли чувствовал, что стал совсем красным. Его словно обдало жаром, и он не решался посмотреть на Фастольфа. Прочистив горло, он пробормотал:

— Вы правы. Я так возликовал, что нашел выход... и не подумал. Могу только попросить у вас извинения. Мне очень стыдно. Полагаю, есть только один выход — истина. Если нам удастся ее установить.

— Не отчаивайтесь, — сказал Фастольф. — Вы уже узнали о Джендере много такого, о чем я и не подозревал. Вероятно, узнаете и другие факты, так что в конце концов объяснение этой тайны, которая пока ставит нас в тупик, окажется простым и ясным. Что вы думаете делать дальше?

Но Бейли был слишком угнетен своим фиаско.

— Не знаю, — вздохнул он.

— Мой вопрос был неуместным. Вы провели долгий и нелегкий день. Ваш мозг, естественно, подустал. Отдохните, посмотрите, усните. Утром вы почувствуете себя совсем по-другому.

Бейли кивнул и промямлил:

— Наверное, вы правы... — Но в эту минуту он не верил, что утром что-нибудь изменится.

30

Спальня оказалась холодной — и температура, и обстановка. Бейли поежился. Такая низкая температура в комнате придавала ей неприятное сходство с Вне. Стены были почти белыми и (неожиданность в доме Фастольфа) ничем не украшены. На вид пол был выложен гладкой слоновой костью, но под босыми подошвами ощущался мягкий ворс ковра. Кровать была белой, а гладкое одеяло холодило руку.

Бейли присел на край матраса, слегка спружинившего под его весом. Он обернулся к Дэниелу, который вошел вместе с ним.

— Дэниел, тебя тревожит, когда человек лжет?

— Мне известно, партнер Элайдж, что люди иногда лгут. Порой ложь бывает полезной и даже необходимой. Мое отношение ко лжи зависит от того, кто лжет, при каких обстоятельствах и по какой причине.

— А ты всегда замечаешь, когда человек лжет?

— Нет, партнер Элайдж.

— Тебе не кажется, что доктор Фастольф часто лжет?

— Мне ни разу не показалось, что доктор Фастольф солгал.

— Даже в связи со смертью Джендера?

— Насколько мне дано судить, он не говорил ничего, кроме правды.

— Может быть, он проинструктировал тебя отвечать так, если я задам подобный вопрос?

— Он этого не делал, партнер Элайдж.

— Но, может быть, ты отвечаешь опять по его инструкции... — Бейли умолк. Да, допрашивать робота бессмысленно. А в данном случае он напрашивается на

бесконечную регрессию... Тут он вдруг заметил, что матрац под ним постепенно проседал и теперь обволакивал его бедра. Он вскочил.

— Дэниел, есть ли какой-нибудь способ сделать эту комнату теплее?

— Когда вы ляжете под одеяло, партнер Элайдж, и погасите свет, станет теплее.

— А! — Бейли подозрительно огляделся. — Дэниел, ты не погасишь свет? А потом останься здесь.

Свет погас почти мгновенно, и Бейли обнаружил, что совершенно напрасно подумал, будто эта комната ничем не декорирована. Во всяком случае он ощутил, что находится во Вне. В деревьях шелестел ветер, сонно похрапывали и пофыркивали в отдалении какие-то существа. А над головой поблескивали иллюзорные звезды, и по ним скользили легкие облачка, почти невидимые.

— Зажги свет, Дэниел!

Комнату затопил свет.

— Дэниел, — сказал Бейли, — мне ничего этого не надо — ни звезд, ни облаков, ни звуков, ни деревьев, ни ветра... и запахов тоже не надо! Мне нужна темнота — непроницаемая темнота. Ты можешь это устроить?

— Конечно, партнер Элайдж.

— Ну так устрой. И покажи, как мне погасить свет, когда я захочу уснуть.

— Я здесь, чтобы оберегать вас, партнер Элайдж.

— Думается, оберегать меня ты можешь и с той стороны двери, — проворчал Бейли. — А Жискар, не сомневаюсь, уже стоит под окнами... Если за занавесками и вправду окна.

— Да, там окна... Партнер Элайдж, если вы переступите этот порог, то войдете в вашу Личную. Стена там нематериальна и вы просто пройдете сквозь нее. Свет загорится, когда вы войдете, и погаснет, когда вы выйдете, и зрительных иллюзий там нет. Если желаете, примите душ и вообще сделайте все процедуры, как привыкли перед сном и после пробуждения.

Бейли повернулся и посмотрел, куда указывал Дэниел. Стена выглядела сплошной, но плинтус в этом месте был выше, точно порог.

— А как я что-нибудь разгляжу в темноте, Дэниел?

— Та часть стены, где она не стена, будет слабо светиться. А чтобы зажечь или погасить свет, надо прижать палец к углублению в изголовье кровати, и, если в комнате темно, свет зажжется, а если светло, то погаснет.

— Спасибо. А теперь можешь идти.

Через полчаса Бейли вышел из Личной, погасил свет и укутался в одеяло в теплой обволакивающей тьме.

Фастольф верно заметил, что день был долгим. Ему не верилось, что на Аврору он прибыл в это утро. Узнать удалось немало, а толку — никакого.

Лежа во мраке, он неторопливо перебирал в уме события дня в хронологическом порядке. А вдруг он что-то упустил? Но эта надежда оказалась тщетной.

Где он — вдумчивый, проницательный и хитроумный Бейли, герой гиперволновой драмы?

Матрац снова полуобволакивал его — он словно свернулся в теплом убежище. Бейли пошевелился: матрац под ним упруго выпрямился, а затем медленно прогнулся в лад с его новой позой.

В голове у него мутилось от усталости, глаза наливались сном, и не было никакого смысла вновь мысленно переживать пережитое, но он все равно не удержался и проследил этот день, свой первый день на Авроре, от космопорта до дома Фастольфа, потом до дома Глэдии — и назад к Фастольфу.

Глэдия... даже красивее, чем он ее помнил, но жесткая... какая-то жесткость в ней... Или она просто окружила себя защитной оболочкой, бедная женщина. Он радостно вспомнил, как на нее подействовало прикосновение ее руки к его щеке... Если бы он мог остаться с ней, он научил бы ее... дураки аврорианцы... отвратительно небрежное отношение к сексу... все, что уютно... а это значит — ничего, пустота... стоит ли... глупо... к Фастольфу, к Глэдии, назад к Фастольфу... назад к Фастольфу.

Он пошевелился, рассеянно почувствовал, как матрац опять спружинил и начал опускаться. Назад к Фастольфу. Что произошло на обратном пути к Фастольфу? Что-то сказанное? Что-то не сказанное? И на космолете, до посадки на Авроре... что-то стыкующееся...

Бейли был в призрачном мире полусна, когда сознание высвобождается и следует собственным законам. Точно тело, летящее, парящее в воздухе, освобожденное от пут тяготения.

Оно само перебирало события, мелочи, которые он не заметил, соединяло их... одно стыковалось с другим, входило на место... сплеталось в паутину... в единую ткань...

Тут ему почудилось, что он услышал какой-то звук. Он очнулся, прислушался, ничего не услышал и вновь погрузился в полусон, чтобы продолжить нить рассуждений... но не сумел ее нащупать снова.

Словно произведение искусства провалилось в трясину. Он еще видел общие очертания, цветовые пятна. Они тускнели, но он знал, что оно там, отчаянно потянулся за ним... А оно исчезло. И он не помнил, что это было. Ничего не помнил.

Действительно ли он что-то нащупал? Или воспоминание это было иллюзорным, порождением сонной чепухи, вдруг всплывшей в смутном сознании?.. И тут он заснул.

На мгновение проснувшись ночью, он подумал: «У меня возникла идея. Важная идея».

Но он ничего не помнил, кроме вот этого ощущения, что идея была, была...

Некоторое время он лежал, уставившись в темноту. Если идея все-таки была, со временем она вновь возникнет.

Или не возникнет. (Иосафат!)

Тут он снова уснул.

Глава 8

ФАСТОЛЬФ И ВАСИЛИЯ

31

Бейли, подскочив, проснулся и подозрительно втянул ноздрями воздух. На мгновение ему почудился какой-то незнакомый, очень слабый запах. Но это ощущение почти сразу же бесследно исчезло. Он огляделся.

Возле его кровати невозмутимо стоял Дэниел.

— Партнер Элайдж, — сказал он с обычной серьезностью. — Надеюсь, вы хорошо спали?

Бейли посмотрел на занавески. Они все еще были задернуты, но за ними во Вне, несомненно, сиял день. Чуть в стороне Жискар аккуратно раскладывал приготовленную для него одежду — от туфель до куртки все было новым и совсем иным, чем то, что он носил накануне.

— Очень хорошо, — ответил Бейли на вопрос Дэниела. — Меня что-то разбудило?

— В циркулирующий по комнате воздух был введен антисонник, партнер Элайдж. У спящего человека он включает механизмы пробуждения. Мы на всякий случай использовали дозу меньше обычной, так как не знаем реакции на него вашего организма. Возможно, ее следовало бы еще уменьшить.

— Да, ощущение было, как удар веслом под зад. Который час?

— Ноль семь, ноль пять по аврорианскому времени. Завтрак будет через физиологические полчаса. — Он

сказал это с полной серьезностью, хотя человек нашел бы тут повод улыбнуться.

Заговорил Жискар — голос у него был не таким приятным и менее богат интонациями, чем у Дэниела.

— Сэр, другу Дэниелу и мне нельзя входить в Личную. Если вы войдете в нее и сообщите нам, что вам может потребоваться, мы немедленно принесем.

— Да, конечно. — Бейли сел, сбросил ноги с кровати и встал. Жискар немедленно начал снимать постельное белье.

— Не отдадите ли мне вашу пижаму, сэр?

Бейли колебался всего секунду. Говорил ведь всего только робот. Он разделся и протянул пижаму Жискару, который взял ее, благодарно наклонив голову.

Бейли с отвращением оглядел себя, вдруг застеснявшись немолодого тела, которое наверняка выглядело много хуже, чем тело Фастольфа, хотя тот был втрое его старше.

Машинально он искал взглядом шлепанцы, но не увидел ничего похожего. Предположительно, ему они не требовались. Пол под ногами казался теплым и мягким.

Он вошел в Личную и потребовал инструкций. С другой стороны несуществующей стены Жискар старательно объяснил механизм обривателя и датчика зубной пасты, растолковал, как перевести смывное устройство в автоматический режим и как регулировать температуру душа.

Все было несравненно роскошнее и продуманней того, что предлагала Земля, и отсутствовали перегородки, из-за которых доносились бы шорохи и невольные звуки какого-то другого человека, чье невидимое присутствие он стоически игнорировал, чтобы сохранить иллюзию уединенности.

«Изнеженность!» — думал про себя Бейли, используя всю эту роскошь. Но изнеженность, с которой (как он уже знал) ему удастся свыкнуться. Если он задержится на Авроре, то возвращение на Землю будет сопряжено с бытовым шоком... особенно из-за Личной. Он надеялся, что привыкать заново ему долго не придется, но он также надеялся, что земляне, заселяя

новые миры, не сделают фетиша из коммунальной Личной.

Может быть, думал Бейли, именно так и следует определять изнеживающую роскошь — то, к чему легко привыкаешь.

Бейли вышел из Личной, завершив различные процедуры, блестя гладким подбородком, сверкая зубами, вымытый и высушенный с головы до ног.

— Жискар, где я могу найти деодорант? — спросил он.

— Я не понял, сэр, — ответил Жискар, и Дэниел поспешил вмешаться:

— Когда вы включили датчик пены, партнер Элайдж, это создало эффект деодоранта. Прошу извинить друга Жискара — у него нет моего земного опыта.

Бейли с сомнением поднял брови и начал одеваться с помощью Жискара.

— Как вижу, вы с Жискаром, — сказал Бейли, — продолжаете меня опекать на каждом шагу. Были хоть какие-нибудь признаки попытки разделиться со мной?

— Пока никаких, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Тем не менее благоразумие подсказывает, что другу Жискару и мне следует все время быть с вами, насколько это возможно.

— А почему, Дэниел?

— По двум причинам, партнер Элайдж. Во-первых, мы можем оказать вам помощь, когда вы сталкиваетесь с аспектами аврорианской культуры или обычаями, вам не знакомыми. Во-вторых, друг Жискар в особенности способен фиксировать и воспроизводить каждое слово всех ваших разговоров. Вам это может пригодиться. Если помните, когда вы разговаривали с доктором Фастольфом и с мисс Глэдией, я и друг Жискар временами находились в отдалении или в соседней комнате.

— Так что Жискар эти разговоры не зафиксировал?

— Нет, зафиксировал, партнер Элайдж, но с затруднениями, и, возможно, четкость местами будет не такой, какой мы добивались. Будет лучше, если мы сможем находиться в предельной близости от вас.

— Дэниел, — спросил Бейли, — ты полагаешь, мне будет спокойнее, если я буду видеть в вас гидов и

записывающие устройства, а не охранников? Почему просто не прийти к выводу, что в качестве охранников вы совершенно бесполезны. Поскольку до сих пор покушений на меня не было, почему нельзя заключить, что и в будущем ждать их нечего?

— Нет, партнер Элайдж, это было бы неосторожным. Доктор Фастольф чувствует, что его враги очень вас опасаются. Они уже пытались убедить председателя, чтобы он отказал доктору Фастольфу в разрешении вызвать вас сюда, и, конечно, не прекратят добиваться, чтобы он распорядился незамедлительно отправить вас на Землю.

— Такого рода мирная оппозиция делает охрану ненужной.

— Да, сэр. Однако если у оппозиции есть основания бояться, что вы очистите доктора Фастольфа от обвинений, они могут решиться на крайние меры. Вы ведь все-таки не аврорианец, и по отношению к вам внутренний запрет, исключающий насилие на нашей планете, может оказаться недостаточно сильным.

— Тот факт, — сказал Бейли кисло, — что я пробыл здесь целый день и ничего не произошло, должен их заметно успокоить и снизить возможность насильственных действий.

— Да, это представляется вероятным, — ответил Дэниел, ничем не выдав, что уловил иронию в голосе Бейли.

— С другой стороны, — продолжал Бейли, — если я продвинулся в моих розысках, опасность тотчас возрастет.

Дэниел взвесил услышанное и сказал:

— Это выглядит логичным выводом.

— А потому вы с Жискаром будете меня сопровождать повсюду, на тот случай, что я справлюсь со своей работой чересчур удачно.

Дэниел снова ответил не сразу.

— Ваша формулировка, партнер Элайдж, подвергает меня в недоумение, но, кажется, вы правы.

— В таком случае, — объявил Бейли, — я готов позавтракать, хотя моему аппетиту и не способствует

сообщение, что альтернативой к неудаче является попытка меня прикончить.

32

Фастольф улыбнулся Бейли через накрытый к завтраку стол.

— Как вам спалось, мистер Бейли?

Бейли замороженно изучал кусок ветчины. Его необходимо было резать ножом. Он был волокнистый. С одного бока тянулась полосочка жира. Короче говоря, ветчина не прошла обработку. А в результате вкус у нее был гораздо ветчиннее, если можно так выразиться.

А еще — жареные яйца с уплощенным полушарием желтка в центре, окаймленным белком. Прямо-таки ромашки, которые Бен однажды показал ему на луку, там дома. Умозрительно он знал, как выглядит яйцо до обработки, и знал, что оно содержит желток и белок, но ни разу в жизни не видел, чтобы они оставались разделенными перед самым употреблением в пищу. Даже на космолете, когда он летел сюда, даже на Солярии в кушаньях из яиц желток и белок всегда были перемешаны.

Он вздрогнул и посмотрел на Фастольфа.

— Прошу прощения?

— Как вам спалось? — терпеливо повторил Фастольф.

— Неплохо. Возможно, я бы все еще спал, если бы не антисонник.

— А, да. Не совсем то обхождение, на какое имеет право гость, но я подумал, что вы, возможно, захотите начать пораньше.

— Вы абсолютно правы. Да и я не совсем гость.

Некоторое время Фастольф ел молча, потом отхлебнул горячего напитка и сказал:

— Ночью на вас не снизошло озарение? Быть может, вы проснулись с новым подходом, с новой идеей?

Бейли подозрительно посмотрел на Фастольфа, но сарказма не заметил и, поднося напиток к губам, сказал:

— Боюсь, что нет. Я в том же тупике, что и накануне. — Он отпил и невольно поморщился.

— Мне очень жаль, — сказал Фастольф. — Вам этот напиток неприятен?

Бейли буркнул что-то нечленораздельное и сделал еще глоток.

— Это всего лишь кофе, — объяснил Фастольф. — Без кофеина.

Бейли нахмурился:

— Вкус на кофе непохож и... Извините меня, доктор Фастольф, надеюсь, я не покажусь вам параноиком, но только что мы с Дэниелом полушутя обсудили вероятность нападения на меня — то есть пошучивал я, а Дэниел был вполне серьезен. И, по-моему, один из способов, какой они могут употребить против меня... — Он неловко замолчал.

Брови Фастольфа взлетели вверх. Он со словами извинения взял у Бейли чашку и понюхал ее. Затем зачерпнул немножко ложечкой и попробовал.

— Абсолютно нормальный кофе, мистер Бейли. Вас не пытаются отравить.

— Простите, что я веду себя так глупо — я ведь знаю, что кофе варили ваши роботы, но вы все-таки уверены...

— Роботов иногда перепрограммировали, — улыбнулся Фастольф. — Однако в данном случае этого не было. Просто кофе, напиток, популярный на разных мирах, имеет много сортов и способов приготовления. Давно известно, что каждый человек предпочитает кофе своего мира. К сожалению, мистер Бейли, у меня нет земных сортов. Может быть, вы предпочтете молоко? Оно относительно одинаково повсюду. Фруктовый сок? Аврорианский виноградный сок считается превосходным на большинстве миров. Есть даже злопахоты, намекающие, что мы даем ему бродить, но это, естественно, не так. Воды?

— Попробую ваш виноградный сок. — Бейли с опаской покосился на кофе. — Хотя, наверное, мне следует привыкнуть к этой бурде?

— Зачем? — сказал Фастольф. — К чему себя насиловать без необходимости? Так, значит, — вернулся он к своему первому вопросу, и улыбка у него стала чуть вымученной, — ночь и сон не принесли вам полезных мыслей?

— К сожалению, — сказал Бейли и вдруг нахмурился. — Хотя...

— Да?

— Мне кажется, в момент засыпания, в момент свободных ассоциаций полусна, что-то такое у меня промелькнуло.

— А! Так что же?

— Не знаю. Эта мысль меня разбудила и исчезла. А может быть, меня отвлек воображаемый звук. Не помню. Я попытался восстановить эту мысль, но не сумел. Она исчезла. По-моему, это частое явление.

— Вы все-таки уверены? — спросил Фастольф задумчиво.

— Не совсем. Она промелькнула так быстро, что никакой уверенности у меня нет. Да и вообще она могла показаться мне значимой только потому, что я почти спал. А сейчас выглядела бы полной чепухой.

— Но в чем бы она ни заключалась и какой бы беглой ни была, свой след она, наверное, оставила.

— Согласен, доктор Фастольф. И тогда она еще вернется ко мне. Не сомневаюсь.

— И нам надо ждать?

— А что еще нам остается?

— Ну, существует психозонд.

Бейли откинулся в кресле и несколько секунд смотрел на Фастольфа, потом сказал:

— Я слышал про него, но в полицейской работе на Земле он не применяется.

— Мы не на Земле, мистер Бейли.

— Он может вызвать повреждения в мозгу. Ведь так?

— В опытных руках маловероятно.

— Но возможно даже в опытных руках, — сказал Бейли. — Насколько мне известно, на Авроре его использование ограничено четкими условиями. Те, к кому он применяется, должны быть виновны в очень серьезном преступлении или...

— Верно, мистер Бейли. Но это касается аврорианцев, а вы к ним не принадлежите.

— Иными словами, со мной можно обращаться как с нечеловеком, потому что я землянин?

Фастольф с улыбкой развел руками:

— Послушайте, мистер Бейли, это было лишь предположение. Вчера вечером вы в отчаянии были готовы ради разрешения наших трудностей поставить Глэдию в ужасное, трагическое положение. Вот я и подумал, не готовы ли вы при таких обстоятельствах рискнуть собой.

Бейли провел рукой по глазам и минуту-другую молчал. Потом заговорил изменившимся голосом:

— Вчера вечером я был неправ и признал это. А что до вашего предложения, так ведь нет никаких гарантий, что моя полусонная мысль действительно имела хоть какое-то отношение к вопросу. А что, если это фантазия, нелогичная чепуха? Не исключено, что и мысли-то никакой не было. Да, никакой. Так, по-вашему, разумно ради столь малого шанса получить что-то полезное взять и подвергнуть риску мой мозг, от которого, по вашим же словам, вы ждете решения задачи?

— Вы очень красноречиво отстаиваете свою позицию. — Фастольф кивнул. — И я ведь предлагал это не очень серьезно.

— Благодарю вас, доктор Фастольф.

— Но что мы предпримем теперь?

— Во-первых, я хотел бы еще раз поговорить с Глэдией. Мне необходимо кое-что прояснить.

— Вам следовало сделать это вчера.

— Не спорю, но вчера я просто не успел осмыслить всего, что узнал, и некоторые моменты от меня ускользнули. Я ведь следовательно, а не непогрешимый компьютер.

— Я вас ни в чем не виню, — ответил Фастольф. — Но мне тяжело смотреть, как Глэдию без особой необходимости расстраивают. Насколько я понял из нашего разговора вчера, она крайне удручена.

— Бесспорно. С другой стороны, она отчаянно хочет узнать, что произошло. Кто убил того, кого она считала своим мужем, — если, конечно, он действительно был убит. Это тоже можно понять. Я убежден, что она хочет помочь мне. Кроме того, я хотел бы побеседовать еще с одной женщиной.

— С кем?

— С вашей дочерью Василией.

— С Василией? Зачем? Какой смысл?

— Она робопсихолог. Мне хотелось бы поговорить с каким-нибудь другим робопсихологом, кроме вас.

— Мне этого не хотелось бы, мистер Бейли.

Они кончили есть, и Бейли встал из-за стола.

— Доктор Фастольф, я вновь вынужден напомнить вам, что нахожусь здесь по вашей просьбе. У меня нет официального права вести полицейскую работу. У меня нет никакой связи с соответствующими аврорианскими властями. Единственный мой шанс распутать этот несчастный клубок заключается в надежде, что разные люди добровольно согласятся содействовать мне и отвечать на мои вопросы. Если вы воспрепятствуете мне, значит, я так ничего и не добьюсь. А это поставит вас в крайне тяжелое положение — и Землю тоже. Так не препятствуйте мне. Если с вашей помощью я смогу беседовать со всеми, кто мне понадобится, — или вы хотя бы попытаете это устроить, — тогда ваши сопла-нетники увидят в ваших действиях свидетельство вашей невиновности. Наоборот, если вы будете затруднять мою задачу, им останется только сделать вывод, что вы виновны и боитесь разоблачения.

Фастольф ответил с плохо сдерживаемым раздражением:

— Я прекрасно это понимаю, мистер Бейли. Но почему обязательно Василия? Есть же другие робопсихологи!

— Василия ваша дочь. Она хорошо вас знает. Вероятно, у нее есть твердое мнение относительно возможности того, что вы уничтожили робота. Раз она член Института робопсихологии и на стороне ваших врагов, любое благоприятное ее свидетельство обретает особый вес.

— А если она будет свидетельствовать против меня?

— Когда будет, тогда и посмотрим. Не могли бы вы связаться с ней и попросить принять меня?

— Будь по-вашему, — вздохнул Фастольф. — Но вы ошибаетесь, полагая, будто мне будет легко добиться, чтобы она вас приняла. Возможно, она очень занята... или ей так кажется. Возможно, ее сейчас нет на Авроре. Она может не пожелать, чтобы ее в это втягивали, только и всего. Я же объяснил вчера, что у нее есть причина... как она считает, питать ко мне вражду.

Если я попрошу ее встретиться с вами, она может отказать, подчеркивая свое отношение ко мне.

— Но вы попытаетесь, доктор Фастольф?

Фастольф снова вздохнул:

— Попытаюсь, пока вы будете у Глэдии. Полагаю, вы хотите увидеть ее без промедления? Мне кажется, достаточно было бы и тривидения. Изображение настолько высокого качества, что вы его не отличите от живой Глэдии.

— Я знаю, доктор Фастольф, но Глэдия солярианка, и тривидение вызывает у нее тягостные ассоциации. И в любом случае я убежден, что реальное присутствие добавляет не поддающуюся определению эффективность. Нынешнее положение слишком щекотливо, трудности слишком велики, и я не хотел бы лишиться этого небольшого преимущества.

— Что же, я предупрежу Глэдию. — Он повернулся, сделал шаг и вдруг снова обратился к Бейли. — Но, мистер Бейли...

— Да, доктор Фастольф?

— Вчера вечером вы сказали мне, что серьезность ситуации вынуждает вас не считаться с тем, какое действие все это может оказать на Глэдию. На карту, как вы указали, поставлено много больше.

— Совершенно верно, но не сомневайтесь, я постараюсь оградить ее, насколько возможно.

— Я сейчас имел в виду не Глэдию. Я просто хочу, чтобы эта ваша вполне принципиальная точка зрения распространялась и на меня. Мне не хотелось бы, чтобы мысль о моей гордости, о причинении мне неприятностей останавливала вас в разговоре с Василией, если она согласится на вашу встречу. Я не жду положительных результатов, но стерплю все последствия, и вы не должны меня как-то щадить. Понимаете?

— Откровенно говоря, доктор Фастольф, я и не собирался вас щадить. Если бы ради успеха вашей политики и успеха моей планеты мне пришлось поставить вас в неловкое положение или унижить, я не колебался бы ни секунды.

— Отлично! И, мистер Бейли, этот же принцип мы должны распространить и на вас. Ваши личные интересы не должны стать помехой.

— Как не стали, когда вы решили вызвать меня сюда, не посоветовавшись со мной.

— Я не о том. Если через достаточно долгое время — не очень долгое, но достаточное, — вы не приблизитесь к решению, нам придется подумать о психозондировании. Ничего не поделаешь: возможно, у нас останется только этот последний шанс — установить, что вам неизвестно из известного вашему подсознанию.

— Возможно, ему ничего не известно, доктор Фастольф.

Фастольф бросил на Бейли грустный взгляд.

— Не спорю. Но, как вы сказали про возможность того, что Василия будет свидетельствовать против меня, — тогда и посмотрим.

Он снова повернулся и вышел из комнаты.

Бейли задумчиво смотрел ему вслед. Итак, если он приблизится к решению, неизвестные враги расправятся с ним физически, а не приблизится, его ожидает психическое зондирование, которое вряд ли многим лучше.

— Иосафат! — буркнул он себе под нос.

33

Дорога до дома Глэдии показалась ему короче, чем накануне. День опять был солнечный и приятный, но вид открывался немного другой. Солнечные лучи, естественно, падали с другой стороны, и краски словно бы изменились.

Возможно, растительность утром выглядела не так, как вечером, или пахла по-иному. На Земле, вспомнил Бейли, у него возникало такое же впечатление.

Его снова сопровождали Дэниел и Жискар, но шли гораздо ближе к нему и, казалось, были менее насторожены.

— Что, солнце здесь всегда так и сияет? — спросил Бейли от нечего делать.

— Вовсе нет, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Это было бы губительным для мира растений, а значит, и для человечества. И по прогнозу в течение дня небо заволочут тучи.

— А это что? — Бейли вздрогнул от неожиданности. В траве скорчился серо-бурый зверек. При виде их он неторопливо запрыгал прочь.

— Кролик, сэр, — сказал Жискар.

Бейли расслабился. Кроликов он видел и на земных лугах.

На этот раз Глэдия не встретила их в дверях, но тем не менее она их ждала. Когда робот проводил их к ней, она не встала, а только сказала устало — или сердито:

— Доктор Фастольф сообщил мне, что я вам опять понадобилась. Так для чего?

На ней было платье, плотно прилежавшее к телу, а под ним явно ничего. Волосы кое-как стянуты на затылке, лицо бледное. Выглядела она гораздо более расстроенной, чем накануне, и, видимо, почти не спала.

Дэниел, памятуя, что произошло накануне, в комнату не вошел. Но Жискар последовал за Бейли, внимательно огляделся и встал в стенную нишу. В другой стоял один из роботов Глэдии.

— Мне неприятно, Глэдия, снова вас беспокоить, — сказал Бейли.

— Я вчера не упомянула, — отозвалась она, — что Джендер, когда его сплазмуют, будет использован на заводе, производящем роботов. Вот будет забавно всякий раз, когда я увижу нового робота, думать о том, что на его изготовление пошло много атомов Джендера.

— Мы сами, когда умираем, тоже становимся чем-то иным: как знать, чьи атомы сейчас присутствуют в вашем теле и в моем и в кого когда-нибудь перейдут наши атомы.

— Ах, как вы правы, Элайдж. И напоминаете мне, до чего легко философствовать на тему чужого горя.

— Верно и это, Глэдия, но я пришел сюда не философствовать.

— Ну так делайте то, для чего пришли.

— Мне надо задать несколько вопросов.

— Неужели вам мало вчерашних? Вы все это время придумывали новые?

— Отчасти да, Глэдия. Вчера вы сказали, что даже после того как вы с Джендером стали... женой и мужем, немало мужчин предлагали себя вам, а вы отказывали. Вот о чем мне надо вас расспросить.

— Зачем?

Бейли пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Ответьте, пожалуйста, — сказал он, — сколько именно мужчин предлагало себя в то время, когда вы были замужем за Джендером.

— Я не веду учета, Элайдж. Трое или четверо.

— Кто-нибудь из них был настойчив? Предлагал себя снова и снова?

Глэдия, которая смотрела в сторону, теперь взглянула ему прямо в глаза и сказала:

— Вы говорили об этом с кем-то еще?

Бейли покачал головой:

— Только с вами. Однако ваш вопрос указывает, что хотя бы один из них был настойчив.

— Да, один. Сантрикс Гремнионис. — Она вздохнула. — У аврорианцев такие необычные имена. Да и он сам необычен для уроженца Авроры. Я ни у кого не встречала такой настойчивости в повторении одного и того же. Он был всегда вежлив, всегда принимал мой отказ с легкой улыбкой и величавым поклоном, а затем проделывал все это на следующей неделе, если не на другой день. Такое повторение — уже небольшое нарушение этикета. Порядочный аврорианец принимает отказ как окончательный, за исключением случаев, когда намеченный партнер или партнерша показывают, что готовы взять свой отказ назад.

— Скажите мне еще раз... Те, кто предлагал себя, знали о вашем отношении к Джендеру?

— Это была не тема для светской болтовни.

— Ну так займемся только этим Гремнионисом. Он знал, что Джендер ваш муж?

— Я ему этого не говорила.

— Не будьте так уверены, Глэдия. Дело же не в том, что именно ему было сказано. В отличие от остальных он предлагал себя неоднократно. Сколько раз конкретно, как по-вашему? Три раза? Четыре? Сколько?

— Я не считала, — устало ответила Глэдия. — Десяток раз или больше. Не будь он во всех других отношениях очень обаятельным человеком, я бы распорядилась, чтобы мои роботы не допускали его в дом.

— Но ведь вы такого распоряжения не отдали! А для того чтобы предложить себя много раз, требуется

время. Он приезжал повидать вас. Встречался с вами. У него было время заметить присутствие Джендера и ваше поведение с ним. Разве он не мог догадаться о ваших отношениях?

— Не думаю. — Глаздя покачала головой. — Когда я бывала с людьми, Джендер оставался у себя.

— По вашему распоряжению, насколько я понимаю.

— Совершенно верно. И, пожалуйста, не говорите, что мной руководил стыд. Просто я пыталась избежать ненужных осложнений. В отличие от аврорианцев я сохранила ощущение, что секс требует укромности.

— Попробуйте вспомнить. Мог он догадаться? Влюбленный мужчина...

— Влюбленный! — Она презрительно фыркнула. — Что аврорианцы знают о любви?

— Мужчина, считавший себя влюбленным. А вы остаетесь равнодушной. Чуткость и подозрительность отвергнутого влюбленного могли ведь подсказать ему что-то. Постарайтесь вспомнить! Он когда-нибудь хотя бы косвенно намекал на Джендера? Так, что у вас мелькнуло подозрение...

— Нет же, нет! Чтобы аврорианец показал, что не одобряет сексуальные предпочтения или привычки других? Неслыханно!

— Необязательно с неодобрением. Шутливое замечание, например. Хотя что-нибудь, указывающее на то, что у него были подозрения.

— Нет! Если бы Гремионис произнес хоть словечко на эту тему, он больше бы не появился в моем доме, я бы позаботилась, чтобы он не посмел больше искать встречи со мной... Но ничего подобного он не сделал бы. Этот юноша был со мной сама обходительность.

— Вы говорите «юноша». Сколько ему лет?

— Примерно мой ровесник. Тридцать пять лет. Или даже на год-другой моложе меня.

— Ребенок! — грустно произнес Бейли. — Даже моложе меня. Но в таком возрасте... Что, если он догадался о ваших отношениях с Джендером и ничего не сказал, не намекнул, а сам ревновал?

— Ревновал?

Бейли вдруг сообразил, что на Авроре или на Солярии это слово утратило смысл.

— Сердился, что вы предпочли ему другого.

— Я знаю смысл слова «ревность», — резко перебила его Глэдия. — И повторила, всего лишь удивившись, что вы считаете, будто уроженец Авроры способен ревновать. Из-за секса аврорианцы не ревнуют и не завидуют. Из-за многого другого — сколько угодно, но не из-за секса. — Ее губы скривились в ироничной усмешке. — Да и ревнуй он, что бы это изменило? Что он мог бы сделать?

— Но если он сказал Джендеру, что связь с роботом может поставить под угрозу ваше положение на Авроре...

— Но это ложь!

— Джендер мог бы ей поверить, поверить, что подвергает вас опасности, причиняет вам вред. Не могло бы это стать причиной заморозки?

— Джендер не поверил бы. Став моим мужем, он каждый день делал меня счастливой, и я ему это говорила.

Бейли оставался спокойным. Она упускала главное, но он растолкует пояснее:

— Не сомневаюсь, что он вам верил, но мог оказаться вынужден поверить кому-то, кто говорил прямо обратное. Если бы он попал в положение, когда любое его действие оказалось бы нарушением Первого Закона...

Лицо Глэдии исказилось, она вскрикнула:

— Чистое безумие! Вы пересказываете мне старинную басенку про Сьюзен Кэлвин и робота, читавшего мысли. Да ей же и десятилетний ребенок не поверит!

— Но разве не может быть, что...

— Нет, не может! Я с Солярии и о роботах знаю достаточно, чтобы утверждать это категорически. Лишь небывалый специалист мог бы завязать робота узлом, манипулируя Первым Законом. Доктору Фастольфу это по плечу, но не Сантриксу Гремioniсу. Гремioniс — стилист, он занимается людьми. Стрижет волосы, моделирует одежду. Я занимаюсь тем же, но ведь работаю я с роботами. Гремioniс ни к единому роботу даже не прикасался. О них он знает ровно столько, сколько требуется, чтобы приказать закрыть окно или еще что-то простенькое. И вы, вы хотите убедить меня, будто

смерть на Джендера навлекли отношения между ним и мной? — Она с силой ткнула себя между еле заметными под материей холмиками грудей.

— Только что-то неосознанное вами, — сказал Бейли, желая перестать, но не в силах остановиться. — Что, если Гремнионис узнал от доктора Фастольфа, как...

— Гремнионис не был знаком с доктором Фастольфом, и в любом случае ничего не понял бы, даже попробуй доктор Фастольф ему что-нибудь объяснить.

— Вы не можете твердо знать, что Гремнионис был способен понять, а что нет. Ну а что до знакомства с доктором Фастольфом, так Гремнионис, несомненно, часто бывал в вашем доме, раз он вас преследовал, и...

— И доктор Фастольф у меня не бывал! Вчера, когда он пришел с вами, то переступил порог моего дома всего лишь во второй раз. Он опасался приближаться ко мне, чтобы не испугать. Однажды он мне сам это сказал. Именно так он потерял свою дочь, как ему казалось. Из-за такой нелепости! Видите ли, Элайдж, когда живешь несколько сотен лет, у вас есть масса времени терять, терять тысячи вещей. Будьте б-б-благодарны за короткую ж-жизнь, Элайдж. — Она неудержимо расплакалась.

Бейли беспомощно смотрел на нее, не зная, чем помочь.

— Простите меня, Глэдия. Я задал все вопросы. Позвать робота? Вам требуется помощь?

Она мотнула головой и замахала на него руками.

— Нет. Только уйдите, уйдите! — придушенно пробормотала она. — Уходите!

Бейли с сомнением постоял, а потом вышел из комнаты, неуверенно оглянувшись на Глэдию в дверях. Жискар последовал за ним, а Дэниел присоединился к нему, когда он вышел из дома. Бейли даже не сразу их заметил и рассеянно подумал, что уже привык к ним, словно к собственной тени или одежде, а скоро, наверное, начнет чувствовать себя без них совсем голым.

Он быстро шагал к дому Фастольфа, а в голове у него теснились мысли. Вначале он решил увидеться с Василией просто от отчаяния, оттого, что никто другой его вообще не интересовал, но теперь все изменилось,

теперь появился шанс, что он случайно наткнулся на что-то очень существенное.

34

Невзрачное лицо Фастольфа, когда Бейли вернулся, было утрюмым.

— Какое-нибудь продвижение?

— Я исключил часть возможности... может быть.

— Часть? Как же вы исключите другую часть? А вернее, как вы определите возможность?

— Убедившись, что исключить некую возможность невозможно, вы тем самым делаете первый шаг к ее определению, — ответил Бейли.

— А если вам не удастся исключить вторую часть возможности, на которую вы столь таинственно намекали?

Бейли пожал плечами:

— Прежде чем мы будем зря тратить время на размышления об этом, я должен увидаться с вашей дочерью.

— Что же, мистер Бейли, — уныло сказал Фастольф. — Я исполнил вашу просьбу и попытался связаться с ней. Пришлось ее разбудить.

— То есть она в том полушарии, где сейчас ночь? Я об этом не подумал! — Бейли огорчился. — Боюсь, я, как дурак, все еще продолжаю чувствовать себя на Земле. В подземных Городах понятия дня и ночи утрачивают смысл, и время обретает единообразие.

— Нет, все проще. Эос — центр робопсихологии на Авроре, и практически все робопсихологи живут здесь. Но она еще не вставала и, видимо, неожиданное пробуждение не привело ее в хорошее настроение. Она отказалась говорить со мной.

— Вызовите ее снова! — настойчиво потребовал Бейли.

— Я говорил с ее роботом-секретарем. Мы использовали его как посредника, что очень неприятно. Она категорически заявила, что со мной не станет говорить ни за что. По отношению к вам она была чуть мягче. Робот сообщил, что она даст вам пять минут на своем частном видеоканале, если вы вызовете ее (Фастольф

посмотрел на часы) через тридцать минут. Лично она вас ни при каких условиях не примет.

— Такой встречи мне недостаточно — как и времени. Я должен говорить с ней лицом к лицу и столько времени, сколько понадобится. Вы объяснили ей, как это важно, доктор Фастольф?

— Попытался. Это ее не интересует.

— Но вы же ее отец! И, значит...

— Она скорее прислушается к случайному встречному, чем ко мне. Я это знал заранее, а потому пустил в ход Жискара.

— Как Жискара?

— Да-да. Жискар ее большой любимец. Когда она занималась роботпсихологией в университете, то без спроса изменила некоторые частные моменты в его программе — а это как ничто другое устанавливает близость между человеком и роботом... за исключением способа, которым воспользовалась Глэдия. Могло показаться, что Жискар — это новый Эндрю Мартин...

— Кто такой Эндрю Мартин?

— Кто был Эндрю Мартин? — сказал Фастольф, делая ударение на «был». — Вы ничего про него не слышали?

— Абсолютно ничего.

— Любопытно. В этих наших древних легендах действие происходит на Земле, однако на Земле они неизвестны. Так вот: Эндрю Мартин был роботом, но постепенно стадия за стадией якобы стал человекоподобным. Конечно, человекоподобные роботы создавались и до Дэниела, но они представляли собой примитивные игрушки, почти автоматы. Тем не менее о способностях Эндрю Мартина повествуются чудеса — неопровержимые свидетельства мифичности описываемых событий. В легенде также фигурирует женщина — Крошка Мисс, как ее чаще называют. Отношения между ними были слишком сложны, чтобы пересказывать их сейчас, но, полагаю, каждая девочка на Авроре грезилась о том, что она — Крошка Мисс и у нее есть свой Эндрю Мартин. Во всяком случае, Василия об этом мечтала, и Жискар стал ее Эндрю Мартином.

— Так что же?

— Я поручил ее роботу передать ей, что вас будет сопровождать Жискар. Она не видела его уже много лет, и я подумал, что ради него она согласится встретиться с вами.

— Но, видимо, это ее не соблазнило.

— К сожалению, нет.

— Значит, необходимо придумать что-то еще. Должен же существовать способ заставить ее увидеться со мной.

— Вот и придумайте, — ответил Фастольф. — Через несколько минут вы увидите ее по трехмернику, и у вас будет пять минут, чтобы убедить ее, что ей необходимо встретиться с вами лично.

— Пять минут! Что я сумею сделать за пять минут?

— Не знаю. Но это все-таки лучше, чем ничего.

35

Пятнадцать минут спустя Бейли стоял перед трехмерным видеоэкраном, готовясь познакомиться с доктором Василией Фастольф.

Доктор Фастольф вышел, сказав с кривой усмешкой, что его присутствие только сделает его дочь неподатливой на убеждения. В комнате не было и Дэниела. Остался только Жискар составить Бейли компанию. Теперь он сказал:

— Трехмерный канал доктора Василии открыт для приема. Вы готовы, сэр?

— Насколько вообще могу быть готов, — буркнул Бейли. Он не захотел сесть, чувствуя, что стоя производит более внушительное впечатление. (Насколько внушительным может показаться землянин?)

Экран засветился, а комната погрузилась в полумрак. На экране появилась женщина — сначала не в фокусе. Она стояла лицом к нему, опираясь правой рукой на лабораторный стол, усталый диаграммами. (Она как будто тоже рассчитывала произвести внушительное впечатление.)

Изображение сфокусировалось, края экрана словно исчезли, и фигура Василии (если это действительно была она) обрела трехмерность. Она стояла в комнате, просто ощутимо реальной, но только обстановка была

другой, не соответствующей обстановке комнаты, где находился Бейли, и переход был резким.

На ней была темно-коричневая юбка, разделявшаяся на две широкие полупрозрачные брючины, так что ее ноги от середины бедра смутно сквозь них просвечивали. Блузка была узкой и без рукавов, открывая руки по плечи. Очень низкий вырез, очень светлые волосы завиты в тугие кудряшки.

Она не унаследовала невзрачности отца, и уж тем более его огромные уши. Оставалось предположить, что мать ее была красавицей, и ей повезло с распределением генов.

Она была невысока, а черты ее лица поразительно напоминали черты Глэдии, только их выражение казалось гораздо более холодным, и несли печать сильной личности. Она спросила резко:

— Вы — землянин, который прилетел, чтобы распутать трудности моего отца?

— Да, доктор Фастольф, — ответил Бейли с той же резкостью.

— Называйте меня доктор Василия. Я не хочу, чтобы возникали недоразумения, поскольку это фамилия моего отца.

— Доктор Василия, мне необходимо встретиться с вами лицом к лицу и на достаточно долгое время.

— Естественно! Но вы же землянин и потенциальный источник инфекции.

— Я прошел медицинскую обработку и совершенно безопасен. Ваш отец провел со мной большую часть дня.

— Мой отец разыгрывает из себя идеалиста и вынужден время от времени проделывать всякие глупости, чтобы не выйти из образа.

— Но, полагаю, вы не хотите ему зла. Отказываясь встретиться со мной, вы подвергаете его опасности.

— Вы только теряете время. Иначе как сейчас вы меня не увидите, а половина времени, которое я вам уделила, уже прошла. Если вас это не устраивает, мы можем сейчас же прекратить разговор.

— Здесь Жискар, доктор Василия, и он хотел бы убедить вас, чтобы вы встретились со мной.

Жискар вошел в круг видимости.

— Доброе утро, Крошка Мисс, — сказал он негромко.

На мгновение Василия словно смутилась и сказала более мягким тоном:

— Рада трехмерно тебя видеть, Жискар, и готова тебя принять, когда ты захочешь, но этого землянина не приму, даже если попросишь ты.

— В таком случае, — почти крикнул Бейли, пуская в ход последние резервы, — мне придется представить дело Сантрикса Гремниониса на всеобщее обозрение без предварительной консультации с вами.

Глаза Василии расширились, рука на столе вскинулась и сжалась в кулак.

— При чем здесь Гремнионис?

— При том, что он красивый молодой человек и ваш хороший знакомый. Так я буду разбираться дальше, не выслушав вас.

— Я скажу вам прямо сейчас, что...

— Вы можете сказать мне это только лицом к лицу. Ее губы задергались.

— Хорошо, я вас приму, но останусь с вами ровно столько, сколько сочту нужным, предупреждаю вас... И привезите Жискара.

Раздался щелчок, и изображение исчезло, а у Бейли закружилась голова от внезапной перемены. Он с трудом добрался до кресла и рухнул в него.

Рука Жискара поддержала его под локоть.

— Сэр, вам помочь? — спросил робот.

— Все в порядке, — ответил Бейли. — Мне нужно немножко передохнуть, и все.

Он увидел перед собой Фастольфа.

— Вновь прошу у вас извинения, что я не исполнил свои обязанности хозяина. Я включил второй аппарат, который только принимает, но не передает. Мне хотелось увидеть дочь, пусть она меня и не видела.

— Понимаю, — с легким придыханием произнес Бейли. — Если хорошие манеры требуют извиняться за то, что вы сделали, то я вас извиняю.

— Но что это еще за Сантрикс Гремнионис? Впервые слышу это имя.

Бейли внимательно посмотрел на Фастольфа и ответил:

— Доктор Фастольф, это имя я сам в первый раз услышал сегодня утром от Глэдии. Мне про него ничего не известно, но я рискнул назвать его вашей дочери. Вероятность успеха была крайне мала, однако результат оправдал мои надежды. Как видите, я способен делать полезные выводы даже из крайне скудной информации, а потому не мешайте мне спокойно заниматься этим и дальше. Пожалуйста, в будущем оказывайте мне полное содействие, а о психическом зондировании больше не упоминайте!

Фастольф промолчал, и Бейли почувствовал угрюмое торжество: сначала он подчинил своей воле дочь, а теперь отца.

Но он понятия не имел, долго ли так продлится.

Глава 9

ВАСИЛИЯ

36

Бейли остановился у дверцы машины и сказал твердо:

— Жискар, я не хочу, чтобы стекла заматовывались. Я не хочу сидеть сзади. Я хочу сидеть спереди и знакомиться со Вне. Поскольку сидеть я буду между тобой и Дэниелом, со мной ничего не случится, разве что машина разобьется. А в этом случае погибнем мы все, и где я буду сидеть, спереди или сзади, никакого значения иметь не может.

Жискар отреагировал на твердость его распоряжений сугубой почтительностью:

— Сэр, если вы почувствуете себя дурно...

— Ты остановишь машину, и я переберусь на заднее сиденье, а ты заматуешь задние стекла. Впрочем, останавливаться необязательно: я перелезу через спинку. Видишь ли, Жискар, мне крайне важно познакомиться с Авророй настолько, насколько это возможно, и вообще привыкнуть ко Вне. Это приказ, Жискар.

— Партнер Элайдж совершенно прав в своей просьбе, друг Жискар, — мягко сказал Дэниел. — Он будет в достаточной безопасности.

Жискар уступил — возможно, с неохотой (Бейли не понял выражения его не вполне человеческого лица) — и занял водительское место. Бейли сел рядом с ним и посмотрел сквозь прозрачное стекло далеко не с той уверенностью, какую вложил в свой голос. Впро-

чем, роботы справа и слева служили хорошей поддержкой.

Машина поднялась на струях сжатого воздуха и чуть качнулась, точно обретая равновесие. Бейли слегка затошнило, и он едва было не пожалел о своей мужественной настойчивости. Какой смысл говорить себе, что Дэниел и Жискар не проявили никаких признаков страха — они роботы и не способны ощущать страх.

Тут машина рванулась вперед, и Бейли откинуло на спинку сиденья. А менее минуты спустя он уже мчался со скоростью даже большей, чем самая высокая скорость экспрессуэя в Городе. Впереди простиралась широкая зеленая равнина. Оттого, что по сторонам не мелькали дружеские огни и строения Города, скорость казалась еще выше. Вместо них — провалы зелени и несимметричные возвышения.

Бейли старался дышать ровно и говорить как можно естественнее, на нейтральные темы.

— Но, Дэниел, нигде не видно возделанных полей. Земля тут словно целинная.

— Это городская территория, партнер Элайдж. Парковая зона, где расположены частные владения и дома.

— Городская? — переспросил Бейли. Уж он-то знал, что такое Город.

— Эос самый большой и важный город на Авроре. Первый по времени основания. Здесь заседает Всепланетное Законодательное собрание. Здесь расположено владение его председателя, мимо которого мы проедем.

Не только Город, но еще и самый большой! Бейли посмотрел по сторонам.

— У меня сложилось впечатление, что дома Фастольфа и Глэдии расположены на окраине Эоса. Я полагаю, что сейчас мы находимся за границей Города.

— Вовсе нет, партнер Элайдж. Мы как раз в самом центре. Граница пролегает в семи километрах отсюда, а место нашего назначения расположено в сорока километрах за ней.

— Центр? Но я не вижу ни единого здания.

— С дороги их и не должно быть видно, но вон там за деревьями вы можете различить дом Фуада Лабора, известного писателя.

— Ты знаешь, как выглядят все дома?

— Они заложены в моей памяти, — невозмутимо ответил Дэниел.

— На дороге нет других машин. Почему?

— Для больших расстояний употребляются аэрокары или магнитные субкары. Трехмерные контакты...

— На Солярии их называют трехмерники, — заметил Бейли.

— Как и здесь в разговорной речи, а официально — ТМК. Большая часть общения осуществляется с их помощью. К тому же аврорианцы любят пешие прогулки и нередко проходят несколько километров, чтобы навестить знакомых, а то и для деловой встречи, если время не играет особой роли.

— А до нашей цели слишком далеко, чтобы идти пешком, слишком близко для аэрокара, ТМК исключается, вот мы и едем в наземной машине.

— Точнее сказать, в машине на воздушной подушке, партнер Элайдж, но, полагаю, это укладывается в определение «наземная».

— Долго нам добираться до дома Василии?

— Не очень, партнер Элайдж. Он, как вам, возможно, известно, находится на территории Института роботопсихологии.

Бейли помолчал, а затем указал рукой:

— Там у горизонта вроде бы небо все в облаках.

Жискар повернул, не сбросив скорости, машина накренилась под углом около тридцати градусов. Бейли охнул и уцепился за Дэниела, тот закинул левую руку ему за спину и крепко сжал его плечи. Машина выровнялась, и Бейли медленно перевел дух.

— Да, — ответил Дэниел, — позднее из них выпадут осадки, как указано в прогнозе.

Бейли нахмурился. Как-то во время его экспериментальной работы во Вне на Земле он попал под дождь — один-единственный раз! Словно встал под душ одетый. Мгновение слепой паники, когда он осознал, что под рукой у него нет панели, чтобы отключить эту воду, и она будет хлестать вечно, но тут все побежали — и он с ними — назад в Город к сухости, к управляемости всего. Но это же Аврора, и кто знает, что полагается делать, когда начинается дождь, — и нет Города, где

можно укрыться. Бежать к ближайшему владению? Но какой прием встретят беглецы, если это не в обычае?

Последовал еще один быстрый поворот, и Жискар сказал:

— Сэр, мы находимся на автостоянке Института робопсихологии. Теперь мы можем войти и навестить дом во владениях Института, где проживает доктор Василия.

Бейли кивнул. Поездка заняла минут пятнадцать-двадцать земного времени, насколько он мог судить, и хорошо, что она кончилась! Он сказал немного хрипло:

— Прежде чем я встречусь с дочерью доктора Фастольфа, я хочу узнать о ней кое-что. Ты ее никогда не видел, Дэниел?

— В то время, когда я возник, — ответил Дэниел, — доктор Фастольф и его дочь уже давно расстались, и я с ней не знаком.

— Жискар, но вы с ней хорошо знаете друг друга, верно?

— Да, сэр, — невозмутимо ответил Жискар.

— И были привязаны друг к другу?

— Мне кажется, сэр, — ответил Жискар, — что дочери доктора Фастольфа было приятно, когда я бывал с ней.

— А тебе быть с ней доставляло удовольствие?

Жискар ответил, словно тщательно выбирая слова:

— Я испытываю ощущение, которое, если не ошибаюсь, люди определяют как «удовольствие», всякий раз, когда я с человеком.

— Но в обществе Василии оно, полагаю, было сильнее, так?

— Ее удовольствие оттого, что она была со мной, — ответил Жискар, — как будто стимулировало те мои позитронные потенциалы, которые побуждали меня к поступкам, эквивалентным тем, которые удовольствие побуждает совершать людей. Так, во всяком случае, мне однажды объяснил доктор Фастольф.

— Почему Василия уехала от своего отца? — внешне спросил Бейли.

Жискар ничего не ответил.

Бейли произнес с бесцеремонной властью землянина, обращающегося к роботу:

— Я задал тебе вопрос, бой!

Жискар повернул к нему голову и уставился на Бейли, которому вдруг почудилось, что свечение в глазах робота стало ярче, словно они были готовы запылать негодованием от этой презрительной клички. Но голос Жискара остался мягким, а его глаза не вспыхнули, когда он сказал:

— Я ответил бы, сэр, но в то время мисс Василия приказала мне никогда ничего не говорить обо всем, так или иначе связанном с их расставанием.

— Но я приказываю тебе отвечать и могу сделать этот приказ абсолютно категорическим... если пожелаю.

— Мне очень жаль, — сказал Жискар, — но мисс Василия и тогда уже была искусным робо-психологом, и ее распоряжения окажутся сильнее любых ваших, сэр.

— Да, она должна была хорошо разбираться в робо-психологии, поскольку, как рассказал мне доктор Фастольф, однажды внесла изменения в твою программу.

— Это было безопасно, сэр, так как доктор Фастольф сразу же исправил бы любую ошибку.

— Так он что-то исправлял?

— Нет, сэр.

— А какие это были изменения?

— Мелкие, сэр.

— Возможно, но просто, чтобы удовлетворить мое любопытство: что именно она сделала?

Жискар заколебался, и Бейли прекрасно понял почему.

— Боюсь, — сказал робот, — что о репрограммировании я ничего сказать не могу.

— Тебе запретили?

— Нет, сэр. Но репрограммирование автоматически стирает все, что было раньше. Если я в чем-либо изменился, мне бы казалось, что я всегда был таким, и у меня не сохранилось бы никаких воспоминаний о том, каким я был до изменения.

— Так откуда же ты знаешь, что изменения эти были именно мелкими?

— Поскольку доктор Фастольф не счел нужным скорректировать изменения, внесенные мисс Василией, а об этом он сам мне как-то сказал, я и сделал вывод,

что они были мелкими. Вы можете спросить о них мисс Василию, сэр.

— Я так и сделаю, — отозвался Бейли.

— Однако, боюсь, сэр, что она не ответит.

Бейли пробрал озноб. До сих пор он расспрашивал только доктора Фастольфа, Глэдию и этих двух роботов, то есть тех, у кого были все причины сотрудничать с ним. Теперь впервые ему предстояло встретиться с враждебностью.

37

Бейли вышел из машины, которая стояла на траве, и с удовольствием ощутил под ногами незыблемую землю.

Он посмотрел по сторонам и удивился: здания стояли относительно близко друг от друга, а справа высился огромный прямоугольник из металла и стекла.

— Это Институт? — спросил он.

— Институт, партнер Элайдж, — ответил Дэниел, — это весь комплекс. Вы видите лишь часть его, и застройка здесь более плотная, чем где-либо еще на Авроре, поскольку он представляет собой самостоятельную и самодостаточную политическую ячейку. В него входят частные дома, лаборатории, библиотеки, спортивный комплекс и так далее. А большое здание — это административный центр.

— Он настолько не в духе Авроры, во всяком случае, судя по тому, что я видел в Эосе, что, казалось бы, такое скопление зданий должно было бы вызвать заметное неодобрение.

— Так, по-моему, и было, партнер Элайдж, но глава Института находится в дружеских отношениях с председателем Законодательного собрания, человеком очень влиятельным, и получил специальное разрешение для обеспечения научно-исследовательской работы оптимальными условиями. Так, во всяком случае, я слышал. — Дэниел задумчиво посмотрел по сторонам. — Да, он заметно компактнее, чем я полагал.

— Чем ты полагал? Ты что, Дэниел, никогда прежде здесь не бывал?

— Нет, партнер Элайдж.

— А ты, Жискар?

— Нет, сэр.

— Но ты же нашел дорогу сюда без всяких затруднений и вроде бы хорошо знаешь это место, — сказал Бейли.

— Нас надлежащим образом информировали, партнер Элайдж, — объяснил Дэниел, — поскольку мы должны были вас сопровождать.

Бейли медленно кивнул и вдруг спросил:

— А почему доктор Фастольф с нами не поехал?

И снова убедился, что пытаться поймать робота врасплох бесполезно. Задаешь вопрос быстро, неожиданно, а они просто выжидают, пока не осмыслят его, и только тогда отвечают.

— Доктор Фастольф сказал, — ответил Дэниел, — что он не член факультета и не считает возможным приехать без приглашения.

— А почему он не член?

— О причине мне никогда не говорили, партнер Элайдж.

Бейли перевел взгляд на Жискара, который тотчас сказал:

— И мне, сэр.

Действительно не знают? Им приказано не знать? Бейли пожал плечами. Какая разница? Люди способны лгать, а роботы следуют инструкциям. Конечно, человека можно поймать на лжи или заставить признаться, а робота — ловко переинструментировать (если достанет умения или бессовестности), но приемы были разные, и как подступиться к роботу, Бейли не знал.

— Так где мы найдем доктора Василию Фастольф? — спросил он.

— Ее дом прямо перед нами, — ответил Дэниел.

— Вас проинструктировали, где он находится?

— Это было запечатлено в нашей памяти, партнер Элайдж.

— Ну так води нас.

Оранжевое солнце уже стояло в небе довольно высоко — явно приближался полдень. Подходя к дому Василии, они попали в тень фабрики, и Бейли поежился, немедленно ощутив температурный перепад.

Губы его крепко сжались при мысли об открытии и заселении планет без Городов, планет, где температура не регулируется и ее отличают непредсказуемые идиотские изменения. Тут он с тревогой заметил, что темная линия облаков поднялась над горизонтом повыше. И дождь тут может лить, когда пожелает! Обрушивать каскады воды тебе на голову!

Земля! Как он стосковался по Городам!

Первым в дом вошел Жискар, а Дэниел протянул руку, помешав Бейли последовать за ним.

— Ах да, конечно! Жискар пошел на разведку.

Впрочем, не терял времени и Дэниел. Его глаза осматривали все вокруг с сосредоточенностью, на какую человек не способен. Бейли не сомневался, что глаза робота не упустят ничего. (А почему, собственно, подумал он, роботов не снабжают четырьмя глазами, равно распределенными по периметру головы, а то и оптической полоской, которая полностью бы ее опоясывала? Ну не Дэниела, естественно, поскольку ему положена человеческая внешность. А вот Жискара? Или позитронные связи не справятся с проблемами такого дополнительного зрения? На миг Бейли смутно представил себе трудности, с какими на каждом шагу сталкиваются робопсихологи.)

В дверях показался Жискар и кивнул. Дэниел почти-чуть-чуть подтолкнул Бейли, и он шагнул в открытую дверь.

Дверь эта была без замка, но ведь, внезапно вспомнил Бейли, замков не было и на дверях Глэдии и доктора Фастольфа. Малочисленность и рассредоточенность населения способствовали защите от непрошенных вторжений; несомненно, играл свою роль и обычай невмешательства. К тому же, сообразил он, вездесущие дозорные роботы много надежнее любых замков.

Пальцы Дэниела сжали руку Бейли повыше локтя, и он остановился. Впереди них Жискар о чем-то тихо говорил с двумя роботами, довольно на него похожими.

Бейли похолодел. А что, если Жискара сумели хитрым маневром подменить? Сумеет ли он обнаружить подмену? Отличить одного робота от другого? Что, если его оставят с роботом, не получившим специальных

инструкций оберегать его, и тот ненароком навлечет на него опасность, а затем не сумеет с достаточной быстротой среагировать на нее?

Он сказал Дэниелу, сумев сохранить в голосе полное спокойствие:

— Эти роботы поразительно похожи, Дэниел. Ты способен их различать?

— Разумеется, партнер Элайдж. Иллюзорная одежда у них разная, не говоря уж о кодовых номерах...

— На мой взгляд, они совершенно одинаковы.

— Вы не привыкли замечать такого рода детали.

— А что это еще за кодовые номера? — попытался Бейли еще раз.

— Они четко видны, партнер Элайдж, если знать, куда смотреть, и если глаза воспринимают инфракрасную часть спектра, недоступную человеческому зрению.

— Значит, если я сам попробую их различать, у меня ничего не получится?

— Почему же, партнер Элайдж? Вам достаточно спросить у робота, как его полное имя и какой у него номер. Он сразу ответит.

— Даже если получит инструкцию назвать их мне неверно?

— Но для чего роботу станут давать такие инструкции?

Бейли решил не пускаться в объяснения.

Да и Жискар уже направился к ним. Он сказал Бейли:

— Сэр, вас примут. Сюда, пожалуйста.

Впереди пошли домашние роботы, за ними — Бейли и Дэниел, который все еще бережно сжимал руку Бейли. Жискар замыкал шествие.

Роботы впереди остановились перед широкой дверью, створки которой тут же разошлись, видимо, автоматически. Комнату за ними наполнял тусклый свет, просачивавшийся сквозь тяжелые занавески.

Бейли смутно различил человеческую фигурку, сидевшую на краешке высокого табурета, положив локоть на стол, который тянулся вдоль всей стены.

Бейли и Дэниел вошли, следом за ними Жискар. Створки двери сомкнулись, и в комнате стало еще темнее. Женский голос произнес резко:

— Ближе не подходите! Стойте там!

И комнату залил солнечный свет.

38

Бейли заморгал и посмотрел вверх. Потолок оказался стеклянным, и за ним виднелось солнце. Почему-то оно выглядело не очень ярким, на него можно было смотреть, хотя свет в комнате почти слепил. Видимо, стекло (или какой-то другой материал?) рассеивало свет, не поглощая его.

Он посмотрел на женщину, сидевшую в той же позе, и сказал:

— Доктор Василия Фастольф?

— Доктор Василия Алиена, если вам требуется полное имя. Чужими именами я не пользуюсь. Можете называть меня доктор Василия. Это имя, которым меня называют в Институте. — Ее суровый голос чуть смягчился. — А как ты, мой старый друг Жискар?

Жискар ответил тоном, странно непохожим на обычный:

— Я приветствую вас... — он помолчал и закончил: — Приветствую вас, Крошка Мисс.

Василия улыбнулась:

— А это, я полагаю, человекоподобный робот, про которого я слышала. Дэниел Оливо?

— Да, доктор Василия, — отчеканил Дэниел.

— И наконец — землянин.

— Элайдж Бейли, доктор, — сухо сказал Бейли.

— Да, мне известно, что у землян есть имена, и ваше — Элайдж Бейли, — произнесла она с холодным высокомерием. — И вы чертовски не похожи на актера, игравшего вас в гиперволновой драме.

— Мне это известно, доктор.

— А вот актер, игравший Дэниела, на него очень походил, но, полагаю, мы здесь не для того, чтобы обсуждать этот балаган.

— Совершенно верно.

— Насколько я поняла, землянин, мы здесь для того, чтобы вы сказали то, что вам требуется, о Сантриксе Гремioniсе и чтобы мы с этим покончили. Так?

— Не совсем, — ответил Бейли. — Это не главная причина, почему я приехал сюда, хотя, полагаю, мы доберемся и до нее.

— Ах, вот как! Так вы думаете, мы здесь для того, чтобы долго и подробно обсуждать тему, которую вы решили выбрать?

— Я думаю, доктор Василия, что вам следует позволить мне вести наш разговор на свой лад.

— Это что — угроза?

— Нет.

— Ну, я еще никогда не видела землян, и, пожалуй, будет любопытно посмотреть, насколько вы сходны с актером, который играл вас, — помимо внешности, разумеется. Вы действительно такой волевой и сильный, каким вас изображали?

— Меня, — сказал Бейли, не скрывая отвращения, — мелодраматизировали и изобразили мой характер со всяческими преувеличениями. Я предпочел бы, чтобы вы принимали меня таким, какой я есть, и судили обо мне по тому, что видите сейчас.

Василия засмеялась:

— Во всяком случае, я вас не ввергла в трепет. Очко в вашу пользу. Или вы считаете, что получили возможность командовать мной из-за чего-то там с Гремioniсом?

— Я здесь только для того, чтобы выяснить правду о смерти человекоподобного робота Джендера Пэнелла.

— Смерти? Так, значит, до этого он был живым?

— Я употребляю одно короткое слово вместо выражений вроде «выведен из функционального состояния». Или «смерть» вас сбивает?

— А вы неплохо фехтуете, — сказала Василия. — Дебретт, принеси стул землянину. Он устанет стоять, если разговор затянется. А потом иди в свою нишу. Ты тоже, Дэниел, в какую захочешь. Жискар, встань возле меня.

Бейли сел.

— Спасибо, Дебретт. Доктор Василия, у меня нет полномочий задавать вам вопросы, я не располагаю

статусом, обязывающим вас отвечать на них. Однако смерть Джендера Пэнелла поставила вашего отца в положение, которое...

— Кого поставила?

— Вашего отца.

— Землянин, я иногда пользуюсь определением «отец» для обозначения одного индивидуума, но только я, и никто другой! Будьте добры, употребляйте его имя.

— Доктор Хэн Фастольф. Он ведь ваш отец? Просто для сведения.

— Вы прибегаете к биологическому термину, — ответила Василия. — Я разделяю с ним гены по принципу, который на Земле рассматривается как связь отец—дочь. На Авроре это никакого значения не имеет, кроме как в медицинском или генетическом отношении. В определенных патологических состояниях бывает необходимо учитывать физиологию и биохимию тех, с кем у меня есть общие гены, — родителей, братьев и сестер, детей и так далее. В остальном на Авроре о таких связях упоминать не принято. Я объяснила это, потому что вы с Земли.

— Если я нарушил принятый обычай, — сказал Бейли, — то по неведению и прошу меня извинить. Могу ли я называть этого человека по имени в нашем разговоре?

— Разумеется.

— Ну, так смерть Джендера Пэнелла поставила доктора Хэна Фастольфа в трудное положение, и, полагая, что вам это не безразлично и вы хотите ему помочь.

— Ах вот что вы полагаете! А почему?

— Он ваш... Он вас вырастил. Заботился о вас. Вы питали друг к другу глубокую привязанность. И он все еще питает ее к вам.

— Он вам это сказал?

— Это стало очевидным из нашего разговора — хотя бы из того факта, что он принял участие в соларианке Глэдии Дельмар из-за ее сходства с вами.

— И он вам это сказал?!

— Да. Но в любом случае сходство очевидно.

— Тем не менее, землянин, я ничем доктору Фастольфу не обязана. И ваши предположения можно отбросить.

Бейли откашлялся:

— Помимо личных чувств, какими вы руководствуетесь — или не руководствуетесь, — остается вопрос о будущем Галактики. Доктор Фастольф хочет, чтобы новые миры исследовались и заселялись людьми. Если политические последствия смерти Джендера приведут к тому, что исследовать и заселять эти миры предоставят роботам, это, по мнению доктора Фастольфа, обернется катастрофой. Полагаю, вы не захотите способствовать подобной катастрофе.

Василия ответила равнодушно, не спуская глаз с его лица:

— О, конечно, будь я согласна с доктором Фастольфом. Но я с ним не согласна. Не вижу ничего опасного в том, что всю предварительную работу сделают человекоподобные роботы. Собственно говоря, я работаю в Институте для того, чтобы сделать это возможным. Я глобалист. А доктор Фастольф, раз он гуманист, — мой политический враг.

Ответы ее были четкими, прямолинейными и предельно краткими. Затем наступала пауза, словно Василия с интересом ждала следующего вопроса. У Бейли сложилось впечатление, что он возбуждает ее любопытство, забавляет ее и она мысленно заключает с собой пари, о чем будет следующий вопрос, твердо решив сообщать ему информации ровно столько, чтобы поинтересовать его к следующему вопросу.

— Давно ли вы член этого Института? — спросил он.

— С момента его организации.

— А сколько в нем членов?

— Насколько я могу судить, около трети всех роботопсихологов Авроры, хотя живет и работает здесь примерно половина от этого числа.

— Остальные члены Института разделяют ваши взгляды на освоение новых миров роботами? И все до единого противостоят доктору Фастольфу?

— По-моему, они почти все глобалисты, но на голосование мы этот вопрос не ставили и даже не проводили по нему официальный диспут. Лучше опросите их индивидуально.

— Доктор Фастольф член Института?

— Нет.

Бейли подождал, но она ничего не добавила, и он сказал:

— Разве это не удивительно? Казалось бы, уж он-то должен быть его членом!

— Просто мы не хотим иметь с ним дела. И, хотя это менее важно, он не желает иметь дела с нами.

— Но ведь это даже удивительнее.

— Не вижу почему. — Внезапно, словно подавшись внутреннему раздражению, она добавила: — Он живет в городе Эос. Полагаю, землянин, вы понимаете, откуда такое название?

Бейли кивнул.

— Эос, — сказал он, — богиня зари у древних греков, как Аврора — богиня зари у древних римлян.

— Совершенно верно. Доктор Хэн Фастольф живет в Городе Зари на планете Зари, но в Зарю не верит. Он не понимает единственно возможного способа освоения Галактики, претворения Космической Зари в сияющий Галактический День. Исследование Галактики роботами — единственный практичный способ осуществить это, а он не желает его признавать... И нас тоже.

— Но почему единственно практичный? — медленно сказал Бейли. — Ведь Аврору и другие космомиры исследовали и осваивали не роботы, а люди.

— Извините. Не люди, а земляне. Это был расточительный и малоэффективный процесс, и теперь мы не допустим, чтобы земляне стали снова первопроходцами. Мы теперь — космонавты, живем долго, имеем отличное здоровье, и у нас есть роботы, несравненно более многосторонние и гибкие, чем те, которые были у первопоселенцев. Другие времена и обстоятельства, и в наши дни единственный мыслимый способ — возложить эту задачу на роботов.

— Предположим, вы правы, а доктор Фастольф ошибается. Но и в таком случае его точка зрения вполне логична. Так почему он и Институт не в состоянии ужиться? Только потому, что в этом вопросе они расходятся?

— Нет. Это расхождение относительно второстепенное. Существует более глубокий конфликт.

Вновь Бейли подождал, и вновь она ничего не добавила. Дать волю раздражению было бы опасно, а потому он сказал негромко, почти просительно:

— А в чем заключается этот более глубокий конфликт?

В голосе Василии прозвучали почти смешливые нотки. Черты ее лица чуть смягчились, и на момент ее сходство с Глэдией усилилось.

— Если вам не объяснят, догадаться вы не сможете, так?

— Потому я и задаю этот вопрос, доктор Василия.

— Хорошо, землянин. Мне говорили, что земляне живут недолго. Меня не ввели в заблуждение?

Бейли пожал плечами:

— Некоторые из нас доживают до ста лет по земному календарю. — Он прикинул. — Сто тридцать метрических лет или около того.

— А сколько лет вам?

— Сорок пять стандартных, шестьдесят метрических.

— А мне шестьдесят шесть метрических. Я рассчитываю прожить еще примерно триста метрических лет, если буду беречься.

Бейли развел руками:

— Поздравляю вас.

— Тут есть и свои слабые стороны.

— Сегодня утром мне сказали, что за три-четыре века накапливается много горьких потерь.

— Боюсь, что да, — ответила Василия. — Но накапливается много-много приобретений. Так что в целом равновесие сохраняется.

— В таком случае, что подразумевается под слабыми сторонами?

— Вы, естественно, не ученый.

— Я следовательно... полицейский, если хотите.

— Но, возможно, на своей планете вы встречались с учеными?

— Кое с кем, — выжидательно ответил Бейли.

— Вы знаете, как они работают? Насколько нам известно, на Земле они вынуждены сотрудничать. В лучшем случае у них есть лет пятьдесят для активной

работы, так коротка их жизнь. Менее семи метрических десятилетий. За такой срок многого не добьешься.

— Некоторые наши ученые добились очень многого за куда более короткое время.

— Потому что они использовали чужие открытия в прошлом и черпали, что могли, из открытий современников. Не так ли?

— Естественно. Наука у нас общественное достояние, в которое каждый вносит свой вклад через время и пространство.

— Вот именно. Иначе вообще ничего не получилось бы. Каждый ученый, сознавая, как мало у него шансов достигнуть чего-либо в одиночку, вынужден делиться с другими, волей-неволей становится работником на коммунальной кухне. Благодаря этому прогресс заметно ускоряется.

— Но разве на Авроре и других космомирах дело обстоит иначе? — спросил Бейли с удивлением.

— Теоретически — точно так же, на практике же далеко не так. В обществе долгожителей нет подобной спешки. В распоряжении ученого есть три—три с половиной столетия, чтобы посвятить их решению какой-либо проблемы, и возникает убеждение, что за такой срок и одиночка способен достигнуть многого. И появляется нечто вроде интеллектуальной алчности — человек стремится сделать что-то сам, приобрести право на данную грань прогресса, и он уже готов смириться с замедлением прогресса, лишь бы не отказаться от того, что считает своим. В результате общее развитие науки на космомирах замедлилось до того, что вопреки своим огромным преимуществам нам не удается обогнать то, что делается на Земле.

— Полагаю, вы говорите все это, наталкивая меня на вывод, что доктор Хэн Фастольф ведет себя именно так.

— О, абсолютно! Его теоретический анализ позитронного мозга сделал возможным создание человекоподобных роботов. Он использовал его, чтобы с помощью своего друга покойного доктора Сартона сконструировать Дэниела, вашего друга робота, но он не сделал общим достоянием важнейшие положения своей теории и не знакомит с ними никого. Таким образом,

он — и только он — препятствует изготовлению человекоподобных роботов.

Бейли наморщил лоб:

— А Институт робопсихологии ратует за сотрудничество между учеными?

— Совершенно верно. Институт охватывает больше сотни ведущих робопсихологов разного возраста, с разными достижениями и талантом. Мы надеемся учредить филиалы на других планетах и создать межзвездную ассоциацию. Все мы считаем себя обязанными объединять наши личные открытия и гипотезы в общем фонде, добровольно делая для общего блага то, что вы, земляне, делаете вынужденно из-за своей короткой жизни. Но доктор Хэн Фастольф этого не желает. Не сомневаюсь, вам доктор Хэн Фастольф кажется благородным идеалистом, патриотом, думающим только о благе Авроры, но он не желает отдать свою интеллектуальную собственность (так он на это смотрит!) в общий фонд. И потому что он распространяет право частной собственности на научные открытия, мы не хотим иметь с ним ничего общего. Полагаю, наша взаимная антипатия уже не кажется вам загадочной.

Кивнув, Бейли сказал:

— Вы думаете, это сработает? Такой отказ от личной славы?

— Иначе не может быть, — мрачно объявила Василия.

— Но общие усилия Института повторить индивидуальное открытие доктора Фастольфа увенчались успехом? Теория человекоподобного позитронного мозга была открыта еще раз?

— Со временем так и будет. Это неизбежно.

— И вы не пытаетесь сократить время, которое потребуется для подобного вторичного открытия, просто убедив доктора Фастольфа опубликовать свою теорию?

— Мне кажется, у нас появилась возможность его убедить.

— Обыгрывая скандал вокруг смерти Джендера?

— По-моему, вам не следовало задавать этот вопрос. Ну так, землянин, я сообщила вам все, что вы желали узнать?

— Вы мне сообщили кое-что, чего я не знал.

— Значит, пора объяснить, при чем тут Гремioniс. Почему вы связали имя этого парикмахера со мной?

— Парикмахера?

— Он воображает себя художником-куафером — и не только этим, но он просто парикмахер и ничего больше. Так объясните. Или закончим этот разговор.

Бейли томила усталость. Он не сомневался, что Василия получала большое удовольствие от словесного фехтования. Она сообщила ему достаточно, чтобы разжечь его желание узнать больше, и теперь он будет вынужден покупать добавочные сведения в обмен на собственную информацию. А ее у него нет. Только догадки. И если хотя бы одна из них неверна, существенно неверна, ему придется сразу уйти. И он сам начал фехтовать.

— Поймите, доктор Василия, бессмысленно делать вид, будто смехотворно даже предположить, что между вами и Гремioniсом есть какая-то связь.

— Почему же? Если это и правда смехотворно?

— Ну нет. Будь это смехотворно, вы бы расхохотались мне в лицо и отключили канал связи. А вы взяли назад свой недавний отказ, согласились меня принять, долго со мной говорили, многое мне рассказали — какие еще доказательства требуются, что вы опасаетесь, не прижимаю ли я нож к вашему горлу.

Василия крепко сжала губы, а потом сказала тихо и зло:

— Вот что, маленький землянин, мое положение уязвимо, и вы, возможно, это сообразили. Я все-таки дочь доктора Фастольфа, и в Институте есть люди, у которых хватает глупости — или подлости — из-за этого не доверять мне. Не знаю, какие сплетни вы слышали — или сами сочинили, но они смехотворны, иначе и быть не может. Но при всей смехотворности могут быть использованы против меня. А потому я готова на обмен. Я кое-что вам рассказала, могу рассказать и больше, но только если вы сейчас объясните, что у вас есть, и убедите меня в своей правдивости. Так говорите же! Если вы затеете со мной какую-то игру, мое положение не станет хуже, если я вышвырну вас вон — а я хоть такое удовлетворение получу. И пушу в ход свое влияние, чтобы председатель отменил данное

вам разрешение и сразу же отправил вас назад на Землю. От него уже и так этого требуют, и вам совершенно не нужно, чтобы еще и я на этом настаивала. Так что говорите! Сейчас же!

39

Бейли хотелось подобраться к кульминационному вопросу постепенно, проверяя, верно ли он догадался. Но ему было ясно, что у него ничего не получится. Она сразу поймет его тактику — она ведь вовсе не глупа — и оборвет разговор. А он чувствовал, что нащупал что-то, и опасался все испортить. Возможно, и правда ее положение уязвимо из-за отца, но она не приняла бы его, если бы не опасалась, что его предположение совсем не смешотворно.

Значит, надо найти что-то настолько важное, что оно сразу же даст ему хоть чуточку власти над ней. Ну, была не была! Он сказал:

— Сантрикс Гремioniс предлагал вам себя. — И прежде чем Василия успела что-то сказать, он усилил нажим, добавив жестко: — И не один раз.

Василия сжала руки на колене, потом встала и снова села на табурет, словно устраиваясь поудобнее. Она посмотрела на Жискара, который без всякого выражения неподвижно стоял рядом с ней. Затем поглядела на Бейли и сказала:

— Но этот идиот предлагает себя первому встречному любого возраста и пола. Вот если бы он обошел меня своим вниманием, это было бы странно!

Бейли нетерпеливо отмахнулся. (Она не засмеялась, не оборвала разговор. И даже не изобразила гнев. А просто ждала, как он разовьет свое утверждение, из чего следовало, что он действительно что-то нащупал.) Он сказал:

— Это преувеличение, доктор Василия. Даже самый неразборчивый человек не хватает что попало, а Гремioniс выбрал вас и, несмотря на ваш отказ, продолжал предлагать себя вопреки всем обычаям Авроры.

— Я рада, что вы не усомнились в моем отказе. Есть люди, считающие, что из любезности следует принимать любое предложение — или почти любое, но я

подобного мнения не придерживаюсь. Не вижу, с какой стати я должна обрекать себя на совершенно неинтересную трату времени. У вас есть возражения, землянин?

— Я не могу высказать мнения — ни отрицательного, ни положительного — относительно аврорианского обычая. (Она все еще выжидала и слушала его. Чего она ждет? Того, о чем он хочет заговорить, но пока не решается?)

Она сказала с вымученной небрежностью:

— Так вы можете хоть что-нибудь предложить или мы закончили?

— Нет, не закончили, — отрезал Бейли, вынужденный снова рискнуть. — Вы обнаружили в Гремионисе эту не аврорианскую навязчивость, и вам пришлось в голову, что ее можно использовать.

— Да неужели? Какая чушь! Как и для чего я бы ее использовала?

— Его влекло к вам очень сильно, и, значит, не так уж трудно было устроить, чтобы его заинтересовала другая, очень похожая на вас женщина. Вы подтолкнули его, быть может, пообещав все-таки согласиться, если та ему откажет.

— И кто же эта бедняжка, столь на меня похожая?

— А вы не знаете? Ну послушайте, доктор Василия, это уже глупо. Я говорю о солярианке Глэдии, и уже упоминал, что доктор Фастольф взял ее под покровительство именно из-за вашего с ней сходства. Было это в начале нашего разговора, и вы не выразили ни малейшего удивления. Теперь уже поздно притворяться, будто вы слышите о нем в первый раз.

Василия посмотрела на него очень внимательно:

— И вы из его интереса к ней заключили, что прежде он интересовался мной? И явились ко мне с этой дурацкой догадкой?

— Не такой уж дурацкой. Есть и другие весомые факты. Но вы отрицаете?

Она задумчиво водила пальцем по длинному столу рядом с собой. Какие тайны скрывали длинные листы на нем? Бейли различал сложнейшие схемы. Но они ничего ему не сказали бы, как бы долго и подробно он их ни штудировал.

— Мне это надоело, — сказала Василия. — Вы сообщили мне, что Гремioniс сначала интересовался мной, а затем солярианкой, моим двойником. А теперь вы хотите, чтобы я это отрицала. Но для чего мне тратить время на отрицания? Какая в этом важность? Даже будь это правдой, какой мне может быть вред? Вы ведь просто говорите, что мне досаждали предложения, меня не привлекавшие, и я хитроумно от них избавилась. Что дальше?

— Дело не столько в ваших поступках, — сказал Бейли, — сколько в их причине. Вы знали, что в характере Гремioniса проявлять настойчивость в определенных ситуациях. Он опять и опять предлагал себя вам, а следовательно, будет опять и опять предлагать себя Глэдии.

— Если она ему откажет!

— Она солярианка, пережившая сексуальную травму, и отказывала всем, о чем, полагаю, вы знали, поскольку вопреки отчуждению между вами и вашим... и доктором Фастольфом все еще испытываете чувства, которые побудили бы вас наводить справки о вашей замене.

— Ну тем лучше для нее. Если она отказала Гремioniсу, значит, у нее прекрасный вкус.

— Вы заранее знали, что никакого «если» быть не может, что она безусловно ему откажет.

— И все-таки — ну и что?

— Повторные предложения означали, что Гремioniс будет часто бывать у Глэдии, что он будет за нее цепляться.

— В последний раз: ну и что?

— А в доме Глэдии была редкость — Джэндер Пэнелл, один из двух человекоподобных роботов, существовавших в мире.

— К чему вы клоните? — замаявшись, спросила Василия.

— По-моему, вам пришло в голову, что убийство человекоподобного робота при обстоятельствах, бросающих тень на доктора Фастольфа, можно использовать как средство вырвать у него секрет человекоподобного позитронного мозга. Гремioniса, раздраженного постоянными отказами Глэдии, но часто бывающего в доме

Глэдии, можно было подбить на убийство робота, чтобы страшнее ей отомстить.

Василия заморгала:

— Да будь у этого жалкого парикмахеришки двадцать таких причин и двадцать удобных случаев, так что? Он бы толком не сумел приказать роботу пожать ему руку. И за миллион световых лет он не смог бы вызвать умственную заморозку даже у простого робота!

— И вот теперь, — мягко сказал Бейли, — мы добрались до вопроса, который, мне кажется, вы предвидели, раз сдержались и не вышвырнули меня вон. Вам нужно было удостовериться, знаю я или нет. Иными словами: Гремионис проделал это с помощью Института робопсихологии, действовавшего через вас!

Глава 10

СНОВА ВАСИЛИЯ

40

Словно стоп-кадр из гиперволновой постановки: не только оба робота хранили неподвижность, но застыли и Бейли, и доктор Василия Алиена. Прошли долгие секунды — невероятно долгие, прежде чем Василия глубоко вздохнула и очень медленно встала с табурета.

Ее лицо сморщилось в невеселую улыбку, голос был тихим:

— По-вашему, землянин, я сообщница в уничтожении человекоподобного робота?

— Да, доктор, что-то вроде этого мне в голову приходило, — ответил Бейли.

— Благодарю вас за вашу мысль. Разговор окончен, уходите! — Она указала на дверь.

— Боюсь, что я не хочу, — сказал Бейли.

— Ваши желания меня не интересуют, землянин.

— Напрасно. Как вы можете заставить меня уйти против моего желания?

— У меня есть роботы, которые по моему распоряжению выведут вас вежливо, но твердо, причинив боль только вашему чувству собственного достоинства, если оно у вас есть.

— У вас здесь всего один робот, а у меня два, которые этого не допустят.

— На мой зов явятся двадцать.

— Доктор Василия, поймите, пожалуйста! — сказал Бейли. — Увидев Дэниела, вы удивились. Подозре-

ваю, что вы, хотя и работаете в Институте робопсихологии, где тема человекоподобных роботов имеет первостепенное значение, даже вы в первый раз своими глазами увидели такого робота, законченного и функционирующего. Следовательно, ваши роботы его тоже не видели. Поглядите на Дэниела. Он выглядит как человек. Ни один робот, кроме мертвого Джандера, никогда такого сходства с человеком не имел. И ваши роботы, несомненно, воспримут Дэниела как человека. А он сумеет отдать распоряжение таким образом, что они подчинятся ему, а не вам.

— Если понадобится, — ответила Василия, — я могу вызвать сюда двадцать человек из Института, и они выдворят вас, возможно, причинив немножечко физической боли, а ваши роботы, даже Дэниел, не смогут успешно им воспрепятствовать.

— А как вы думаете их вызвать, если мои роботы не позволят вам сделать ни единого движения? У них ведь молниеносные рефлексy.

Василия оскалила зубы отнюдь не в улыбке:

— Про Дэниела я сказать ничего не могу, но Жискара я знаю почти всю мою жизнь. Не думаю, что он хоть как-то помешает мне вызвать помощь, и, полагаю, он не даст вмешаться Дэниелу.

Бейли попытался скрыть дрожь в голосе, когда ступил на еще более тонкий лед, сказав:

— Прежде чем сделать что-либо, не спросить ли вам Жискара, как он поступит, если мы с вами отдадим ему прямо противоположные распоряжения.

— Жискара? — В голосе Василии была непререкаемая уверенность.

Глаза Жискара обратились прямо на Василию, и он произнес странным тоном:

— Крошка Мисс, я обязан защищать мистера Бейли. В первую очередь.

— Неужели? По чьему приказу? Этого землянина? Инопланетянина?

— По приказу доктора Фастольфа, — ответил Жискара.

Глаза Василии сверкнули, и она снова опустилась на табурет, положив руки на колени. Они вздрагивали. Почти не шевеля губами, она сказала:

— Он даже тебя отнял!

— Если этого недостаточно, доктор Василия, — внезапно сказал Дэниел, сам решив заговорить, — то и я поставлю благополучие партнера Элайджа выше вашего.

Василия посмотрела на него со злым любопытством:

— Партнер Элайдж? Ты так его называешь?

— Да, доктор Василия. Мой выбор в пользу землянина, а не в вашу диктуется не только инструкциями доктора Фастольфа, но и тем, что землянин и я ведем это расследование вместе, а также тем... — Дэниел сделал паузу, словно с удивлением прислушиваясь к себе. — Тем, что мы друзья.

— Друзья? — повторила Василия. — Землянин и человекоподобный робот? Что ж, подходящая пара. Оба недочеловеки.

— И тем не менее связанные дружбой, — резко сказал Бейли. — Ради себя не испытывайте силу нашей... — На этот раз паузу сделал он и закончил фразу с каким-то изумлением: — любви.

Василия обернулась к нему:

— Что вы хотите?

— Информации. Меня вызвали на Аврору — в этот Мир Зари — разобраться в происшествии, словно бы необъяснимом, навлекшем на доктора Фастольфа ложное обвинение, а потому грозящем страшными последствиями для вашего мира и моего. Дэниел с Жискаром хорошо понимают ситуацию и знают, что мои усилия разгадать эту тайну важнее всего, и возобладать над этим может только Первый Закон в предельно критической ситуации, если иного выбора она не оставит. Они слышали, что я говорил, и знают, что вы можете быть соучастницей, а потому понимают, что не должны допустить, чтобы наш разговор прервался. Я повторяю: не рискуйте. Ведь ваш отказ отвечать на мои вопросы может понудить их к действиям, неприятным для вас. Я обвинил вас в том, что вы соучастница убийства Дженера Пэнелла. Вы отрицаете это или нет? Ответить вы обязаны.

— Ответу, — сказала Василия с горечью. — Не беспокойтесь! Убийство? Робот выведен из строя, и это — убийство?! Так вот, я категорически отрицаю,

убийство это или еще что-то! Отрицаю полностью. Я не снабжала Гремниониса сведениями по роботпсихологии, с тем чтобы он сумел разделаться с Джендером. У меня просто нет необходимых знаний. И ни у кого в Институте их нет.

— Судить о том, есть ли у вас или у кого-то в Институте знания, требовавшиеся для совершения этого преступления, я не могу. Однако мы можем обсудить побудительные причины. Во-первых, вы можете питать к Гремнионису теплое чувство. Сколько бы раз вы ни отвергали его, каким бы ничтожным он ни казался вам в роли любовника, его настойчивость могла вам льстить настолько, что вы не отказались бы помочь ему, обратиться он к вам с просьбой, свободной от всяких сексуальных посягательств.

— То есть он пришел бы ко мне и сказал: «Василия, милая, я хочу вывести робота из строя. Пожалуйста, объясни мне, как это делается, и я буду тебе ужасно благодарен». А я ответила бы: «Ну, конечно, милый! Я только и мечтала, как бы поучаствовать с тобой в преступлении!» Возмутительная нелепость! Только землянин, понятия не имеющий о нравах Авроры, способен вообразить подобное. Причем только очень глупый землянин.

— Пусть так, но необходимо рассмотреть все возможности. Например, вторая возможность: что, если вас охватила ревность, когда Гремнионис нашел для своей привязанности другой предмет, и вы помогли ему не из благодарной нежности, а из желания вернуть его?

— Ревность? Это чисто земная эмоция. Если мне Гремнионис не нужен, так какое мне дело, что он предложил себя другой женщине и не получил отказа или, если уж на то пошло, другая женщина предложила ему себя и не получила отказа?

— Мне уже говорили, что сексуальной ревности на Авроре не существует, и я готов теоретически счесть это правдой, но такие теории редко подтверждаются практикой. Обязательно должны быть исключения. Ведь ревность по сути эмоция иррациональная и простой логикой с ней не совладать. Но пока оставим это. Третья возможность: что, если вы ревновали к Глэдии

и хотели причинить ей вред, хотя сами были к Гремioni-нису абсолютно равнодушны?

— Ревновала к Глэдии? Да я же ее ни разу не видела, если не считать гиперволновой передачи, когда она прибыла на Аврору. То, что в редких случаях люди упоминали о ее сходстве со мной, меня абсолютно не трогало.

— Но, может быть, вас трогает, что доктор Фас-тольф ее опекает, относится к ней как к дочери — как когда-то к вам? Она заняла ваше место.

— И на здоровье. Мне все равно.

— Даже если бы они были любовниками?

Василия уставилась на Бейли с возрастающим бес-шенством. На лбу у нее под волосами выступили бисе-ринки пота.

— Обсуждать это нет необходимости, — сказала она. — Вы спросили, отрицаю ли я, будто была соуча-стницей того, что вы называете убийством, и я ответила, что отрицаю. Я сказала, что у меня нет необходимых знаний. Не было у меня и причины. Можете предста-вить свои заключения хоть всей Авроре. Изложите свои дурацкие попытки отыскать для меня побудитель-ную причину. Твердите, если вам так хочется, что я обладаю возможностью устроить это. Вы ничего не добьетесь, ровным счетом ничего.

Она дрожала от ярости, но в ее голосе Бейли уловил искренность.

Этого обвинения она не боялась. Но она согласилась принять его — значит, он действительно нащупал что-то, чего она боится — и, кажется, отчаянно боится. Но не этого.

Так где он сбился с правильного пути?

41

Бейли сказал (напряженно ища выход):

— Предположим, я соглашусь с вашими утвержде-ниями, доктор Василия. Предположим, я признаю, что ошибся, подозревая вас как соучастницу робийства. Это все равно не означает, что вы не способны мне помочь.

— А с какой стати я должна вам помогать?

— Просто из порядочности, — ответил Бейли. — Доктор Хэн Фастольф уверяет, что он этого не делал, что он не истребитель роботов, что не выводил из строя конкретного робота — Джендера. Предположительно вы знаете доктора Фастольфа лучше, чем кто-либо еще. Многие годы вы провели в тесном общении с ним, как любимый ребенок и подрастающая дочь. Вы видели его в такие моменты и в таких условиях, в каких никто другой его не видел. Как бы вы ни относились к нему теперь, прошлого это изменить не может. И зная его так близко, вы могли бы засвидетельствовать, что его характер не позволил бы ему причинить вред роботу вообще, и уж тем более роботу, который знаменовал величайшее его достижение. Готовы ли вы открыто выступить с таким свидетельством? Перед всеми мирами? Это было бы большой помощью.

Лицо Василии стало каменным.

— Поймите раз и навсегда, — отчеканила она, — я не желаю, чтобы меня в это втягивали.

— Но вы должны!

— Почему?

— Неужели вы ничем не обязаны своему отцу? Он же ваш отец. Значит это слово для вас что-то или нет, между вами существует биологическая связь. К тому же — отец или не отец — он заботился о вас, растил, воспитывал много лет. И вы перед ним в долгу.

Василия вся дрожала. Дрожь была зримой, у нее стучали зубы. Она попыталась заговорить, не смогла, судорожно вздохнула раз-второй, потом попыталась снова.

— Жискар, — сказала она, — ты слышал все, что тут говорилось?

Жискар наклонил голову:

— Да, Крошка Мисс.

— А ты, человекоподобный... Дэниел?

— Да, доктор Василия.

— Ты тоже все слышал?

— Да, доктор Василия.

— Вы оба понимаете, что этот землянин требует, чтобы я свидетельствовала о характере доктора Фастольфа?

Оба робота кивнули.

— Ну хорошо, я буду говорить — против своей воли и в гневе. Я не выступила с таким свидетельством только потому, что была чем-то обязана этому моему... отцу, как носителю моих генов и в какой-то мере моему воспитателю. А теперь выступаю. Слушайте меня, землянин. Доктор Хэн Фастольф, часть генов которого стала и моей, не заботился обо мне, именно обо мне как о конкретной человеческой личности. Я была для него экспериментальным материалом, объектом наблюдений.

Бейли мотнул головой:

— Я спрашивал не об этом.

Она гневно отрезала:

— Вы потребовали, чтобы я говорила, и я буду говорить. Это послужит вам ответом! Доктора Хэна Фастольфа интересует только одна вещь. Только одна. Одна-единственная. Функционирование человеческого мозга. Он хочет свести его до уравнений, до рабочей схемы, к решенной шараде и таким способом основать математическую науку о человеческом поведении, которая позволит ему предсказывать будущее человечества. Он называет ее «психоисторией». **Никогда** не поверю, что вы разговаривали с ним хотя бы **час** и он о ней не упомянул. Это мономания, **которой он подчиняет** все.

Василия вгляделась в лицо Бейли и злорадно вскрикнула:

— Ну вот! Он с вами о ней говорил! И, значит, сказал вам, что роботы интересуют его постольку, поскольку через них он может подобраться к человеческому мозгу. В человекоподобных роботах он заинтересован постольку, поскольку через них он может подобраться к человеческому мозгу еще ближе... А, так он вам и это говорил! Теория, позволившая создать человекоподобных роботов, родилась, я уверена, из его попыток постигнуть человеческий мозг, и он утаивает ее, ни с кем ею не делится, потому что намерен единолично разгадать тайну человеческого мозга за оставшиеся ему два столетия. Все остальное — только подручные средства. И я в том числе.

Бейли, пытаясь утишить этот взрыв ярости, спросил негромко:

— Вы? Но каким образом, доктор Василия?

— После моего рождения меня, как любого другого младенца, следовало поручить профессионалам, а не оставлять под опекой дилетанта, пусть отца, пусть ученого. Нельзя было допускать, чтобы доктор Хэн Фастольф подверг ребенка воздействию такой среды. И этого не допустили бы, не будь он Хэном Фастольфом. Он пустил в ход весь свой престиж, обратился ко всем, кто был чем-либо ему обязан, сумел убедить всех, от кого это зависело, и добился опеки надо мной.

— Он любил вас, — пробормотал Бейли.

— Любил — меня? Ему сгодился бы любой младенец, да только других ему было взять неоткуда. Ему требовалось, чтобы рядом с ним рос ребенок — развивающийся мозг. Он хотел тщательно изучить пути его развития, систему роста. Для этой цели он поместил меня в аномальную среду и подверг тонкому экспериментированию, совершенно не считаясь с моей человеческой личностью.

— Не могу поверить. Даже если вы интересовали его как предмет изучения, это не мешало ему любить вас саму.

— Нет! Вы рассуждаете как землянин. Возможно, на Земле как-то считаются с биологическими связями. Но не здесь. Я была для него экспериментальным объектом. И точка.

— Даже будь так вначале, доктор Фастольф не мог вас не полюбить, беспомощное существо, вверенное его заботам. Даже не будь биологической связи, даже будь вы, к примеру, зверьком, он научился бы любить вас.

— Ах, научился бы? — повторила она с горечью. — Вы понятия не имеете, как сильно равнодушие у таких людей, как доктор Фастольф. Если бы для расширения его познаний понадобилась моя смерть, он не колебался бы ни секунды.

— Доктор Василия, это чужь. Он был с вами таким добрым и заботливым, что пробудил в вас ответную любовь. Я знаю... Вы... вы предлагали ему себя.

— Он вам и это сообщил? Ну конечно! Ни на секунду даже сейчас он не задумался, а будет ли мне приятна такая откровенность. Да, я предлагала ему себя. А что? Он был единственным человеком, которого я

знала близко. Внешне он был со мной очень нежен, а его истинных целей я тогда не понимала. Естественно, я искала его. К тому же он позаботился, чтобы меня познакомили с сексуальной стимуляцией в контролируемых условиях. А контроль определял он. Я неизбежно должна была рано или поздно обратиться к нему. Непременно — ведь никого другого не было. А он мне отказал!

— И вы возненавидели его за это?

— Нет! Не сразу. Прошли годы. Хотя мое сексуальное развитие было заторможено и изуродовано и от последствий я не избавилась по сей день, я его не винила. Я же знала так мало! И находила для него оправдания: он очень занят, у него есть другие, ему **требуются** женщина более зрелая... Вы поразились бы, с каким хитроумием я изобретала причины для его отказа. Только через несколько лет я осознала какую-то странность и сумела добиться объяснения лицом к лицу. «Почему ты отказал мне? — спросила я. — Согласись ты, это могло бы направить меня по верному пути, решить все проблемы».

Она глотнула, умолкла и на секунду закрыла лицо ладонью. Бейли ждал, парализованный смущением. Лица роботов не выражали ничего. (Да Бейли и не знал, способны ли они ощущать какой-либо дисбаланс в позитронных связях, который был бы аналогом человеческого смущения.)

Василия продолжала, несколько успокоившись:

— Он уклонялся от ответа как мог дольше, но я снова и снова спрашивала: «Почему ты отказал мне?» Сексом он занимался. Мне было известно несколько случаев... Помню, я вдруг подумала, что, может быть, он предпочитает мужчин. Если о детях нет речи, личные предпочтения никого не касаются, а некоторым мужчинам женщины неприятны. Или наоборот. Однако с мужчиной, которого вы называете моим отцом, дело обстояло не так. Он наслаждался женщинами... иногда молодыми — такими же молодыми, какой была я, когда предложила ему себя. «Почему ты отказал мне?» В **конце концов** он ответил. Догадайтесь что?

Она замолчала и насмешливо ждала, чтобы он что-нибудь сказал.

Бейли поежился и промямлил:

— Он не хотел заниматься любовью с собственной дочерью?

— Не говорите чуши! При чем здесь это? Учитывая, что на Авроре редкий мужчина знает своих дочерей, то каждая его любовница на несколько десятилетий моложе его может... Но неважно. Это понятно само собой. А ответил он... Как хорошо я помню каждое слово! Ответил он: «Дура! Если я свяжу себя с тобой таким образом, я же не сумею сохранить объективность и не смогу изучать тебя!» В то время я уже знала о его интересе к человеческому мозгу. Я даже последовала его примеру и сама стала робопсихологом. Я работала с Жискаром и экспериментировала с его программированием. И получалось у меня отлично, правда, Жискарь?

— Правда, Крошка Мисс, — ответил Жискарь.

— И я увидела, что человек, которого вы называете моим отцом, не смотрит на меня как на личность. Он был готов исковеркать меня до конца моей жизни, лишь бы не рискнуть своей объективностью! Его наблюдения значили для него больше моей нормальности! В ту минуту я поняла, что такое я и что такое он — и порвала с ним.

Наступила гнетущая тишина.

У Бейли стучало в висках. Ему хотелось спросить — но не могли бы вы учесть эгоцентризм великого ученого? Всю важность проблемы? Не могли бы вы быть снисходительной к словам, вероятно, сказанным в раздражении человеком, которого принудили обсуждать то, чего он обсуждать не хотел? И разве ярость Василии сейчас не то же самое чувство? Разве ее зацикленность на собственной «нормальности» (что бы она ни подразумевала под этим), нежелание считаться, быть может, с важнейшими двумя проблемами, стоящими перед человечеством, — природой человеческого мозга и освоением Галактики, — не представляет собой тот же эгоцентризм, но гораздо менее оправданный?

Но спросить об этом вслух он не мог. Не знал, как заставить ее понять, да и понял ли бы он сам, если бы она ответила?

Что он делает на этой планете? Понять их нравы и обычаи ему не удавалось, сколько бы их ему ни растол-

ковывали. А они не могли понять его моральных ценностей.

— Извините, доктор Василия, — сказал он тоскливо. — Я понимаю, что вы сердитесь, но если на минуту вы забудете про свой гнев и вместо этого подумаете о докторе Фастольфе и убитом роботе, то убедитесь, что речь идет о совершенно разных вещах. Даже если доктор Фастольф и хотел наблюдать за вами как за объектом исследований, пусть и ценой вашего счастья, отсюда и на миллион световых лет не следует, что у него могло возникнуть желание уничтожить человекоподобного робота, свое последнее достижение.

Василия побагровела и закричала:

— Разве нельзя понять, землянин, о чем я говорю? Разве я стала бы рассказывать о том, о чем рассказала, только потому, что решила бы, будто вам — да и кому угодно еще — будет интересна грустная история моей жизни? По-вашему, мне приятно выворачиваться наизнанку? Я рассказала это для того лишь, чтобы доказать вам, что доктор Хэн Фастольф, мой биологический отец, как вы не устаете мне напоминать, действительно уничтожил Джендера. Конечно, это был он. До сих пор я молчала, потому что до вас ни у кого не хватило идиотизма спросить меня — и еще из-за сохранившегося у меня нежелания вредить этому человеку. Но теперь, когда вы спросили, я заявляю, что это он, клянусь Авророй. И буду повторять это везде и перед всеми. Официально, если понадобится. Доктор Хэн Фастольф уничтожил Джендера Пэнелла. Я абсолютно уверена. Теперь вы довольны?

42

Бейли в ужасе уставился на женщину, потерявшую контроль над собой. Он пробормотал что-то бессвязное и повторил:

— Я ничего не понимаю, доктор Василия. Пожалуйста, успокойтесь и подумайте. Для чего доктору Фастольфу было уничтожать Джендера? Какое это имеет отношение к его поступкам с вами? По-вашему, он хотел таким способом посчитаться с вами?

Василия дышала часто и тяжело (Бейли почти неосознанно отметил про себя, что ее грудь как будто больше груди Глэдии, хотя обе одинаково худощавы). Казалось, она зажимает свой голос, чтобы он не вырвался из-под контроля.

— Я же сказала вам, землянин, что Хэн Фастольф вел наблюдения за человеческим мозгом. Он без колебаний подвергал его всяческим стрессам, чтобы оценивать результаты. И предпочитал особый мозг — например, младенца, чтобы наблюдать его в развитии. Любой мозг, лишь бы не заурядный.

— Но какое это...

— Спросите себя, почему его заинтересовала инопланетянка?

— Глэдия? Я прямо спросил его, и он объяснил. Она напоминает ему вас, и сходство действительно большое.

— А когда вы сказали это в начале нашего разговора, мне стало смешно, и я спросила, поверили вы ему или нет. И спрошу снова: вы ему поверили?

— С какой стати я усомнился бы в его словах?

— Потому что это неправда. Сходство, возможно, привлекло его внимание к ней, но истинная подоплека его интереса к этой инопланетянке в том, что она — инопланетянка. Она выросла на Солярии, где общественная мораль и этика не похожи на аврорианские. Следовательно, ему представлялся случай изучить мозг, сформированный в иных условиях, чем наш, и установить интересные соотношения. Неужели вам это непонятно? И если на то пошло, почему его заинтересовали вы, землянин? Неужели он так глуп и верит, будто вы способны найти решение аврорианской проблемы, ничего не зная об Авроре?

Внезапно опять вмешался Дэниел, и Бейли даже вздрогнул.

— Доктор Василия, — сказал Дэниел, — партнер Элайдж нашел решение проблемы на Солярии, хотя ничего про Солярию не знал.

— Да, — кисло согласилась Василия, — как оповестила все миры гиперволновая программа. Бывает, что молния ударяет в дом, но не думаю, будто Хэн Фастольф верит, что молния может тут же ударить в него вторично. Нет, землянин, вы с самого начала привлекли

его тем, что вы — землянин. Еще один инопланетянский мозг для изучения и манипуляций.

— Но, доктор Василия, вы же не можете серьезно верить, что он способен в критических обстоятельствах, жизненно важных для Авроры, вызвать сюда совершенно никчемного человека, только чтобы изучать его мозг!

— Еще как способен! Разве не в этом суть всего, о чем я вам рассказала? Никакой угрожающий Авроре кризис в его глазах не сравнится по важности с решением загадки мозга. Могу точно сказать, что он ответит, если вы зададите ему такой вопрос. Аврора может возвыситься или пасть, процветать или хиреть, но все это вздор в сравнении с проблемой мозга, ибо если люди по-настоящему поймут мозг, то все утраченное за тысячелетия бездумности или неверных решений будет исправлено за десятилетие искусного руководства человеческим развитием, вдохновляемого его мечтой о «психоистории». Он пустит в ход этот аргумент для оправдания чего угодно — лжи, жестокости, ну чего угодно, и просто заявит, что все это служило задаче постижения мозга.

— Не представляю, чтобы доктор Фастольф был способен на жестокость. Он же добрейший человек!

— Неужели? Сколько времени вы провели с ним?

— Несколько часов на Земле три года назад. И день сейчас здесь на Авроре.

— Целый день! Целый-прецелый день. Я тридцать лет была с ним постоянно и с тех пор внимательно следила за его карьерой на расстоянии. А вы, землянин, провели с ним целый день? Ну, так за этот день он никак не унизил вас, не напугал?

Бейли промолчал. Он вспомнил руку с комбисудком, которую перехватил Дэниел, о Личной, так его измучившей иллюзиями, о продолжительной прогулке во Вне, задуманной как проверка его способности привыкать к открытым пространствам.

— Ага! — сказала Василия. — Ваше лицо, землянин, не такая непроницаемая маска, как вы, наверное, думаете. Он угрожал вам психическим зондированием?

— Про него упоминалось, — ответил Бейли.

— Всего один день — и уже упоминалось! Полагаю, вам стало не по себе?

— Да.

— А причины о нем упоминать не было?

— Нет, причина была, — поспешно возразил Бейли. — Я сказал, что у меня промелькнула мысль, которую я тут же забыл. И вполне логично было указать, что психическое зондирование могло бы помочь мне вспомнить эту мысль.

— Ну, это не причина! — сказала Василия. — Психическое зондирование недостаточно избирательно для подобного, а вот шансы на необратимые повреждения мозга не так уж малы.

— Но не когда зондирование производит специалист. Доктор Фастольф, например.

— Он?! Да он не отличит один конец зонда от другого. Он теоретик, а не практик.

— Ну пусть не он, но специалист. Собственно, доктор Фастольф не говорил, что проведет зондирование сам.

— Нет, землянин, таких специалистов не существует. Ну подумайте, подумайте же! Если бы кто-то мог проводить психическое зондирование людей со сто-процентной гарантией и если Хэн Фастольф так уж озабочен проблемой дезактивации робота, почему он не подвергнул, чтобы его подвергли зондированию?

— Его?

— Да неужели вам самому это в голову не пришло? Любой мало-мальски мыслящий человек пришел бы к выводу, что Фастольф виновен. Единственное свидетельство в его пользу — это его собственные заявления о своей невиновности. Ну так почему же он не предлагает доказать эту невиновность с помощью психического зондирования, которое показало бы, что недра его мозга никаких признаков виновности не содержат? Он предлагал подобное, землянин?

— Нет. Во всяком случае, в разговоре со мной.

— Потому что он знает, что это смертельно опасно. А вам без колебаний предложил — просто понаблюдать, как ваш мозг работает в стрессовой ситуации, как вы реагируете на страх. Или он решил, что психическое зондирование, как бы оно ни было опасно для вас,

может снабдить его интересными данными о частностях вашего мозга земной модели. Так скажите, жестоко это?

Бейли отмахнулся от ее вопроса резким движением правой руки:

— Но какое отношение это имеет к тому, чем мы занимаемся? К робийству?

— Солярианка Глэдия привлекла внимание моего отца. У нее интересный мозг — то есть для его целей. Поэтому он одолжил ей робота, Джендера, желая посмотреть, что произойдет, если женщина, выросшая не на Авроре, будет проводить время с роботом, во всех отношениях сходным с человеком. Он знал, что женщина с Авроры скорее всего незамедлительно использует робота в сексуальных целях с полным спокойствием. Признаюсь, мне бы это было непросто, потому что я росла в ненормальной обстановке, но к обыкновенной аврорианке это не относится. Для солярианки же это было бы чрезвычайно трудно, поскольку она выросла в крайне роботизированном мире и у нее выработались стойкие стереотипы по отношению к роботам. Различие это могло дать много материала моему отцу, который пытается вывести из этих вариаций свою теорию функционирования мозга. Хэн Фастольф выждал полгода, чтобы солярианка достигла точки, когда могла попробовать экспериментально...

— Ваш отец, — перебил Бейли, — ничего не знал об отношениях Глэдии и Джендера.

— Кто вам это сказал, землянин? Мой отец? Глэдия? Если он, то, естественно, это обычная ложь. А если она, то, вероятно, ей об этом не было ничего известно. Не сомневайтесь, Фастольф знал, что происходит: иначе и быть не могло, поскольку он изучал, как условия жизни на Солярии воздействуют на человеческий мозг. А потом он подумал — я в этом уверена так, словно читала его мысли... Он подумал: что произойдет, если эта женщина, только-только начавшая опираться на Джендера, внезапно без всяких причин его потеряет? Как поступила бы аврорианка, он знал: испытала бы некоторое разочарование, а потом начала бы искать замену. Но как поступит солярианка? И вот он выводит Джендера из строя...

— Уничтожает ценнейшего робота, только чтобы удовлетворить пошлое любопытство?

— Чудовищно, правда? Но именно это и сделал бы Хэн Фастольф. Так что, землянин, отправляйтесь к нему и скажите, что его маленькая игра окончена. Если планета в целом не считает его виновным, после того как я выскажу все, что считаю нужным, общественное мнение изменится кардинально.

43

Бейли какое-то время сидел в полном ошеломлении, а Василия глядела на него с мрачным торжеством. Лицо ее было беспощадным и совсем не походило на лицо Глэдии.

Больше он уже ничего не мог...

Бейли встал, ощущая себя очень старым — гораздо старше своих сорока пяти лет (детский возраст для аврорианцев!). До сих пор все его попытки завершались ничем. Нет, хуже того: после каждого предпринятого им шага веревка на горле доктора Фастольфа затягивалась еще туже.

Он взглянул вверх на прозрачный потолок. Солнце стояло высоко, но, по-видимому, миновало зенит, так как выглядело совсем тусклым. Его то и дело заволакивали полосы облаков.

Василия, очевидно, посмотрела на потолок следом за ним. Ее рука пробежала по краю длинного стола, возле которого она сидела. Потолок стал матовым, и тут же комнату залил яркий свет, тоже оранжеватый, как само солнце.

— Полагаю, разговор окончен. Больше у меня нет причин видаться с вами, землянин. Или у вас со мной. Пожалуй, вам лучше покинуть Аврору. Вы уже причинили, — она сухо улыбнулась и договорила почти с яростью, — моему отцу порядочно вреда, хотя и меньше, чем он заслуживает.

Бейли шагнул к двери, и оба его робота оказались рядом с ним. Жискар произнес вполголоса:

— Сэр, вам нехорошо?

Бейли пожал плечами. Что он мог ответить?

— Жискар! — сказала им вслед Василия. — Когда доктор Фастольф перестанет в тебе нуждаться, ты перейдешь ко мне?

— Да, с разрешения доктора Фастольфа, Крошка Мисс, — ответил Жискар, невозмутимо глядя на нее.

Ее улыбка обрела теплоту.

— Пожалуйста, Жискар! Мне все время тебя не хватает.

— Я часто о вас думаю, Крошка Мисс.

Бейли посмотрел на дверь.

— Доктор Василия, нет ли у вас Личной, которой я мог бы воспользоваться?

Василия вытаращила глаза:

— Конечно, нет, землянин. В Институте есть коммунальные Личные. Ваши роботы, несомненно, найдут дорогу.

Он уставился на нее и покачал головой. Естественно, она не желала, чтобы какой-то землянин внес инфекцию в ее комнаты, и все равно он озлился. И сказал, просто чтобы дать выход гневу:

— Доктор Василия, на вашем месте я бы не стал заявлять о виновности доктора Фастольфа.

— А что мне помешает?

— Опасность разоблачения вашей связи с Гремнионисом. Опасность для вас.

— Не будьте смешны! Вы же признали, что никакого сговора между мной и Гремнионисом не было.

— Вовсе нет. Я признал, что есть основания полагать, что прямого сговора уничтожить Джендера между вами и Гремнионисом все-таки не было. Но остается возможность косвенного подстрекательства.

— Вы сумасшедший! Что это еще за косвенное подстрекательство?

— Я предпочту не обсуждать этого в присутствии роботов доктора Фастольфа. Разве что вы будете настаивать. Но для чего? Вы и так прекрасно понимаете, о чем идет речь. — У Бейли, собственно, не было никакой надежды, что она попадется на этот крючок. А вот еще сильнее ухудшить ситуацию это могло.

Но нет! Василия нахмурилась и словно бы вся съежилась.

«Ага! Значит, косвенное подстрекательство, чем бы оно ни было, все-таки имело место! — подумал Бейли. — И это притормозит ее, пока она не сообразит, что я блефовал».

А вслух он сказал, немного приободрившись:

— Повторяю: ничего не говорите про доктора Фастольфа.

Естественно, он не знал, сколько времени выиграл. Возможно, очень мало.

Глава 11

ГРЕМИОНИС

44

Они снова сидели в машине — все трое спереди, Бейли снова в середине, чувствуя легкое давление с обоих боков. Он был благодарен им за неизменную заботливость, пусть они и были всего лишь машинами, неспособными отступить от полученных инструкций.

А потом подумал: «Почему нужно отделяться от них этим словом — “машины”? Они хорошие машины во Вселенной людей, которые порой бывают злыми. Какое же у меня право ставить противопоставление машины — люди выше противопоставления добро — зло? И уж Дэниела я не могу считать просто машиной!»

— Я должен снова спросить вас, сэр, — сказал Жискар. — Вам нехорошо?

Бейли мотнул головой:

— Я чувствую себя хорошо, Жискар, и рад находиться здесь с вами обоими.

Небо почти везде было белым, а точнее — сероватым. Дул легкий ветер, и было очень прохладно, как успел заметить Бейли, пока они шли к машине.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Я внимательно слушал ваш разговор с доктором Василией. Мне не хотелось бы осуждать то, что говорила доктор Василия, но я обязан сказать вам, что, по моим наблюдениям, доктор Фастольф очень обязательный и добрый человек. Насколько известно мне, он никогда не бывал намеренно жесток и никогда, насколько я могу судить,

не приносил благополучие другого человека в жертву своему любопытству.

Бейли посмотрел на лицо Дэниела: каким-то образом оно убеждало в его глубокой искренности, и спросил:

— А ты мог бы сказать что-нибудь в ущерб доктору Фастольфу, будь он действительно жестоким и безжалостным?

— Я мог бы промолчать.

— Но промолчал бы?

— Если бы, солгав, я причинил вред правдивой мисс Василии, бросив тень на ее правдивость, и если, промолчав, я причинил бы вред доктору Фастольфу, придав вес правдивым обвинениям против него, и если бы, на мой взгляд, оба эти вреда были примерно равны по силе, тогда я должен был бы промолчать. Вред через действие, как правило, превалирует над вредом от пассивности. Если, конечно, все остальные условия примерно равны.

— В таком случае, — сказал Бейли, — хотя Первый Закон утверждает: «Робот не может причинить вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред», два слагаемых закона не равны? Ты говоришь, что вред от действия больше вреда от бездействия?

— Слова Закона лишь примерно соответствуют постоянным колебаниям позитронно-мотивационной силы в связях мозга робота. Партнер Элайдж, моих знаний недостаточно, чтобы выразить это математически, но мой побуждения мне известны.

— И они всегда подталкивают тебя предпочесть неделание деланью, если вред от того и от другого примерно одинаков?

— В целом — да. И всегда предпочитать правду неправде, если вред от них одинаков. То есть в целом.

— В данном случае, раз ты опровергаешь доктора Василию и тем причиняешь ей вред, сделать это ты можешь только потому, что, говоря правду, смягчаешь действие Первого Закона?

— Именно так, партнер Элайдж.

— Тем не менее ты бы сказал то же самое, и будь это ложью, если бы доктор Фастольф с достаточной силой проинструктировал тебя солгать таким образом в

случае необходимости, не сообщая, что ты получил эти инструкции.

После паузы Дэниел ответил:

— Именно так, партнер Элайдж.

— Запутанный клубок, Дэниел. Но ты по-прежнему веришь, что доктор Фастольф не убивал Джэндера Пэнелла?

— Мой опыт общения с ним, партнер Элайдж, убеждает меня, что он правдив и что он не причинил бы вреда другу Джендеру.

— Однако доктор Фастольф сам изложил вескую причину, по которой он мог так поступить, а доктор Василия назвала другую, не менее вескую и даже более непростительную, чем первая. — Бейли немного подумал. — Если любая из них станет достоянием гласности, в виновность доктора Фастольфа поверят все.

Внезапно Бейли обернулся к Жискару:

— А ты, Жискар? Ты знаешь доктора Фастольфа дольше, чем Дэниел. Ты согласен, что доктор Фастольф не мог сделать этого, не мог уничтожить Джэндера, так как это не соответствует его характеру, насколько он тебе известен?

— Да, сэр.

Бейли неуверенно посмотрел на лицо робота. Более примитивен по сравнению с Дэниелом. Насколько можно доверять ему как второму свидетелю? Не будет ли он следовать Дэниелу, какое бы направление тот ни избрал?

— Ты ведь знал доктора Василию, верно? — спросил Бейли затем.

— Я знал ее очень хорошо, — ответил Жискар.

— И она тебе нравилась, насколько я понимаю?

— Много лет я присматривал за ней, и эта обязанность не доставляла мне никаких трудностей.

— Хотя она тебя перепрограммировала?

— Она была очень умелой.

— Стала бы она лгать о своем отце, то есть о докторе Фастольфе?

Жискар колебался.

— Нет, сэр.

— Значит, по-твоему, она говорит о нем правду?

— Не совсем, сэр. Я думаю, что она сама верит в то, что говорит правду.

— Но почему она верит, что страшные вещи, которые она о нем говорит, — правда, если на самом деле он такой, каким его сейчас мне описал Дэниел?

Жискар сказал медленно:

— Ее ожесточили некоторые события в ее юности — события, ответственным за которые она считает доктора Фастольфа, и в какой-то мере он действительно оказался невольной их причиной. Мне кажется, он не предполагал, что указанные события приведут к тем последствиям, к которым они привели. Но люди не управляются четкими законами, как роботы. А потому почти в любых условиях трудно разобраться в сложном сплетении причин, побуждающих их к тем или иным действиям.

— Что верно, то верно, — пробормотал Бейли.

— Вы считаете, что нет никакой надежды найти доказательства невиновности доктора Фастольфа? — спросил Жискар.

Брови Бейли сошлись на переносице.

— Не исключено. Я не вижу выхода, а если доктор Василия выполнит свою угрозу...

— Но вы приказали ей молчать. Вы объяснили, что иначе она подвергнет себя опасности.

Бейли качнул головой:

— Это был блеф. Я просто не знал, что мне сказать.

— Так, значит, вы решили прекратить расследование?

— Нет! — почти крикнул Бейли. — Касайся это только Фастольфа, возможно, я и махнул бы рукой. В конце концов, что ему, в сущности, угрожает? Робийство, видимо, даже не считается уголовным преступлением, а только нарушением гражданского кодекса. В худшем случае он лишится политического влияния и, может быть, будет вынужден на время прервать свои научные исследования. Мне бы не хотелось, чтобы это произошло, но если я больше сделать ничего не могу, то, значит, не могу. И касайся это только меня, я тоже, пожалуй, сдался бы. Неудача повредила бы моей репутации, но кирпичный дом без кирпичей не построишь. Я вернулся бы на Землю слегка запачканным. Был бы

вынужден вести убогую жизнь без привилегий, но это угрожает каждому землянину и землянке. Людям и получше меня приходилось терпеть такую же несправедливость. Но речь идет о Земле. Если я потерплю неудачу, то не только доктору Фастольфу и мне придется лишиться многого — это положит конец всякой надежде землян открыть для себя Галактику. Вот почему потерпеть неудачу я не имею права и должен так или иначе продолжать расследование до тех пор, пока меня не вышвырнут с этой планеты.

Договорив последнюю тираду почти беззвучным шепотом, Бейли внезапно поднял голову и проворчал:

— Почему мы торчим тут, Жискар? Или ты включил мотор для собственного развлечения?

— Со всем уважением, сэр, — ответил Жискар, — вы не дали указаний, куда вас везти.

— Действительно! Извини, Жискар. Сперва отвези меня к ближайшей из коммунальных Личных, о которых упомянула доктор Василия. Для вас обоих такой проблемы не существует, а у меня есть мочевого пузырь, и он требует, чтобы его опорожнили. Затем тоже поблизости в какое-нибудь место, где можно поесть, а то у меня живот подвело от голода. А затем, затем...

— А затем, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

— Сказать правду, я не знаю, Дэниел. Однако, разделавшись с этими чисто физическими нуждами, я что-нибудь придумаю.

Бейли так хотелось самому поверить в это!

45

Машина недолго скользила над землей. Вскоре она замерла, слегка покачиваясь, и Бейли ощутил привычный комок в горле. Это чуть заметное балансирование напомнило ему, что он находится внутри машины, и рассеяло временное ощущение безопасности, возникшее благодаря стенкам и роботам по бокам. За стеклом впереди, по сторонам (и сзади, если вывернуть шею) белело небо и зеленела листва — слагаемые Вне, иными словами, пустоты. Он судорожно сглотнул.

Остановились они перед небольшим строением.

— Это коммунальная Личная? — спросил Бейли.

— Ближайшая, партнер Элайдж, из расположенных на территории Института, — ответил Дэниел.

— Вы быстро ее отыскали. Или эти заведения помещены на плане, запечатленном в вашей памяти?

— Именно так, партнер Элайдж.

— В ней кто-нибудь есть?

— Возможно, партнер Элайдж, но трое-четверо могут пользоваться ею одновременно.

— Для меня место найдется?

— По всей вероятности, партнер Элайдж.

— Ну так выпустите меня. Я пойду посмотрю...

Роботы не шелохнулись. Жискар сказал:

— Сэр, мы не можем войти туда с вами.

— Я знаю, Жискар.

— Мы не сможем охранять вас должным образом.

Бейли нахмурился. Более примитивный робот, естественно, обладает менее гибким сознанием. Значит, внезапно осознал он, ему грозит опасность, что они не отпустят его от себя и, следовательно, не дадут войти в Личную. Он придал голосу нетерпеливую настойчивость и обратился к Дэниелу, которому человеческие потребности, вероятно, были понятнее:

— Ничего не могу поделать, Жискар. Дэниел, у меня нет выбора. Выпустите меня из машины.

Жискар глядел на Бейли, но не сделал ни единого движения, и Бейли в ужасе ждал, что робот предложит ему облегчиться на соседней лужайке, точно он — дикое животное.

Но секунду спустя Дэниел сказал:

— Думаю, в этом случае мы должны не мешать партнеру Элайджу поступить по-своему.

Тогда Жискар сказал Бейли:

— Если вы можете немного подождать, сэр, я подойду к зданию первым.

Бейли сморщился и тоскливо смотрел, как Жискар медленно направился к строению, а затем не спеша обошел вокруг него. Бейли мог бы заранее предсказать, что стоит Жискару отойти, как ему станет совсем невтерпеж.

Он пытался отвлечься, оглядывая окрестности. Внимательнее всмотревшись, он обнаружил, что белое небо кое-где прочерчивают тонкие линии проводов. Впрочем,

заметил он их не сразу, а сперва увидел овальный предмет, скользящий под облаками. Какая-то машина... Но она не летит свободно, а подвешена к горизонтальной проволоке. Он проследил проволоку глазами сначала вперед, потом назад. Увидел другие проволоки, а затем еще одну машину — подальше. И еще одну — совсем далеко. Эта выглядела неясным пятнышком, и Бейли сообразил, что оно означает, только по аналогии с двумя поближе.

Значит, для передвижения по территории Института используется канатная дорога.

Как тут все разбросано, подумалось Бейли. Как расточительно Институт съедает свободное пространство! Однако при этом он почти не съедал поверхности. Строения отстояли друг от друга так далеко, что растительность выглядела нетронутой, и, решил Бейли, деревья, травы и животные живут себе, как в пустоте.

Солярия, припомнилось ему, была пустой. Без сомнения, все космомиры были пустыми, раз Аврора, самая населенная из них, выглядела совсем пустой даже здесь, в самом застроенном регионе. А впрочем, и Земля, если не считать Городов, тоже пуста. Но Города-то на ней есть! Бейли вдруг овладела тоска по дому, и он не сразу сумел ее подавить.

— А! Друг Жискар кончил осмотр, — сказал Дэниел.

Жискар уже подходил к ним, и Бейли начал ядовито:

— Ну? Ты будешь столь добр, что разрешишь мне... — Он осекся. К чему тратить сарказмы на бесчувственных роботов?

— Представляется достаточно точным, что Личная свободна.

— Отлично! Так стойди с дороги! — Бейли распахнул дверцу машины и сошел на песок узкой дорожки, потом быстро зашагал к цели в сопровождении Дэниела.

У двери строения Дэниел безмолвно указал, какую панель надо нажать, чтобы войти. Сам он не осмелился до нее дотронуться. По-видимому, прикоснуться без прямого приказа означало бы намеренно войти, а даже намерение не допускалось.

Бейли нажал панель и вошел, оставив роботов за дверью. Только когда она закрылась, он сообразил, что Жискар никак не мог войти в Личную и проверить,

свободна ли она. Значит, робот судил по каким-то внешним признакам — процедура довольно-таки ненадежная.

Тут Бейли расстроено осознал, что в первый раз оказался полностью изолированным, отгороженным от своих защитников. Они по ту сторону двери, и, если с ним что-нибудь приключится, войти сюда им будет непросто. А что, если он окажется здесь не один? Что, если какой-нибудь враг, предупрежденный Василией — она ведь знала, что ему необходимо посетить Личную! — уже спрятался где-то здесь внутри?

И тут Бейли с тревогой сообразил, что он не вооружен! На Земле, конечно, такого не случилось бы.

46

Правда, строение было невелико. Ряд из шести небольших уринов, маленькие раковины — тоже шесть. Ни душа, ни освежителей одежды, ни бритв.

Шесть разделенных перегородками кабинок, каждая с маленькой дверью. А что, если в одной притаился кто-то... Дверцы не достигали пола, и, бесшумно ступая, он наклонялся и заглядывал под каждую, не обнаружались ли там ноги? Потом начал по очереди открывать дверцы: примеривался и стремительно распахивал, готовый тут же ее захлопнуть и выскочить во Вне. Все кабинки оказались пустыми.

Он огляделся в поисках других укромных уголков. Их не было. Он подошел к двери во Вне и увидел, что ничего похожего на запоры на ней нет. А впрочем, естественно: Личная явно предназначалась для нескольких посетителей сразу. Следовательно, у других должна быть возможность входить по мере надобности.

Уйти и поехать искать другую? Неловко... Да и терпеть он уже не мог. На секунду он растерялся, не зная, какой уринал выбрать. Подойди к любому и действуй. Но ведь так же может поступить и всякий другой человек...

Он принудил себя сделать выбор и, ощущая полную незащищенность, обнаружил, что его мочевого пузыря заартачился. Желание облегчиться было невыносимо,

но приходилось ждать, пока не рассеется страх от навязчивой мысли, что сейчас сюда кто-то войдет.

Нет, не враг, а вообще кто-то. Но тут он подумал, что роботы если и не помешают постороннему войти, то уж, конечно, задержат его.

Этот вывод помог ему расслабиться...

Он завершил опорожнение пузыря и с огромным облегчением собирался повернуться и отойти к раковине, как вдруг в уши ему ударил довольно пронзительный голос, который, чуть дрожа, произнес:

— Вы Элайдж Бейли?

Бейли окаменел. Столько опасений, столько предосторожностей — и он не услышал, как кто-то вошел! Значит, под конец все его внимание сосредоточилось на простеньком физиологическом отпавлении, которое никак не должно было занимать его мысли. (Стареет он, что ли?)

Правда, ничего пугающего в звуках этого голоса не было. Ни малейшей угрозы. Или его просто поддерживает уверенность, что если не Жискар, так Дэниел в любом случае оградил бы его от опасности.

Угнетал его самый факт случившегося. Ни разу за всю его жизнь к нему в Личной не подходил ни один человек и уж тем более не окликал его! На Земле это было бы неслыханным нарушением приличий, а на Солярии (а до этой минуты и на Авроре) он пользовался только личными Личными.

Голос нетерпеливо повторил:

— Ну послушайте! Вы же Элайдж Бейли!

Очень медленно Бейли обернулся. Он увидел мужчину среднего роста, в изящной отлично сидящей одежде разных оттенков синевы. Светлокожий, белокурый, с усиками чуть темнее волос. Бейли невольно уставился на пушистые волосы над верхней губой. Впервые он видел усатого космонита.

Бейли сказал (испытывая жгучий стыд, что заговорил в Личной):

— Я Элайдж Бейли. — Собственный голос прозвучал в его ушах как сиплый фальшивый шепот.

Космонит явно счел его фальшивым. Сощурился, он впился взглядом в лицо Бейли.

— Роботы снаружи сказали, что тут находится Элайдж Бейли, но вы совсем не похожи на себя в гиперволновке. Нисколько не похожи.

«Ох уж эта мне идиотская постановка!» — свирепо подумал Бейли. Видно, до скончания века всякий, с кем ему доведется встретиться, будет наперед отравлен этой немыслимой выдумкой. Никто не отнесется к нему как к обычному человеку, способному ошибаться и терпеть неудачи. А когда обнаружит, что он не непогрешим, от разочарования сочтет его набитым дураком.

Он злобно отвернулся к раковине, ополоснул руки, а потом замахал ими, недоумевая, как включить сушилку. Космонит коснулся панели и словно из воздуха поймал тоненькую полоску адсорбирующего пуха.

— Спасибо, — сказал Бейли, беря ее. — В гиперволновке снимали не меня, а актера.

— Я знаю. Но ведь можно было бы подобрать кого-нибудь больше на вас похожего? — Это его словно расстроило. — Мне надо с вами поговорить.

— Как вы прошли мимо моих роботов?

Видимо, он коснулся еще одного больного места.

— Еле-еле, — ответил космонит. — Они пытались меня остановить, а со мной был только один робот. Мне пришлось притвориться, будто мне будет плохо, если я незамедлительно сюда не попаду, так они меня об-ыс-ка-ли! Они буквально ша-ри-ли руками по мне, проверяя, нет ли у меня чего-либо опасного. Я бы привлек вас к суду, не будь вы землянином. Никто не имеет права отдавать роботам приказы, которые унижают людей!

— Мне очень жаль, — сухо ответил Бейли. — Но приказы им отдаю не я. Чем могу вам служить?

— Я хочу поговорить с вами.

— Но вы же говорите со мной. Кстати, кто вы?

Тот словно замялся, но потом ответил:

— Гремнионис.

— Сантрикс Гремнионис?

— Совершенно верно.

— Почему вы решили поговорить со мной?

Несколько секунд Гремнионис смотрел на Бейли словно бы в смущении, потом промямлил:

— Ну, раз уж я здесь... с вашего разрешения... я, пожалуй... — И он отошел к уриналам.

Бейли с безгловым ужасом сообразил, что Гремнионис... Торопливо отвернувшись, он сказал:

— Я подожду вас снаружи.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнул Гремнионис почти фальцетом. — Это и секунды не займет. Умоляю вас.

Если бы Бейли сам не хотел поговорить с Гремнионисом столь же отчаянно и не опасался задеть его неназком, он бы не выполнил его просьбы. Но вдруг Гремнионис раздумает говорить?

Он стоял отвернувшись, зажмурившись от омерзения. И только когда Гремнионис, вытирая руки собственной пушистой полоской, встал перед ним, Бейли чуть-чуть расслабился.

— Почему вы хотите поговорить со мной? — спросил он снова.

— Глэдия... ну, женщина с Солярии... — Гремнионис растерянно умолк.

— Я знаком с Глэдиной, — холодно сказал Бейли.

— Глэдия говорила со мной... по трехмернику, вы понимаете, и сказала, что вы расспрашивали про меня. И она спросила, не причинил ли я какого-нибудь вреда одному ее роботу. Похожему на человека. Как один из двух снаружи...

— А вы причинили ему вред?

— Да нет же! Я даже не знал, что у нее есть такой робот, пока... Вы ей сказали, что я знал?!

— Я только задавал вопросы, мистер Гремнионис.

Гремнионис сжал правую руку в кулак и нервно ввинчивал его в ладонь левой. Он сказал напряженно:

— Я не хочу, чтобы меня ложно в чем-то обвиняли, и особенно когда такое обвинение может повлиять на мои отношения с Глэдиной.

— Как вы меня разыскали? — спросил Бейли.

— Она спросила меня про этого робота, — сказал Гремнионис. — И добавила, что вы расспрашивали про меня. Я уже слышал, что доктор Фастольф вызвал вас на Аврору, чтобы вы разобрались в этом деле... с роботом. Об этом сообщали в «Последних известиях». И... — Каждое слово давалось ему с большим трудом.

— Продолжайте, — сказал Бейли.

— Я решил, что мне надо поговорить с вами и объяснить, что я никакого касательства к этому роботу не имел. Ни-ка-ко-го! Глэдия не знала, где вас можно найти, но я подумал, что, может быть, доктор Фастольф знает.

— И вы обратились к нему?

— Нет-нет, я... у меня духу не хватило... Такой знаменитый ученый! Но Глэдия сделала это для меня. Она... такая. Он объяснил ей, что вы отправились на встречу с его дочерью доктором Василией Алиеной. Очень удачно, потому что я с ней знаком.

— Да, мне это известно, — сказал Бейли.

— А как вы... — тревожно начал Гремнионис. — Вы и ее обо мне спрашивали? — Тревога его перешла в обескураженность. — В конце концов я обратился к доктору Василии, и она сказала, что вы только что уехали и вас, возможно, следует искать в какой-нибудь коммунальной Личной, а эта — ближайшая к ее дому. Я не сомневался, что вы воспользуетесь ею, а не станете искать дальше. То есть для чего бы вам это понадобилось?

— Вы рассуждаете совершенно верно, но каким образом вы так быстро очутились здесь?

— Я работаю в Институте робопсихологий, и мой дом — на его территории. Ролер домчал меня сюда за несколько минут.

— Вы приехали сюда один?

— Да! И всего с одним роботом. Видите ли, мой ролер двухместный.

— И ваш робот ждет снаружи?

— Да.

— Ну так объясните, зачем вы все-таки захотели меня увидеть.

— Я должен добиться, чтобы вы не думали, будто я имел хоть какое-то отношение к этому роботу. Я даже ни разу о нем не слышал, пока вся эта история не попала в «Последние известия». Так могу я поговорить с вами сейчас же?

— Да, но не здесь, — категорически заявил Бейли. — Идемте отсюда.

До чего же странно, подумал Бейли, что он рад выбраться из стен во Вне. В этой Личной было что-то

гораздо более чуждое в сравнении со всем, с чем ему доводилось сталкиваться и на Солярии, и на Авроре. Всепланетное небрежное отношение к таким вещам было достаточно неудобоваримым, но куда хуже был ужас, охвативший его, когда к нему открыто подошли и заговорили с ним, будто так и надо! Поведение, не делающее различий между этим местом с его назначением и любым другим местом с иным назначением.

Фильмокниги, которые он просмотрел на космолете, этот предмет не затрагивали даже бегло. Ну да, как правильно указал Фастольф, писались они не для землян, а для аврорианцев и, отчасти, для потенциальных туристов с сорока девяти других космомиров. В конце концов, земляне почти не посещали космомиры, а уж Аврору и подавно. Их тут не жаловали. Так с какой стати делать фильмокниги с расчетом на них? И с какой стати останавливаться в фильмо книгах на том, что всем известно? С какой стати рассусоливать о том, что Аврора имеет сферическую форму или что вода — мокрая, а в Личной один человек может самым спокойным образом заговаривать с другим?

Но это же превращает в насмешку самое название подобных устройств! Тут Бейли невольно вспомнил женские Личные на Земле, где, как он часто слышал от Джесси, посетительницы без конца болтали между собой и никакой неловкости не ощущали. Почему только женщины, а мужчины — нет? Бейли никогда прежде об этом не задумывался, а принимал просто как обычай — извечный обычай. Но если женщинам можно, так можно и мужчинам!

Впрочем, неважно. Эта мысль была логичным выводом, но не затрагивала того механизма его сознания, который вызывал в нем всеподавляющую и необоримую безразличность к подобному поведению.

— Идите отсюда! — повторил он.

— Но там же ваши роботы! — возразил Гремнионис.

— Ну и что?

— Но я хочу поговорить конфиденциально. Как человек с человеком. — На последнем слове он запнулся.

— Полагаю, вы хотели сказать: как космонит с землянином.

— Если угодно.

— Присутствие моих роботов необходимо. Они — мои партнеры в этом расследовании.

— Но мое дело к расследованию никакого отношения не имеет, говорю же вам!

— Об этом позвольте судить мне, — твердо сказал Бейли и вышел из Личной.

Гремионис замялся, потом последовал за ним.

47

Дэниел и Жискар ждали — невозмутимые, непроницаемые, терпеливые. Но Бейли показалось, что лицо у Дэниела чуть озабочено. А впрочем, он мог приписать такое выражение этим нечеловечески человеческим чертам. Жискар, меньше напоминающий человека, естественно, сохранял полную невозмутимость, чего бы ни хотелось ему приписать.

За дверью ждал еще один робот — очевидно, сопровождавший Гремиониса. Облик его был даже примитивнее, чем у Жискара, и какой-то облезлый. Сразу было видно, что Гремионис не слишком преуспевает.

Дэниел сказал — с радостным облегчением, как почудилось Бейли:

— Я доволен, что вы чувствуете себя хорошо, партнер Элайдж.

— Очень хорошо. Но мне любопытно узнать вот что: если бы вы слышали, что я внутри закричал, вы бы вошли?

— Немедленно, сэр, — ответил Жискар.

— Хотя вы запрограммированы не входить в Личные?

— Необходимость защитить человека — и особенно вас, сэр, доминировала бы.

— Да, партнер Элайдж, — подтвердил Дэниел.

— Рад это слышать, — сказал Бейли. — Перед вами Сантрикс Гремионис. Мистер Гремионис, перед вами Дэниел и Жискар.

Оба робота учтиво наклонили головы. Гремионис только взглянул на них и небрежно приподнял руку. Он и не подумал представить своего робота.

Бейли посмотрел по сторонам. Дневной свет заметно померк, ветер дул порывами, воздух стал прохладнее.

солнце совсем исчезло за темными облаками. Все было подернуто мрачностью, но она не подействовала на Бейли, который продолжал упиваться тем, что благополучно вышел из Личной. Ему понравилось оказаться во Вне! И настроение у него сразу улучшилось. Конечно, случай особый, но начало положено, и он, бесспорно, одержал победу!

Бейли уже обернулся к Гремioniсу, чтобы продолжить разговор, и тут краем глаза уловил какое-то движение. По траве в сопровождении робота шла женщина. Она приближалась, но на них даже не смотрела — ее целью явно была Личная.

Бейли протянул руку, словно намереваясь остановить ее, хотя их разделяло расстояние еще метров в тридцать, и буркнул:

— Разве она не знает, что это Личная для мужчин?

— Что-что? — переспросил Гремioniс.

Женщина все приближалась, и Бейли смотрел на нее в полном недоумении. Затем робот отошел в сторону, а женщина вошла в строение.

— Но ей же туда нельзя! — растерянно пробормотал Бейли.

— Почему? Это общественное удобство.

— Так для мужчин же!

— Для людей, — поправил Гремioniс, совсем сбитый с толку.

— Обоего пола? Вы что-то путаете.

— Вообще для людей. Я ничего не путаю! А вы как бы хотели? Я вас не понимаю.

Бейли отвернулся. А он-то еще несколько минут назад думал, что заговорить с кем-то в Личной — это предел невоспитанности, всего, что недопустимо!

Даже попытайся он придумать что-нибудь похуже, кошмарная возможность столкнуться в Личной с женщиной ему бы даже в голову не пришла. Земные обычаи требовали, чтобы он полностью игнорировал присутствие других мужчин в обширных Личных планеты, предназначенных для общего пользования. Однако никакие обычаи или условности не помешали бы ему узнать женщину, пройди она там мимо него.

Что, если бы пока он был в Личной, туда вошла бы женщина — спокойно, равнодушно, вот как сейчас эта?

Или, хуже того: что, если бы он вошел в какую-нибудь Личную и наткнулся там на женщину? Нет, он не представлял, что с ним было бы. Никогда раньше даже возможность такой ситуации ему в голову не приходила, самая мысль о ней была невыносима.

А фильмокниги его и об этом не предупредили! Он взялся за них, чтобы заранее ознакомиться с аврорианским образом жизни и не попасть впросак, а они умалчивали о самом важном!

Как же он сумеет распутать все узлы загадки, в которую превратилась смерть Джендера, если на каждом шагу спотыкается о собственное глубочайшее невежество?

Всего минуту назад он торжествовал из-за крохотной победы над ужасами Вне, а теперь его сокрушало сознание своего невежества во всем, даже в природе этого невежества. Именно в эту секунду, отгоняя от себя картину того, как женщина пересекает воздушное пространство, недавно занимавшееся им самим, он чуть было вовсе не фтчался.

48

И снова Жискар сказал (причем так, что в его словах, если не в тоне, можно было услышать сочувствие):

— Вам нехорошо, сэр? Вы нуждаетесь в помощи?

— Нет-нет, — пробормотал Бейли. — Я чувствую себя нормально... Но пошли отсюда. Мы загораживаем вход. — Он быстро направился к их машине, которая стояла на площадке за дорожкой. По другую сторону от нее Бейли увидел двухколесную машинку с двумя сиденьями — ролер Гремниониса, решил он.

Тут он сообразил, что его угнетенное настроение усугубляется обычновенным чувством голода. Время обеда давно прошло, а у него во рту и крошки не было. Он обернулся к Гремнионису:

— Давайте поговорим. Но, с вашего разрешения, поговорим за едой. То есть если вы еще не пообедали... и если готовы пообедать со мной.

— Но где?

— Не знаю. Где едят в Институте?

— Общественная столовая исключается, — сказал Гремioniс. — Там мы не сможем поговоpить.

— Так что же делать?

— Пойдемте ко мне, — сразу сказал Гремioniс. — Конечно, мой дом не так роскошен, как многие тут. Я же не администратор! Но у меня все-таки есть несколько прилично функционирующих роботов и найдется, чем вас угостить. Вот что: я поеду на ролере с Брандиджем... ну, с моим роботом, вы понимаете, а вы поезжайте следом. Только помедленнее, но я живу всего в полутора километрах отсюда, и поездка займет две-три минуты, не больше.

Он бросился к ролеру почти бегом. Бейли проводил его взглядом: в Гремioniсе ему почудилась какая-то юношеская порывистость. Естественно, возраст космонита было нелегко определить — внешне космониты мало менялись с возрастом, и Гремioniсу вполне могло быть лет пятьдесят. Но вел он себя как юноша, почти как земной подросток, хотя Бейли не мог бы точно определить, откуда возникало такое впечатление.

Он обернулся к Дэниелу:

— Ты знаком с Гремioniсом, Дэниел?

— Сейчас я увидел его впервые, партнер Элайдж.

— А ты, Жискар?

— Я видел его один раз прежде, но мимоходом.

— Ты что-нибудь знаешь про него, Жискар?

— Ничего — кроме того, что лежит на поверхности, сэр.

— Возраст? Характер?

— О них мне ничего не известно, сэр.

— Готовы? — крикнул Гремioniс. Его ролер издавал довольно громкий гудящий звук. Было ясно, что он обходился без воздушной подушки. Колеса от земли не отрывались. Брандидж сидел позади Гремioniса.

Жискар, Дэниел и Бейли быстро вошли в свою машину.

Гремioniс описал широкий полукруг, его волосы развевались на ветру, и Бейли вдруг представил себе это ощущение ветра, если ехать на ролере без ограждающих стекол. Как хорошо, что он полностью укрыт в своей машине. Скольжение на воздушной подушке куда более цивилизованный способ передвижения.

Ролер вышел на прямую и с приглушенным ревом рванулся вперед, Гремнионис махнул рукой, сигналив «следуй за мной!» Робот у него за спиной сохранял равновесие с небрежной легкостью и не держался за пояс Гремниониса, хотя человек, решил Бейли, обязательно обхватил бы его обеими руками.

Они заскользили следом. Хотя ролер словно бы двигался с огромной скоростью, это оказалось иллюзией, возникшей из-за его миниатюрности. Их машину приходилось все время притормаживать, чтобы не налететь на него.

— И все-таки, — задумчиво произнес Бейли, — одно мне непонятно.

— Что именно, партнер Элайдж? — спросил Дэниел.

— Василия презрительно назвала Гремниониса «парикмахером». Видимо, он моделирует прически, одежду и еще всякие украшения человеческой внешности. Так почему же он живет в доме на территории Института?

Глава 12

СНОВА ГРЕМИОНИС

49

Через несколько минут Бейли вошел в еще один аврорианский дом — четвертый с момента его прибытия на планету полтора дня назад. Дом Фастольфа, Глэдии, Василии и теперь — Гремioniсиса.

Жилище Гремioniсиса казалось меньше первых трех и каким-то запущенным, хотя построено оно было вроде бы недавно, насколько мог судить Бейли. Но, может быть, на Авроре критерии другие? Однако одно характерное отличие аврорианских жилых домов имелось и здесь — ниши для роботов. Едва войдя, Жискар и Дэниел быстро встали в две из них и застыли лицом к комнате, неподвижные и безмолвные. Брандидж, робот Гремioniсиса, столь же быстро встал в третью нишу.

Выбирали ниши они словно бы мгновенно, но ни разу выбор двух роботов не упал на одну и ту же нишу. Каким образом? Видимо, решил Бейли, они обменивались сигналами, которые человек просто не успевал воспринимать. Не забыть спросить про это Дэниела, сказал он себе. И заметил, что Гремioniсис тоже рассматривает ниши.

Гремioniсис поднес руку к губам и пригладил усики указательным пальцем. Потом сказал неуверенно:

— Ваш робот, ну, похожий на человека, как-то не вяжется с нишей. Это ведь Дэниел Оливо? Робот доктора Фастольфа?

— Да, — ответил Бейли. — Он тоже показан в гиперволновке. То есть не он сам, но актер, правда, подобранный получше.

— Да, я помню.

Бейли обнаружил, что Гремioniс — как Василия, и даже как Глэдия и Фастольф — держится на некотором расстоянии от него. Словно его окружало поле отталкивания — невидимое, неуловимое, никак не воздействующее на его органы чувств, но мешающее космонитам приблизиться к нему вплотную, заставляющее их огибать его по пологой дуге, если им надо было пройти мимо.

Отдает ли себе отчет Гремioniс, что держится от него на расстоянии? Или это происходит произвольно? А что они делают со стульями, на которые он садился, пока был у них? С тарелками, которыми он пользовался? С полотенцами? Будет ли достаточно обычной стирки? Или существуют особые дезинфицирующие процедуры? Может, они сразу все выбрасывают и заменяют другим? Окурят ли эти дома, когда он покинет планету? Или их окуривают каждую ночь? Ну а коммунальная Личная, которую он посетил? Ее снесут и отстроят заново? А женщина, которая по неведению вошла туда сразу после него? Или она — официальный окуриватель?

Ну это уже глупости! В космос все это! Как поступают аврорианцы, как разбираются со своими проблемами — их дело, и хватит забивать себе голову такой чушью! Иосафат! С него достаточно собственных проблем, а в данную секунду одна из них воплощается в Гремioniсе, и он за него возьмется после еды.

Еда оказалась простой, почти чисто вегетарианской, но впервые на Авроре он испытал затруднения. Слишком уж резок был вкус каждого ингредиента. Вкус моркови был слишком уж морковным, а горошка — горошковым, если можно так выразиться.

Чересчур острым.

Он ел неохотно и старался не выдать свои неприятные ощущения.

И вдруг заметил, что свыкся, что вкусовые сосочки как бы пропитались насквозь и перестали реагировать на избыток. С некоторой грустью Бейли подумал, что

еще немного — и знакомство с аврорианской пищей приведет к тому, что по возвращении на Землю ему будет не доставать этой четкости вкусовых ощущений и земная их нивелированность начнет его раздражать.

Даже поджаристость ингредиентов, сперва слегка его напугавшая, так как стоило ему сжать зубы — и слышался хруст, который (решил он) мог помешать разговору, — этот хруст успел превратиться в увлекательное свидетельство того, что он принимает пищу! На Земле же это всегда бесшумно, и ему будет чего-то не хватать.

Теперь он ел внимательно, изучая разные вкусы. Быть может, когда земляне обоснуются на других мирах, они тоже начнут питаться по рецептам космонитов, тем более если у них не будет роботов, чтобы готовить и подавать еду. И тут он тоскливо поправил себя. Не когда, а если земляне обоснуются на других мирах. А «если» это зависит от него, следовательно Элайджа Бейли. Ему на плечи словно легла непосильная тяжесть.

Они кончили есть. Два робота внесли нагретые влажные салфетки, чтобы вытереть руки. Только салфетки оказались необычными: едва Бейли положил свою на тарелку, как она чуть шевельнулась, истончилась, стала паутинкой. Потом вдруг взвилась вверх и исчезла за решеткой в потолке. Бейли вздрогнул и, приоткрыв рот, уставился в потолок.

— Это новинка, — объяснил Гремнионис. — Самоубирающаяся, как вы заметили, но еще не знаю, стоит ли ими пользоваться. Говорят, они будут засорять вытяжку, а другие опасаются загрязнения воздуха — какие-то частицы обязательно, по их мнению, попадут в легкие. Изготовитель утверждает, что они абсолютно безвредны, но...

Бейли внезапно осознал, что сам за едой не сказал ни слова, и вообще, обменявшись несколькими словами о Дэниеле, они оба молчали до этого момента... Но не салфетки же им обсуждать! Он сказал грубовато:

— Вы парикмахер, мистер Гремнионис?

Гремнионис покраснел — его светлая кожа стала пунцовой до корней волос. Он пробормотал придушенно:

— Кто вам это сказал?

— Если вашу профессию так называть не принято, — сказал Бейли, — приношу свои извинения. На Земле так говорят все, и ничего уничижительного в таком обозначении нет.

— Я дизайнер причесок и костюмов, — ответил Гремионис. — Это признанный раздел искусства. Собственно говоря, я персональный художник. — Его палец снова скользнул по усикам.

— Я заметил ваши усы, — серьезным тоном сказал Бейли. — Они приняты на Авроре?

— Нет. Но надеюсь, что будут. Взять мужское лицо... Многим из них можно придать больше мужественности, силы с помощью правильного использования лицевых волос. Все зависит от подхода. Это часть моей профессии. Конечно, можно переборщить. На планете Паллада лицевые волосы носят многие, но там модно прибегать к многоцветной окраске. Каждый волосок красится отдельно для создания определенного эффекта. Но это глупо. Эффект сохраняется недолго, со временем оттенки изменяются и смешиваются в нечто жуткое. И все-таки даже это по-своему лучше лысости лица. Нет ничего столь непривлекательного, чем пустынное лицо. Это мой собственный термин. Я им пользуюсь в беседах с потенциальными клиентами, и он производит впечатление. На планете Смитей...

Его негромкая быстрая речь обладала какой-то гипнотической силой, подкрепляемой его увлеченностью, глубокой искренностью взгляда, прикованного к лицу Бейли. Тому пришлось сделать почти физическое усилие, чтобы стряхнуть с себя это наваждение. Он сказал:

— Мистер Гремионис, вы робопсихолог?

Гремионис вздрогнул и как будто растерялся, когда его внезапно перебили.

— Робопсихолог?

— Да. Робопсихолог.

— Вовсе нет. Я пользуюсь роботами как все, но что у них внутри, понятия не имею. Да и не интересуюсь.

— Но вы живете на территории Института робопсихологии. Как так?

— Это глупо! — Гремионис наморщил нос. — Институт был спроектирован несколько лет назад как самодостаточная община. У нас есть собственные ремонтные

мастерские, собственные мастерские для робопрофилактики, врачи, структуралисты. Весь персонал живет здесь же, и раз им нужен персональный художник, то есть Сантрикс Гремioniс, то и я живу здесь. Что-то в моей профессии есть такое, отчего мне не следовало бы жить здесь?

— Я этого не говорил.

Гремioniс отвернулся с обидой, которую торопливое отрицание Бейли не смягчило. Он нажал на кнопку, а затем, скользнув взглядом по разноцветной прямоугольной панели, словно побарабанил по ней кончиками пальцев.

С потолка бесшумно опустился шар и повис в метре над их головами. Он раскрылся, точно разделяющийся на дольки апельсин, и внутри него заиграли краски под негромкие мелодичные звуки. Они и цвета так гармонично сливались, что изумленный Бейли вскоре почувствовал, что уже не отличает звуков от красок.

Окна стали непрозрачными, дольки окрасились ярче.

— Не слишком ярко? — спросил Гремioniс.

— Нет, — поколебавшись, ответил Бейли.

— Это служит фоном. Я подобрал успокаивающие комбинации, которые помогут нам вести цивилизованную беседу, понимаете? — Затем он добавил деловито: — Так приступим к делу?

Бейли с некоторым трудом оторвался от... но Гремioniс никак не назвал этот апельсин, и сказал:

— Да, конечно.

— Вы обвиняли меня в том, что я имел какое-то отношение к прекращению функционирования робота Джэндера?

— Я расспрашивал об обстоятельствах конца этого робота.

— Но в связи с ним упоминали меня. И несколько минут назад спросили, не рロボпсихолог ли я. Мне понятно, о чем вы думали. Вы старались спровоцировать меня на признание, что я знаком с рロボпсихологией, с тем чтобы возвести на меня обвинение, будто я... э... кончатель этого робота.

— Проще сказать — убийца.

— Убийца? Но робота же нельзя убить. Но как бы то ни было, я не кончал его, или не убивал, или —

называйте, как хотите. Я сказал вам, что я не робо-психолог. О робопсихологии я не знаю ни-че-го. Да как вы могли подумать, что...

— Я обязан расследовать все связи, мистер Гремюнис. Джендер принадлежал Глэдии, солярианке, а вы были с ней в дружеских отношениях. Вот вам и связь.

— В дружеских отношениях с ней могут быть десятки людей. И никакой связи нет и не было.

— Вы хотите сказать, что никогда не видели Джендера, хотя часто бывали в доме Глэдии?

— Никогда! Ни единого раза!

— И не знали, что у нее есть человекоподобный робот?

— Нет!

— Она про него вообще не упоминала?

— У нее там повсюду роботы. Самые обычные. Ни про каких других она не говорила.

— Ну что же! — Бейли пожал плечами. — У меня нет причин не верить этому... пока.

— Так скажите это Глэдии. Потому-то я и захотел вас увидеть. Чтобы попросить об этом. И я настаиваю!

— А у Глэдии есть причины сомневаться?

— Конечно. Вы настроили ее против меня. Вы расспрашивали ее обо мне в этой связи, и она предположила... она не знает... Короче говоря, она контактировала со мной сегодня утром и спросила, имел ли я к этому какое-нибудь отношение. Я вам уже говорил.

— И вы отрицали?

— Конечно, отрицал, и категорически, потому что я действитель-но тут ни при чем. Но сколько я ни отрицай, это неубедительно. Вот почему я хочу, чтобы это сделали вы. Я хочу, чтобы вы сказали ей, что, по вашему мнению, я никакого отношения к случившемуся не имею. Вы же сами только что это подтвердили, и у вас нет права губить мою репутацию совсем бездоказательно. Я могу подать на вас жалобу!

— Кому?

— В Комиссию защиты личности. В Законодательное собрание. Глава Института близкий друг самого председателя, а я уже отправил ему полное изложение этого дела. Я не собираюсь ждать, я действую!

Гремионис вздернул голову — гневным движением, как он, видимо, полагал, но должного эффекта не получилось из-за общей мягкости выражения его лица.

— Послушайте, — сказал он, — это не Земля. Мы здесь находимся под за-щи-той. На вашей перенаселенной планете люди вынуждены обитать в ульях, в муравейниках. Вы толкаете друг друга, не даете дышать друг другу, и это не имеет значения. Одна жизнь, миллион жизней — это не имеет значения.

— Вы читали исторических романов, — сказал Бейли, стараясь, чтобы его голос не прозвучал презрительно.

— Конечно. И в них все изображено очень точно. На планете, где живут миллиарды людей, иначе и быть не может. А на Авроре жизнь каждого из нас драгоценна. Нас защищают физически — каждого из нас! — наши роботы, так что на Авроре не бывает даже драк, не говоря уж об убийствах!

— Если не считать Джендера.

— Но это же не убийство. Он был робот. А наше Законодательное собрание защищает нас от посягательств другого рода. Комиссия защиты личности относится отрицательно — очень и очень отрицательно — к любым действиям, которые злонамеренно причиняют вред репутации или общественному положению гражданина. У аврорианца, который повел бы себя как вы, неприятностей было бы хоть отбавляй. Когда же землянин позволяет себе... ну...

— Я веду расследование по приглашению Законодательного собрания, насколько мне известно. Полагаю, без согласия Собрания доктор Фастольф не мог бы вызвать меня сюда.

— Пусть так, но это не дает вам права выходить за рамки нормального расследования.

— И вы собираетесь обратиться с этим в Собрание?

— Я собираюсь настаивать, чтобы глава Института...

— Кстати, как его зовут?

— Келден Амадирос. Я намерен просить его доложить об этом Собранию, а он его член, позвольте вам сказать, один из лидеров партии глобалистов. А потому, по-моему, вам лучше без экивоков объяснить Глэдии, что я ни в чем не виновен.

— Буду рад, мистер Гремнионис, потому что у меня сложилось впечатление, что вы действительно невиновны, но как я могу быть полностью уверенным, если вы не разрешаете мне задать вам несколько вопросов?

Гремнионис нерешительно помолчал, а потом с вызовом откинулся на спинку стула, заложил руки за голову и сказал, неудачно изобразив спокойную небрежность:

— Задавайте. Мне скрывать нечего. А когда закончите, извольте немедленно поговорить с Глэдией по трехмернику позади вас и сказать ей то, что я требую, не то вам придется так скверно, что вы и вообразить не можете.

— Я понял. Но сначала... Как давно вы знакомы с доктором Василией Фастольф, мистер Гремнионис? Или с доктором Василией Алиеной, если вам она известна под этой фамилией?

Гремнионис замялся, а потом сказал с напряжением в голосе:

— Почему вы задаете этот вопрос? Какое он имеет отношение к делу?

Бейли вздохнул, и его утрюмое лицо помрачнело еще больше.

— Хочу напомнить, мистер Гремнионис, что вам нечего скрывать и что вы намерены убедить меня в своей невиновности, чтобы я в свою очередь убедил в ней Глэдию. Просто скажите, как давно вы знакомы с доктором Василией. Если вы с ней не знакомы, так и ответьте, но будет только честно предупредить вас, что, по словам доктора Василии, вы с ней близко знакомы. Во всяком случае, настолько, чтобы предложить себя.

Гремнионис как будто расстроился. Он сказал дрожащим голосом:

— Не понимаю, почему это надо во что-то раздувать. Предлагать себя — общепринятый социальный обычай, который никого третьего не касается. Ну да вы-то землянин, вот и зациклились на этом.

— Насколько я понял, она вашего предложения не приняла.

Гремнионис уперся в колени стиснутыми кулаками.

— Принять или не принять — это ее дело. Кое-кто предлагал мне себя, а я отказывал. Тут нет ничего такого.

— Ну хорошо. Как давно вы с ней знакомы?

— Несколько лет. Около пятнадцати.

— Вы были знакомы с ней, когда она еще жила у доктора Фастольфа?

— Тогда я был еще ребенком, — ответил Гремioniс, краснея. — Когда я только-только кончил курс и стал персональным художником, меня пригласили смоделировать для нее костюмные ансамбли. Они ей понравились, и с тех пор она пользовалась только моими услугами. В этой сфере, разумеется.

— Значит, вы заняли свое нынешнее положение, так сказать, официального персонального художника Института робопсихологии по ее рекомендации?

— Она знала мою квалификацию. Я прошел отборочные испытания наравне с другими и занял свое положение по праву.

— Тем не менее она вас рекомендовала?

— Да, — сердито буркнул Гремioniс.

— И вы чувствовали, что можете достойно ее отблагодарить, предложив себя?

Гремioniс поморщился и облизнул губы, словно избавляясь от неприятного вкуса.

— Это от-вра-ти-тельно! Видимо, землянин иначе и думать не способен. Мое предложение означало только, что я хотел его сделать.

— Потому что она привлекательна и душевна?

Гремioniс замялся.

— Ну, особенно душевной я бы ее не назвал, — сказал он осторожно. — Но привлекательна она бесспорно.

— Мне говорили, что вы предлагаете себя кому ни попадя без всякого разбора.

— Это ложь.

— В каком смысле ложь? Что вы себя предлагаете всем или что мне об этом сказали?

— Что я предлагаю себя всем. Кто вам это сказал?

— Мне кажется, ответ на ваш вопрос нецелесообразен. Вам понравится, если я буду называть вас как источник неприятной кому-то информации? Были бы вы со мной откровенны, если бы так думали?

— Ну, в любом случае тот, от кого вы это услышали, лгал.

— Возможно, это было просто преувеличение для пущего эффекта. Вы предлагали себя кому-нибудь еще до доктора Василии?

Гремионис отвел глаза:

— Раза два. Но не серьезно.

— А к доктору Василии вы относились серьезно?

— Ну-у...

— Насколько я понял, вы предлагали себя ей несколько раз вопреки аврорианскому обычаю.

— А! Аврорианский обычай... — в бешенстве начал Гремионис, но тут же взял себя в руки и нахмурился. — Послушайте, мистер Бейли, могу я говорить с вами строго конфиденциально?

— Да. Все мои вопросы имеют целью установить, что вы не имели отношения к смерти Джендера. Как только я удостоверюсь в этом, можете не сомневаться, что я сохранию в тайне все, что услышу от вас.

— Ну хорошо. В этом нет ничего дурного, и я ничуть не стыжусь, поймите. Просто я не люблю размениваться и имею право жить по-своему, верно?

— Безусловно, — ответил Бейли сочувственно.

— Видите ли, по-моему, секс тогда прекрасен, когда между партнерами возникла глубокая любовь и нежность.

— Мне кажется, это так и есть.

— Ну а тогда никого другого больше не нужно, так?

— Звучит логично.

— Я всегда грезил, как найду идеального партнера и никого больше не стану искать. Это называется моногамией. На Авроре она не существует, но на некоторых мирах ее соблюдают. И на Земле тоже, верно, мистер Бейли?

— В теории, мистер Гремионис.

— Это то, что нужно мне. Я ищу уже давно. Иногда я экспериментирую с сексом, но мне всегда чего-то не хватает. И вот я познакомился с доктором Василией, и она призналась мне... Ну, люди бывают очень откровенны со своими персональными художниками, потому что его работа — глубоко личная... И это уж совсем конфиденциально...

— Так продолжайте же.

Гремионис облизнул губы.

— Если то, о чем я сейчас расскажу, станет известно еще кому-то, я погиб. Она сделает все, чтобы я больше не получал заказов. Вы действительно уверены, что это имеет отношение к делу?

— Не сомневайтесь, мистер Гремнионис, это может оказаться решающим.

— Ну, в таком случае... — Гремнионис явно не поверил до конца. — Так вот: из того, что проскальзывало в разговорах доктора Василии со мной, мне стало ясно... — его голос понизился до шепота, — что... что она девственница.

— Ах так, — сказал Бейли негромко (вспомнив непоколебимое убеждение Василии, что отец исковеркал ее жизнь своим отказом, — теперь ему стал понятен источник ее ненависти к отцу).

— Это меня взволновало. Мне казалось, что она будет всецело моей, что я буду единственным для нее. Не могу выразить, как много это для меня значило. Она сразу стала невообразимо прекрасной в моих глазах, и я искал ее всем моим существом.

— И вы предложили ей себя?

— Да.

— И не один раз. Ее отказы вас не обескураживали?

— Они только подтверждали ее девственность, если можно так выразиться, и возбуждали во мне новый пыл. Трудности усиливали влечение. Не знаю, как объяснить, и полагаю, вы не поймете.

— Отчего же, мистер Гремнионис? Я вас понимаю. Но потом вы перестали предлагать себя доктору Василии.

— Ну-у... да.

— И начали предлагать себя Глэдии?

— Ну-у... да.

— Неоднократно?

— Ну-у... да.

— Почему? Чем объяснялась такая перемена?

— Доктор Василия наконец абсолютно ясно дала понять, что никаких шансов у меня нет, а тут появилась Глэдия, так похожая на доктора Василию и... и... вот так.

— Но Глэдия не девственница, — заметил Бейли. — Она была замужем на Солярии, а на Авроре, как мне говорили, экспериментировала довольно широко.

— Я об этом знал, но она... прекратила. Видите ли, она по рождению солярианка и не вполне понимает обычаи Авроры. И прекратила, потому что ей не нравится «неразборчивость», как она выражается.

— Она вам это сказала?

— Да. На Солярии признается только моногамия. Брак ее не был счастливым, но это — обычай, в котором она воспитывалась, а потому аврорианская манера ей никакой радости не давала, когда она ее испробовала. А моногамия — как раз то, что влечет меня. Ну, понимаете?

— Понимаю. Но как вы с ней познакомились?

— Очень просто. Она участвовала в гиперволновой передаче, когда приехала на Аврору — романтическая беглянка с Солярии. И у нее была роль в той драме...

— Да-да. Но ведь было и что-то еще, верно?

— Не понимаю, о чем вы.

— Разрешите мне высказать догадку. Не наступил ли момент, когда доктор Василия сказала, что отказывает вам раз и навсегда... и не предложила ли она вам альтернативу?

— Так вам сказала доктор Василия?! — вдруг вспыхнул Гремнионис.

— Прямо — нет, но, полагаю, я тем не менее верно понял, что произошло. Разве она не сказала, что вам имело бы смысл познакомиться с только что поселившейся на Авроре молодой солярианкой, протеже доктора Фастольфа? И, возможно, доктор Василия упомянула, что, по общему мнению, эта молодая женщина, Глэдия, очень на нее похожа, но моложе, с более мягким характером? Короче говоря, разве доктор Василия не толкала вас перенести ваше внимание с нее на Глэдию?

Гремнионис явно мучился. Он то взглядывал на Бейли, то отводил глаза. Впервые Бейли уловил в глазах космонита испуг — или боязливое почтение. (Бейли тряхнул головой: только не радоваться, что ему удалось взять верх над космонитом! Верный способ утратить объективность.)

— Ну? — сказал он. — Я ошибаюсь или нет?

Гремнионис ответил еле слышно:

— Так, значит, в гиперволновке преувеличений не было и вы действительно способны читать чужие мысли?

50

— Я просто задаю вопросы, — спокойно ответил Бейли. — А вы мне не ответили. Так я ошибаюсь или нет?

— Произошло это не совсем так. Отчасти. О Глэдии она со мной говорила, но... — Гремнионис закусил нижнюю губу, а потом сказал: — Но по сути все было, как вы предположили. Именно так, как вы описали.

— И вы не были разочарованы? Вы убедились, что Глэдия правда похожа на доктора Василию?

— В какой-то мере. — Глаза Гремниониса посветлели. — Но это не настоящее сходство. Поставьте их рядом и сразу увидите разницу. Глэдия гораздо грациознее, деликатнее и... и с ней весело.

— Вы предлагали себя Василии, после того как познакомились с Глэдией?

— Вы с ума сошли! Нет конечно.

— Но Глэдии предлагали?

— Да.

— И она вам отказала?

— Ну да. Но поймите, она хотела быть твердо уверенной. Как и я. Подумайте, какую ошибку совершил бы я, добившись согласия доктора Василии! Глэдия опасается такой ошибки, и я ее не виню.

— Но вы-то не считаете, что она сделает ошибку, дав вам согласие, и потому предложили себя еще раз... и еще... и еще.

Гремнионис растерянно посмотрел на Бейли и содрогнулся. Он выпятил нижнюю губу, как обиженный ребенок.

— Вы выражаетесь оскорбительно...

— Простите, ничего оскорбительного я не подразумеваю. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

— Да, не один раз.

— А сколько именно?

— Я не считал. Четыре раза. Ну-у... пять. Или больше.

— И она вам отказывала?

— Да. Иначе зачем бы мне было предлагаться снова?

— Она отказывала вам раздраженно?

— Нет. Глэдия не такая. Очень ласково.

— Это толкнуло вас предложить себя еще кому-то?

— Что?

— Ведь Глэдия вас отвергла. И, естественно, вы могли бы предложить себя кому-нибудь еще. И почему нет? Если Глэдии вы не нужны...

— Нет! Мне никто другой не нужен!

— А почему, как по-вашему?

— Откуда мне знать почему? — резко сказал Гремионис. — Мне нужна Глэдия. Это... это какое-то безумие, но такое чудесное! Я был бы безумен, если бы хотел избавиться от такого безумия... Ну да вы не поймете!

— А Глэдии вы этого объяснить не пытались? Возможно, она поняла бы.

— Нет, не пытался. Ей было бы неприятно. О таких вещах не говорят. Мне требуется психоправ.

— И вы обращались к нему?

— Нет.

— Почему?

Гремионис нахмурился:

— У вас манера задавать бесцеремоннейшие вопросы, землянин!

— Возможно, именно потому, что я землянин. Неописанный. Кроме того, я следовательно, и мне необходимо знать все это. Так почему вы не обратились к психоправу?

Неожиданно Гремионис засмеялся:

— Я же вам сказал. Лечение было бы куда большим безумием, чем болезнь. Я предпочту быть с Глэдией, и пусть она мне отказывает, чем быть с другой и получить согласие... Нет, вы вообразите! Свихнуться и радоваться тому, что ты свихнулся. Любой психоправ тут же подвергнет меня принудительному лечению.

Бейли задумался, а потом спросил:

— Вы не знаете, доктор Василия по-своему не психоправ?

— Она ропсихолог. Говорят, что это почти одно и то же. Если вы знаете, что происходит в голове у робота, значит, имеете понятие и о том, как работает

человеческий мозг. Во всяком случае, существует такое мнение.

— Вам не приходило в голову, что Василия знает, какие странные чувства вызывает в вас Глэдия?

— Я ей об этом не говорил! — Гремионис весь напрягся. — То есть вот как сейчас вам.

— Но ведь она могла понять ваши чувства и не спрашивая ничего? Ей известно, что вы неоднократно предлагали себя Глэдии?

— Ну-у... Она спрашивала, как идут мои дела... По праву давней знакомой, понимаете? Ну, я отвечал. Но вообще. Без признаний.

— А вы уверены, что признание не вырвалось у вас случайно? Она же, несомненно, подталкивала вас продолжать.

— Ну-у... теперь, когда вы об этом заговорили, мне все представляется немного по-новому. Не понимаю, как вам удалось внушить мне такую мысль. Наверное, из-за ваших вопросов, но теперь мне кажется, что она продолжала одобрять мою дружбу с Глэдией. Прямо ей содействовала. — Лицо у него стало встревоженным. — Прежде мне и в голову не приходило. Я просто ни о чем таком не думал.

— Как вы считаете, почему она подталкивала вас повторять ваши предложения Глэдии?

Гремионис жалобно вздернул брови и провел пальцем по усикам.

— Наверное, можно предположить, что она пыталась от меня избавиться. Застраховывалась, чтобы я больше ей не досаждал. — Он усмехнулся. — Не очень лестно для меня, а?

— Доктор Василия перестала относиться к вам по-дружески?

— Вовсе нет. Даже наоборот.

— Она пыталась вам советовать, как лучше вести себя с Глэдией, чтобы добиться успеха? Например, проявлять больше интереса к творчеству Глэдии?

— Этого не требовалось. Творчество Глэдии и мое очень близки. Я работаю с людьми, а она с роботами, но оба мы — дизайнеры, художники. Это сближает, понимаете? Мы даже иногда помогаем друг другу. Кроме тех случаев, когда я предлагаю себя и получаю

отказ, мы настоящие друзья. Если подумать, так это очень много.

— Доктор Василия рекомендовала вам проявить больше интереса к работе доктора Фастольфа?

— С какой стати? О работе доктора Фастольфа я понятия не имею.

— Но Глэдия могла интересоваться работой своего покровителя, и тогда это был бы способ понравиться ей.

Гремионис сощурился. Он вскочил на ноги, стремительно прошелся по комнате, остановился против Бейли и сказал:

— По-слу-шай-те! Я, конечно, не самый умный человек на планете, и даже в первый десяток не вхожу, но я все-таки не идиот и понимаю, к чему вы клоните.

— О?

— Все ваши вопросы направлены к тому, чтобы я сознался, будто доктор Василия подтолкнула меня влюбиться в Глэдию... И я... — Он удивленно умолк. — Я влюблен! Как в исторических романах... — Он задумался, и в глазах у него засветилось радостное изумление. Затем оно опять сменилось злостью. — Подтолкнула влюбиться и оставаться влюбленным, чтобы я выведал побольше у доктора Фастольфа и узнал, как вывести из строя этого робота... Джендера.

— Вы так не считаете?

— Нет! — закричал Гремионис. — Я ничего не понимаю в робопсихологии. Ни-че-го! Как бы подробно мне ни объясняли, я все равно ничего не пойму. И уверен, что Глэдия тоже. И никому никаких вопросов по робопсихологии я не задавал. Никто ничего мне про робопсихологию не говорил. Ни доктор Фастольф, ни кто-либо другой. Доктор Василия ничего подобного мне не советовала. Ваша омерзительная теория не стоит и выеденного яйца! — Он взмахнул руками. — Полная бессмыслица. Бросьте о ней думать.

Он снова сел, скрестил руки на груди и так крепко сжал губы, что усики ошетинились.

Бейли поднял глаза на апельсин, который по-прежнему тихо играл приятные мелодии и мягко менял окраску, завораживающе покачиваясь по короткой дуге.

Если выпад Гремиониса сбил его, он ничем этого не выдал.

— Я все понял, — сказал он, — но тем не менее вы часто видите с Глэдией?

— Да, вижу.

— Ваши повторные предложения не оскорбляют ее, а ее повторные отказы не оскорбляют вас?

— Мои предложения полны вежливости. — Гремисонис пожал плечами. — Ее отказы полны мягкости. Что должно нас оскорблять?

— Но как вы проводите время вместе? О сексе, очевидно, и говорить нечего, робопсихологию вы тоже не обсуждаете. Чем же вы занимаетесь?

— А что — все отношения между людьми исчерпываются сексом и робопсихологией? Нам есть чем заняться вместе. Ну, во-первых, мы беседуем. Ее очень интересует Аврора, и я часами описываю нашу планету. Она же почти ее не видела, понимаете? А она часами рассказывает мне про Солярию — какая это адская дыра. Я даже Землю предпочел бы, не поймите меня превратно. И еще — ее покойный муж. Какой жалкий субъект! У Глэдии, бедняжки, жизнь была очень тяжелая. Мы вместе бываем на концертах, несколько раз я возил ее в Институт художеств, и мы работаем вместе, я же вам говорил. Мы вместе рассматриваем мои эскизы или ее эскизы. Сказать откровенно, по-моему, роботы большого простора для вдохновения не дают, но каждому свое, понимаете? Вот и она посмеивается, когда я объясняю, насколько важна правильная стрижка. Она сама носит волосы немножко не так. Впрочем, больше всего мы вместе гуляем.

— Гуляете? Где?

— Да повсюду. Просто гуляем. У нее такая привычка из-за ее жизни на Солярии. Вы бывали на Солярии... Ах, ну конечно же! Извините. На Солярии частные владения просто огромны, а живет в каждом один человек. Иногда двое. И множество роботов. Там можно идти мило за милей в полнейшем одиночестве, и Глэдия говорит, что возникает такое чувство, будто вся планета принадлежит тебе. Ну, естественно, роботы всегда рядом, приглядывают, чтобы с тобой ничего не случилось, но на глаза зря не показываются. Здесь на

Авроре Глэдии не хватает ощущения, что мир принадлежит только ей.

— Вы хотите сказать, что она мечтает завладеть всем миром?

— В смысле, что она жаждет власти? Глэдия? Полнейшая нелепость! Она просто тоскует по единению с природой. Сам я ничего подобного не испытываю, понимаете? Но мне нравится утешать ей. Разумеется, на Авроре невозможно почувствовать себя так, как на Солярии. Обязательно где-нибудь будут люди, уж тем более внутри городской черты Эоса, а в программе роботов нет указания, что им надо скрывать свое присутствие от людей. Собственно говоря, аврорианцы обычно сопровождаются роботами... Однако я знаю несколько довольно пустынных мест, и Глэдии нравится бродить там.

— А вам?

— Да, но только потому, что я с Глэдией. В общем аврорианцы тоже любят пешие прогулки, но, признаюсь, я этого увлечения не разделяю. Вначале у меня все мышцы ныли, и Василия подшучивала надо мной.

— Так она знала о ваших прогулках?

— Как-то раз я явился к ней, прихрамывая. У меня даже суставы похрустывали, так что пришлось рассказать. Она засмеялась и сказала, что это отличная идея, что лучший способ получить согласие любительницы прогулок — это гулять с ней. «Продолжай, — сказала Василия, — и она возьмет свой отказ назад, прежде чем ты улучишь случай опять себя предложить. Предложение сделает она сама!» Этого, правда, не произошло, но со временем я вошел во вкус прогулок. И очень.

Казалось, он забыл о своей вспышке и даже повеселел. Возможно, ему вспоминаются эти прогулки, подумал Бейли, увидев, как он чуть улыбнулся. Теперь, когда мысли Гремиониса обратились к неизвестно какому разговору во время прогулки неизвестно где, он выглядел симпатичным... и ранимым. Бейли чуть было не улыбнулся в ответ.

— Следовательно, Василия знала, что ваши прогулки продолжались?

— По-видимому. Я сделал среды и субботы своими свободными днями, потому что они были удобны Глэ-

дии, и Василия иногда шутила по поводу моих «двухэсных прогулок», когда я приносил ей эскизы.

— А доктор Василия принимала участие в ваших прогулках?

— Никогда.

Бейли переменял позу и, пристально глядя на кончики своих пальцев, сказал:

— Полагаю, гуляли вы в сопровождении роботов?

— Конечно. Один мой, один ее. Но они держались в стороне, а не шагали рядом, как обычно на Авроре. Глэдия говорила, что ищет уединения — такого, как на Солярии. Естественно, я поступал так, как хотелось ей, хотя вначале шею себе сворачивал, проверяя, где Брандидж.

— А какой робот сопровождал Глэдию?

— Разные. Но все они тоже близко не подходили, так что я ни с одним из них не разговаривал.

— А Джэндер?

Радостное выражение исчезло с лица Гремниониса.

— При чем тут он?

— Он когда-нибудь сопровождал вас? Вы знали бы об этом?

— Человекоподобный робот? Конечно, знал бы. Но он ни разу с нами не ходил. Ни единого.

— Вы уверены?

— Абсолютно. — Гремнионис насупился. — Наверное, она считала его слишком ценным, чтобы поручать ему то, с чем прекрасно справляются обычные роботы.

— Вы словно бы раздражены. Вы разделяли это мнение?

— Он был ее роботом. Меня это не интересовало.

— И в доме Глэдии вы его тоже не видели?

— Ни разу.

— Она что-нибудь про него говорила? Рассказывала?

— Насколько я помню — нет.

— И вы не считали это странным?

— Нет. — Гремнионис мотнул головой. — Какой смысл разговаривать о роботах?

Бейли не спускал с его лица утрюмых глаз.

— Вы что-нибудь знали от отношениях Глэдии и Джэндера?

— Вы собираетесь сказать мне, что тут замешан секс?

— А вас бы это удивило? — спросил Бейли.

— Такое случается, — невозмутимо сказал Гремионис. — И довольно часто. Если у вас такое настроение, вы можете использовать робота. Ну а человекоподобный робот... насколько я понимаю, подобный во всем...

— Абсолютно, — перебил Бейли и сделал выразительный жест.

Уголки рта Гремиониса поползли вниз.

— Ну, так женщине было бы нелегко устоять.

— Но против вас она устояла. И вас это не мучает? Что Глэдия предпочла вам робота?

— Ну, если на то пошло, то еще вопрос, правда ли это. Но даже если правда, так и что? Женщина и робот, мужчина и робот — это же просто мастурбация и ничего больше.

— Вы действительно ничего не знали об этом, мистер Гремионис? И не подозревали?

— Я просто об этом не думал, — отрезал Гремионис.

— Потому что не знали? Или знали, но не придавали значения?

— Опять вы давите на меня! — Гремионис нахмурился. — Какого ответа вы от меня ждете? Теперь, когда вы заставили меня об этом подумать и надавили, мне уже мерещится, что, может быть, я о чем-то таком и думал. Но все равно, до того как вы начали задавать эти вопросы, я ни разу не почувствовал, будто происходит что-то такое.

— Вы уверены?

— Да, уверен! И перестаньте давить на меня.

— Я на вас не давяю. Я просто прикидываю, а вдруг вы знали, что Глэдия постоянно занимается сексом с Джэндером, и знали, что никогда не станете ее любовником, если это будет продолжаться, и так сильно ее хотели, что готовы были любой ценой убрать Джэндера — короче говоря, вы так ревновали, что ревность толкнула вас...

В эту секунду Гремионис — точно зажатая какое-то время пружина вдруг высвободилась — с громким бес-

связным воплем бросился на Бейли, а тот, застигнутый врасплох, инстинктивно отпрянул назад и вместе со стулом опрокинулся на пол.

51

Его тут же подхватили сильные руки. Бейли почувствовал, что его поднимают. Стул водворяют на место, и осознал, что его держит робот. Как легко было забыть о присутствии в комнате безмолвных неподвижных фигур в нишах!

Но на помощь к нему бросился не Дэниел и Жискар, а Брандидж, робот Гремиониса.

— Сэр, — сказал Брандидж голосом, который лишь чуть-чуть отличался от естественного, — надеюсь, вы не ушиблись.

Но куда девались Жискар и Дэниел?

Ответ на этот вопрос он получил тут же. Роботы разделили необходимые действия быстро и точно: Дэниел и Жискар, молниеносно оценив, что падение со стулом менее опасно для Бейли, чем разъяренный Гремионис, кинулись к нему. Брандидж, сразу увидев, что там он не требуется, оказал помощь гостю.

Гремионис стоял, тяжело дыша, удерживаемый осторожной, но парализующей хваткой четырех нечеловеческих рук. Он сказал почти шепотом:

— Отпустите меня. Я полностью владею собой.

— Слушаю, сэр, — сказал Жискар.

— Разумеется, мистер Гремионис, — произнес Дэниел почти светским тоном.

Однако оба они, опустив руки, не отступили ни на шаг. Гремионис посмотрел по сторонам, одернул одежду, а затем неторопливо сел. Он все еще часто дышал, и волосы у него чуть растрепались.

Бейли стоял, опираясь о спинку своего стула.

— Сожалею, мистер Бейли, — сказал Гремионис, — что я утратил контроль над собой. С тех пор как я стал взрослым, этого со мной не случалось. Вы обвинили меня в р-ревности! Ни один аврорианец в здравом уме не позволит себе употребить это слово по отношению к другому, но мне следовало помнить, что вы землянин. Мы это слово встречаем только в исторических рома-

нах, но и в них оно обычно обозначается только первой буквой с многоточием. На вашей планете это, естественно, не так. Я понимаю.

— Я тоже сожалею, мистер Гремнионис, — сказал Бейли с большой серьезностью, — что ненароком преступил аврорианский обычай. Уверяю вас, такое не повторится. — Он сел и добавил: — Пожалуй, мы исчерпали почти все...

Гремнионис словно не слушал.

— Когда я был ребенком, — сказал он, — я иногда толкал других детей, толкали и меня, а роботы словно не торопились нас разнять...

— Если разрешите, я объясню, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Точно установлено, что полное подавление агрессивности у маленьких детей приводит к нежелательным последствиям. Поэтому некоторая степень физического соперничества в играх малышей допускается и даже поощряется, конечно, при условии, что оно безопасно. Роботы, состоящие при детях, тщательно программируются различать возможность и степень потенциального вреда. Например, я не получил такого специального программирования и не гождусь присматривать за малышами, кроме экстренных случаев на самое короткое время. То же относится и к Жискару.

— Полагаю, — сказал Бейли, — этой агрессивности кладется конец в подростковом возрасте.

— Постепенно, — ответил Дэниел. — По мере того как уровень потенциального вреда возрастает и необходимость самоконтроля увеличивается.

— К тому времени, — сказал Гремнионис, — когда мне пришла пора перейти на более высокую ступень обучения, я, подобно всем аврорианцам, уже прекрасно знал, что истинное соперничество состоит в сравнении умственных способностей и таланта...

— А физическое соперничество исключено? — спросил Бейли.

— Вовсе нет, но без физических контактов с целью причинить вред.

— И со времени детства...

— Я ни на кого не нападал. Естественно! Такое желание у меня неоднократно возникало, но, думается, это только нормально. Однако до этой минуты я всегда

с ним справлялся. Но ведь никто никогда не приписывал мне... такого!

— И ведь нападение не имеет смысла, — сказал Бейли, — если вас все равно остановят роботы, правда? Ведь, наверное, рядом с потенциальным нападающим и объектом его агрессии всегда находится робот.

— Разумеется. Тем больше причин стыдиться, что я утратил самоконтроль. Надеюсь, в своем отчете вы об этом не упомянете.

— Уверяю вас, от меня никто ничего не узнает, ведь это не имеет отношения к делу.

— Благодарю вас. Вы сказали, что наш разговор окончен?

— Да, пожалуй.

— В таком случае вы сделаете то, о чем я вас просил?

— А именно?

— Скажете Глэдии, что к случившемуся с Джендером я никакого отношения не имею?

— Скажу, что таково мое мнение, — ответил Бейли, поколебавшись.

— Прошу вас, будьте поопределеннее, — сказал Гремioniс. — Я хочу, чтобы у нее не осталось ни малейших сомнений в моей непричастности. И тем более, если этот робот был ей дорог в сексуальном смысле. Я не вынесу, если она подумает, будто я испытывал р... ре... Ведь она солярианка и может так подумывать!

— Пожалуй, — задумчиво произнес Бейли.

— Но послушайте! — быстро и настойчиво сказал Гремioniс. — В роботах я ничего не смыслю, и никто — ни доктор Василия, ни кто-либо другой — со мной о них не говорил. В том смысле, как они функционируют, хочу сказать. И я никак не мог вывести Джендера из строя.

Бейли глубоко задумался. Потом сказал с явной неохотой:

— Мне приходится вам верить. Конечно, я всего не знаю. И не исключено, — я говорю так без желания оскорбить, — что вы, или доктор Василия, или вы с ней оба лжете. Я практически ничего не знаю о психологических механизмах аврорианского общества, и меня

легко обмануть. Тем не менее я вам верю. Но Глэдии могу сказать только, что вы, по моему мнению, абсолютно невиновны. Однако сказать «по моему мнению» я все-таки обязан. Не сомневаюсь, ей этого будет достаточно.

— Ну что же, — сказал Гремионис мрачно, — придется довольствоваться этим. Но, если это поможет, даю вам слово гражданина Авроры, что я невиновен.

Бейли слегка улыбнулся:

— Я ни на секунду не усомнюсь в вашем слове, но моя профессия требует от меня полагаться только на подтвержденные факты.

Он встал, секунду-другую внимательно смотрел на Гремиониса, а потом сказал:

— Прошу вас, мистер Гремионис, не поймите меня превратно. Насколько я понимаю, вы настаиваете, чтобы я дал Глэдии эти заверения, так как хотите сохранить ее дружбу.

— Очень хочу, мистер Бейли.

— И намерены в подходящий момент снова предложить себя?

Гремионис залился краской, сглотнул и пробормотал:

— Конечно.

— Могу ли я дать вам совет, сэр? Не делайте этого.

— Оставьте такие советы при себе. Я не намерен отступать.

— Я имел в виду другое: не повторяйте обычного ритуала. А попробуйте просто... — Бейли смущенно отвел глаза. — Попробуйте просто обнять ее и поцеловать.

— Ни за что! — испуганно сказал Гремионис. — Да что вы! Ни одна аврорианка такого не потерпит. И ни один аврорианец.

— Мистер Гремионис, вспомните, что Глэдия не аврорианка. Она солярианка и воспитана в иных традициях. На вашем месте я бы испробовал такой способ.

Спокойный взгляд Бейли маскировал внезапный прилив ярости. С какой стати он дает такой совет мальчишке, который для него ничего не значит? Зачем учить другого сделать то, что он сам отчаянно хочет сделать?

Глава 13

АМАДИРО

52

Бейли вновь вернулся к делу, сказав голосом более басистым, чем обычно:

— Мистер Гремионис, в нашем разговоре вы назвали имя главы Института робопсихологии. Вы не повторите его?

— Келден Амадиро.

— Нельзя ли как-нибудь связаться с ним от вас?

— Ну-у, и да и нет, — ответил Гремионис. — Вы можете связаться с его секретаршей или с его помощником. До него самого вы вряд ли доберетесь. Мне говорили, что он умеет держать людей на расстоянии вытянутой руки. Конечно, я с ним не знаком. Иногда вижу его в Институте, но ни разу с ним не разговаривал.

— Следовательно, он не пользуется вашими услугами как модельера или дизайнера причесок?

— Не знаю, пользуется ли он чьими-либо услугами вообще, но судя по тому, как он выглядел, когда я его видел, они оказались бы далеко не лишними. Я предположил бы, чтобы вы этих моих слов никому не повторяли.

— Не сомневаюсь, что вы правы, но ваше мнение останется между нами, — заверил его Бейли. — Мне хотелось бы добраться до него. И на расстояние ближе вытянутой руки. Если у вас есть трехмерник-передатчик, вы не разрешили бы мне воспользоваться им для этой цели?

— Брандидж может сконтактировать для вас.

— Я предпочел бы, чтобы это сделал мой партнер Дэниел. С вашего разрешения, разумеется.

— Пожалуйста! — ответил Гремионис. — Трехмерник вон там, так что, Дэниел, просто следуй за мной. Схема: семьдесят пять, тридцать на двадцать.

Дэниел наклонил голову:

— Благодарю вас, сэр.

Комната с передатчиком была совершенно пустой, если не считать довольно сложной консоли ближе к боковой стене. Консоль была примерно по пояс Бейли, и за ней высилась узкая колонка, расположенная в центре светло-серого круга, четко выделявшегося на зеленом полу. Почти рядом был второй круг тех же размеров и цвета, но без колонки.

Дэниел подошел к колонке, и тотчас круг беловато засветился. Рука Дэниела запорхала по консоли с такой быстротой, что Бейли не успевал следить, что делают его пальцы. Секунду спустя засветился второй круг. Над ним возник робот — только мерцание выдавало, что это трехмерное голографическое изображение. Робот стоял возле такой же консоли, что и Дэниел, но и она чуть-чуть мерцала.

— Я Р. Дэниел Оливо, — сказал Дэниел, слегка подчеркнув «Р», чтобы робот не принял его за человека. — Я представляю моего партнера Элайджа Бейли, следователя с Земли. Мой партнер хотел бы поговорить с мэтром робопсихологии Келденом Амадиرو.

— Мэтр робопсихолог Амадиرو ведет совещание. Не может ли его заменить робопсихолог Сисиз?

Дэниел быстро взглянул в сторону Бейли, тот кивнул, и Дэниел сказал:

— Это вполне приемлемо.

— Если ты попросишь следователя Бейли занять твое место, — сказал робот, — попробую найти робопсихолога Сисиза.

— Возможно, будет лучше, — начал Дэниел, — чтобы ты прежде...

Но Бейли перебил его:

— Неважно, Дэниел. Я подожду.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, — как личный представитель мэтра робопсихолога Хэна Фастоль-

фа вы, пусть временно, разделяете его социальный статус. И вам неуместно ждать...

— Неважно, Дэниел! — сказал Бейли подчеркнуто, чтобы предотвратить дальнейшую дискуссию. — Я не хочу тратить времени на выяснение тонкостей этикета.

Дэниел вышел из круга, и Бейли встал у консоли. Он ощутил легкое покалывание (возможно, чисто воображаемое), но оно тут же исчезло. Изображение робота в соседнем кругу заколебалось и растаяло. Бейли терпеливо ждал, пока новое изображение не сгустилось в объемную фигуру.

— Робопсихолог Мэлун Сисиз включен, — произнесла фигура. Коротко стриженные волосы цвета бронзы делали его в глазах Бейли типичным космонитом, хотя его нос отличала некоторая несимметричность, не слишком вязавшаяся с космомирами.

— Я следователь Элайдж Бейли с Земли, — негромко сказал Бейли. — И хотел бы поговорить с мэтром робопсихологом Келденом Амадиرو.

— Вам назначен прием, следователь?

— Нет, сэр.

— Если вы хотите его увидеть, то должны попросить о приеме. Но ни на этой неделе, ни на следующей назначить его невозможно.

— Я следователь Элайдж Бейли с Земли...

— Да, мне сообщили. Но это не меняет фактов.

— По просьбе доктора Хэна Фастольфа и с разрешения Аврорианского Законодательного собрания я расследую убийство робота Джендера Пэнелла...

— Убийство?! Робота Джендера Пэнелла? — переспросил Сисиз с изысканной вежливостью, равносильной презрению.

— Робийство, если вам так больше нравится. На Земле выведение робота из строя особого значения не имеет, но на Авроре, где с роботами обходятся почти как с людьми, мне кажется, можно употреблять и термин «убийство».

— Тем не менее, — сказал Сисиз, — убийство это, робийство или вообще ничего, мэтр робопсихолог Амадиро принять вас не может.

— А передать ему кое-что на словах можно?

— Да.

— И ему это будет передано немедленно? Сейчас же?

— Попробую, но, естественно, никаких гарантий не даю.

— Пусть так. Я изложу все по пунктам, нумеруя их. Вам удобнее было бы записывать...

Сисиз чуть улыбнулся:

— Полагаю, я сумею запомнить.

— Во-первых, убийство подразумевает убийцу, и я хотел бы предоставить доктору Амадиру возможность защитить себя...

— Что-о? — воскликнул Сисиз.

(А Гремнионис в дальнем углу комнаты застыл с разинутым ртом.)

Бейли сумел изобразить легкую улыбочку, исчезнувшую с губ Сисиза.

— Я говорю слишком быстро, сэр? Может быть, вы все-таки решите делать записи?

— Вы обвиняете мэтра робопсихолога в том, что он имел какое-то отношение к этому Джендеру Пэнеллу?

— Наоборот, робопсихолог. Я не хочу его обвинять и должен для этого с ним увидеться. Мне было бы крайне неприятно из-за недостатка информации предположить, что мэтр робопсихолог был как-то связан с выведенным из строя роботом, когда достаточно одного его слова, чтобы прояснить все.

— Вы сошли с ума!

— Отлично. Так сообщите мэтру робопсихологу, что с ним желает поговорить сумасшедший, чтобы избежать необходимости обвинить его в убийстве. Это во-первых. Теперь во-вторых. Не могли бы вы сообщить ему, что тот же сумасшедший только что завершил подробный допрос персонального художника Сантрикса Гремниониса и контактирует из дома Гремниониса? И в-третьих... Или я говорю слишком быстро?

— Нет! Договаривайте!

— И, в-третьих, вот что. Возможно, мэтр робопсихолог, несомненно, занятый гораздо более важными вещами, не вспомнит, кто такой персональный художник Сантрикс Гремнионис. В таком случае, пожалуйста, объясните, что он живет на территории Института и в этом году часто совершал долгие прогулки в обществе Глэдии, солярианки, живущей теперь на Авроре.

— Такой нелепый и оскорбительный вздор, землянин, я передавать не стану.

— В таком случае сообщите ему, что я немедленно отправляюсь в Законодательное собрание и доложу, что не могу продолжать расследование, так как некий Мэлун Сисиз взял на себя право заверить меня, что мэтр робопсихолог Келден Амадирос не пожелает помочь мне в расследовании случившегося с роботом Джэндером Пэнеллом и не станет защищаться от обвинения, что ответственность за это несет он.

Сисиз побагровел.

— Вы не посмеете!

— Нет? А что мне терять? С другой стороны, как это отразится на общественном мнении? Ведь аврорианцы знают, что знаниями в робопсихологии доктор Амадирос уступает только доктору Фастольфу, и если доктор Фастольф в робийстве не виновен, то... Надо ли мне продолжать?

— Вам, землянин, придется узнать, как строго на Авроре карается клевета.

— Несомненно, но если доктора Амадирос оклеветать успешно, он пострадает больше меня. И почему бы вам не сообщить о нашем разговоре немедленно? В таком случае, стоит ему объяснить некоторые второстепенные обстоятельства, мы избежим проблемы клеветы, обвинений и прочего.

Сисиз злобно нахмурился и сказал сквозь зубы:

— Я сообщу доктору Амадиросу обо всем этом и порекомендую, чтобы он отказался вас принять.

Изображение Сисиза исчезло, и Бейли приготовился ждать. Гремнионис замахал руками, зловеще зашептал:

— У вас ничего не выйдет, Бейли! Ни-че-го!

Бейли сделал ему знак успокоиться.

Минут через пять (Бейли они показались нестерпимо долгими) в своем кругу вновь возник Сисиз. Вид у него был разъяренный.

— Доктор Амадирос через несколько минут займет мое место здесь и поговорит с вами. Подождите!

Бейли сказал без секунды промедления:

— Ждать не имеет смысла. Я сейчас же отправляюсь в приемную доктора Амадирос и поговорю с ним там.

Он вышел из серого круга и сделал рубящий жест в сторону Дэниела. Тот сразу отключил связь.

Гремионис придушенно прохрипел:

— С сотрудниками доктора Амадирос так не разговаривают, землянин!

— Разве?

— Он вышвырнет вас с планеты еще до истечения суток.

— Если я не продвинулся в расследовании, меня могут вышвырнуть с планеты даже раньше.

— Партнер Элайдж, — вмешался Дэниел, — боюсь, мистер Гремионис встревожился не напрасно. Аврорианское Законодательное собрание может только выслать вас, поскольку вы не гражданин Авроры. Но они могут потребовать от властей Земли, чтобы вы понесли наказание, и Земля в данном случае не сможет ответить отказом. А мне не хотелось бы, чтобы вы пострадали таким образом, партнер Элайдж.

— Я тоже не хочу, чтобы меня карали, Дэниел, — мрачно ответил Бейли. — Но мне приходится рисковать. Мистер Гремионис, очень сожалею, что должен был сказать, что говорю с ним из вашего дома. Мне необходимо было любой ценой добиться, чтобы он меня принял, а этот факт, по моему мнению, мог сыграть решающую роль. И в конце концов, я сказал только правду.

Гремионис мотнул головой:

— Мистер Бейли, знай я заранее, что вы скажете ему это, я не разрешил бы вам воспользоваться моим передатчиком. Теперь я наверняка потеряю свой пост здесь. А чем вы сможете мне это возместить? — добавил он с горечью.

— Постараюсь, мистер Гремионис, чтобы вы не лишились своего поста. И убежден, что никаких неприятностей вам ждать не следует. Если же я все-таки потерплю неудачу, не стесняйтесь назвать меня сумасшедшим, который обрушил на вас дикие обвинения и так напугал вас своей клеветой, что вы позволили мне поговорить по вашему передатчику. Доктор Амадирос вам поверит, я не сомневаюсь. Ведь вы уже обратились к нему с жалобой, что я вас оклеветал, правда?

Бейли прощально взмахнул рукой.

— Всего хорошего, мистер Гремионис. Еще раз благодарю вас. Не тревожьтесь и не забывайте, что я вам сказал про Глэдию.

С Дэниелом впереди и Жискараром сзади Бейли вышел из дома Гремиониса, даже не подумав, что сейчас снова окажется во Вне.

53

Но снаружи он сразу остановился и взглянул на небо.

— Странно! — сказал он. — Никак не думал, что прошло уже столько времени, даже учитывая, что аврорианский день немного короче стандартного.

— В чем дело, партнер Элайдж? — заботливо спросил Дэниел.

— Да солнце уже зашло. Я этого никак не ожидал.

— Солнце еще не зашло, сэр, — объяснил Жискар. — До захода около двух часов.

— Собирается гроза, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Тучи сгущаются, но разразится буря еще не скоро.

Бейли пробрал озноб. Темнота сама по себе его не пугала. Более того: во Вне темнота создавала иллюзию замкнутых стен и была много приятнее дневного света, который распахивал горизонты, озарял дали открытого пространства.

Но этот сумрак не был ни темнотой, ни дневным светом.

Он снова попытался вспомнить, что чувствовал под дождем во Вне.

Тут ему внезапно пришло в голову, что он ни разу не попадал во Вне под снег, — и даже толком не знает, на что похож этот дождь из твердой кристаллической воды. Словесные описания мало что давали. Молодежь иногда выходила поскользнуть или покататься на полозьях. Возвращались смельчаки с веселыми воплями — неизменно радуясь тому, что снова оказались внутри стен Города. Бен как-то раз попытался смастерить лыжи, сверяясь со старинным руководством, и кончил тем, что провалился чуть не с головой в это белое

вещество. И даже Бен не сумел толком рассказать, что такое видеть снег вблизи, ощущать его.

К тому же никто не выходил в то время, когда снег падал — а не просто лежал на Земле. В целом, решил теперь Бейли, все сходились только в одном: снег идет, если очень холодно, а больше — никогда. Сейчас было не холодно, а лишь прохладно. Значит, из этих туч снег не посыплется. Но эта мысль его почти не утешила.

Облачные дни на Земле, которые ему довелось увидеть, были совсем другими. На Земле облака были более светлыми, это он помнил точно. И даже когда заволакивали все небо, выглядели серовато-белыми. А здесь свет — совсем тусклый — имел желчный оттенок, отвратительно желтовато-серый.

Потому что солнце Авроры заметно оранжевее земного?

— Такой цвет неба... — спросил он, — редкость? Дэниел посмотрел вверх.

— Нет, партнер Элайдж. Оно просто грозовое.

— И часто у вас бывают такие бури?

— В это время года довольно часто. И грозы в том числе. А об этой упоминали в прогнозах погоды вчера и еще раз — сегодня утром. Кончится она задолго до рассвета, а полям не помешает увлажниться. Дождей было меньше нормы.

— И становится холодно? Это тоже нормально?

— Конечно. Но идемте в машину, партнер Элайдж. В ней есть отопление.

Бейли кивнул и направился к машине на лужайке, где они оставили ее перед обедом, но вдруг остановился.

— Погодите! Я же не спросил у Гремниониса, где находится дом Амадирос или его приемная.

— Нет нужды, партнер Элайдж, — тотчас сказал Дэниел, беря Бейли под локоть и мягко увлекая к машине. — В памяти друга Жискара запечатлена карта Института, и он отвезет нас к административному корпусу. По всей вероятности, приемная доктора Амадирос находится там.

— Согласно моей информации, — добавил Жискара, — приемная доктора Амадирос действительно находится в административном корпусе. А если его там не окажется, то его дом расположен неподалеку.

Вновь Бейли очутился на переднем сиденье между двумя роботами. Особенно ему было приятно соседство Дэниела, чье псевдочеловеческое тело излучало тепло. Хотя тканеобразный верхний слой оболочки Жискара служил хорошей изоляцией и не охлаждал, как просто металл, озябшему Бейли его соседство особого удовольствия не доставило.

Бейли чуть было не обнял Дэниела за плечи, чтобы теснее прижаться к нему, но в последнюю минуту смущенно опустил руку.

— Что-то мне не нравится этот вид, — сказал он.

Дэниел (возможно, чтобы отвлечь Бейли от открытых пейзажей за стеклом) спросил:

— Партнер Элайдж, а как вы узнали, что доктор Василия поощряла интерес мистера Гремioniса к мисс Глэдии? Я не заметил, чтобы вы обнаружили факты, которые указывали бы на это.

— Я их и не обнаружил, — ответил Бейли. — Я был в таком отчаянии, что положился на догадки, то есть поставил на реальность маловероятного. От Глэдии я узнал, что Гремioniс был единственным человеком, настолько ею интересовавшимся, что он повторял свое предложение. И подумал, не убил ли он Джендера из ревности. Только как он это сделал, если ничего не знает о роботопсихологии? И едва я услышал, что дочь доктора Фастольфа Василия не только роботопсихолог, но и похожа на Глэдию, мне пришлось в голову, что Гремioniс, раз он увлекся Глэдией, мог прежде увлекаться доктором Василией и, значит, убийство могло быть результатом их сговора. Косвенно намекнув на такой сговор, я убедил Василию принять меня.

— Но ведь сговора не было, — сказал Дэниел. — То есть, партнер Элайдж, для выведения Джендера из строя. Даже сотрудничая, Василия и Гремioniс ничего не добились бы.

— Согласен. Но Василия испугалась намек на ее связь с Гремioniсом. Почему? Когда Гремioniс сказал нам, что сначала его влекло к Василии, а затем к Глэдии, я подумал, не была ли эта связь косвенной: то есть Василия содействовала его новому увлечению по причине, более отдаленно связанной со смертью Джендера, но все же связанной. Ведь какая-то связь была:

недаром же Василия не сумела проигнорировать мой намек. И мои подозрения подтвердились. Василия действительно подтолкнула Гремioniса к Глэдии. Гремioniса удивило, что я это знаю — тоже полезный момент. Ведь будь все это совершенно безобидно, зачем понадобилось бы делать из этого секрет? Но вы помните, что Василия ничего не сказала о том, что уговаривала Гремioniса ухаживать за Глэдией. А когда я сказал, что Гремioniс предлагал себя Глэдии, она сделала вид, будто впервые про это слышит.

— Но, партнер Элайдж, что тут важного?

— Возможно, мы это узнаем. Мне тоже кажется, что для Гремioniса и Василии это особой важности не имело. Следовательно, остается предположить, что здесь замешан кто-то третий. А если тут есть связь с тем, что произошло с Джендером, этот третий должен быть робопсихологом еще более искусным, чем Василия, — что наводит на мысль об Амади́ро. А потому я намекнул ему на сговор, подчеркнув, что я расспрашивал Гремioniса и контактирую от него. И это сработало.

— И все-таки я не понимаю, партнер Элайдж, что все это значит.

— Я тоже не понимаю, хотя и предполагаю кое-что. Попробуем выяснить что-нибудь у Амади́ро. Видишь ли, мы в таком скверном положении, что ничего не теряем, строя догадки и рискуя.

Тем временем машина поднялась в воздух и заскользила на небольшой высоте. Она пронеслась над живой изгородью, а теперь вновь летела над лужайками и песчаными дорожками. Бейли заметил, что там, где трава была более высокой, она клонилась под ветром, словно над ней проносилась невидимая и очень большая машина на воздушной подушке.

— Жискар, — сказал Бейли, — ты ведь фиксировал все разговоры, которые велись в твоём присутствии?

— Да, сэр.

— И можешь воспроизвести их в случае необходимости?

— Да, сэр.

— И можешь без труда найти и воспроизвести любые конкретные слова, сказанные данным человеком?

— Да, сэр. Вам не потребуется прослушивать всю запись.

— А в случае необходимости ты можешь выступить свидетелем в суде?

— Я, сэр? Нет, сэр. — Глаза Жискара были устремлены на дорогу. — Поскольку умело составленная инструкция может заставить робота солгать, причем никакие настояния или угрозы судьбы действия не возымеют, закон мудро считает робота некомпетентным для дачи показаний.

— В таком случае для чего ты фиксируешь их?

— Это, сэр, совсем другое. То, что раз зафиксировано, не может быть изменено, а только стерто. Следовательно, зафиксированная запись может служить свидетельством. Однако твердого правила не существует, все зависит от данного дела и данной судьбы.

Бейли не понял, что произвело на него угнетающее впечатление — слова Жискара или неестественный жутковатый свет за окнами.

— Ты хорошо видишь, куда ведешь машину, Жискар? — спросил он.

— Конечно, сэр, но это неважно. Машина снабжена компьютерным радаром и автоматически обогнет любое препятствие, даже если я против всякой вероятности не справлюсь сам. Так мы двигались вчера утром, когда все окна были заматированы.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел, вновь отвлекая Бейли от неприятных мыслей о надвигающейся буре, — вы правда надеетесь, что доктор Амадирос окажет вам содействие?

Жискар посадил машину на широкой лужайке перед длинным, но не высоким зданием, со сложно украшенным фасадом, которое несомненно было новым, хотя и выглядело имитацией чего-то старинного.

Бейли сразу понял, что это административный корпус. Он сказал:

— Нет, Дэниел, боюсь, Амадирос слишком умен, чтобы дать нам хоть маленькую зацепку.

— И что вы сделаете, если так?

— Не знаю, — утрумо ответил Бейли с ощущением, что это уже было, было, было... — Но постараюсь что-нибудь придумать.

54

Войдя в административный корпус, Бейли испытал огромное облегчение оттого, что укрылся от противоестественного освещения снаружи. И тут же чуть не усмехнулся.

Здесь на Авроре все дома — частные жилища — были сугубо аврорианскими. Сидя в гостиной Глэдии, завтракая в столовой Фастольфа, разговаривая в рабочем кабинете Василии, пользуясь передатчиком Гремисиона, он ни на секунду не мог вообразить, будто находится на Земле. Нет, эти комнаты отличались друг от друга, и все же их объединяла общность противоположности подземным квартирам Земли.

Однако административный корпус был пронизан чиновничьим духом, видимо, далеко превосходящим просто человеческий. Административный корпус явно не принадлежал к одному типу с жилыми домами — как и учрежденческие здания в родном Городе Бейли, совсем не похожие на системы квартир в жилых секторах. Однако административные корпуса на двух столь различных мирах обладали странным сходством.

Впервые на Авроре Бейли чуть не показалось, что он вдруг очутился на Земле. Те же длинные, холодные пустые коридоры, та же скудность и функциональность обстановки, те же светильники, рассчитанные на то, чтобы раздражать как можно меньше людей — и нравиться столь же малому количеству.

Были, конечно, детали, на Земле отсутствующие — например, кое-где висели горшки с растениями, которые купались в солнечном свете и были снабжены приборами (как заключил Бейли) для автоматической дозировки полива. На Земле это напоминание о живой природе отсутствовало, и он предпочел бы без него обойтись. А что, если такой горшок оборвется? А что, если в растениях заведутся насекомые? А что, если вода будет капать на пол?

Однако кое-чего здесь не хватало. В земном Городе всегда ощущался всеобъемлющий теплый гул людских голосов и машин — даже в самых холодно-официальных административных зданиях. «Деловой Гул Братства», по излюбленному выражению земных политиков и журналистов.

А здесь было тихо. Бейли как-то не обратил внимания на тишину в домах, которые посетил в этот день и накануне — там все выглядело настолько непривычным, что одна какая-то несообразность осталась незамеченной. Наоборот, он создавал жужжание насекомых снаружи, шелест растений под ветром, а не отсутствие «Гласа Человечества» (еще одно популярное определение).

Но здесь, где словно повеяло Землей, отсутствие «Гласа» было не менее гнетущим, чем оранжеватость искусственного света, куда более заметная среди голых почти белых стен, чем в жилых домах с их декоративной обстановкой.

Раздумывал Бейли над всем этим недолго. Они стояли внутри парадного входа, где Дэниел, протянув руку, остановил Бейли и Жискара. Через полминуты Бейли спросил шепотом (под воздействием окружающей тишины):

— Почему мы ждем тут?

— Потому что так разумнее, партнер Элайдж, — ответил Дэниел. — Перед нами щекотное поле.

— Что-что?

— Щекотное поле, партнер Элайдж, если применить эвфемистическое название. Это поле стимулирует нервные окончания, вызывая резкую боль. Роботы способны проходить сквозь него, люди — нет. Разумеется, любое его нарушение, роботом или человеком, сразу включит сигнал тревоги.

— А как ты определил, что тут есть щекотное поле?

— Его видно, партнер Элайдж, если знать, куда смотреть. Воздух словно чуть колеблется, а стена за полем кажется зеленоватой по сравнению со стеной перед ним.

— Но я ничего не замечаю, — с негодованием воскликнул Бейли. — Что помешает мне — или любому

другому постороннему — вступить в него ненароком и подвергнуться пытке?

— У членов Института всегда при себе нейтрализатор, а посетителей практически всегда сопровождают роботы, которые сразу обнаружат щекотное поле.

По коридору с той стороны поля к ним приближался робот. (Колебания воздуха стали заметнее на матовом фоне его металлической оболочки.) Жискара он словно не заметил, но, казалось, замялся, переводя взгляд с Дэниела на Бейли и обратно. Затем принял решение и обратился к Бейли. («Наверное, — подумал Бейли, — Дэниел выглядит слишком уж человеческим, чтобы быть человеком».)

— Ваше имя, сэр? — осведомился робот.

— Я следователь Элайдж Бейли с Земли. Меня сопровождают два робота из дома доктора Хэна Фастольфа: Дэниел Оливо и Жискар Ревентлов.

— Удостоверение личности, сэр?

На левой половине груди Жискара мягко засветился его серийный номер.

— Я ручаюсь за остальных двух, друг, — сказал Жискар.

Робот взгляделся в номер, словно сравнивая его с карточкой в своей памяти. Потом кивнул и сказал:

— Серийный номер зарегистрирован. Проходите.

Дэниел и Жискар сразу шагнули вперед, но Бейли невольно помедлил и протянул руку, словно ожидая болевого шока.

— Поле отключено, партнер Элайдж, — сказал Дэниел. — Оно включится, когда мы пройдем.

«Осторожность не помешает!» — подумал Бейли и продолжал еще волочить ноги, пока не оказался далеко за местом невидимого барьера.

Робот без малейших признаков нетерпения или осуждения ждал, пока Бейли не подошел к ним, а затем свернул на спиральный пандус, такой узкий, что стоять рядом на нем могли только двое. Робот был впереди — один. Бейли и Дэниел за ним бок о бок (ладонь Дэниела легла на локоть Бейли легко, но с какой-то дружеской настойчивостью). Замыкал строй Жискар.

Бейли обнаружил, что носки его ботинок чуть задранны, и подумал, что будет не так-то просто взбираться по

такому крутому пандусу, наклоняясь вперед, чтобы удерживать равновесие. Хоть бы его подметки или поверхность пандуса (а еще лучше — и они, и она) были рифлеными, а не такими гладкими.

Робот впереди произнес «мистер Бейли!», словно предупреждая о чем-то, и его пальцы на перилах заметно напряглись.

Тотчас пандус разделился на секции, которые составились в ступеньки, двинувшиеся вверх. Они сделали полный оборот сквозь раздвинувшуюся часть потолка и остановились (видимо) на втором этаже, а затем исчезли. Роботы и Бейли сошли с пандуса. Бейли с любопытством оглянулся на него.

— Вероятно, он служит и для спуска. Но что, если поднимающихся людей окажется больше? Ведь эта штука на полкилометра ввинтится в небо — или, наоборот, — в землю.

— Это подъемная спираль, — тихо пояснил Дэниел. — А есть еще спускные.

— Но ведь и эта должна опуститься?

— Она складывается вверх — или вниз, смотря о какой мы говорим, партнер Элайдж, и, так сказать, раскручивается, пока ею не пользуются. Эта подъемная спираль сейчас как раз опускается.

Бейли оглянулся. Возможно, гладкая поверхность и скользила вниз, но на ней не было ни единой неровности, ни единого пятнышка, движение которых он мог бы заметить.

— А если кто-то захочет воспользоваться ею, когда она поднимется до максимума?

— Ему придется подождать конца раскрутки, занимающей менее минуты. Кроме того, здесь есть и обычные лестницы, партнер Элайдж, и многие аврорианцы их даже предпочитают. Роботы же практически всегда пользуются лестницами. Но вы гость, и для вас включили спираль.

Они уже шли по коридору к двери, отличавшейся красивой отделкой.

— Так мне оказали любезность? Обнадеживающий знак, — заметил Бейли.

Другим обнадеживающим знаком, возможно, было появление из-за красивой двери высокого аврорианца.

Он был выше Дэниела по меньшей мере на восемь сантиметров, а Дэниел был выше Бейли сантиметров на пять. Человек в дверях был к тому же широкоплеч, плотного сложения, с круглым лицом, толстоватым носом, курчавыми темными волосами, смуглой кожей и улыбкой на губах.

Улыбка, пожалуй, обращала на себя внимание больше всего. Широкая, как будто искренняя, она открывала крупные, белые и ровные зубы.

— А, мистер Бейли! — сказал он. — Знаменитый следователь с Земли, посетивший нашу планетку, чтобы доказать, какой я страшный злодей. Входите же, входите! Рад вас видеть. Сожалею, если мой талантливый помощник роботсихолог Мэлун Сисиз намекал вам на мою недоступность, но он человек осмотрительный и бережет мое время куда больше, чем я сам.

Он посторонился, пропуская Бейли впереди себя, и легонько хлопнул его ладонью по лопатке. Видимо, дружеское приветствие, с которым Бейли на Авроре еще не сталкивался.

Бейли сказал осторожно (что, если он принимает желаемое за действительное?):

— Если не ошибаюсь, вы мэтр роботсихолог Келден Амадиро?

— Он самый, он самый. Человек, который вознамерился покончить с доктором Хэном Фастольфом как политической силой на нашей планете. Однако это, как надеюсь убедить вас, еще не делает меня злодеем. В конце концов, я не пытаюсь доказывать, что Фастольф — злодей, просто потому, что он глупо и вандальски уничтожил собственное творение — беднягу Джандера. Скажем только, что я продемонстрирую... заблуждение Фастольфа.

Он чуть поднял руку, и робот, их проводник, шагнул в свою нишу.

Дверь закрылась, и Амадиро гостеприимно указал Бейли на мягкое кресло, а другой рукой восхитительно экононым движением отослал в ниши Дэниела и Жискара.

Бейли заметил, что Амадиро проследил за Дэниелом жадным взглядом, и на секунду улыбка исчезла с его лица, вдруг ставшего хищным. Но мгновение спустя он

уже вновь улыбался, и Бейли спросил себя, не почудилась ли ему эта моментальная смена выражений.

— Раз уж, — сказал Амадиرو, — нам угрожает легкая непогода, то давайте обойдемся без этого скудного дневного света.

И тут же (Бейли толком не разобрал, что проделал Амадиро с панелью на своем письменном столе) окна стали матовыми, а стены засияли мягким дневным светом.

Улыбка Амадиро стала шире.

— Собственно, мистер Бейли, говорить нам особо не о чем. Пока вы ехали сюда, я благоразумно побеседовал с мистером Гремioniсом, а в результате решил обратиться и к доктору Василии. Видимо, мистер Бейли, вы практически обвинили их в сговоре, приведшем к гибели Джэндера, и, если я правильно понял, заодно обвинили и меня.

— Я просто задавал вопросы, доктор Амадиро, как намерен сделать и сейчас.

— Конечно, конечно, но вы землянин и не отдаете себе отчета в чудовищности своих действий, и я искренне сожалею, что тем не менее вам придется полностью принять все их последствия. Возможно, вы знаете, что Гремioniс подал мне жалобу, что вы его оклеветали.

— Да, он мне сказал, но он неправильно истолковал мои слова. Они не были клеветой.

Амадиро пожевал губами, словно взвешивая это утверждение:

— Со своей точки зрения вы, возможно, правы, мистер Бейли, но аврорианское определение этого понятия иное. Я был вынужден отправить жалобу Гремioniса председателю и, вероятнее всего, завтра утром вам будет предложено покинуть Аврору. Я, разумеется, крайне об этом сожалею, но, боюсь, ваше расследование на этом кончается.

Глава 14

СНОВА АМАДИРО

55

Бейли растерялся. Он не понимал, как ему следует расценивать Амадиро, и не ожидал от себя такой неуверенности. Гремнионис сказал, что Амадиро держит всех на расстоянии вытянутой руки, после разговора с Сисизом он полагал, что увидит воплощение надменной власти. Однако Амадиро казался добродушным, обходительным, даже дружелюбным. Правда, из его слов следовало, что он хладнокровно намерен положить конец расследованию. Безжалостно... но словно с сострадательной улыбкой.

Что он такое на самом деле?

Бейли невольно покосился на ниши, где стояли Жискар и Дэниел: примитивный Жискар без всякого выражения, более совершенный Дэниел — невозмутимо спокойный. Вряд ли за свое относительно короткое существование Дэниел когда-нибудь видел Амадиро. С другой стороны, Жискар за его... — сколько десятилетий? — вполне мог встречаться с ним.

Бейли сердито сжал губы — ну почему он не сообщил заранее спросить Жискара об Амадиро. Тогда ему легче было бы судить, насколько робопсихолог такой на самом деле, а насколько это хитрая личина.

Ну почему, почему он так бездарно использует возможности своих роботов? И почему Жискар сам не сообщил... нет, это несправедливо. Жискар явно не был запрограммирован для независимых решений такого

рода. Он сообщит информацию по требованию, но по собственной инициативе ее не предложит.

Амадиро заметил быстрый взгляд Бейли и сказал:

— Да, я один против троих. Как видите, ни одного моего робота в кабинете нет, хотя, признаюсь, по первому зову их сюда явится много... а с вами два робота Фастольфа: старый надежный Жискар и Дэниел, это чудо конструкции.

— Вижу, они оба вам знакомы, — сказал Бейли.

— Только понаслышке. Но вижу их... Я, роботсихолог, чуть было не сказал «вижу их во плоти»! Но физически вижу их впервые, хотя, конечно, наблюдал актера в роли Дэниела в гиперволновой постановке.

— Ну, просто все миры видели эту гиперволновку, — мрачно буркнул Бейли. — Это страшно затрудняет мою жизнь как реального ограниченного в своих возможностях человека.

— Ко мне это не относится, — отозвался Амадиро, и его улыбка стала шире. — Уверяю вас, я не воспринял серьезно вашу сочиненную роль. Я так и полагал, что вы человек ограниченный, и вы это доказали, бросаясь на Авроре столь легкомысленными обвинениями.

— Доктор Амадиро, — сказал Бейли, — уверяю вас, никаких официальных обвинений я не предъявлял. Я просто вел расследование и исключал возможности.

— Не поймите меня ложно, — Амадиро вдруг стал серьезным. — Я вас не осуждаю. Не сомневаюсь, что по земным нормам вы вели себя безупречно. Просто теперь вы столкнулись с аврорианскими нормами. Мы дорожим нашими репутациями просто невообразимо.

— В таком случае, доктор Амадиро, разве вы и другие глобалисты не бросили своими подозрениями куда большую тень на репутацию доктора Фастольфа? Ведь все, что я сделал, и в сравнение с этим не идет.

— Совершенно верно, — согласился Амадиро. — Но я именитый аврорианец и обладаю определенным влиянием, а вы — землянин и никакого влияния не имеете. Не спорю, это крайне несправедливо, о чем я сожалею, но так уж устроены миры. Что мы можем сделать? К тому же обвинение против Фастольфа может быть — и будет! — доказано, а клевета — уже не клевета, если она правда. Ваша ошибка в том, что вы

бросаете ничем не подтвержденные обвинения. Я уверен, вы согласитесь, что ни мистер Гремioniс, ни доктор Василия Алиена и по отдельности и вместе не сумели бы вывести из строя беднягу Джендера.

— Но я же не предъявлял им официального обвинения!

— Возможно, но на Авроре словечко «официальный» вас не защитит. Жаль, жаль, что Фастольф не предупредил вас об этом, когда привез сюда для этого расследования... для этого, боюсь, злополучного расследования.

Бейли почувствовал, как у него дернулись губы, когда он подумал, что Фастольф и правда мог бы его предупредить.

— Но меня выслушают, — спросил он, — или все уже предрешено?

— Разумеется, вас выслушают, прежде чем осудить. Мы здесь на Авроре не дикари. Председатель рассмотрит жалобу, которую я ему отослал вместе с моими рекомендациями. Вероятно, он обратится к Фастольфу как к другой заинтересованной стороне, а потом встретится с нами троими, возможно, уже завтра. Тогда же или чуть позже будет принято какое-то решение, которое затем ратифицирует Законодательное собрание. Все будет сделано строго по закону, уверяю вас.

— Буква закона будет соблюдена, не сомневаюсь, но что, если председатель уже принял решение, что, если никакие мои утверждения не будут приняты во внимание, что, если Законодательное собрание просто проштемпелует готовое решение? Такое возможно?

Амади́ро не улыбнулся, но как будто внутренне посмеивался.

— Вы реалист, мистер Бейли, чему я очень рад. Люди, грезящие о справедливости, так часто обжигаются! И ведь обычно это чудесные люди и больно смотреть на их разочарование! — Взгляд Амади́ро вновь перешел на Дэниела. — Какая поразительная работа этот человекоподобный робот! Фастольф на удивление скрытен. А то, что произошло с Джендером, — гнусность. То, что сделал Фастольф, непростительно.

— Сэр, доктор Фастольф отрицает, что имел к этому хоть какое-то отношение.

— Естественно, мистер Бейли. Что ему еще остается? И он утверждает, что к этому причастен я? Или это только ваша идея?

— У меня такой идеи нет, — сказал Бейли размеренным тоном. — Я просто хотел бы задать вам несколько вопросов, касающихся этого. Доктор же Фастольф никак не может стать объектом очередного вашего обвинения в клевете. Он абсолютно убежден, что вы никакого отношения к тому, что произошло с Джендером, не имеете, так как не сомневается, что ваших знаний и способностей недостаточно для того, чтобы вывести из строя человекоподобного робота.

Если Бейли надеялся спровоцировать вспышку, то его расчеты не оправдались. Амадиرو принял этот выпад по своему адресу с полным благодушием и ответил:

— О, тут он совершенно прав, мистер Бейли. Ни у одного робопсихолога — живого или покойного — никогда не было достаточно способностей, за исключением самого Фастольфа. Он ведь это говорит, наш скромнейший мэтр из мэтров?

— Да.

— Ну так как же он объясняет случившееся с Джендером, хотел бы я знать?

— Случайность. Произвольное стечение обстоятельств.

Амадиро рассмеялся:

— А он вычислил вероятность такого случайного стечения обстоятельств?

— Да, мэтр робопсихолог. Но ведь случается даже самое невероятное, особенно если что-то этому содействовало.

— Что, например?

— Именно это я и пытаюсь выяснить. Поскольку вы уже устроили так, что меня вышвырнут с Авроры, вы теперь намерены заранее отказаться отвечать на мои вопросы или я могу продолжать мое расследование, пока ему еще официально конец не положен? Прежде чем вы ответите, доктор Амадиро, прошу вас подумать, что официально оно еще не кончено, и завтра или позже на слушании я смогу обвинить вас в отказе отвечать на мои вопросы, если вы сейчас пожелаете окончить наш разговор. Это может повлиять на решение председателя.

— О нет, мой дорогой мистер Бейли. Не воображайте, будто вы способны мне помешать. Однако можете расспрашивать меня сколько угодно. Я во всем пойду вам навстречу, хотя бы для того, чтобы полюбоваться, как наш добрый Фастольф тщетно пытается выпутаться из последствий своего злосчастного поступка. Я не отличаюсь особой мстительностью, мистер Бейли, но тот факт, что Джендер был творением Фастольфа, не давал ему права уничтожить его.

— Пока официально не установлено, что он это сделал, и, значит, это ваше утверждение является клеветой, хотя бы потенциальной. Предлагаю пока оставить эту тему и перейти к делу. Мне нужна информация. Я буду задавать короткие и четкие вопросы, и если вы будете отвечать так же, наша беседа завершится быстро.

— Нет, мистер Бейли, не вам определять условия нашей беседы, — сказал Амадирос. — Полагаю, один ваш робот или оба запрограммированы записывать наш разговор полностью.

— Кажется, да.

— Безусловно, да. У меня есть собственное записывающее устройство. Не думайте, мой добрый мистер Бейли, что вам удастся, жонглируя короткими вопросами и ответами, выудить у меня что-то полезное для целей Фастольфа. Я буду отвечать так, как сочту нужным, и позабочусь, чтобы мои ответы не могли быть истолкованы неверно. А мои собственные записи гарантированно избавят меня от такой возможности. — В первый раз из-за дружеской обходительности выглянул волк.

— Очень хорошо. Но если ваши ответы будут многословными и уклончивыми, запись покажет и это.

— Разумеется.

— Ну, раз с предисловием покончено, не могу ли я попросить стакан воды?

— Конечно! Жискар, ты не обслужишь мистера Бейли?

Жискар мгновенно покинул нишу, у бара в дальнем углу комнаты о стекло зазвякали ледяные кубики, и на столе перед Бейли возник бокал с водой.

— Спасибо, Жискар, — сказал Бейли и подождал, чтобы робот встал в свою нишу. — Доктор Амади́ро, я верно понял, что вы глава Института робо́психологии?

— Да, именно так.

— И его основатель?

— Правильно. Как видите, я отвечаю кратко.

— Давно ли он существует?

— Как идея — десятилетия. Я собирал единомышленников не менее пятнадцати лет. Разрешение Законодательного собрания было получено двенадцать лет назад. Строительство началось девять лет назад, а к активной деятельности мы приступили шесть лет назад. В нынешней законченной форме Институт существует два года, но со временем предполагается дальнейшее расширение. Ответ довольно длинный, сэр, но сформулированный достаточно экономно.

— Почему вы сочли необходимым создать Институт?

— Мистер Бейли, мистер Бейли, вы же понимаете, что ответ обязательно будет многословным!

— Как вам угодно, сэр.

В кабинет вошел робот, держа поднос с миниатюрными бутербродиками и еще более миниатюрным печеньем. Бейли еще ничего подобного не пробовал и, откусив половину бутербродика, доел его с трудом — вкус был не то чтобы неприятный, но слишком уж непривычный.

Амади́ро, следивший за ним с мягкой улыбкой, сказал:

— Вы должны понять, мистер Бейли, что мы, аврорианцы, люди не обычные. Как, собственно, и все космониты, но сейчас я говорю конкретно об аврорианцах. Мы происходим от землян — о чем многие из нас предпочитают не вспоминать, — но мы результат самоотбора.

— В каком смысле, сэр?

— Земляне очень долго обитали на невысказанно перенаселенной планете и скапливались в еще более перенаселенных городах, которые в конце концов превратились в ульи и муравейники — Города с большой буквы, как вы их называете. Так какого типа земляне решались покинуть Землю и отправиться на другие планеты, дикие и враждебные, чтобы создавать там из ничего новое

общество, причем зная, что не успеют при жизни наслаждаться плодами своих трудов — так сказать, будущие деревья только-только дадут ростки, когда сажавшим их предстоит умереть?

— Полагаю, это были незаурядные люди.

— Незаурядные и необычные. И, в частности, не настолько зависевшие от скоплений себе подобных, чтобы утратить способность встречаться лицом к лицу с безлюдьем и пустотой. Это были люди, которые даже предпочитали пустоту, предпочитали трудиться по-своему и единолично решать свои проблемы, а не прятаться в стаде, не делить общую ношу, так что их собственная доля оказывалась почти невесомой. Это были индивидуалисты, мистер Бейли! Индивидуалисты.

— Я понимаю.

— Такова была основа нашего общества. Все направления, по которым развивались космомиры, только еще больше подчеркивали нашу индивидуальность. Мы горды тем, что мы на Авроре люди, а не жмушщиеся друг к другу овцы Земли. Эту метафору, мистер Бейли, я употребил не в оскорбительном для Земли смысле. Просто это общество, которое у меня восхищения не вызывает, но для вас, без сомнения, оно удобно и даже идеально.

— Но какое отношение, доктор Амадирос, все это имеет к организации Института?

— Даже гордый и здоровый индивидуализм имеет свою оборотную сторону. Величайшие таланты, работая в одиночку пусть и века, не могут продвигаться вперед с необходимой быстротой, если держат в тайне этапы своих поисков или их результаты. Ученый, например, целое столетие ломает голову над сложной проблемой, а его коллега тем временем успел найти ее решение, даже не подозревая, для чего оно может пригодиться. Так вот: Институт — это попытка хотя бы в узкой сфере робопсихологии создать определенную общность научной мысли.

— Случайно, сложная проблема, которой вы конкретно занимаетесь, — это не создание человекоподобных роботов?

Глаза Амадирос весело заблестели.

— Это же очевидно, не так ли? Двадцать шесть лет назад новая математическая система Фастольфа, которую он назвал «анализом пересечений», позволила создать человекоподобных роботов, но систему эту он не опубликовал. Годы ушли на получение необходимых технических решений, а тогда он и доктор Сартон применили эту теорию для конструирования Дэниела. Затем Фастольф уже один закончил Джэндера. Но весь процесс также держался в полном секрете. Робопсихологи в большинстве пожимали плечами и находили это вполне естественным. Им оставалось только самим в одиночку повторить эти открытия. Меня же посетила идея создать Институт для объединения наших усилий. Было очень непросто убедить других робопсихологов в полезности такого плана, а затем вопреки внушительным стараниям Фастольфа добиться от Законодательного собрания необходимого финансирования и упорно трудиться годы и годы. Вот так.

— Почему доктор Фастольф был против?

— Ну, во-первых, обычное честолюбие, чего, поймите, я не осуждаю. Кто из нас не честолюбив? Это одна из сторон индивидуализма. Суть же в том, что Фастольф считает себя величайшим робопсихологом в истории, а человекоподобных роботов — своим личным триумфом. И не желает, чтобы это достижение повторила группа робопсихологов, в сравнении с ним индивидуально безлика. Думается, ему это представляется заговором бездарностей, стремящихся размазать и обесценить его собственную великую работу.

— Вы сказали, что это было причиной его оппозиции «во-первых». Следовательно, имелись и другие причины. Какие же?

— Ну, он возражает против того, как мы намерены использовать человекоподобных роботов.

— А как вы намерены их использовать, доктор Аматиро?

— Ну-ну, не хитрите! Уж, конечно, доктор Фастольф рассказал вам, как глобалисты планируют заселение Галактики?

— Совершенно верно, и, кстати, доктор Василия объяснила мне трудности, связанные с развитием науки в чисто индивидуальном порядке. Однако это не помеха

тому, чтобы я ознакомился с вашими взглядами. И не причина, чтобы вы отказались мне их изложить. Например, вы хотите, чтобы я принял точку зрения доктора Фастольфа на планы глобалистов как объективную и беспристрастную? И прямо скажете это для протокола? Или предпочтете объяснить ваши планы сами?

— При такой постановке вопроса, мистер Бейли, вы не оставляете мне выбора.

— Совершенно верно, доктор Амадирос.

— Ну хорошо. Я... то есть мы, поскольку сотрудники Института в этом единодушны. Так вот, мы смотрим в будущее и хотим, чтобы человечество продолжало открывать все новые и новые планеты для заселения. Однако мы не хотим, чтобы процесс самоотбора губил старые планеты или обрекал их на вымирание, как (извините меня) произошло с Землей. Мы не хотим, чтобы новые планеты забирали всех лучших, оставляя поскребышей. Вы понимаете?

— Прошу вас, продолжайте.

— В любом обществе, которое опирается на роботов, как наше, самое простое — отправить роботов осваивать новый мир. А затем мы все сможем последовать за ними без всякого отбора. Ведь новый мир будет столь же приспособленным для нас и столь же удобным, как старый, и, переселяясь, мы, так сказать, останемся на родине.

— Но ведь роботы создадут мир, приспособленный для роботов, а не для людей?

— Вот именно, если мы пошлем наших нынешних роботов. Однако нам представляется возможность послать человекоподобных роботов, таких, как Дэниел. И создавая мир для себя, они автоматически создадут его для нас. Но доктор Фастольф возражает против этого. Его прельщает мысль о том, как люди будут лепить новый мир из чужой, враждебной им планеты. И он не хочет видеть, что это не только будет стоить бесчисленных человеческих жизней, но и приведет к возникновению мира, который в результате множества катастрофических событий оформится в нечто совсем не похожее на то, к чему мы привыкли.

— Как теперь космомиры не похожи на Землю и друг на друга?

На мгновение Амадиро утратил свое добродушие и нахмурился.

— Тут, мистер Бейли, вы коснулись чрезвычайно важного момента. Я говорю только об Авроре. Космомиры действительно очень разные, и многие мне вовсе не по вкусу. Мне ясно (хотя тут я могу быть и пристрастен), что Аврора, старейшая из них, наиболее преуспела. Мне не нужны разнообразные новые миры, из которых лишь единицы окажутся удачными. Моя цель — множество Аврор, бесчисленные миллионы Аврор. Вот поэтому я и хочу, чтобы новые миры превращались в Авроры до того, как туда отправятся люди. Вот почему мы называемся глобалистами. Нас интересует только глобальная судьба нашей планеты и никакой другой. Только судьба Авроры.

— Вы не видите ничего полезного в разнообразии, доктор Амадиро?

— Будь другие варианты равно удачными, оно, возможно, и имело бы смысл, но если некоторые — а вернее, большинство, — хуже, то какую пользу оно может принести человечеству?

— Когда вы начнете приводить свои планы в исполнение?

— Когда получим человекоподобных роботов для их осуществления. Пока их было создано только два — Фастольфом. И он уничтожил одного, так что Дэниел остался единственным представителем этой категории.

При этих словах он покосился на Дэниела.

— А когда у вас будут человекоподобные роботы?

— Трудно сказать. Пока еще мы не догнали доктора Фастольфа.

— Хотя он один, а вас много, доктор Амадиро?

Амадиро передернул плечами:

— Не тратьте понапрасну ваши сарказмы, мистер Бейли. Фастольф далеко опережал нас, когда мы взяли за эту проблему, и, хотя в зародыше Институт существовал довольно давно, по-настоящему мы работаем всего два года. К тому же догнать Фастольфа еще мало, мы должны его перегнать. Дэниел недурной экземпляр, но он только прототип и нуждается в улучшении.

— В каких направлениях человекоподобных роботов необходимо улучшить по сравнению с Дэниелом?

— Ну, совершенно очевидно, что их надо еще более очеловечить. Нужны два пола и эквивалент детей. Необходимо сосуществование нескольких поколений, если мы хотим, чтобы на планетах создавалось требуемое подобие человеческого общества.

— Мне кажется, тут много трудностей, доктор Амадиро.

— Согласен. Очень много. Но о каких говорите вы, мистер Бейли?

— Если вы создадите роботов настолько человекоподобных, что они сумеют создать человеческое общество — и создадите их разнополыми, да еще разных поколений, то как вы будете отличать их от реальных людей?

— Это так важно?

— Как знать? Если такие роботы будут совсем очеловечены, они могут слиться с аврорианским обществом, стать частью человеческих семейных групп — а это не вяжется с их ролью первопроходцев.

Амадиро засмеялся.

— На эту мысль вас явно навела привязанность Глэдии Дельмар к Джендеру. Видите ли, из моих бесед с Гремионисом и доктором Василией я кое-что узнал о ваших расспросах той женщины. Напомню вам, что Глэдия с Солярии, и ее представления о том, что такое муж, вовсе не обязательно совпадают с аврорианскими.

— Я думал не о ней. А о том, что интерпретация сексуальных отношений на Авроре отличается большой терпимостью и что даже теперь против роботов как сексуальных партнеров никакого предубеждения не существует — роботов, лишь номинально человекоподобных. А если будет вообще невозможно отличить робота от человека...

— А дети? Роботы не способны зачать ребенка.

— Это подводит нас к еще одному моменту. Роботы эти будут долгоживущими, поскольку на создание общества могут уйти века.

— Долгоживущими они будут в любом случае, чтобы уподобиться аврорианцам.

— Ну а дети? Они тоже будут долгоживущими?

Амадиرو промолчал.

— Значит, — продолжал Бейли, — значит, в этом обществе будут существовать искусственные дети-роботы, не меняющиеся, не взрослеющие, не достигающие зрелости? Разве это не создаст ситуацию настолько далекую от человеческой, что все общество обретет иную окраску?

— Вы проникательны, мистер Бейли. — Амадиро вздохнул. — Мы планируем изыскать способ, чтобы роботы производили младенцев, которые бы каким-то образом росли и выросли — во всяком случае в течение срока, необходимого для создания нужного нам общества.

— А тогда на планету придут люди, и роботов можно будет вернуть к поведению, более обычному для роботов?

— Не исключено. Если это окажется желательным.

— А производство младенцев? Ведь наилучшей была бы система, наиболее близкая к человеческой?

— Возможно.

— Но если роботы создадут общество практически неотличимое от человеческого, не может ли случиться, что, когда настанет время переселяться туда истинным людям, роботов это не устроит и они попытаются закрыть планету для иммигрантов? Что, если роботы начнут относиться к аврорианцам, как вы к землянам?

— Мистер Бейли, роботы будут по-прежнему подчиняться Трем Законам.

— Три Закона требуют не причинять вреда человеку и подчиняться ему.

— Вот именно.

— А что, если роботы, столь близкие во всем к людям, начнут считать себя людьми, которых должны слушаться и защищать? И с полным правом поставят себя выше иммигрантов.

— Мой добрый мистер Бейли, ну почему все это так вас заботит? Речь же идет о далеком будущем. И в свое время каждая проблема найдет решение в зависимости от того, какой она будет представляться нам.

— Однако, доктор Амадиро, ваши планы могут не понравиться аврорианцам, едва им станет понятна вся

суть, и тогда они предпочтут точку зрения доктора Фастольфа.

— Да неужели? Фастольф считает, что раз аврорианцы не могут непосредственно осваивать новые миры без помощи роботов, то им следует помогать землянам взяться за это.

— По-моему, очень здравый взгляд на вещи.

— Только потому, мой добрый Бейли, что вы землянин. Уверяю вас, аврорианцы не обрадуются, если орды землян начнут завладевать новыми планетами, сооружать новые ульи и создавать подобие галактической империи, населенной триллионами и квадрильонами их. А космомиры в лучшем случае окажутся оттесненными на задний план, а в худшем — уничтожены.

— Но ваша альтернатива этому — миры, населенные человекоподобными роботами, создающие квази-человеческие общества и не допускающие в свои пределы истинных людей. Мало-помалу возникнет галактическая империя роботов, которая в лучшем случае оттеснит космомиры на задний план, а в худшем — уничтожит их.

— Почему вы так в этом уверены, мистер Бейли?

— Меня убеждает нынешнее состояние вашего общества. Когда я летел на Аврору, мне сказали, что на Авроре не делается никаких различий между людьми и роботами, но это явно не так. Возможно, таков желанный идеал, и аврорианцы тешат себя мыслью, будто он достигнут. Но на самом деле ничего похожего нет.

— Вы пробывали здесь... сколько? Менее двух суток. И вам уже все ясно?

— Да, доктор Амадиرو. Возможно, именно потому, что я тут посторонний. Обычаи и идеалы не делают меня слепым. Роботам не разрешается заходить в Личные — различие, проводимое очень четко. В результате у людей есть место, где они могут побыть в полном одиночестве. Мы с вами удобно сидим, а роботы стоят в нишах, — Бейли махнул рукой в сторону Дэниела. — Вот вам еще одно различие. Я не сомневаюсь, что люди, пусть даже аврорианцы, всегда будут блюсти какие-нибудь отличия и оберегать свою человечность.

— Поразительно, мистер Бейли!

— Ничего поразительного, доктор Амади́ро. Вы проиграли. Даже если вам удастся внушить другим, будто доктор Фастольф вывел Джендера из строя, даже если вы лишите доктора Фастольфа всякого политического влияния, даже если Законодательное собрание и народ Авроры одобряют ваш план освоения планет с помощью роботов, вы только добьетесь отсрочки. Едва аврорианцы разберутся в последствиях вашего плана, они утратят к вам всякое доверие. Вероятно, будет лучше, если вы прекратите свою кампанию против доктора Фастольфа, встретитесь с ним и выработаете какое-нибудь компромиссное решение, благодаря которому освоение новых планет землянами можно будет устроить так, чтобы оно ничем не угрожало Авроре или вообще космоперам.

— Поразительно, мистер Бейли! — повторил Амади́ро.

— У вас нет выбора, — отрезал Бейли.

Но Амади́ро ответил с ленивой усмешкой:

— Когда я назвал ваши утверждения поразительными, то имел в виду не их смысл, а лишь тот факт, что вы вообще сочли нужным высказывать подобную чушь и при этом серьезно думать, будто она хоть чего-нибудь стоит.

56

Бейли смотрел, как Амади́ро взял последний бутербродик и с видимым наслаждением положил его в рот.

— Очень недурен, — заметил Амади́ро. — Но, пожалуй, я уж слишком равнодушен к еде. Так о чем бишь я? А, да! Мистер Бейли, вы воображаете, будто узнали важный секрет? Что я сообщил вам то, чего наша планета еще не знает? Что мои планы опасны, а я выбалтываю их первому встречному? Полагаю, вы лелеее мысль, что я, если наш разговор продлится, непременно допущу какой-нибудь мелкий промах, который вы используете. Это очень маловероятно, поверьте мне. Мои планы создания еще более человекоподобных роботов, семейных роботов, создающих совсем человеческую культуру, — эти планы опубликованы. Они до-

ступны и Законодательному собранию, и любому, кому они интересны.

— И это широко известно? — спросил Бейли.

— Полагаю, что нет. У людей, далеких от этих проблем, хватает своих забот. Следующий обед, следующая гиперволновая программа, следующий космофутбольный матч их занимают куда больше, чем следующий век или следующее тысячелетие. Тем не менее они согласятся с моими планами, как и специалисты, уже с ними ознакомившиеся. Возражающих будет так мало, что они ничего не смогут изменить.

— И вы абсолютно в этом уверены?

— Как ни странно, да. Боюсь, вы не отдаете себе отчета, как сильно аврорианцы, да и космониты вообще, настроены против землян. Сам я, учтите, этих чувств не разделяю и, скажем, чувствую себя в вашем обществе вполне нормально. Я не страдаю первобытным страхом перед инфекцией, не воображаю, будто от вас скверно пахнет, не опасаясь, что вы и ваши сопланетники замышляете истребить нас или украсть нашу собственность, но почти все аврорианцы думают и чувствуют именно так. Возможно, все это спрятано достаточно глубоко, и аврорианцы способны заставить себя соблюдать вежливость по отношению к землянину, который кажется безобидным, но при малейшем предлоге их ненависть и подозрения вырвутся наружу. Скажите им, что земляне стремительно заселяют новые планеты, готовясь завладеть Галактикой, и они завоюют, требуя, чтобы Земля была уничтожена, пока еще это не произошло.

— Даже если альтернативой будет общество, состоящее из роботов?

— Безусловно. Вы и нашего отношения к роботам не понимаете. Мы их знаем. Мы с ними как дома.

— Нет. Они ваши слуги. Вы ощущаете свое превосходство над ними и чувствуете себя как дома только при условии этого превосходства. Если возникнет угроза обратного — что превосходство перейдет к ним, вы впадете в панику.

— Вы говорите так, потому что такой будет реакция землянина.

— Нет. Вы не впускаете их в Личные. Достаточный симптом.

— Для чего им эти помещения? У них есть свои умывальные, и они не испражняются. Да и к тому же они не человекоподобны. А то, возможно, мы этого ограничения не ввели бы.

— Тогда вы будете страшиться их еще больше.

— Да неужели? — сказал Амадиرو. — Чепуха. Разве вы боитесь Дэниела? Если положиться на эту гиперволновую программу, хотя, признаюсь, я ей не слишком доверяю, так вы очень привязались к Дэниелу. И сейчас питаете к нему то же чувство, не правда ли?

Молчание Бейли было достаточно красноречиво, и Амадиро поспешил воспользоваться своим преимуществом.

— Вот в эту минуту, — сказал он, — вас совершенно не трогает тот факт, что Жискар стоит в алькове молча и неподвижно. Однако некоторые ваши непроизвольные движения выдают, что вас смущает такое же положение Дэниела. Вы чувствуете, что он слишком похож на человека, что с ним нельзя обходиться как с роботом. И вы вовсе не боитесь его, потому что он выглядит как человек.

— Я землянин, — сказал Бейли. — У нас есть роботы, но не культура роботов. Я не могу служить доказательством.

— А Глэдия, которая предпочла Джендера людям...

— Она солярианка. И тоже не может служить доказательством.

— Так что же, по-вашему, может служить доказательством? Вы просто рассуждаете и строите догадки. Мне представляется очевидным, что робот, достаточно сходный с человеком, будет восприниматься как человек. Разве вы требуете подтверждений, что я не робот? С вас достаточно, что я выгляжу человеком. И нас не будет беспокоить, заселен ли новый мир аврорианцами, только похожими на людей, или действительно людьми, поскольку разница незаметна. Но люди или роботы, эти поселенцы будут так или иначе аврорианцами, а не землянами.

Бейли растерялся и сказал совсем не убедительно:

— Ну а если вы так и не научитесь производить человекоподобных роботов?

— С чего вы взяли, что мы потерпим неудачу? Заметьте, я говорю «мы». Тут нас много.

— Даже большое число посредственностей не складывается в одного гения.

— Мы не посредственности, — жестко сказал Амадиرو. — Фастольф еще убедится, что ему выгоднее быть с нами.

— Не думаю.

— А я думаю. Ему не понравится остаться без всякого влияния в Законодательном собрании, а когда наши планы заселения Галактики начнут осуществляться и он убедится, что не может нам помешать, он присоединится к нам. Такой поступок будет только естественным.

— Я не думаю, что вы победите, — сказал Бейли.

— Так, по-вашему, вы каким-то образом выгородите Фастольфа и, может быть, впутаете в это дело меня или кого-то другого?

— Очень возможно, — сказал Бейли с решимостью отчаяния.

Амадиро покачал головой:

— Друг мой, полагай я, что у вас есть хоть малейшая возможность помешать моим планам, разве я сидел бы сложа руки и ждал конца?

— А вы и не ждете, а делаете все, что в ваших силах, чтобы сорвать это расследование. Зачем бы, будь вы уверены, что я никак помешать вам не могу?

— Ну, — сказал Амадиро, — немного помешать вы можете, деморализуя некоторых членов Института. Вы не опасны, но способны причинить мелкие неприятности, а мне они тоже не нужны. Поэтому я положу им конец, но сделаю это без эксцессов, даже мягко. Будь вы правда опасны...

— Что вы могли бы сделать в таком случае, доктор Амадиро?

— Я мог бы схватить вас и запереть, пока вас не выслали бы. Мне кажется, аврорианцы в целом остались бы равнодушны, как бы я ни поступил с землянином.

— Вы стараетесь запутать меня, — сказал Бейли. — Но у вас ничего не выйдет. Вы прекрасно знаете, что в присутствии моих роботов не можете меня и пальцем тронуть.

— А вам не приходит в голову, что у меня под рукой сотня роботов? Ваши против них бессильны.

— И все сто не причинят мне вреда. Они не различают землян и аврорианцев. Я человек, и меня охраняют Три Закона.

— Они могут обездвигить вас, не причинив вам вреда, а тем временем ваши роботы будут уничтожены.

— Нет, — ответил Бейли. — Жискар слышит каждое ваше слово и, если вы попытаете призвать своих роботов, Жискар обездвигит вас. Он движется молниеносно, а после этого ваши роботы уже ничего сделать не смогут, даже если вам и удастся их вызвать. Они поймут, что любое посягательство на меня станет причиной вреда вам.

— По-вашему, Жискар может причинить мне вред?

— Чтобы защитить меня? Несомненно. В случае абсолютной необходимости он вас убьет.

— Это вы уже выдумываете.

— Вовсе нет, — ответил Бейли. — Дэниел и Жискар получили инструкцию защищать меня. И Первый Закон был в этом смысле подкреплён со всем искусством, на какое способен доктор Фастольф, — причем конкретно для меня. Прямо мне этого не говорили, но я не сомневаюсь, что так и есть. Если роботам придется выбирать между вредом для вас и вредом для меня, пусть я и землянин, их выбор предreshен. Полагаю, вы прекрасно понимаете, что у доктора Фастольфа нет особого желания оберегать вас.

Амадирос засмеялся, а потом сказал с широкой улыбкой:

— Не сомневаюсь, что вы правы во всем, мистер Бейли, но очень хорошо, что вы это изложили. Вы знаете, дорогой сэр, что я тоже фиксирую наш разговор, я же с самого начала предупредил вас, и теперь очень рад своей предусмотрительности. Доктор Фастольф, возможно, сотрет заключительную часть нашего разговора, но, не сомневайтесь, я его примеру не последую. Из ваших слов ясно, что он готов с помощью

роботов причинить мне вред, даже убить меня, если сумеет, тогда как из нашего разговора — да и любого другого — никак не следует, что я планирую физические посягательства на него, или даже на вас, мистер Бейли. Так кто же из нас злодей? По-моему, вы это ясно показали, и давайте на этом закончим нашу беседу.

Он встал, все еще улыбаясь, и Бейли, судорожно сглатывая, тоже встал — почти машинально.

— Впрочем, — продолжал Амадирос, — я хочу еще кое-что добавить. Не о наших мелких недоразумениях здесь на Авроре. О вашей проблеме, мистер Бейли.

— Моей проблеме?

— Пожалуй, мне следовало бы сказать — о проблеме Земли. Мне кажется, вам очень-очень хотелось бы выручить беднягу Фастольфа, избавить его от последствий того, что он сам же натворил, так как вы верите, будто это даст вашей планете шанс для экспансии. Разуверьтесь, мистер Бейли. Вы глубоко заблуждаетесь — вляпались, если прибегнуть к вульгарному выражению, на которое я набрел в одном из исторических романов о вашей планете.

— Мне оно незнакомо, — холодно сказал Бейли.

— Я хочу сказать, вы понимаете все как раз наоборот. Видите ли, когда Законодательное собрание поддерживает мои планы (заметьте, я говорю «когда», а не «если»), Земле, не спорю, придется довольствоваться собственной солнечной системой, но, в сущности, для ее же пользы. Перед Авророй откроется перспектива учреждения безграничной империи. Если тогда мы будем уверены, что Земля останется просто Землей, причем навеки, нас она перестанет заботить. Имея в своем распоряжении всю Галактику, мы не посягнем на единственный мир землян. И даже не откажемся помочь сделать этот мир более комфортабельным для его населения, насколько это окажется практичным. С другой стороны, мистер Бейли, если аврорианцы пойдут навстречу желанию доктора Фастольфа и разрешат Земле отправлять в космос собственных поселенцев, весьма скоро все больше и больше аврорианцев начнут понимать, что Земля захватит Галактику, а мы будем окружены, заперты, обречены на упадок и гибель. А уж тогда я ничего сделать не смогу. Мое собственное

расположение к землянам окажется бессильным перед бурей подозрений и предубеждений, которая ничего хорошего Земле не сулит. А потому, мистер Бейли, если вы действительно принимаете близко к сердцу благо своих сопланетников, должны думать только о том, как бы Фастольфу не удалось навязать Авроре свой губительный план. Вам следовало бы стать моим союзником. Вы поразмыслите. А я сказал вам все это, поверьте, только из самых дружеских чувств и симпатии к вам и к вашей планете.

Амадиرو улыбался все так же широко, но совсем уж волчьей улыбкой.

57

Следом за Амадиро Бейли и его роботы покинули кабинет и пошли по коридору. Амадиро остановился у одной из дверей.

— Не хотите ли воспользоваться удобствами перед дорогой?

На секунду Бейли недоуменно нахмурился. Но тут же вспомнил, что означает старинный эвфемизм, который употребил Амадиро. Он ведь тоже читал старинные романы!

— Какой-то древний генерал (забыл его имя), учитывая возможные неожиданности, однажды порекомендовал: «Если есть возможность помочиться, не упускай ее!»

Амадиро широко улыбнулся:

— Превосходный совет. Почти не уступающий моей рекомендации серьезно обдумать мои слова... Но, кажется, вы все-таки колеблетесь? Неужели вы воображали, что я устрою вам ловушку? Поверьте, я не дикарь. Вы мой гость, и одно это обеспечивает вам полную безопасность.

— Если я и колеблюсь, — осторожно ответил Бейли, — то потому лишь, что не знаю, насколько прилично мне, неаврорианцу, воспользоваться... э... вашими удобствами.

— Вздор, мой дорогой Бейли. Есть ли у вас выбор? Нужда диктует свои условия. Прошу вас, воспользуйтесь. Хотя бы в доказательство того, что лично я свобо-

ден от аврорианских предрассудков и желаю вам с Землей всяких благ.

— А не могли бы вы доказать это еще нагляднее?

— Каким образом, мистер Бейли?

— Продемонстрировав, что стоите выше предрассудков вашей планеты, касающихся роботов...

— Таких предрассудков вообще нет, — быстро перебил Амадиро.

Бейли глубокомысленно кивнул и закончил фразу:

— ...разрешив им войти в Личную вместе со мной? Без них я теперь чувствую себя неловко.

На мгновение Амадиро будто растерялся, но справился с собой и ответил почти без паузы, хотя и хмуро:

— Пожалуйста, мистер Бейли.

— Но тот, кто внутри, может возмутиться. Мне не хотелось бы стать причиной скандала.

— Там никого нет. Это одноместная Личная, и, если она занята, горит предупредительный сигнал.

— Благодарю вас, доктор Амадиро, — сказал Бейли, открывая дверь. — Жискар, войди.

Жискар явно заколебался, но не возразил и вошел, а за ним по жесту Бейли и Дэниел. Но тот взял Бейли за локоть и увлек за собой. Пока дверь закрывалась, Бейли успел сказать:

— Я недолго. Еще раз спасибо за разрешение.

Он старался выглядеть беззаботным, но внутри у него все сжалось. Какой неприятный сюрприз ждет его тут?

58

Однако Личная была пуста. И меньше, чем в доме Фастольфа. Ее даже обыскивать не потребовалось.

Жискар и Дэниел молча встали у самой двери, точно стараясь не заходить в помещение дальше самого необходимого.

Бейли хотел заговорить нормальным голосом, но у него получилось одно сипение. Откашлявшись с ненужной громкостью, он выговорил:

— Вы можете отойти от двери... и, Дэниел, тебе молчать необязательно. (Дэниел бывал на Земле и знал, что там в Личных разговаривать не принято.)

И Дэниел показал, что помнит об этом табу — он прижал палец к губам.

— Да знаю я, знаю, — проворчал Бейли, — но забудь об этом. Если Амадирос вопреки аврорианскому обычаю допустил роботов в Личную, так мы же не на Земле, чтобы соблюдать тамошние запреты.

— Но вам не станет неловко, партнер Элайдж? — спросил Дэниел вполголоса.

— Ничутьточки, — ответил Бейли обычным тоном. (Действительно, разговор с Дэниелом, роботом, оказался вовсе не угнетающим. Голоса в таком помещении без людей прозвучали не так уж устрашающе. А вернее, и вовсе не устрашающе, поскольку были тут только роботы, пусть один и выглядел совсем человеком. Естественно, сказать это вслух Бейли не мог. Пусть у Дэниела не было чувств, которые следовало бы щадить, Бейли переживал за него.)

Внезапно Бейли пришла в голову еще одна мысль, и он почувствовал себя полным идиотом.

— Или, — спросил он совсем уж замогильным шепотом, — ты намекнул, что надо молчать, так как эта комната прослушивается? — Последнее слово он произнес совсем уж беззвучно.

— Если, партнер Элайдж, вы опасаетесь, что люди снаружи могут разобрать, о чем здесь говорят, с помощью подслушивающего устройства, то это абсолютно исключено.

— Почему?

Туалетное удобство мгновенно и бесшумно самоочистилось, и Бейли перешел к раковине.

— На Земле, — ответил Дэниел, — плотная населенность Городов исключает уединение. Подслушивание само собой разумеется, и приспособления для большей его эффективности, вероятно, воспринимаются как нечто естественное. Если землянин не хочет, чтобы его подслушивали, он просто замолкает. Вот поэтому, наверное, молчание стало нерушимым правилом в помещениях, формально подразумевающих уединенность, и, в частности, в тех, которые вы называете Личными. На Авроре же, как и на всех космомирах, уединенность — реальный факт и ценится очень высоко. Вряд ли вы забыли Солярно и патологические крайности, до кото-

рых доводит желание обеспечить ее? Но даже на Авроре при всем ее отличии от Солярии каждый человек отделен от всех остальных расстоянием, на Земле невозможным, а вдобавок еще и стеной из роботов. Посягнуть на такую изолированность было бы немислимым поступком.

— По-твоему, установка тут подслушивающего устройства явилась бы преступлением?

— Хуже, партнер Элайдж. Дикостью, недостойной благородного аврорианца, гордого своей цивилизованностью.

Бейли поглядел по сторонам. Неверно истолковав этот взгляд, Дэниел тотчас извлек полотенце из малоприметного автомата и протянул его Бейли.

Полотенце Бейли взял, но думал он о другом: его глаза шарили по стенам, выискивая микрофон. Чтобы кто-то отказался от такого преимущества, оберегая свою цивилизованность? Чушь! Однако он ничего не увидел и уныло подумал, что иначе и быть не могло. Откуда ему знать, как выглядят микрофоны на Авроре? Иная культура, и все тут иное.

Но у него были и кое-какие другие подозрения.

— Дэниел, ты знаешь аврорианцев лучше, чем я, так объясни, почему Амадиро до такой степени со мной любезен? Беседует со мной обстоятельно, не спеша, предлагает воспользоваться этим помещением, о чем Василия и слушать не пожелала. Держится так, словно ему не жаль тратить на меня свое драгоценное время. Что это? Вежливость?

— Многие аврорианцы считают вежливость высоким достоинством. Может быть, Амадиро принадлежит к таким. Он ведь несколько раз подчеркивал, что он — не дикарь.

— Еще вопрос. Почему он позволил мне взять с собой в это помещение тебя с Жискаром? Как ты полагаешь?

— Мне кажется, он хотел успокоить вас на случай, если вы заподозрите тут какую-то ловушку.

— К чему было затрудняться? Неужели он хотел избавить меня от ненужной тревоги?

— Еще одна любезность благородного и цивилизованного аврорианца.

Бейли покачал головой:

— Что же, если это помещение прослушивается и Амадиرو меня слышит, то пусть! Я не считаю его благородным и цивилизованным аврорианцем. Он без обиняков дал мне понять, что я должен оставить расследование, иначе он добьется, чтобы плохо пришлось всей Земле. Так это благородный и цивилизованный поступок? Или гнусный шантаж?

— Самый благородный аврорианец, — сказал Дэниел, — может оказаться в положении, когда угрозы становятся необходимостью, но прибегнет он к ним со всей цивилизованностью.

— Как и поступил Амадиро. Следовательно, благородным и цивилизованным аврорианца делает форма, а не содержание его речи. А впрочем, Дэниел, ты же робот и не способен отнестись к человеку критически, верно?

— Да, мне было бы трудно, — ответил Дэниел. — Но можно мне задать вопрос, партнер Элайдж? Почему вы попросили разрешения, чтобы друг Жискар и я вошли сюда с вами? Мне казалось, раньше вы не хотели признавать, что вам грозит опасность. Вы теперь решили, что чувствуете себя спокойно только в нашем присутствии?

— Вовсе нет, Дэниел. Теперь я совершенно убежден, что опасность мне не угрожала и не угрожает.

— Однако, когда вы вошли сюда, партнер Элайдж, вы вели себя так, словно подозревали что-то. Вы обыскали помещение.

— Естественно! Я сказал, что мне опасность не угрожает, но я не утверждаю, что опасности вообще нет.

— Я не улавливаю разницы, партнер Элайдж.

— Поговорим об этом позже, Дэниел. Я все еще не уверен, что нас не подслушивают.

Бейли вытер руки и добавил:

— Как видишь, Дэниел, я не торопился, даже наоборот. Теперь я готов отправиться дальше. Интересно, Амадиро все еще терпеливо ждет нас или порекомендовал кому-нибудь проводить нас до дверей. Ведь он человек *очень* занятой и вряд ли ему удобно потратить на меня весь день.

— Будет более логичным, если доктор Амадиро на-
шел себе замену.

— А ты, Жискар? Что думаешь ты?

— Я согласен с другом Дэниелом, хотя согласно
моему опыту люди не всегда выбирают наиболее логич-
ный образ действий.

— Лично я, — сказал Бейли, — не сомневаюсь, что
Амадиро ждет нас с полным терпением. Если что-то
заставило его уже потратить на нас столько времени,
побудительная причина, в чем бы она ни заключалась,
еще не утратила своей силы.

— Не представляю себе, партнер Элайдж, что это
может быть за причина, — сказал Дэниел.

— Вот и я не представляю, Дэниел, — ответил Бей-
ли. — И это сильно меня тревожит. Однако откроем
дверь и посмотрим.

59

Амадиро ждал за дверью точно на том же месте, где
они его оставили. Он улыбнулся им без малейших
признаков нетерпения. Бейли не удержался и бросил на
Дэниела взгляд, без слов говоривший «ага!», но тот
сохранял полную невозмутимость.

— Жаль, мистер Бейли, что вы не оставили Жиска-
ра за дверью, входя в Личную. Я ведь имел много
случаев познакомиться с ним в былые времена, когда
отношения между мной и Фастольфом еще не испорти-
лись, но как-то не получалось. Вы знаете, что Фастольф
был моим учителем?

— Неужели? — отозвался Бейли. — Нет, я не знал.

— Откуда же? Разве что кто-нибудь вам сказал, но
вы пробыли на нашей планете так недолго, что, Есте-
ственно, не успели набраться подобных мелких сведений.
Идемте! Мне пришло в голову, что вы с полным правом
сочтете меня негостеприимным, если я не покажу вам
Институт, раз уж вы здесь.

— Право же! — Бейли насторожился. — Мне...

— Нет, я вас не отпущу! — сказал Амадиро власт-
но. — Вы прибыли на Аврору вчера утром и, полагаю,
останетесь здесь очень недолго. Вряд ли вам когда-ни-
будь еще представится случай заглянуть в современную

лабораторию, ведущую исследования в сфере рロボпсихологии.

Он взял Бейли под руку и продолжал говорить совсем запросто — тараторить, вдруг подумал Бейли с недоумением.

— Вы умылись, — болтал Амади́ро. — Позаботились о прочих своих нуждах. Возможно, у вас найдутся вопросы к другим рробопсихологам, и я буду только рад, так как хочу доказать, что не намерен вам ни в чем препятствовать в то короткое время, которое остается у вас для вашего расследования, пока на него не наложен запрет. И почему бы вам не поужинать с нами?

— Можно мне сказать, сэр... — начал Жискар.

— Нельзя! — резко оборвал его Амади́ро, и робот умолк. — Мой дорогой мистер Бейли, — продолжал Амади́ро, — я понимаю роботов. Никто не понимает их лучше — кроме, разумеется, нашего злополучного Фастольфа. Жискар, не сомневаюсь, хотел напомнить вам о каком-то деловом свидании, каком-то обещании или деле, но теперь это ни к чему. Поскольку расследование практически окончено, то, о чем он хотел вам напомнить, уже утратило всякую важность. Забудем весь этот вздор и на краткий час будем друзьями. Поверьте, мой добрый мистер Бейли, я питаю живейший интерес к Земле и ее культуре. Не самое популярное увлечение на Авроре, но я просто покорен. Особенно меня занимает древняя история Земли, когда там говорили на сотнях языков, а межзвездный единый был еще делом будущего... Да, кстати, межзвездным вы владеете просто превосходно... Нет, нет, не сюда! — внезапно перебил себя Амади́ро и увлек Бейли за собой в поперечный коридор. — Мы идем в зал стимуляции позитронных связей. Он обладает своеобразной, хотя и жутковатой красотой, и, возможно, включено что-нибудь увлекательное. Симфония образов... Но я говорил о том, как вы владеете межзвездным. Среди многих аврорианских предубеждений против Земли существует и поверье, будто земляне говорят на межзвездном так, что их невозможно понять. Когда показывали гиперволновую постановку о вас, многие не верили, что в ней играли земные актеры — ведь все они говорили безупречно. Но я вас прекрасно понимаю!

При последних словах он улыбнулся, а потом продолжал доверительно:

— Я пытался читать Шекспира, но в оригинале он мне, естественно, недоступен, а в переводе кажется каким-то плоским. Вина, не сомневаюсь, переводчика, а не Шекспира. Диккенс и Толстой идут у меня лучше, возможно, потому что это проза, хотя имена персонажей и у того и у другого равно неудобопроизносимы. Мистер Бейли, все это я говорю, потому что я друг Земли. Искренний. И хочу того, что для нее лучше. Вы понимаете? — Он посмотрел на Бейли, и снова из его смеющихся глаз выглянул волк.

Бейли сказал громко, вклинивая свой голос в журчащие фразы Амадирос:

— Боюсь, я не могу воспользоваться вашей любезностью, доктор Амадирос. Мне больше не о чем спрашивать ни вас, ни кого-либо другого здесь, а у меня еще есть дела. Если вы...

Бейли умолк. До его слуха донеслось странное рокотание.

— Что это? — спросил он с тревогой.

— О чем вы? Я ничего не заметил. — Амадирос оглянулся на двух роботов, которые следовали за ними в полном молчании. — Ничего! — повторил он властно. — Абсолютно ничего!

Бейли понял, что это эквивалент приказа. Теперь роботы уже не могли сказать, что слышали рокот, — это значило бы поступить наперекор воле человека. Разве что сам Бейли отдал бы контрприказ, но он знал, что не сумеет взять верх над профессионализмом Амадирос.

Да и неважно! Он-то слышал, а он не робот и не позволит морочить себя.

— По вашим же словам, доктор Амадирос, — сказал он, — у меня почти не остается времени. А потому я должен...

Снова рокот — и гораздо громче. В голосе Бейли появилась сталь:

— Полагаю, это именно то, чего вы не слышали раньше и чего не слышите теперь. Отпустите меня, сэр, или я обращусь за помощью к моим роботам.

Амадирос тут же отпустил руку Бейли.

— Друг мой, вам достаточно высказать желание. Идемте! Я провожу вас до ближайшего выхода, и, если вы когда-нибудь вновь окажетесь на Авроре, что кажется весьма маловероятным, прошу вас, загляните в Институт, и я покажу вам его, как обещал.

Они ускорили шаги, спустились по спиральному пандусу, прошли по коридору до обширного и теперь совершенно пустого вестибюля и оказались перед дверью, через которую не так давно вошли в Институт.

Окна в вестибюле были непроницаемо темными. Неужели наступила ночь? Но нет. Амадиро пробормотал себе под нос:

— Жуткая погода! Окна заматировали. — Он обернулся к Бейли. — Вероятно, идет дождь. О нем предупреждали в прогнозе, которые в общем-то надежны, а уж скверные — всегда.

Дверь отворилась, и Бейли, охнув, отшатнулся. В вестибюль ворвался холодный ветер, на фоне неба — не черного, но тускло-серого — гнулись и качались вершины деревьев. А с неба падала вода — лилась струями. Бейли в ужасе посмотрел вверх, и тут по всему небу зазмеилась ослепительно яркая полоска света, а затем раздался тот же рокот, завершившись оглушительным треском, словно небо раскололось.

Бейли повернулся и бросился назад, испуганно всхлипывая.

Глава 15

СНОВА ДЭНИЕЛ И ЖИСКАР

60

Бейли почувствовал, как сильные руки Дэниела сжали его руки у самых плеч. Он остановился и вынул себя оборвать это детское хныканье. Его била неудержимая дрожь.

— Партнер Элайдж, — сказал Дэниел с самым почтительным уважением, — это гроза... предсказанная... ожидавшаяся... самая обычная.

— Знаю, — шепнул Бейли.

Да, он знал. В книгах, которые он читал, грозы описывались несчетное количество раз — и в художественных, и в научно-популярных. Он видел голографические их изображения и в гиперволновках — и звуки, и ослепительные вспышки — ну, словом, все. Но реальное стихийное явление — подлинные звуки, подлинное зрелище — для них Город был недоступен, и Бейли ни разу в жизни не испытывал ничего подобного.

Как ни хорошо знал он грозы в теории, настоящая гроза потрясла его. Описания, слова, изображения на картинках и маленьких экранах, записи звуков совершенно не подготовили его к тому, что вспышки так ослепительны и так змеятся по небосводу, что звуки так оглушительны и так раскатисты, словно отдаются в пустоте, что вспышки и звуки так внезапны, а дождь льется словно из неиссякаемой перевернутой чаши.

— Я не могу выйти в это... в эту... — пробормотал он тоскливо.

— И не надо, — твердо сказал Дэниел. — Жискар подаст машину прямо к двери. На вас и капли не упадет.

— Но почему не подождать, пока она не кончится?

— Это вряд ли разумно, партнер Элайдж. Дождь будет идти до полуночи или дольше, а если председатель прибудет завтра утром, как намекнул доктор Амади-ро, вам будет полезнее провести вечер, советуясь с доктором Фастольфом.

Бейли заставил себя повернуться лицом навстречу тому, от чего ему хотелось бежать опрометью, и поглядел в глаза Дэниела. Они, казалось, выражали тревогу и глубокое сочувствие, но Бейли уныло подумал, что это только его собственное воображение. У роботов эмоции отсутствуют — есть только позитронные импульсы, имитирующие эмоции. (Но, может быть, и у людей никаких эмоций нет, — а только нервные импульсы, которые истолковываются как чувства.)

Он смутно осознал, что Амади-ро покинул вестибюль, и прошептал:

— Амади-ро нарочно меня задерживал — предложив зайти в Личную, бессмысленным словоизвержением, не позволяя тебе или Жискару перебить его и предупредить меня о грозе. Он даже уговаривал меня осмотреть Институт и поужинать с ним. И перестал, только услышав звуки грозы. Значит, он дожидался ее.

— Выглядит именно так. Но если гроза заставит вас задержаться тут, возможно, он этого и добивался.

Бейли тяжело вздохнул:

— Ты прав. Мне необходимо отсюда выбраться... если смогу.

Он, стиснув зубы, шагнул к двери — она так и осталась открытой, и за ней с темно-серого неба лилась и лилась серая вода. Еще шаг. Еще... Он почти повис на Дэниеле.

У двери спокойно ждал Жискар.

Бейли остановился, закрыл на секунду глаза, а потом сказал тихо, больше себе, чем Дэниелу:

— Я должен! — И снова шагнул.

— Вы чувствуете себя хорошо, сэр? — спросил Жискар.

Дурацкий вопрос, подумал Бейли, заложенный в его программу. Хотя, если на то пошло, так не глупее вопросов, которые иной раз задают совершенно невпопад потому лишь, что так запрограммировано правилами вежливости.

— Да, — ответил Бейли голосом, который вопреки его усилиям не поднялся выше хриплого шепота. Бессмысленный ответ на дурацкий вопрос: Жискар, пусть и робот, не мог не заметить, что чувствует себя Бейли очень скверно, и его ответ — очевидная ложь.

Однако ответ этот освободил Жискара для следующего шага. Он сказал:

— Сейчас я пойду к машине и подведу ее к двери.

— А она будет двигаться в такую... под такой водой, Жискар?

— Да, сэр. Дождь самый обычный.

Он ровным шагом скрылся за водяной завесой. Молнии сверкали почти непрерывно, нескончаемо ворчал гром, каждые две-три минуты достигая краткого крещендо.

Впервые в жизни Бейли позавидовал роботу. Спокойно идти, не обращая внимания на воду, сверканье и грохот, жить псевдожизнью, исключаяющей страх. Не бояться боли, не бояться смерти. Потому что ни боли, ни смерти для тебя не существует. Но при этом жить без способности мыслить самостоятельно, не зная внешних интуитивных озарений...

Однако стоят ли эти дары того, чем их оплачивают люди? В эту минуту Бейли не знал, что ответить. Но понимал: стоит ужасу рассеяться и станет очевидно, что любая цена за право быть человеком не покажется слишком высокой. Теперь же он сознавал только, как колотится его сердце, и совершенно лишился воли, а потому невольно подумал: какой смысл быть человеком, если ты не в силах преодолеть этот гнездящийся в тебе ужас, эту сокрушающую агорафобию.

Но он же в течение двух дней много времени проводил под открытым небом и умудрялся чувствовать себя практически нормально!

Однако страха он не поборол, в чем убедился теперь. Только подавлял его, напряженно думая о другом. Но гроза отняла возможность сосредоточиться.

Нельзя этого допустить. Если мысль, гордость, воля перестали быть опорой, остается стыд. Поддаться слабости под безразличными и в своем безразличии высокими взглядами роботов? Стыд должен пересилить страх.

Его талию успокаивающе обвивала рука Дэниела, но стыд помешал ему сделать то, чего ему больше всего хотелось в эту минуту, — повернуться и спрятать лицо на груди робота. Будь Дэниел человеком, наверное, он не удержался бы... Видимо, он утратил связь с реальностью — голос Дэниела доносился до него словно бы издалека. И звучал он так, будто Дэниел испытывал что-то вроде паники.

— Партнер Элайдж, вы меня слышите?

Из той же дали донесся голос Жискара:

— Надо взять его на руки.

— Нет, — промямлил Бейли. — Я пойду сам.

Может быть, они его не расслышали, а может быть, он только подумал, будто сказал это. Он почувствовал, что его оторвали от земли. Левая рука беспомощно повисла, и он попытался поднять ее, упереть в чье-нибудь плечо, выпрямиться, нащупать ногами землю и встать прямо. Но левая рука продолжала болтаться в воздухе, все его усилия кончились ничем.

Он смутно замечал, что движется по воздуху, ощутил брызги на лице. Не настоящую воду, а влажный воздух. К его левому боку прижималось что-то твердое, к правому — что-то упругое.

Он уже сидел в машине между Жискаром и Дэниелом. И сознавал главным образом то, что Жискара совершенно мокрый.

Тут его обдала струя теплого воздуха. Густой сумрак снаружи, пленка воды, скользящая по стеклам, совсем заматовали стекла — во всяком случае, так казалось Бейли, пока окна не стали по-настоящему матовыми и наступил непроницаемый мрак. Мягкий шум двигателя, когда машина поднялась над травой и качнулась, приглушил рокот грома и словно вырвал его зубы.

— Сожалею, что моя мокрая поверхность причиняет вам неудобство, сэр, — сказал Жискара. — Но я быстро высохну. Мы немножко подождем, чтобы вы всем оправились.

Бейли стало легче дышать. Он чувствовал себя в чудесном замкнутом пространстве. Он думал: «Верните мне мой Город. Перечеркните Вселенную, пусть ее колонизируют космониты. Кроме Земли, нам ничего не надо».

Но, думая так, он понимал, что в это верит его безумие, а не он.

Необходимо было занять мысли чем-то другим.

— Дэниел, — сказал он слабым голосом.

— Что, партнер Элайдж?

— Председатель. По-твоему, Амадиро правильно оценивал ситуацию, считая, что председатель запретит расследование, или он выдавал желаемое за действительное?

— Возможно, партнер Элайдж, что председатель действительно обсудит положение с доктором Фастольфом и Амадиро. Обычная процедура в спорах такого рода. Есть множество прецедентов.

— Но почему? — растерянно спросил Бейли. — Если Амадиро так убедителен, почему председателю не запретить расследование сразу?

— Председатель, — сказал Дэниел, — находится в сложном политическом положении. Он дал согласие по настоянию доктора Фастольфа, чтобы вас доставили на Аврору, и не может сразу занять противоположную позицию, выставив себя слабым и нерешительным. К тому же оскорбив доктора Фастольфа, который все еще имеет большое влияние в Законодательном собрании.

— Тогда почему же он не отказал Амадиро?

— Доктор Амадиро тоже влиятельный человек, партнер Элайдж, и, вероятно, станет еще влиятельнее. Председатель должен пойти на компромисс и выслушать обе стороны, чтобы принять решение, хотя бы сделав вид, будто он все тщательно взвешивал.

— А на чем будет основано его решение?

— Следует надеяться, что на объективной оценке ситуации.

— Следовательно, завтра утром я должен иметь что-то, что убедит председателя встать на сторону Фастольфа. И это будет победа?

— Председатель не всемогущ, — сказал Дэниел, — но его влияние очень велико. Если он поддержит доктора Фастольфа, то в данных политических условиях доктор Фастольф, возможно, получит поддержку большинства Законодательного собрания.

Бейли заметил, что в голове у него почти совсем прояснилось.

— Это, пожалуй, достаточное объяснение попыток Амадирос задержать нас. Он рассудил, что мне пока нечего сказать председателю, и достаточно помешать мне найти хоть что-нибудь за оставшееся короткое время.

— Вполне вероятно, партнер Элайдж.

— И он отпустил меня, рассчитывая, что гроза помешает мне уехать.

— Возможно, и так, партнер Элайдж.

— В таком случае мы не должны позволить, чтобы гроза нас задержала.

— Куда прикажете отвезти вас, сэр? — спокойно спросил Жискар.

— Назад в дом доктора Фастольфа.

— Нельзя ли подождать еще немного, партнер Элайдж? — спросил Дэниел. — Вы намерены сказать доктору Фастольфу, что должны прекратить расследование?

— Зачем ты спрашиваешь? — резко спросил Бейли. Он уже настолько пришел в себя, что его голос прозвучал громко и сердито.

— Просто я опасаюсь, — ответил Дэниел, — не забыли ли вы, что доктор Амадирос просил вас об этом ради благополучия Земли.

— Я не забыл, — мрачно сказал Бейли. — И удивляюсь, Дэниел, что ты подумал, будто его слова могут на меня повлиять. Фастольфа необходимо очистить от подозрений, а Земля должна послать своих поселенцев в просторы Галактики. Если глобалисты попробуют помешать, все равно надо попытаться.

— Но в таком случае, партнер Элайдж, для чего возвращаться к доктору Фастольфу? Мне кажется, ничего существенного мы сообщить ему не можем. Нет ли возможности продолжить расследование до того, как мы вернемся к доктору Фастольфу?

Бейли выпрямился и прижал ладонь к Жискару, который был уже совсем сухим. Потом сказал совершенно нормальным голосом:

— Я доволен тем, что уже выяснил, Дэниел. Едем, Жискар. В дом доктора Фастольфа. — А затем, сжав кулаки и напрягшись, Бейли добавил: — Только прежде, Жискар, сделай окна прозрачными. Я хочу наблюдать грозу.

62

Затаив дыхание, Бейли ждал. Сейчас маленькая коробка машины утратит непроницаемость, уже не будет состоять только из стенок.

Едва окна обрели прозрачность, как мгновенная вспышка молнии словно сделала окружающий мрак еще чернее по контрасту. Бейли невольно съежился, готовясь услышать гром, который тут же и прогрехотал.

— Хуже уже не будет, — успокоил его Дэниел. — Гроза кончается.

— Мне все равно, кончается она или нет, — произнес Бейли дрожащими губами. — Ну ладно. Едем! — Ему нужно было внушить себе, что он командует роботами.

Машина чуть поднялась в воздух и сразу же накренилась так, что Бейли навалился на Жискара и вскрикнул (вернее, охнул):

— Жискар, выровняй машину!

Дэниел обнял Бейли за плечи и мягко посадил прямо. Другой рукой он держался за скобу на стойке.

— Это невозможно, партнер Элайдж, — объяснил он. — Ветер очень силен.

— Ты хочешь сказать... нас сдует? — У него по коже забегали мурашки.

— Нет, конечно, — ответил Дэниел. — Будь машина антигравитационной — что, естественно, технически неосуществимо, если отнять у нее массу и инерцию, — вот тогда бы ветер унес ее как пушинку. Но и на воздушной подушке мы сохраняем всю свою массу, и наша инерция противостоит ветру. Тем не менее он нас покачивает, хотя машина остается полностью управляемой.

— Не похоже... — В ушах Бейли стоял пронзительный свист — видимо, решил он, это свистит ветер, разрезаемый корпусом машины. Затем она снова накрепчилась, и Бейли отчаянно ухватился за шею Дэниела, так и не сумев справиться со своей паникой.

Дэниел выждал несколько секунд, а когда Бейли задышал ровнее и чуть-чуть разжал руки, осторожно высвободился, но обнял Бейли крепче и сказал:

— Чтобы удержаться на курсе, партнер Элайдж, Жискар должен включать сопла асимметрично: струи воздуха смещаются так, что машина словно ложится на ветер, и силу и направление струй приходится менять в зависимости от того, как сам ветер меняет силу и направление. Жискар умеет это делать как никто другой, но все-таки полностью избежать крена и покачивания невозможно. И вы должны извинить Жискара, что он не принимает участия в нашем разговоре. Все его внимание отдано управлению машиной.

— Это... это безопасно? — пробормотал Бейли, а внутри его все сжималось: вот так играть с ветром? Еще хорошо, что он давно не ел. Не хватает только, чтобы его вытошнило в машине. От этой мысли ему сразу стало хуже, и он попытался переключиться на другое.

Он вспомнил скоростные полосы на Земле, о том, как он перепрыгивал с одной на другую, более быструю, а затем назад на медленные, всякий раз умело наклоняясь навстречу воздушной струе. В одну сторону, ускоряясь (словечко любителей скачки по полосам), и в другую — замедляясь. В молодости он проделывал это без передышки и безошибочно.

А Дэниел научился этому сразу, и в тот единственный раз, когда они бежали по полосам вместе, Дэниел не сделал ни единой ошибки. И сейчас то же самое. Машина меняет полосы. Абсолютно то же самое!

Ну, конечно, не совсем. Скорость полос в Городе постоянна, и сила встречной струи воздуха полностью предсказуема, поскольку представляет собой результат движения полос. Но в грозу здесь ветер своевольничает, то есть его скорость и направление зависят от такого количества переменных факторов (Бейли сознательно вынуждал себя рассуждать логически), что кажется, будто он обладает собственной волей, и Жискару при-

ходится это учитывать. Вот и все. А в остальном это та же смена полос с некоторыми усложнениями: полосы движутся с переменными, резко меняющимися скоростями.

— А если ветер швырнет нас в дерево? — пробурчал Бейли.

— Очень маловероятно, партнер Элайдж. Жискар замечательно водит машину, а мы движемся совсем низко, что обеспечивает максимум маневренности.

— Ну так заденем днищем валун!

— Мы ничего днищем не заденем, партнер Элайдж.

— Это почему? И как вообще Жискар различает дорогу? — Бейли уставился на стену мрака впереди.

— Солнце еще только заходит, — ответил Дэниел, — и кое-какой свет пробивается сквозь тучи. Вполне достаточно, и к тому же у нас включены фары. Жискар будет усиливать их яркость, если станет темнее.

— Какие еще фары? — сердито спросил Бейли.

— Вы почти не видите их света, — сказал Дэниел, — поскольку он практически инфракрасный, а глаза Жискара в отличие от ваших воспринимают его. Более того, инфракрасный свет обладает большей проникающей способностью, чем коротковолновый, а потому гораздо эффективнее во время дождя или в тумане.

Бейли вопреки недавней его тревоге вдруг почувствовал любопытство:

— И твои глаза, Дэниел, обладают такой же способностью?

— Мои глаза, партнер Элайдж, сконструированы точно наподобие человеческих. О чем в эту минуту можно и пожалеть.

Машина завибрировала, и у Бейли снова перехватило дыхание. Он сказал шепотом:

— Глаза космонитов все еще адаптированы к земному солнцу в отличие от глаз роботов. И это хорошо — пусть напоминает им о их земном происхождении.

Его голос замер. Он ничего не видел, и секундные вспышки ничего не меняли. Только слепили. Он закрыл глаза, но это не помогло — раскаты грома сразу стали более громкими и угрожающими.

Может быть, им следует остановиться? Переждать грозу?

— Машина плохо слушается, — внезапно сказал Жискар.

Бейли почудилось, что их подбрасывает вверх-вниз, точно машина была на колесах и ехала по неровной земле.

— Из-за грозы, друг Жискар? — спросил Дэниел.

— Непохоже, друг Дэниел. И вообще маловероятно, чтобы эта гроза или любая другая вызвала поломку в такой машине.

Бейли с трудом понял, о чем они говорят.

— Поломка, — пробормотал он. — Какая поломка?

— Насколько я могу судить, сэр, — ответил Жискар, — течет компрессор, но очень медленно. Это не просто разрыв.

— А что же тогда? — спросил Бейли.

— Сознательное повреждение, пока она стояла перед административным корпусом. Я уже некоторое время замечаю, что нас преследуют, но старательно не нагоняют.

— Как так, Жискар?

— Возможно, сэр, они ждут, чтобы машина окончательно вышла из строя. Вибрация машины заметно увеличилась.

— До дома доктора Фастольфа мы доберемся сумеем?

— По-видимому, нет, сэр.

Бейли попытался собраться с мыслями.

— В таком случае я неверно понял, с какой целью Амадирос нас задерживал. Он давал время своему роботу или роботам повредить нашу машину так, чтобы мы вынуждены были остановиться среди безлюдья и молний.

— Но зачем ему это? — спросил Дэниел, и в его голосе было потрясение. — Захватить вас? Но ведь вы уже, так сказать, находились у него в руках.

— Я ему не нужен. Я никому не нужен, — сказал Бейли сердито. — В опасности ты, Дэниел.

— Я, партнер Элайдж?

— Да, ты, Дэниел! Жискар, поскорее найди безопасное место для остановки. Как только мы будем на земле, Дэниел должен сразу покинуть машину и найти надежное убежище.

— Это невозможно, партнер Элайдж, — возразил Дэниел. — Я не могу оставить вас, когда вам плохо, и тем более если за нами гонятся и вам что-то угрожает!

— Дэниел! — воскликнул Бейли. — Они гонятся за тобой. Ты обязан скрыться. А я останусь в машине. Мне ничего не угрожает.

— Как я поверю?

— Надо! Понимаешь? Надо. Я не могу объяснить, когда все кружится... Дэниел! — с невероятным усилием Бейли заставил себя говорить спокойно. — Сейчас ты самый важный здесь. Несравненно важнее меня и Жискара, взятых вместе. И прошу я не потому, что ты мне дорог и я не хочу, чтобы с тобой случилась беда. Судьба всего человечества зависит от тебя. Обо мне не беспокойся. Я всего один человек. Беспокойся о миллиардах... Дэниел, пожалуйста!..

63

Бейли почувствовал, что раскачивается из стороны в сторону. Или раскачивалась машина? Она сейчас развалится? Или Жискар теряет управление? Или пытается сбить преследователей с толку?

Бейли было все равно. Да, все равно! Пусть машина разобьется. Пусть разлетится на мелкие куски. Он будет рад забвению. Только бы избавиться от этого ужаса, от полной неспособности обрести равновесие во Вселенной.

Только прежде он обязан удостовериться, что Дэниел спасся. Но как?

Все стало нереальным, как он объяснит роботам, что происходит? Сам он понимает все, но как передать это понимание двум роботам, двум нелюдям, знающим только свои Три Закона, готовым обречь на гибель всю Землю, а в конечном счете и все человечество, потому что не признают ничего, кроме одного человека у себя под носом?

И зачем только изобрели роботов?

И тут, как ни странно, на помощь ему пришел Жискар, более примитивный из двух. Он сказал своим равнодушным голосом:

— Друг Дэниел, я сумею продержать машину в воздухе очень недолго. Вероятно, разумнее будет поступить, как говорит мистер Бейли. Он отдал тебе очень сильный приказ.

— Могу ли я оставить его, когда ему нехорошо, друг Жискар? — спросил Дэниел растерянно.

— Взять его с собой под дождь ты не можешь, друг Дэниел. И к тому же он так хочет, чтобы ты ушел, что, оставшись, ты можешь причинить ему вред.

Бейли почувствовал, что к нему возвращаются силы.

— Да... да... — прохрипел он. — Как сказал Жискар. И ты, Жискар, иди с ним, спрячь его, пригляди, чтобы он не вернулся, а тогда возвращайся за мной.

— Этого нельзя, партнер Элайдж! — твердо сказал Дэниел. — Мы не можем бросить вас одного без защиты, без помощи!

— Опасности нет... для меня. Делайте, что я сказал...

— За нами следуют, видимо, роботы, — заметил Жискар. — В такую грозу люди не решатся покинуть дом. А роботы не причинят вреда мистеру Бейли.

— Они могут забрать его с собой, — возразил Дэниел.

— Не в грозу, друг Дэниел. Ведь это значило бы причинить ему несомненный вред. Сейчас я остановлю машину, друг Дэниел. Будь готов выполнить приказ мистера Бейли. Как я.

— Отлично! — прошептал Бейли. — Отлично! — Как все-таки удобен простой мозг! Сразу же подчиняется команде, а не теряется в «за» и «против», приходящих с изощренностью.

Ему смутно представилось, что Дэниел попал в ловушку зловещего противоречия: он видит, что Бейли плохо, а приказ требует его покинуть. И это противоречие выводит из строя его мозг.

«Нет, нет, Дэниел! — подумал Бейли. — Просто сделай то, что я тебе велю, и ни в чем не сомневайся!»

Машина ударились о землю, чиркнув по ней днищем, и остановилась. Дверцы по обеим сторонам распахнулись и тут же закрылись с тихим вздохом. Роботы исчезли. Приняв решение, они не колебались, а двигались они с быстротой, недоступной людям.

Бейли перевел дух и вздрогнул. Но машина стояла неподвижно. Теперь она была частью поверхности.

Внезапно он понял, что в значительной мере его страдания объяснялись покачиваниями и толчками, ощущением зыбкости, оторванности от надежной Вселенной, превращением в игрушку бездушных стихийных сил.

Однако теперь мир замер в неподвижности, и Бейли открыл глаза, не успев толком осознать, что закрывал их.

У горизонта еще сверкали молнии, гром рокотал уже глухо, но ветер, встречая теперь больше сопротивление — неподвижный предмет оказался совсем уж непреодолимой преградой, — свистел пронзительнее.

Вокруг чернел мрак. Глаза Бейли были всего лишь человеческими, и он не видел никакого света, кроме дальних вспышек молний. Солнце, несомненно, уже зашло, а облачный покров был густым.

И впервые с той минуты, когда он покинул Землю, Бейли остался совсем один!

64

Один!

Все это время он чувствовал себя слишком скверно и почти ничего не соображал. Даже и теперь он не знал, что мог бы сделать и что сделал бы, если бы в его меркнувшем сознании оставалось место для других мыслей, кроме одной-единственной — Дэниел должен бежать.

И вот он не спросил, где находится, что есть по соседству, с чем и куда направляются Дэниел и Жискаар. И он понятия не имел о механизмах машины. Естественно, он не сумел бы поднять ее в воздух, но вот включить обогрев, если ему станет холодно, и выключить его, если понадобится... ничего этого он тоже не знал.

Он не знал, как заматовать окна, если бы захотел замкнуться, и не знал, как открыть дверцу, если бы захотел выйти.

Ему оставалось только ждать возвращения Жискара, ведь у Жискара нет выбора. Приказ ему был очень прост: «Возвращайся за мной», и не содержал даже

намека, что он, Бейли, может уйти куда-то, и это «возвращайся» прямолинейное незамусоренное сознание Жискара, конечно же, истолкует как распоряжение вернуться к машине.

Бейли попытался освоиться с этой мыслью. В каком-то смысле просто ждать было облегчением. Ничего не решать... Да и какое решение мог он принять? Как все-таки хорошо, что машина неподвижна и можно отдохнуть, избавившись от жутких вспышек и небесного грохота.

Не соснуть ли ему? Он вздрогнул. Можно ли так рисковать?

За ними гнались. За ними наблюдали. Машину, пока она стояла у административного корпуса, кто-то повредил, и повредившие вот-вот появятся. И ждет он их, а не только Жискара.

Но ясно ли он обдумал все это, находясь в таком состоянии? Машину повредили перед административным корпусом. Сделать это мог и случайный прохожий, но более вероятно, что это был тот, кто знал, что она там. А кому это было известно лучше, чем Амадиро?

Амадиро нарочно задерживал его, пока не разразилась гроза. Тут никаких сомнений нет. Амадиро рассчитал, что он уедет в грозу и машина сломается в грозу. Амадиро изучал Землю и ее обитателей — он этим хвастал. И, значит, прекрасно понимал, как тяжело землянам находиться во Вне, а в грозу тем более.

Он, конечно, убежден, что Бейли скоро станет очень скверно.

Но зачем ему это?

Чтобы вернуть Бейли в Институт? Но Бейли уже был там. Да, но Бейли, не доведенный почти до умопомешательства, Бейли под охраной двух роботов, вполне способных защитить его физически. Но теперь-то все переменялось!

Если машина сломается в грозу, Бейли будет сломлен эмоционально. Может быть, даже потеряет сознание и уж во всяком случае не сумеет потребовать, чтобы его не возвращали в Институт. И его роботы не помешают. Видя, что Бейли плохо, они помогут роботам Амадиро спасти его.

И оба робота вынуждены будут вернуться с ним и ничего не смогут поделать.

А если кто-то заинтересуется действиями Амадирос, тому достаточно ответить, что он опасался отпустить Бейли в грозу, предлагал ему переждать ее в Институте, а получив отказ, послал следом за ним своих роботов — на всякий случай. Что оказалось очень удачно: когда машина сломалась в безлюдной местности, его роботы доставили Бейли в безопасное убежище. И если никто не будет знать, что машину повредили по приказу Амадирос (а кто этому поверит, если доказательств нет?), то все только восхитятся добротой Амадирос — тем более удивительной, что объектом ее был землянин — недочеловек!

А что тогда Амадирос сделает с Бейли? Да ничего. Просто задержит его на некоторое время, потому что на выручку к нему не придет никто. Сам Бейли его не интересуется. В том-то вся соль!

У Амадирос окажутся и два робота Бейли, совершенно беспомощные. Инструкции, полученные ими, требовали от них неукоснительно оберегать Бейли, и если Бейли стало плохо и ему помогают, они начнут исполнять распоряжения Амадирос, если эти распоряжения будут отдаваться якобы для пользы Бейли. Да и сам Бейли (скорее всего) вряд ли сумеет нейтрализовать эти распоряжения. А возможно, его и вовсе транквилизируют.

Как ясно! Как все ясно! Бейли, Дэниел и Жискар были у Амадирос — но не в его власти. И он отправил их в грозу, чтобы вернуть назад — в более удобном для него состоянии. И, главное, Дэниела! Дэниел — ключ ко всему!

Разумеется, Фастольф будет их искать и найдет — когда уже будет поздно, так ведь?

А зачем Амадирос нужен Дэниел?

Голова у Бейли раскалывалась. Он не сомневался, что знает — зачем, но как доказать?

Нет, у него нет больше сил думать. Вот если бы он мог заматовать окна, создать для себя снова маленький укрытый неподвижный мирок, тогда, пожалуй, ему удалось бы немного собраться с мыслями.

Но он не знал, как это сделать, и ему оставалось только сидеть и смотреть в бурный мрак за стеклами, слушать, как дождь хлещет по машине, наблюдать, как вспыхивают молнии, и ждать удара грома.

Он крепко зажмурился. Веки — это тоже стена, но заснуть боялся.

Дверца машины справа от него открылась. Он узнал ее мягкий вздох. Ощутил ворвавшийся сырой воздух, внезапный холод, острый запах влажных растений, который сразу заглушил слабый милый запах машинного масла и кожаной обивки — запах, почему-то напоминавший ему о Городе, который он, быть может, никогда не увидит.

Он открыл глаза, и ему почудилось обращенное к нему лицо робота, которое плыло вбок, но не двигалось. У Бейли закружилась голова.

Робот — сгусток темноты — выглядел высоким. В нем чудилась какая-то компетентность.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Разве с вами нет двух роботов?

— Ушли, — пробормотал Бейли, изо всех сил притворяясь, что ему очень плохо, и сознавая, что притворяться ему в сущности незачем. Особенно яркая молния забралась и под веки, уже разомкнувшиеся.

— Ушли! Куда ушли, сэр? — Потом, не дождав-шись ответа, спросил: — Вам нехорошо, сэр?

И Бейли в той мере, в какой он еще мог соображать, обрадовался: если бы робот не получил четких инструкций, он сразу бы прореагировал на его скверное состояние. Раз он начал расспрашивать явно больного человека о роботах, значит, ему был отдан приказ именно о них и в категорической форме.

Все сходилось.

Бейли попытался (без особого успеха) придать себе нормальный вид и сказал:

— Я чувствую себя хорошо. Обо мне не заботься.

При обычных обстоятельствах никакого робота его слова не убедили бы, но этот был так нацелен на Дэниела (тут сомневаться не приходилось), что он удовольствовался его отрицанием и повторил:

— Куда ушли роботы, сэр?

— Назад в Институт робопсихологии.

— Но зачем они пошли в Институт, сэр?

— Их вызвал мэтр робопсихолог Амадиرو и приказал им вернуться. Я жду их здесь.

— Но почему вы не отправились вместе с ними, сэр?

— Мэтр робопсихолог Амадиро не хотел, чтобы я возвращался в грозу. Он приказал мне ждать здесь. Я выполняю приказ мэтра робопсихолога Амадиро.

Он надеялся, что повторение авторитетного имени вместе с почетным званием, как и повторение слова «приказ», воздействует на робота и вынудит его оставить Бейли в машине.

С другой стороны, если им было поручено привести назад именно Дэниела и они сочтут, что он уже возвращается сам, власть этой инструкции над ними ослабнет, они точнее оценят его состояние и скажут...

— Но вам, видимо, нехорошо, сэр, — сказал робот.

И вновь Бейли обрадовался точности своих догадок. Он ответил:

— Я чувствую себя хорошо.

За спиной говорившего с ним робота он смутно различал еще нескольких — сколько именно, он считать не мог. При вспышках молний их лица поблескивали. А когда глаза Бейли свыклись с темнотой, он различил тусклое свечение их глаз. Он повернул голову. У левой дверцы тоже толпились роботы, но она оставалась закрытой.

Сколько их послал Амадиро? Приказав силой вернуть его и Дэниела с Жискаром? Он сказал:

— Мэтр робопсихолог Амадиро приказал, чтобы мои роботы вернулись в Институт, а я остался тут ждать их. Вы видите, что они вернулись, а я жду. Если вас послали на помощь и у вас есть машина, догоните их и подвезите. Эта машина неисправна. — Он старался говорить уверенно и твердо, как здоровый человек, но это ему не очень удалось.

— Они пошли назад пешком, сэр?

— Найдите их, — приказал Бейли. — Вам даны точные инструкции.

Они все еще не знали, на что решиться.

Тут Бейли наконец сообразил пошевелить правой ногой — он надеялся, что движение получилось доста-

точно убедительным, но тело плохо подчинялось его воле.

А роботы все еще колебались, и Бейли расстроился. Он же не космонит и не знает, какие требуются слова, какой тон. Опытный робопсихолог обошелся бы жестом, движением бровей — и робот подчинился бы ему, словно марионетка, которую дернули за нужную ниточку... Особенно если бы этого робота сконструировал он сам.

Но Бейли был всего лишь землянином.

Он нахмурился — вот это ему в его унынии удалось легко — и, устало прошептав «идите!», махнул рукой.

Возможно, это добавило последний штрих к его распоряжению, а может быть, за это время вольтаж и контрвольтаж позитронных связей помогли роботам привести свои инструкции в согласие с Тремя Законами.

Так или иначе, но решение они приняли и, больше не колеблясь, ушли к своей машине, какой бы она ни была и где бы они ее ни оставили. Исчезли они так стремительно, что словно сразу растворились в темноте.

Дверца, которую робот открыл и придерживал, теперь начала закрываться, и Бейли сунул в просвет ногу, рассеянно подумав, что дверца, возможно, размозжит кости, а то и вовсе оторвет ступню. Однако ноги не убрал, рассудив, что вряд ли конструкторы машины не обезопасили пассажиров от такого несчастья.

Он опять был один. Вынудил роботов покинуть человека в явно тяжелом состоянии, сыграв на силе приказа, отданного им именитым робопсихологом, который подкрепил в своих целях Второй Закон — причем до такой степени, что заведомая ложь Бейли возобладала над Первым Законом.

Как отлично он это проделал, подумал Бейли с неясной гордостью, и тут же обнаружил, что дверца уперлась в его ногу, которая осталась целой и невредимой.

65

Бейли почувствовал, что его ногу овеивает холодный ветер и на нее сыплются холодные брызги, однако убрать ее он не решался: если дверца закроется, ему ее не открыть. (Как ее открывали роботы? Естественно,

для жителей Авроры тут никакой тайны не было, но ни в одной книге об Авроре он не видел толковой инструкции, объясняющей, как открываются дверцы стандартных машин на воздушной подушке. Авторы все наиболее существенное посчитали само собой разумеющимся. Почему-то от читателя ждали, что он сам все знает, хотя теоретически предполагалось, что книги эти — источник сведений для него.)

Раздумывая так, он старался попасть руками в карманы, но и это оказалось нелегко. Находились они не на привычных местах и были наглухо застегнуты, так что ему пришлось долго водить по ним пальцами, прежде чем выяснилось, какое именно движение их раскрывает. Он вытащил носовой платок, смял его и положил между дверцей и стойкой, оставив узенькую щелку, и тогда убрал ногу.

Ну а теперь — думай, сказал он себе. Если сможешь. Зачем оставлять дверцу открытой, если он намерен остаться в машине?

А с другой стороны, для чего ему вылезать из нее? Если он останется здесь, то рано или поздно Жискар явится за ним и, предположительно, доставит в безопасное место.

Не рискованно ли дожидаться его здесь?

Сколько времени понадобится Жискару, чтобы проводить Дэниела в безопасное место и вернуться?

Но он не знал, и как скоро роботы Амадирос решат, что на дорогах, ведущих к Институту, они Дэниела с Жискаром не найдут. (Нет, не может быть, чтобы Дэниел и Жискар в поисках убежища пошли назад в Институт. Конечно, он им этого конкретно не запретил... Ну а вдруг это наиболее удобный путь? Нет! Немыслимо!)

Бейли даже головой покачал, отчего у него сразу заломило виски. Он зажал их ладонями и скрипнул зубами.

Долго ли роботы Амадирос будут продолжать поиски, прежде чем предположат, что Бейли ввел их в заблуждение — или заблуждался сам? А тогда что? Вернутся и захватят его — очень вежливо и всячески стараясь не причинить вреда? Сможет ли он отделаться от них,

заявив, что умрет, если ему придется выйти из машины под дождь?

Поверят ли они? Свяжутся с Институтом по радио, чтобы проверить? Это уж наверняка! А тогда, пожалуй, явятся люди, и они с ним мицдальничать не будут.

Если выйти из машины и отыскать укромное местечко среди окружающих деревьев, роботам будет труднее его отыскать, и он выиграет время.

Конечно, тогда и Жискару будет труднее его отыскать, но инструкции охранять Бейли будут воздействовать на Жискара гораздо сильнее, чем инструкции отыскать его — на роботов Амадиرو. Главной целью первого будет найти Бейли, а вторых — найти Дэниела.

К тому же Жискара программировал сам Фастольф, а Амадиро, какой бы он ни был прекрасный специалист, до Фастольфа все-таки далеко.

Значит, при прочих равных условиях первым сюда вернется Жискара.

А что, если не таких уж равных? С легким сарказмом Бейли подумал: «Я измучен и не в состоянии размышлять здраво, а просто в отчаянии хватаюсь за крупницы утешения».

Но что ему остается? Лишь одно: действовать в зависимости от обстоятельств, какими они представляются ему.

Бейли нажал на дверь и вышел наружу. Платок слетел в мокрую, остро пахнущую траву. Машинально нагнувшись, он поднял его и побрел прочь от машины.

Дождь хлестал по лицу и рукам, промокшая одежда облепила тело, его пробирала ледяная дрожь.

Огненный зигзаг распорол небо так быстро, что Бейли не успел зажмуриться, и тут же громовой раскат заставил его в ужасе зажать уши.

Гроза возобновилась? Или его оглушило только потому, что он очутился под открытым небом?

Но надо идти. Надо отойти от машины подальше, чтобы преследователи не нашли его сразу. К чему колебаться и торчать здесь? Тогда уж лучше было бы остаться в машине — и сухим!

Он начал утирать лицо платком. Но платок тоже был мокрым, и, оставив бесполезные попытки, он протянул перед собой руки и пошел в темноту. Есть ли у Авроры

луна? Вроде бы он о ней что-то читал, а теперь ее свет оказался бы очень кстати... А впрочем, если даже она и существует, все равно тучи поглощали бы весь ее свет.

Он ощутил что-то. Он не видел, чего коснулись его пальцы, но решил, что это шершавая кора дерева. Да, дерева. Это понятно и жителю Города.

Внезапно он вспомнил, что молния, бывает, раскалывает деревья и убивает людей. А вот о том, как чувствует себя человек, пораженный молнией, или о том, как от нее уберечься, он ничего не читал. На Земле он ни разу не встречал человека, в которого бы угодила молния.

Он начал ощупью огибать дерево, весь во власти страха и дурных предчувствий. Как узнать, что он не замкнул круга и не возвращается к машине?

Ну хватит. Вперед!

Теперь у него на дороге появились густые кусты, и пробирался он сквозь них с большим трудом. Казалось, за его одежду цепляются костлявые пальцы. Он раздраженно рванулся и услышал треск ткани.

— Вперед!

У него стучали зубы, он весь дрожал.

Новая вспышка. Не такая слепящая. На миг он увидел окружающее.

Деревья. И много. Он в роще. Что опаснее в грозу — скопление деревьев или одно-единственное? Этого он не знал. Может, безопаснее к деревьям не прикасаться?

Этого он тоже не знал. Для Городов смерти от молнии не существовало, а в исторических романах (а иногда и в курсах истории) такие случаи хотя и упоминались, но не описывались подробно.

Он посмотрел на темное небо, и в глаза ему плеснула вода. Он протер их мокрыми руками и пошел, спотыкаясь, дальше. Он старался поднимать ноги повыше. Потом, скользя на камушках, перешел узкую полосу текущей воды.

Странно! Более мокрым он после этого не стал.

Он все шел и шел. Теперь роботы его не разыщут. А Жискар?

Он понятия не имел, где находится и куда идет. И далеко ли до дома Фастольфа, до Института робопсихологии.

Он не мог бы вернуться к машине, если бы захотел.
Не сумел бы сам отыскать себя.

А гроза будет длиться до бесконечности, и в конце концов он растворится в дожде, растечется ручейком, и никто уже не разыщет Бейли.

И его молекулы унесутся в океан...

Есть на Авроре океан?

Конечно есть! И больше земного, но и льда у полюсов больше.

Его молекулы доплывут до полярных льдов, вмерзнут в них и будут блестеть под холодным оранжевым солнцем.

Его пальцы снова прикоснулись к дереву — мокрые пальцы, мокрое дерево... Рокот грома... Странно, молнии он не видел. А молния ведь вспыхивает раньше. Она в него ударила?

Он ничего не ощущал... кроме земли.

Прямо под собой — его пальцы скребли холодную грязь. Он повернул голову, чтобы свободнее дышать. Лежать было скорее удобно. И никуда не надо идти. Он подождет тут. Жискар его отыщет.

Все сомнения вдруг исчезли. Жискар непременно его найдет, потому что...

Потому что... он забыл почему. Второй раз он что-то забыл. Тогда, засыпая... То же самое, что и теперь? То же самое?

Неважно.

Все будет хорошо... все...

Он лежал без сознания — один, под дождем у древесного ствола, а гроза продолжала бушевать.

Глава 15

СНОВА ГЛЭДИЯ

66

Потом, вспоминая и прикидывая время, Бейли пришел к выводу, что пролежал без сознания не меньше десяти минут и не больше двадцати.

Но в тот момент оно могло быть чем угодно — от нуля до бесконечности. Он осознавал голос. Не слова, а только голос. Он не мог понять, что в нем странное, но благополучно разгадал загадку, решив, что голос принадлежит женщине.

Его обвили руки, подняли, понесли. Одна рука болталась... его рука. Голова откинулась.

Он пошевелился, но поднять голову не удалось. Снова женский голос.

Он утомленно открыл глаза. И почувствовал, что ему холодно, что он весь мокрый. А затем осознал, что вода на него больше не льется. И уже не темно. Не совсем темно. Откуда-то просачивался свет, и он рассмотрел лицо робота. И узнал его.

— Жискар, — прошептал он и вспомнил грозу, свое бегство. И Жискар нашел его первым. Жискар, а не те роботы.

И Бейли подумал с удовлетворением: «Я так и думал».

Он позволил глазам снова закрыться. Да, его несли — он ощущал легкое покачивание в такт шагам несущего. Потом оно прекратилось, его медленно опустили на

что-то теплое и удобное. Сидение машины — видимо, накрытое полотенцем. Он это знал неизвестно откуда.

Затем ощущение плавного движения по воздуху: его лицо и руки почувствовали прикосновение мягкой ткани, впитывающей влагу; его грудь обнажили — прикосновение холодного воздуха, а затем той же ткани.

Потом множество смутных ощущений и впечатлений.

Он в доме — приоткрывая глаза, он видел стены, искусственный свет, какую-то мебель.

Он чувствовал, что его бережно раздевают, и слабо зашевелился, стараясь помочь. Потом его погрузили в теплую воду, начали энергично растирать. Это все продолжалось, продолжалось, и он был рад.

Его вдруг осенила мысль, и он ухватил поддерживающую его руку:

— Жискар! Жискар!

— Я здесь, сэр, — услышал он голос Жискара.

— Жискар, Дэниел в безопасности?

— В полной безопасности, сэр.

— Отлично. — Бейли снова закрыл глаза, и когда его начали сушить, даже не пошевелился. Его бережно переворачивали под струями теплого воздуха, а потом одели во что-то теплое.

Какое блаженство! С раннего детства он не испытывал ничего подобного и от души пожалел младенцев, которые не способны понять и оценить, как их лелеют.

А вдруг способны? Не определяет ли скрытое воспоминание о таком блаженстве поведение взрослого человека? И, может, теперь он просто радуется, что снова стал младенцем?

И он услышал голос женщины. Его матери?

Нет, невозможно!

— Мама?

Теперь он сидел в кресле. Это он чувствовал, и еще каким-то образом чувствовал, что короткое счастливое возвращение в младенчество кончилось. Что надо возвращаться в печальный мир полного сознания и необходимости все делать для себя самому.

Но ведь был голос женщины... Какой женщины? Бейли открыл глаза.

— Глэдия?

67

Это был вопрос, удивленный вопрос, но где-то внутри он не удивился. Ведь, конечно, он сразу узнал ее голос.

Он осмотрелся. Жискар стоял в своем алькове, но он подождет. Сначала самое главное. Бейли спросил:

— Где Дэниел?

— Он почистился и высушился в помещении роботов, — ответила Глэдия. — Его окружают мои домашние роботы. Они получили нужные инструкции. Не сомневайтесь: никто посторонний не подойдет к дому ближе чем на пятьдесят метров без того, чтобы мы об этом не узнали. Жискар тоже почистился и высушился.

— Вижу, — ответил Бейли. Жискар его не занимал, только Дэниел. Ему уже стало легче: Глэдия как будто поняла, что Дэниела необходимо охранять, и можно обойтись без сложных объяснений.

Однако в этой защитной стене было уязвимое место, и в его голосе прозвучала сердитая нота, когда он сказал:

— Как вы могли бросить его только на роботов, Глэдия? Без вас в доме ведь не осталось человека, который остановил бы шайку посторонних роботов. Они бы увели Дэниела силой.

— Чепуха! — решительно ответила Глэдия. — Мы отсутствовали недолго, а я известила доктора Фастольфа. Многие его роботы присоединились к моим, и в случае необходимости он появился бы через несколько минут. Я бы посмотрела, как шайка посторонних роботов не подчинилась бы ему!

— Но вы видели Дэниела, когда вернулись, Глэдия?

— Конечно. Говорю же вам, он в полной безопасности.

— Спасибо! — с облегчением сказал Бейли и закрыл глаза. И, как ни странно, подумал: не так уж это было скверно.

Бесспорно! Он же выжил? При этой мысли что-то внутри него радостно заухмылялось. Открыв глаза, он спросил:

— Как вы меня отыскиали, Глэдия?

— Жискар отыскал. Они пришли сюда — оба. И Жискар объяснил мне ситуацию. Я сразу занялась Дэниелом, но он отказался двинуться с места, пока я не пообещала тут же послать Жискара за вами. Он был очень красноречив. Его реакция на все, что касается вас, Элайдж, крайне сильна. Дэниела, конечно, мы с собой не взяли. Он очень расстроился, но Жискар потребовал прямо-таки прикрикнуть на Дэниела, чтобы он остался. Видимо, Жискару вы дали очень строгий приказ. Затем мы связались с доктором Фастольфом и отправились за вами на моей машине.

Бейли укоризненно качнул головой:

— Вам не следовало оставлять дом, Глэдия. Вы были обязаны следить, чтобы с Дэниелом ничего не случилось.

Губы Глэдии скривились в презрительной усмешке:

— И бросить вас умирать под дождем? Или позволить, чтобы вас захватили враги доктора Фастольфа? Просто вижу голограмму, как я бы допустила подобное! Нет, Элайдж, я могла понадобиться для того, чтобы освободить вас из рук тех роботов, если бы они добрались до вас раньше. Может быть, я мало что умею, но на Солярии, позвольте вам сказать, любой человек способен управиться с толпой роботов. Мы к этому привыкли.

— Но как вы меня отыскиали?

— Это было не так уж трудно. До вашей машины оказалось отсюда не так уж и далеко. Не будь грозы, мы бы и пешком дошли. Мы...

— То есть мы почти добрались до дома Фастольфа? — перебил Бейли.

— Да, — ответила Глэдия. — Либо вашу машину повредили недостаточно для того, чтобы она сломалась раньше, либо Жискар сумел продержать ее в воздухе дольше, чем рассчитывали эти вандалы. Получилось очень удачно. Сломайся вы ближе к Институту, они могли бы захватить вас всех. Ну, так мы добрались на

моей машине до вашей. Жискар, естественно, знал точно, где она находилась. Мы вылезли...

— И вы насквозь промокли, Глэдия?

— Нисколько, — ответила она. — Я захватила большой дождезонт и светосферу. Мои ботинки запахались и капельку промокли, потому что у меня не было времени обрызгать их латексом, но это пустяки. Во всяком случае мы добрались до вашей машины меньше чем за полчаса после того, как вы отослали Жискара с Дэниелом, ну и, конечно, вас в ней не оказалось.

— Я пытался... — начал Бейли.

— Да-да. Я испугалась, что они — другие — увезли вас. Ведь Жискар сказал, что за вами гнались. Но Жискар нашел ваш платок метрах в пятидесяти от машины и решил, что вы пошли в этом направлении. Он сказал, что это был нелогичный поступок, что люди часто поступают нелогично и надо вас искать. И мы стали искать с помощью светосферы, но нашел вас он. Увидел инфракрасное излучение тепла вашего тела у подножья дерева, и мы привезли вас сюда.

— Что было нелогичного в моем поведении? — спросил Бейли с обидой.

— Он не объяснил, Элайдж. Хотите спросить у него? — Она кивнула на Жискара.

— Так в чем дело, Жискар? — сказал Бейли.

Жискар сразу утратил каменное равнодушие и посмотрел на Бейли.

— Я чувствовал, — сказал он, — что вы совершенно напрасно вышли из машины в грозу. Если бы вы подождали в ней, мы быстрее доставили бы вас сюда.

— Те роботы добрались бы до меня быстрее!

— Но они же побывали там, и вы их отослали, сэр.

— А ты откуда знаешь?

— Возле машины было много следов, оставленных роботами, но внутри машины я не увидел ни единого сырого пятнышка, а если бы мокрые руки протянулись, чтобы вытащить вас, таких пятен было бы много. Я рассудил, что по собственной воле вы к ним не вышли бы, сэр. А раз вы их отослали, вам не надо было опасаться, что они тут же вернуться, ведь по вашей собственной оценке ситуации гнались они за Дэниелом, а не за вами. Вдобавок вы знали, что я вернусь быстро.

— Я так и рассуждал, — буркнул Бейли, — но решил, что не помешает еще больше их запутать. И поступил, как мне казалось, наилучшим образом, и ведь ты же меня все равно нашел!

— Да, сэр.

— Но почему я здесь? Если мы были близко от дома Глэдии, значит, до дома доктора Фастольфа тоже было недалеко. Или даже ближе.

— Не совсем, сэр. Ближе был этот дом, а, судя по настойчивости ваших приказаний, на счету была каждая минута, иначе Дэниел мог бы и не спастись. Дэниел согласился с этим, хотя очень не хотел покидать вас. А когда он очутился здесь, я решил, что и вам следует быть здесь на случай, если вы пожелаете собственными глазами убедиться в его безопасности.

Бейли кивнул и сказал ворчливо (его все еще язвил упрек в нелогичности):

— Ты поступил правильно, Жискар.

— Вам необходимо повидать доктора Фастольфа, Элайдж? — спросила Глэдия. — Я могу пригласить его сюда. Или поговорите с ним по трехмернику.

Бейли откинулся на спинку кресла. Он успел убедиться, что его умственные процессы заторможены и что он совсем измотан. Говорить с Фастольфом сейчас не имело смысла. И он сказал:

— Нет. Я увижусь с ним утром после завтрака. Времени достаточно. А потом, полагаю, я увижусь с этим человеком, Келденом Амадиросом, главой Института робопсихологии. И с важной персоной... как вы его называете? Ах, да — с председателем. Полагаю, и он сюда прибывает?

— У вас ужасно усталый вид, Элайдж, — сказала Глэдия. — Разумеется, у нас на планете нет микроорганизмов — ну, микробов и вирусов, которые у вас на Земле вызывают все эти болезни. И вы от них очищены. Однако видно, как вы устали.

Бейли подумал: после всего этого ни гриппа, ни даже насморка! Да, пребывание на космомире имеет и свои положительные стороны.

— Правда, я устал, — сказал он. — Но отдохну немного и буду в полном порядке.

— Вы не голодны? Как раз время ужина.

Бейли поморщился:

— Есть мне что-то не хочется.

— Но оставаться голодным не следует. Конечно, ничего тяжелого, но, может быть, горячего супа? Он вас подкрепит.

Бейли захотелось улыбнуться. Пусть она и солярианка, но в сходных обстоятельствах ведет себя и говорит совершенно так же, как женщина Земли. Наверное, аврорианки тоже не составляют исключения. Есть вещи, которых различие в культурах не затрагивает.

— Но суп готов? — спросил он. — Я не хочу доставлять затруднений.

— Какие затруднения? У меня есть домашний штат — не такой многочисленный, как на Солярии, но достаточный, чтобы любое не слишком экзотическое блюдо было приготовлено за несколько минут. Так что просто скажите мне, какой суп вы предпочтете. И все.

— Куриный. — Бейли не сумел противостоять соблазну.

— Как уютно. Я как раз сама хотела его предложить, — добавила она невинным тоном. — Ну и с кусочками куриного мяса для сытости.

Тарелка возникла перед ним через несколько минут.

— А вы, Глэдия?

— Я поужинала, пока вас мыли и лечили.

— Лечили?

— Профилактическое восстановление биохимического баланса. Вы перенесли тяжелый нервный шок, и его следовало нейтрализовать. Да ешьте же!

Бейли попробовал суп. В общем-то неплохой, хотя и непривычно островат на странный манер аврорианской кухни. А может, к нему просто добавлены какие-то незнакомые специи.

Внезапно он вспомнил свою мать — мгновенная судорога памяти, вернувшая его в далекое детство. Она наклоняется над ним — он снова отказался есть свой «вкусный супчик».

«Ну-ка, Лайдж, — говорит она. — Настоящая курочка и очень дорогая! Даже космониты не едят вкуснее!»

И не едят! Через далекие годы он крикнул ей: «Не едят, мам!»

Нет, правда! Если положиться на память и учесть, что в детстве все кажется вкуснее, куриный суп его матери, если она не потчевала им каждый день, был подлинным объедением.

Он ел ложку за ложкой, а когда тарелка опустела, смущенно буркнул:

— А еще немножко не найдется?

— Столько, сколько хотите, Элайдж.

— Самую чуточку.

Когда он доедал вторую порцию, Глэдия сказала:

— Элайдж, эта завтрашняя встреча...

— Что, Глэдия?

— Она означает, что ваше расследование закончено? И вы знаете, что случилось с Джендером?

Бейли ответил, взвешивая каждое слово:

— Мне кажется, я знаю, что могло произойти с Джендером. Но не убежден, что сумею убедить в этом кого-либо.

— Тогда зачем вы устраиваете эту встречу?

— Не я, Глэдия. А мэтр роботсихолог Амадирос. Он против самой идеи расследования и рассчитывает отослать меня назад на Землю.

— Это он испортил вашу машину и послал роботов захватить Дэниела?

— По-моему, он.

— Так неужели его нельзя за это судить и заставить понести наказание?

— Можно-то можно, — ответил Бейли яростно. — Но только у меня нет пустячной мелочи — веских доказательств.

— И, сделав все это, он выйдет сухим из воды, а вдобавок прекратит расследование?

— Боюсь, так и будет. Говоря его словами: люди, не надеющиеся на справедливость, не разочаровываются.

— Но так же нельзя! Не допустите этого. Вы должны довести расследование до конца и узнать правду!

— Ну а если узнать правду я не сумею? — Бейли вздохнул. — Или сумею, но не смогу добиться, чтобы меня выслушали?

— Нет, вы можете и найти правду, и заставить выслушать себя!

— Ваша вера в меня, Глэдия, очень трогательна. Однако, если Законодательное собрание Авроры захочет отправить меня на Землю, а расследование прекратить, я не смогу этому помешать.

— Но разве вы хотите вернуться, ничего не добившись?

— Нет, конечно. И ведь я не просто ничего не добьюсь, положение гораздо хуже, Глэдия. Моя карьера пойдет прахом, а будущее Земли останется самым черным.

— Так не допустите, чтобы они этого добились, Элайдж!

— Иосафат, Глэдия! Я попытаюсь. Но не могу же я поднять планету голыми руками. Не требуйте от меня чудес.

Глэдия кивнула, опустила глаза и прижала кулачок ко рту. Она замерла, словно о чем-то задумавшись. Бейли не сразу сообразил, что она беззвучно плачет.

68

Бейли вскочил и обошел стол, рассеянно и с досадой заметив, что ноги у него подгибаются, а левое бедро сводит судорога.

— Глэдия, — сказал он, нагибаясь к ней, — не плачьте!

— Не обращайтесь внимания, Элайдж, — прошептала она. — Это пройдет.

Он беспомощно стоял рядом с ней. Протянул было руки и опустил их.

— Я не прикоснусь к вам, — сказал он. — Лучше не надо, правда?

— Да нет же, нет! Не так уж я обожаю свое тело, да и заразиться от вас я ничем не могу. Я... я не такая, как прежде.

И Бейли протянул руку и прикоснулся к ее локтю, неловко погладив его кончиками пальцев.

— Завтра я сделаю все, что в моих силах, Глэдия, — сказал он. — Я постараюсь.

Она встала, повернулась к нему и прошептала:

— Ах, Элайдж!

Машинально, почти сам того не заметив, Бейли раскрыл ей объятия. И так же, словно не отдавая себе отчета, она прижалась к нему и спрятала лицо у него на груди, а он бережно обвил ее руками.

Он только чуть ее касался, ожидая, когда она осознает, что обняла землянина. (Конечно, она обнимала человекоподобного робота, но все-таки не землянина!)

Глэдия громко всхлипнула и пробормотала в рубашку Бейли:

— Это нечестно! Только потому что я с Солярии! Никому нет дела, что случилось с Джендером. Но будь я аврорианкой, они бы приняли его гибель близко к сердцу! А так все свелось к предрассудкам и политике.

Бейли подумал: «Космониты — просто люди. Именно это сказала бы Джесси в такой ситуации. А если бы Глэдию сейчас обнимал Гремнионис, он бы сказал именно то, что сказал бы я — знай я, что сказать!»

Но он сказал:

— Это не совсем так. Я уверен, что доктор Фас-тольф принимает близко к сердцу гибель Джендера.

— Да нет же! Не по-настоящему. Он только хочет взять верх в Законодательном собрании, а этот Амадиро хочет того же, и они оба пожертвовали бы Джендером, лишь бы добиться своего!

— Обещаю вам, Глэдия, Джендером я не пожертвую, что бы мне за это ни предлагали.

— Да? А если вам пообещают, что вы сможете вернуться на Землю без ущерба для своей карьеры и против вашего мира никаких санкций предпринято не будет, при условии, что вы забудете про Джендера, как вы поступите?

— Какой смысл сочинять гипотетические альтернативы, когда заведомо ничего подобного произойти не может? Меня не станут прельщать, чтобы я забыл про Джендера. Их цель — отправить меня назад с пустыми руками, предreshая и мою гибель, и гибель моего мира. Но если они не воспрепятствуют мне, я доберусь до человека, уничтожившего Джендера, и добьюсь, чтобы он понес заслуженное наказание.

— Что значит «если»? Не допустите, чтобы они вам воспрепятствовали!

Бейли горько улыбнулся.

— По-вашему, аврорианцы с вами не считаются, потому что вы с Солярии, так подумайте, как они третировали бы вас, будь вы с Земли! — Он крепче ее обнял. — Но я попытаюсь, Глэдия. Не хочу пробуждать напрасные надежды, но кое-что в запасе у меня есть. Я попытаюсь...

Он почти забыл, что он с Земли, хотя только что сам это сказал.

— Вы говорите, что попытаетесь, но как? — Она чуть отодвинулась, чтобы заглянуть ему в лицо.

— Ну, я могу... — Бейли растерянно умолк.

— Найти убийцу?

— И вообще... Глэдия, простите, мне нужно сесть.

Он попятился к столу и оперся о него.

— Что с вами, Элайдж?

— У меня был тяжелый день, и я еще не собрался с силами.

— Так вам лучше поскорее лечь!

— Честно говоря, Глэдия, я этого и хочу.

Она разжала руки, лицо у нее стало тревожно-сочувственным, и слезы были забыты. Она подняла руку, слегка махнула, и Бейли тотчас (так ему по крайней мере показалось) окружили роботы.

А когда он уже лежал в постели и последний робот ушел, Бейли уставился в темноту. Он не знал, идет ли еще во Вне дождь, вспыхивают ли еще редкие усталые молнии, но грома он больше не слышал.

Бейли глубоко вздохнул и подумал: «Что я обещал Глэдии? Что произойдет завтра?»

Финал драмы... Полная неудача?

И погружаясь в дремоту, Бейли думал об озарении, внезапно осеняющем на границе между сном и явью.

69

С ним это случалось уже дважды. Накануне ночью, когда он вот так же почти засыпал, и в этот вечер, когда он терял сознание, лежа в грозу под деревом. Оба раза его осеняло, что-то освещало загадку, как молния, рассеивающая на миг ночную тьму.

Но озарение исчезало с быстротой той же молнии.

Что, что это было? И сумеет ли он вспомнить?

На этот раз он приготовился удержать в уме ускользающую истину. Или ускользающую иллюзию? Вдруг в затмении сознания какой-то вздор представлялся истинной, проанализировать которую логически мозг в такую минуту не мог?

Поиски неуловимого нечто, однако, оказались бесплодными: призывать его было столь же бессмысленно, как звать единорога в мире, где единороги не водятся.

Проще было думать о Глэдии, о том, что ощущали его руки. Непосредственно — шелковистое прикосновение ее блузки, но под блузкой — хрупкие изящные плечи, стройную спину.

Рискнул бы он поцеловать ее, если бы у него не начали подгибаться ноги? Или это было бы слишком?

Он вдруг слегка всхрипнул и, как всегда, смутился. Заставил себя очнуться и снова думать о Глэдии. До своего отъезда, конечно же... но если он сможет предложить ей что-то вза... Плата за оказанную услугу... Он снова всхрипнул и уже не смутился.

Глэдия... А он думал, что никогда больше ее не увидит... а чтобы прикоснуться к ней... тем более, обнять ее... обнять...

Он не заметил, как заснул.

И снова ее обнимал. Но блузки не было... только ее теплая нежная кожа... а его ладонь медленно скользнула по лопатке, по чуть прощупывающимся тонким ребрам...

Все было странно реальным. Пять его чувств подтверждали это. Он ощущал запах ее волос, его губы впивали легкую солоноватость ее кожи... и теперь они не стояли. А легли? Или лежали с самого начала? И куда девался свет?

Он ощущал матрац под собой, одеяло сверху... мрак... а она лежала в его объятиях, и тело ее было совсем обнаженным.

Вздвигнув, он окончательно проснулся.

— Глэдия? — Почти крик... недоверчивый...

— Ш-ш-ш, Элайдж. — Она нежно прижала пальцы к его губам. — Не говори ничего.

С тем же успехом она могла бы попросить, чтобы он остановил ток своей крови.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Ты не понимаешь? — сказала она. — Лежу с тобой в кровати.

— Но почему?

— Потому что я так хочу. — Она прильнула к нему, дернула воротник его пижамы и раскрыла ее.

— Не шевелись, Элайдж. Ты устал, и я не хочу, чтобы ты утомлялся еще больше.

По телу Элайджа прокатилась жаркая волна. Он решил, что больше не будет оберегать Глэдию от нее самой. Он сказал:

— Я не настолько устал, Глэдия...

— Нет, — перебила она. — Отдыхай! Я хочу, чтобы ты отдыхал. Не шевелись.

Ее губы прижались к его губам, словно чтобы не дать ему говорить. Он расслабился и невольно подумал, что подчиняется, что действительно устал и предпочтет предоставить все ей. И со стыдом сообразил, что это как бы его оправдывает («Что мне оставалось? — словно услышал он собственный голос. — Она меня заставила!») Иосафат! Какая подленькая трусость! Как униЗИтельно...

Но и эти мысли исчезли. Откуда-то лилась тихая музыка, воздух заметно потеплел. Одеяло и пижама куда-то подевались. Ее руки обвили его голову, прижали к нежной мягкости.

Словно со стороны он понял, что мягкость эта — ее левая грудь, и губы ему щекочет сосок.

Глэдия тихонько напевала под музыку — радостный баюкающий мотив, который был ему незнаком.

Она легонько покачивалась, поглаживая кончиками пальцев его подбородок и шею. Он растворился в блаженном покое, предоставляя ей делать все, что она захочет. И послушно позволял ей двигать его руки, прижимать их то тут, то там.

Он не помогал ей, а когда отзывался с нарастающим возбуждением и достигнул пика, было это словно против его воли, просто иначе он не мог.

Она, казалось, не знала усталости, и он был этому рад. Снова за волнами чувственности он ощущал блаженство полной младенческой беспомощности.

Но в конце концов у него уже не осталось сил отзыватьсЯ, и она, казалось, тоже совсем себя исчерпа-

ла и прилегла головой в ложбинку его левого плеча, ее левая рука протянулась через его грудь, и пальцы нежно поглаживали крутые завитки волос.

Ему почудилось, что она шепчет: «Благодарю тебя, благодарю»...

И удивился. За что?

Он уже почти не осознавал ее присутствия — этот блаженнейший конец тяжелейшего дня заставлял слипаться веки, точно сказочный сонный напиток, и он чувствовал, что соскальзывает в неведомые глубины, точно его пальцы перестали цепляться за край обрыва суровой реальности, чтобы он мог упасть... упасть сквозь туман дремоты в медленно колышущийся океан сновидений.

И пока он соскальзывал в сны, то, что не явилось на зов, пришло само. В третий раз занавес взвился, все события с того момента, как он покинул Землю, обрели четкость и последовательность. Вновь все стало абсолютно ясно. Он попытался заговорить, услышать необходимые слова, зафиксировать их, сделать неотъемлемой частью своих умственных процессов, но как он ни вцеплялся в них всеми щупальцами сознания, они проскальзывали мимо и исчезали.

Так что в этом отношении второй день Бейли на Авроре кончился совершенно так же, как первый.

Глава 17

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

70

Когда Бейли открыл глаза, в окно лился солнечный свет, и он ему обрадовался. К своему еще сонному удивлению он обрадовался солнечному свету!

Значит, гроза миновала, ее словно никогда и не было. В сравнении с ровным, мягким, теплым, контролируемым освещением Городов солнечный свет безусловно казался резким и неустойчивым. Но по контрасту с грозой он был залогом безмятежного покоя. Все относительно, подумал Бейли. Он уже никогда не будет считать солнечный свет злом.

— Партнер Элайдж? — Возле кровати стоял Дэниел, а за ним Жискар.

Мрачное лицо Бейли расплылось в улыбке чистой радости.

Он протянул руки обоим.

— Иосафат, ребята! — воскликнул он, не заметив полной человечности такого обращения. — Когда я в последний раз видел вас вместе, то не знал, доведется ли мне снова увидеть вас — или хотя бы одного из вас.

— Но в любом случае, — мягко заметил Дэниел, — ни при каких обстоятельствах никому из нас не причинили бы подлинного вреда.

— Теперь при свете солнца я это вижу, — ответил Бейли. — Но вчера вечером я думал, что гроза меня прикончит, и не сомневался, что тебе, Дэниел, грозит серьезная опасность. Казалось даже, что и Жискар

может пострадать, защищая меня от многочисленных противников. Довольно-таки мелодраматично, не спорю, но я же был немного не в себе, понимаете?

— Нам это известно, сэр, — ответил Жискар. — Вот почему нам было так трудно уйти от вас вопреки вашим настойчивым требованиям. И надеемся, что сейчас это не вызывает вашего недовольствия.

— Нисколько, Жискар.

— А кроме того, — сказал Дэниел, — мы знаем, что о вас хорошо заботились, пока мы отсутствовали.

И только тут Бейли вспомнил прошедшую ночь.

Глэдия!

Он осмотрелся. Ее не было в комнате. Или ему пригрезилось...

Да нет же! Сном это быть не могло.

Он хмуро взглянул на Дэниела, как будто заподозрив в его словах скабрезный намек.

Нет, и этого быть не могло. Робот, даже самый человекоподобный, не будет запрограммирован смаковать двусмысленности.

— Да, — ответил он. — Очень хорошо. Однако сейчас я хотел бы, чтобы меня проводили в Личную.

— Мы здесь, сэр, — сказал Жискар, — чтобы оказывать вам необходимые утренние услуги. Мисс Глэдия решила, что с нами вам будет спокойнее, чем с ее роботами, и она специально подчеркнула, чтобы мы предупреждали ваши малейшие желания.

— Что она, собственно, под этим подразумевала? — спросил Бейли с некоторой тревогой. — Я чувствую себя вполне хорошо и не хочу, чтобы меня мыли и высушивали. Я сам могу о себе позаботиться. Надеюсь, она это понимает.

— Вам нечего опасаться, партнер Элайдж, — сказал Дэниел с легкой улыбкой, которая (как казалось Бейли) была аналогична той, которая у человека означала бы дружескую симпатию. — Мы просто должны позаботиться, чтобы у вас не возникало никаких затруднений. Если в какие-то моменты вам будет удобнее обходиться без нас, мы подождем в стороне.

— В таком случае, Дэниел — и Жискар тоже — мы во всем разобрались. — И Бейли спрыгнул на пол, заметив, что ноги его прекрасно слушаются. Ночной

отдых и лечение, которому его подвергли, внеся в дом, — в чем бы оно ни заключалось, — сотворили чудеса. Не говоря уж о Глэдии!

71

Не одеваясь, ощущая приятную свежесть после душа, Бейли причесал волосы и критически оглядел в зеркале достигнутые результаты. Скорее всего завтракать он будет с Глэдией, но как она его встретит? Пожалуй, наиболее разумным будет держаться так, будто ничего не произошло, и руководствоваться ее поведением с ним. И почему-то ему казалось, что будет легче, если он придаст себе презентабельный вид — если это вообще возможно. Он соорудил недовольную гримасу своему отражению.

— Дэниел! — позвал он.

— Что, партнер Элайдж?

— На тебе новая одежда? — пробурчал Бейли сквозь зубную пасту.

— Она не моя, партнер Элайдж. Это костюм Дженера.

— Она дала тебе костюм Дженера! — У Бейли глаза полезли на лоб.

— Мисс Глэдия не пожелала, чтобы я оставался нагим, пока мою промокшую одежду стирали и высушивали. Теперь она готова, но мисс Глэдия говорит, чтобы этот костюм я оставил себе.

— Когда она это сказала?

— Сегодня утром, партнер Элайдж.

— Так она проснулась?

— Да, она уже встала. И ждет вас к завтраку, когда вы будете готовы.

Бейли стиснул зубы. Странно, что пока встреча с Глэдией волновала его куда больше, чем предстоящая встреча с председателем. В конце концов, как пройдет встреча с председателем — решит судьба, а он уже продумал свою стратегию, и она либо даст результаты, либо нет, но что касается Глэдии, у него никакой стратегии нет.

Будь что будет. И он спросил по возможности равнодушнее:

— Как мисс Глэдия чувствует себя сегодня?
— Она выглядит хорошо, — ответил Дэниел.
— Она весела? Или кажется угнетенной?
— Судить о внутреннем состоянии человека очень трудно, — после некоторого колебания ответил Дэниел. — Но в ее поведении ничто не указывает на внутреннее волнение.

Бейли опять взглянул на Дэниела, и опять ему почудился намек на события прошлой ночи. И опять он отмел такую возможность.

И всматриваться в лицо Дэниела не имело смысла. По выражению лица робота догадаться о его мыслях было невозможно, поскольку мыслей в человеческом представлении у него не было.

Бейли вернулся в спальню и осмотрел приготовленную для него одежду, прикидывая, сумеет ли он одеться без ошибок, или придется просить роботов о помощи. Гроза и ночь остались позади, и он хотел вновь обрести взрослую независимость.

— Что это? — спросил он, поднимая широкую полосу ткани со сложным узором.

— Перевязь, — ответил Дэниел. — Назначение ее чисто орнаментальное. Надевают ее через левое плечо и завязывают на поясе справа. На некоторых космобирах ее принято надевать к завтраку, но не на Авроре.

— Так почему же она тут?

— Мисс Глэдия подумала, что перевязь будет вам к лицу, партнер Элайдж. Завязывается она сложным узлом, и я буду рад помочь.

«Иосафат! — подумал Бейли скорбно. — Она хочет придать мне смазливость! Что еще она задумала?»

Выбрось из головы!

— Не нужно, — сказал он вслух. — Завяжу простым бантом. Но вот что, Дэниел. После завтрака я пойду к Фастольфу и встречу у него с Амадиرو и председателем Законодательного собрания. Мне неизвестно, будет ли присутствовать кто-нибудь еще.

— Да, я знаю, партнер Элайдж. И, мне кажется, больше там никого не будет.

— Ну, в таком случае, — сказал Бейли, начиная надевать белье очень неторопливо, чтобы ничего не спутать и не воззвать о помощи к Дэниелу, — расска-

жи мне про председателя. Я вычитал, что на Авроре он примерно соответствует главе администрации, но пост этот скорее почетный и, насколько я понял, никакой реальной власти у председателя нет.

— Боюсь, партнер Элайдж, это действительно так, — сказал Дэниел.

— Сэр, — перебил Жискар, — политическую ситуацию на Авроре я знаю лучше, чем друг Дэниел, так как функционирую много дольше, чем он. Хотите ли, чтобы на ваш вопрос ответил я?

— Конечно, Жискар. Давай!

— Когда на Авроре, сэр, было учреждено правительство, — наставительно заговорил Жискар, словно внутри него равномерно крутился информационный диск, — главе администрации отводились чисто представительные функции. Он должен был принимать посланников других космомиров, открывать заседания Законодательного собрания, вести их, а голосовать только в случаях, когда голоса депутатов разделялись поровну. Однако после Речного спора...

— Да-да, я читал о нем, — поспешно сказал Бейли. Это был скучнейший эпизод в истории Авроры, когда спор по поводу использования гидроэнергии в первый и последний раз чуть не привел планету на грань гражданской войны. — Обойдись без подробностей.

— Хорошо, сэр. Однако после Речного спора было решено не допускать, чтобы споры подвергали опасности основы аврорианского общества, и в обычай вошло улаживать все спорные вопросы частным и мирным образом вне Законодательного собрания. Когда же оно, наконец, голосует, то уже по готовому решению, которому обеспечено большинство. Ключевой фигурой в улаживании всех недоразумений стал председатель Собрания. Считается, что он стоит выше частных интересов, и его власть (которая, хотя в теории и равна нулю, на практике довольно значительна) сохраняется только до тех пор, пока он занимает такую позицию. Поэтому каждый председатель ревниво оберегает свою объективность, и до тех пор, пока это так, именно он решает спор в пользу той или иной стороны.

— То есть, — сказал Бейли, — председатель выслушает меня, Фастольфа и Амадиرو, а затем вынесет решение?

— Возможно. Однако, сэр, он может и не прийти к окончательному выводу и потребовать дополнительных доказательств, или дополнительного времени на размышления, или того и другого.

— А если председатель примет решение, Амадиро согласится с ним, если оно будет не в его пользу? И доктор Фастольф, если оно будет против него?

— Оно не абсолютно обязательно. Почти всегда находятся люди, не желающие смириться с решением председателя, а доктор Амадиро и доктор Фастольф — оба настойчивы и упрямы, если судить по их поступкам. Однако большинство членов Законодательного собрания поддержат председателя, каково бы ни было его решение, и при голосовании тот, с кем председатель не согласится, будь то доктор Амадиро или доктор Фастольф, останется в незначительном меньшинстве.

— Наверно, Жискар?

— Почти наверно. Председатель занимает свой пост тридцать лет, причем Законодательное собрание может переизбрать его на еще один тридцатилетний срок. Однако, если Собрание проголосует против какого-либо решения председателя, ему придется тут же подать в отставку и правительственный кризис будет продолжаться, пока Собрание в обстановке ожесточенных дискуссий не найдет нового председателя. Мало какой депутат захочет пойти на подобный риск, и шансы, что большинство проголосует против председателя с такими последствиями, ничтожны.

— В таком случае, — сказал Бейли тоскливо, — все зависит от этой утренней встречи.

— Вполне вероятно.

— Спасибо, Жискар.

Бейли мрачно обдумывал и перепроверял цепь своих рассуждений. Они казались многообещающими, но неизвестно, какие возражения найдет Амадиро и каким окажется председатель. Встречу эту устроил Амадиро, и, значит, он уверен в себе, в своей победе.

Тут Бейли вспомнил, что опять, когда он засыпал, обнимая Глэдию, он осознал — во всяком случае так

ему показалось — смысл случившегося на Авроре. Все выглядело ясным, очевидным, неопровержимым. И вновь, в третий раз, все словно стерлось, словно ничего вообще не было.

И его надежды тоже исчезли.

72

Дэниел проводил Бейли в комнату, где был сервирован завтрак — более уютную и домашнюю, чем парадная столовая. Небольшая, просто убранная — стол и два стула исчерпывали всю мебель, и Дэниел не отступил в нишу (ниш вообще не было), а ушел, и на минуту Бейли оказался в ней один, совершенно один.

Разумеется, относительно один. По первому зову мгновенно явятся роботы. И все же это была комната для двоих, комната, смущенно подумал Бейли, для влюбленных.

На столе виднелись две горки... оладий? Только пахли они не оладьями, хотя и очень аппетитно. Два судка с чем-то вроде растопленного масла (но кто его знает!) стояли сбоку от тарелок. И кофейник с горячим якобы кофе, который он уже пробовал — без всякого удовольствия.

Вошла Глэдия, одетая довольно строго. Волосы у нее поблескивали, точно она только что сделала прическу. Она остановилась с легкой улыбкой на губах.

— Элайдж?

— Как вы, Глэдия? — с запинкой сказал Бейли, пойманный врасплох, и вскочил.

Она словно не заметила. Лицо у нее было веселым, беззаботным.

— Если тебе не нравится, что Дэниела тут нет, не тревожься. Он в полной безопасности. Ну а мы... — Она подошла к нему почти вплотную и медленно прикоснулась пальцами к его щеке, как когда-то давно на Солярии, и звонко засмеялась. — Вот все, что я сделала тогда, Элайдж. Ты помнишь?

Бейли молча кивнул.

— Ты хорошо спал, Элайдж? Садись же, милый.

Он сел.

— Очень хорошо. Спасибо, Глэдия. — Он поколебался, но решил обойтись без нежных слов.

— Не надо меня благодарить, — сказала она. — Я выпалась так, как давно уже не высыпалась. Но только потому, что ушла, когда убедилась, что ты крепко уснул. Если бы я осталась — а мне только этого и хотелось, — то не сумела бы оставить тебя в покое и ты бы не отдохнул по-настоящему.

Он понял, что молчать нельзя.

— Есть вещи, которые важнее от-т-дыха, Глэдия, — произнес он с запинкой таким нравоучительным тоном, что она опять засмеялась.

— Бедный Элайдж! Как ты смущен!

От ее слов он смутился еще больше. Он ожидал сожаления, отвращения, стыда, притворного безразличия, и был к ним готов — но не к такой веселой игривости.

— Не мучайся так, — сказала она. — Тебе надо поесть. Вчера вечером ты почти ничего не ел. Запасись калориями и сразу почувствуешь прилив сил.

Бейли с сомнением взглянул на псевдоолады.

— А! — воскликнула Глэдия. — Ты же, наверное, никогда их не видел. Солярианское блюдо. Блинчики! Мне пришлось репрограммировать моего повара, иначе они у него не получались. А главное, нужна импортная мука с Солярии. Аврорианские сорта зерна не годятся. А делают блинчики с начинкой. Самой разной — есть тысячи рецептов. Но это моя любимая, и тебе она понравится, я знаю. А из чего она, догадайся сам. Я только немножко подскажу: толченые каштаны и капелька меда. Ну попробуй же! Я хочу знать твое мнение. Их можно брать пальцами, только поберегись, когда куснешь.

Она изящно взяла блинчик за концы большими и средними пальцами обеих рук, неторопливо откусила бочок и поймала на язык густую золотистую каплю, которая выползла наружу.

Бейли повторил все ее движения. Блинчик оказался почти твердым и не слишком горячим. Бейли осторожно сунул конец в рот и куснул, но блинчик не поддавался. Тогда он сильнее сжал зубы, блинчик хрустнул и начинка вымазала руки Бейли.

— Ты откусил слишком большой кусок и очень резко, — сказала Глэдия, бросаясь к нему с салфеткой. — Лизни-ка! Блинчики невозможно есть аккуратно. Да этого и не нужно. Ими положено наслаждаться без церемоний. В идеале их едят раздетыми и сразу принимают душ.

Бейли опасливо лизнул — и выражение его лица оказалось красноречивей всяких слов.

— Вкусно, правда? — сказала Глэдия.

— Восхитительно! — пробормотал Бейли, медленно и осторожно кусая блинчик. В меру сладкий, он, казалось, таял во рту.

Бейли съел три блинчика и не взял четвертого только из стеснительности. Зато пальцы облизал без приглашения и салфеткой не воспользовался. Тратить такую прелесть на бесчувственную ткань?

— Ополосни пальцы, Элайдж, — посоветовала Глэдия, подавая ему пример. Судок с «растопленным маслом» оказался полоскательницей.

Бейли воспользовался ею по назначению, вытер руки и понюхал их. Ни малейшего запаха!

— Ты смущаешься из-за прошлой ночи, Элайдж? — сказала Глэдия. — И это все, что ты чувствуешь?

Ну, что тут можно ответить, уныло подумал Бейли, а вслух сказал:

— Боюсь, что да, Глэдия. То есть чувствую я далеко не только это, на двадцать километров дальше! Но я действительно смущен. Подумай сама. Я землянин, и ты это знаешь, но на какое-то время принуждаешь себя забыть, сделать вид, что «землянин» — всего лишь набор бессмысленных звуков. Вчера ночью тебе было жаль меня, тебя беспокоило, как на меня подействовала гроза, ты воспринимала меня как ребенка и (быть может, сочувствуя мне из-за собственной своей потери) подарила мне свою близость. Но это чувство пропадет — я удивлен, что оно уже не прошло, — и ты вспомнишь, что я землянин, и устыдишься, ощутишь себя униженной, запачканной. И ты возненавидишь меня за то, что я сделал с тобой, а я не хочу, чтобы меня ненавидели, не хочу, Глэдия. (Если он выглядел таким несчастным, каким ощущал себя, то должен был казаться воплощением горести.)

Видимо, она поняла это. Во всяком случае она нагнулась и погладила его по руке.

— Я тебя не возненавижу, Элайдж. За что? Ты не сделал мне ничего, о чем бы я пожалела. Я сама — и буду рада этому до конца моих дней. Два года назад, Элайдж, ты освободил меня одним прикосновением, и вчера ночью ты снова освободил меня. Два года назад мне нужно было узнать, что я способна ощущать желание, а вчера ночью мне нужно было узнать, что я способна чувствовать желание, и потеряв Джендера. Элайдж, останься со мной. Это будет...

Он торопливо ее перебил:

— Но как, Глэдия? Я обязан вернуться в свой собственный мир. У меня там есть обязанности, есть замыслы, а уехать со мной тебе нельзя. Жизнь, которую мы ведем на Земле, не для тебя. Ты умрешь от одной из земных болезней — если тебя прежде не убьют многолюдие и замкнутость в четырех стенах. Полагаю, ты понимаешь.

— Про Землю — да, — ответила Глэдия со вздохом. — Но ведь ты же не уезжаешь сию секунду.

— Еще до конца утра председатель может вышвырнуть меня с Авроры.

— Нет! — горячо воскликнула Глэдия. — Ты этого не допустишь... Но если и так, мы можем отправиться на еще какой-нибудь космомир. У нас огромный выбор — их же десятки и десятки. Неужели Земля значит для тебя так много, что ни один космомир тебе не подойдет?

— Я мог бы прибегнуть к отговоркам, Глэдия. Напомнить, что ни один космомир не разрешит мне поселиться там навсегда, и тебе это известно. Но это лишь ничтожная доля истины. Важнее то, что и прими меня какой-нибудь космомир, Земля значит для меня так много, что я должен был бы вернуться... Даже если это означает разлуку с тобой.

— И больше никогда не видаться со мной? Больше не посещать Авроры?

— Если бы я мог вновь тебя увидеть, я бы сделал для этого все, — ответил Бейли искренне. — Поверь мне. Но какой смысл говорить это? Ты знаешь,

что меня вряд ли снова сюда пригласят. И ты знаешь, что это так и что без приглашения я приехать не смогу.

— Не хочу верить этому, Элайдж, — тихо сказала Глэдия.

— Глэдия, ты только делаешь себя несчастной. Не надо! Между нами произошло чудо, но тебя впереди ждет еще много чудес, самых разных, хотя это не повторится. Думай о них, о новых.

Она ничего не сказала.

— Глэдия, — произнес он настойчиво, — нужно ли кому-то знать о том, что было между нами?

Она посмотрела на него страдальчески:

— Ты до такой степени стыдишься?

— Того, что произошло? Нет конечно. Но хоть я и не стыжусь, возможны тяжелые последствия. Пойдут разговоры. Из-за этой гнусной гиперволновки, среди многого другого исказившей и наши отношения, мы оказались в центре внимания праздной публики. Как же! Землянин и солярианка. Если возникнет хоть малейшее подозрение, что... что нас связала любовь, новость эта долетит до Земли со скоростью гиперпространственного двигателя.

Глэдия высокомерно подняла брови:

— И Земля сочтет, что ты уронил свое достоинство? Что ты допустил сексуальную связь с кем-то ниже себя по положению?

— Ну что ты! — Но Бейли знал, что миллиарды землян взглянут на случившееся именно так. — Но ты подумала, что об этом узнает моя жена? Я ведь женат.

— Ну и узнает. Что тут такого?

Бейли перевел дух:

— Ты не понимаешь. Обычаи Земли иные, чем у космонитов. В нашей истории бывали времена большой половой распущенности. Во всяком случае, в некоторых местах и у определенных сословий. Но сейчас другое время. Земляне живут скученно, и только пуританская этика может обеспечить стабильность семьи в подобных условиях.

— Ты хочешь сказать, у каждого только одна, и наоборот?

— Нет, — ответил Бейли, — Честно говоря, не совсем так. Но принимаются все меры, чтобы не произошло огласки, чтобы люди могли... могли...

— Делать вид, будто ничего не знают?

— В общем так, но в этом случае...

— Огласка будет такой, что уже никто не сможет притворяться незнающим и твоя жена на тебя рассердится и даст тебе пощечину.

— Нет, обойдется без этого. Но она будет страдать от стыда и косых взглядов. И мой сын тоже, и я. Пострадает мой общественный статус и... Глэдия, если ты не понимаешь, то и не поймешь, но прошу тебя, не говори об этом другим на манер аврорианцев. — Он понимал, что ведет себя попросту жалко.

— Я не хочу делать тебе больно, Элайдж, — сказала Глэдия, задумавшись. — Ты был добр ко мне, и я не хочу платить тебе неблагодарностью, но (она беспомощно развела руками) ваши земные обычаи так нелепы!

— Не спорю. Но я должен считаться с ними. Как ты считалась с обычаями Солярии.

— Да. — Она помрачнела. — Прости меня, Элайдж. Я искренне прошу прощения. Мне нужно то, чего я не могу получить, и разочарование я вымещаю на тебе.

— Пустяки.

— Нет, не пустяки, Элайдж, ну пожалуйста! Я должна объяснить тебе. По-моему, ты не понял, почему вчера произошло... Но тебе, наверное, станет совсем уж неловко, если я заговорю об этом.

Что почувствовала бы и что подумала бы Джесси, если бы слышала этот разговор? Бейли прекрасно знал, что ему следует сосредоточиться на предстоящем разговоре с председателем — труднейшем, решающем испытании, которое ожидает его через час, — а не на своих супружеских проблемах. Ему следует думать об опасности, грозящей Земле, а не его жене, но думал он о Джесси. И сказал:

— Скорее всего мне будет очень неловко, но все-таки объясни.

Глэдия передвинула свой стул, не позвав для этого робота. Бейли нервно следил за ней, но помочь не предложил.

Она поставила стул прямо перед ним, чтобы все время видеть его лицо, села и вложила свою руку в его. Он почувствовал, что нежно сжимает тонкие пальцы.

— Видишь, — сказала она, — прикосновения меня больше не пугают. Время, когда я могла принудить себя только чуть погладить тебя по щеке, осталось далеко позади.

— Пусть так, но ведь это и не потрясает тебя, Глэдия, как то единственное прикосновение, правда?

Она кивнула:

— Да, не потрясает, но просто радует меня. И я считаю, что это шаг вперед. Ошеломление от краткого прикосновения показало, насколько ненормальной была моя жизнь и как долго. То, что теперь, несравненно лучше. Можно, я расскажу тебе почему? Пока было только предисловие.

— Расскажи.

— Лучше бы мы сейчас лежали в постели, в темноте. Я говорила бы свободнее.

— Мы сидим в светлой комнате, Глэдия, но я слушаю так же внимательно.

— Да... На Солярии, Элайдж, подлинного секса вообще не было, как тебе известно.

— Я знаю.

— И для меня его тоже не существовало. В редких случаях — очень редких! — мой муж исполнял свой супружеский долг. Я не стану ничего про это говорить. Поверь только, что теперь, вспоминая, я понимаю, что это было даже хуже, чем ничего.

— Я верю тебе.

— Но я знала про секс. Читала. Иногда говорила с другими женщинами, но они все делали вид, будто это тягостная обязанность. А если они уже выполнили свою квоту по детям, то всячески подчеркивали, как довольны, что могут покончить с сексом навсегда.

— И ты им верила?

— Конечно. Я ведь ничего другого не знала, а то немногое, что было написано не на Солярии, объявлялось вредными измышлениями. И этому я тоже верила. Мой муж как-то увидел эти мои книги, назвал их порнографией и уничтожил. Но ты же знаешь, люди способны заставить себя уверовать во что угодно. По-

моему, солярианки верили собственным словам и действительно относились к сексу брезгливо. Во всяком случае, так мне казалось, и я боялась, что страдаю серьезными отклонениями, раз испытываю к нему интерес... и какие-то непонятные чувства.

— А тогда ты не использовала роботов, чтобы найти облегчение?

— Нет. Даже в голову не приходило. Ни их и ничто другое. На подобное иногда намекалось, но с такой гадливостью! Или с притворной гадливостью. И, конечно, я бы ни на что подобное не решилась. Естественно, у меня бывали сны... и во сне я иногда испытывала то, что было, как я понимаю теперь, подобием оргазма, и сразу просыпалась. Конечно, я ничего не понимала и не рисковала говорить об этом. Мне было невыносимо стыдно. Хуже того: я пугалась наслаждения, которое они мне доставляли... Ну а потом я переселилась на Аврору.

— Ты мне рассказывала. Секс с аврорианцами обманул твои ожидания.

— Да. Я даже начала думать, что солярианская точка зрения все-таки верна. Явь оказалась совсем другой, чем мои сны. Но только после Джендера я поняла причину. На Авроре это... это хореография. Каждая фигура диктуется модой, начиная от манеры предлагать себя и до расставания. Нет ничего неожиданного, ничего спонтанного. На Солярии никто не дарил и не принимал. А на Авроре стилизация привела к тому же: никто не дарит, не принимает. Ты понимаешь?

— Не уверен, Глэдия, так как не имел сексуальных отношений с аврорианками, да и аврорианцем никогда не был. Но не надо объяснять. По-моему, хоть смутно, но я понимаю, о чем ты говоришь.

— И чувствуешь себя ужасно неловко?

— Не настолько, чтобы отказаться слушать дальше.

— Затем в моей жизни появился Джендер, и я научилась использовать его. Он не был аврорианским мужчиной. Его целью — его единственной целью — было доставлять мне радость. Он дарил, а я принимала — и впервые узнала секс таким, каким он должен быть. Ты и это понимаешь? Способен ли ты вообразить, что это такое — вдруг узнать, что ты не безумна, не извра-

щена, не порочна, что твои чувства тебя не обманывали? Узнать, что ты просто женщина, которая обрела настоящего сексуального партнера?

— Мне кажется, могу.

— И почти сразу же все это у меня отняли. Я решила... я решила, что это конец. Я обречена жить века и больше ни разу не испытать радости гармоничного сексуального общения. Не знать его вначале, жить без него — это было очень тяжело. Но обрести его вопреки всем ожиданиям, познать это счастье, а потом внезапно лишиться его, вернуться в пустоту... Невыносимо! Теперь ты понимаешь, как для меня важна прошлая ночь.

— Но почему именно я, Глэдия? Почему не кто-нибудь другой?

— Нет, Элайдж! Это могло быть только с тобой. Мы тебя разыскали — Жискара и я. Ты был совсем беспомощен. Совсем! Почти в сознании, но твое тело тебе не подчинялось. Тебя пришлось поднять, отнести в машину, уложить. Я следила, как тебя отогревают, приводят в порядок, купают, высушивают — такого беспомощного. Роботы проделывали все это очень компетентно, сосредоточивая все усилия на том, чтобы помочь тебе, оберегать от любого вреда, но без какого-либо подлинного чувства. А я только смотрела, и мне было так больно за тебя.

Бейли опустил голову, скрипнув зубами. Его беспомощность была выставлена напоказ! Тогда он наслаждался своим состоянием, но теперь думал только о его позорности. А Глэдия продолжала:

— Мне так хотелось самой ухаживать за тобой. Я сердилась, что роботы присвоили себе право помогать тебе... дарить. А когда я представила себя на их месте, я почувствовала сексуальное волнение, которого не испытывала после гибели Джендера ни разу. И тут я осознала, что в единственных сексуальных отношениях, что-то мне дававших, я только принимала. Джендер дарил мне все, чего бы я ни пожелала, но от меня не принимал ничего. И не был на это способен, поскольку единственное его удовлетворение заключалось в том, чтобы удовлетворять меня. А мне и в голову не приходило дарить — я ведь выросла среди роботов и знаю,

что принимать они неспособны. И пока я смотрела, мне стало ясно, что я познала лишь половину того, что может дать секс, и у меня возникла всевластная потребность познать вторую половину. Но потом за столом, когда ты ел свой суп, ты, казалось, снова стал сильным. Настолько сильным, что мог утешить меня, а я, после того, что испытала, глядя, как роботы ухаживали за тобой, просто забыла, что ты с Земли, и радовалась твоим объятиям. Я хотела их. Но, пока ты меня обнимал, мне стало горько, что я вновь принимаю, а не дарю. И тут ты сказал: «Глэдия, простите, мне нужно сесть». Ах, Элайдж! Более чудесных слов я от тебя не слышала.

Бейли почувствовал, что краснеет:

— Мне было страшно неловко. Так сознаться в своей слабости!

— Но именно это и было мне нужно. Я вынудила тебя лечь в постель, пришла к тебе и впервые в жизни я дарила. А не брала. И вырвалась из чар Джендера, так как поняла, что и с ним настоящего не было. Ведь, наверное, можно и дарить, и брать одновременно... Элайдж, останься со мной.

Бейли покачал головой:

— Глэдия, даже разорви я свое сердце пополам, факты не изменятся. На Авроре я остаться не могу и должен вернуться на Землю. А ты не можешь приехать на Землю.

— Элайдж, а если я все-таки приеду на Землю?

— Зачем ты говоришь глупости? Даже если бы ты вопреки всему и приехала, так ведь я очень быстро состарюсь, стану тебе не нужен. Через двадцать, от силы тридцать лет я буду глубоким стариком, если не умру раньше, а ты останешься такой, как сейчас, не одну сотню лет.

— Но я же так и рассчитала, Элайдж. На Земле я подхватчу ваши инфекции и тоже быстро состарюсь.

— Тебе это не понравится. К тому же старость не болезнь, ее нельзя подхватить. Ты просто очень скоро начнешь болеть и умрешь. Глэдия, ты найдешь себе другого.

— Аврорианца? — В ее голосе прозвучало презрение.

— Но ты можешь научить! Теперь, когда ты поняла, как дарят и принимают, научи их.

— Но научатся ли они?

— Некоторые научатся. Не сомневайся. И у тебя достаточно времени найти такого. Например... (Нет, подумал он, еще рано упоминать про Гремниониса, но — как знать? — если он обойдется с ней более решительно, оставит пустые любезности...)

— Неужели это возможно? — задумчиво произнесла Глэдия и подняла на Бейли увлажнившиеся серо-голубые глаза: — Элайдж, ты помнишь хоть что-то о прошлой ночи?

— Должен признаться, — грустно сказал Бейли, — что многое словно в тумане.

— Если бы ты помнил, то не захотел бы расстаться со мной.

— Я и сейчас не хочу с тобой расставаться, Глэдия. Но ничего не могу поделать.

— А после ты выглядел таким спокойно-счастливым, таким безмятежным. Я положила голову тебе на плечо и слушала, как бьется твое сердце — сначала часто, а потом все медленнее, пока ты вдруг не привскочил и не сел на кровати. Ты помнишь?

Бейли вздрогнул и, чуть откинувшись, растерянно посмотрел ей в глаза.

— Нет, этого я не помню. О чем ты? Что я сделал?

— Но я же сказала: ты вдруг сел на кровати.

— Да-да. Но еще что? — Его сердце учащенно билось — наверное, так же часто, как ночью, когда Глэдия прилегла к нему на плечо. Три раза он словно бы устанавливал правду, но в двух первых случаях он был один, а прошлой ночью — когда это случилось в третий раз, — с ним была Глэдия. Свидетельница.

— Больше ничего, Элайдж. Я спросила: «Что с тобой, Элайдж?» Но ты словно не услышал, а только повторил два раза: «Знаю! Знаю!» Ты говорил неясно, и глаза у тебя ничего не видели. Я даже немножко испугалась.

— Я сказал только это? Иосафат! Глэдия, неужели я ничего не добавил?

— Больше я ничего не помню, — Глэдия сдвинула брови. — Ты сразу снова лег, а я сказала: «Не бойся, Элайдж. Не бойся. Ты в безопасности». Я тебя поглади-

ла, и ты опять уснул и... и захрапел! Я никогда не слышала, как храпят, но было очень похоже на описание. — Она чуть улыбнулась.

— Послушай, Глэдия! — настойчиво сказал Бейли. — Ты говоришь, я пробормотал: «Знаю! Знаю!» Но я не объяснил, что именно я знаю?

Она снова сдвинула брови:

— Не помню... Подожди! Ты, правда, добавил совсем тихо: «Он успел раньше».

— «Он успел раньше»... Я это сказал?

— Да. Я решила, что ты говоришь про Жискара — что он успел раньше тех роботов, что ты опять испугался, не похитят ли тебя, что ты вспомнил, как ждал в лесу во время грозы. Да-да! Потому-то я и гладила тебя, повторяя: «Не бойся, Элайдж! Ты в безопасности!» — пока ты не уснул.

— «Он успел раньше». «Он успел раньше». Теперь не забуду! Глэдия, спасибо тебе за прошлую ночь. И спасибо за этот наш разговор.

— Но что важного в том, что Жискар успел найти тебя первым? Так и было. И ты это знаешь.

— Нет, Глэдия, тут что-то другое. Что-то, о чем я вспоминаю только когда мое сознание отключается.

— Так в чем смысл?

— Толком не знаю, но раз я это сказал, какой-то смысл тут есть. И у меня остается час, чтобы успеть разобраться. — Он встал. — Мне пора.

Он шагнул к двери, но Глэдия бросилась к нему и крепко его обняла.

— Подожди, Элайдж!

Бейли колебался, потом нагнулся и поцеловал ее. На долгое мгновение они застыли, обнявшись.

— Но я тебя еще увижу, Элайдж?

— Не знаю, — тоскливо ответил Бейли. — Надеюсь, что да.

И он ушел на поиски Дэниела с Жискаром, чтобы как следует подготовиться к предстоящей встрече.

Бейли шагал через луг к дому Фастольфа. Ему было все так же грустно.

Роботы шли справа и слева от него. Дэниел казался спокойным, но Жискар, подчиняясь данным ему инструкциям, все так же бдительно оглядывал окрестности. Бейли спросил:

— Как зовут председателя Законодательного собрания, Дэниел?

— Не знаю, партнер Элайдж. В тех случаях, когда о нем говорили в моем присутствии, его называли просто «председатель». При обращении к нему говорят «господин председатель».

— Его зовут Рутилен Хордер, сэр, но официально его имя нигде не упоминается. Употребляется только титул. Это подчеркивает преемственность правительства. Люди занимают этот пост на определенный срок, а «председатель» существует всегда.

— Но данный председатель — сколько ему лет?

— Он уже не молод, сэр. Ему триста тридцать один год, — ответил Жискар с типичной молниеносностью.

— Здоровье у него хорошее?

— Насколько мне известно, сэр.

— Какие-нибудь особенности характера, о которых мне полезно было бы узнать заранее?

К этому вопросу Жискар явно не был готов. Он сказал после паузы:

— Затрудняюсь ответить, сэр. Он занимает свой пост второй срок и считается компетентным председателем, много работает и добивается результатов.

— Он вспыльчив? Терпелив? Не терпит возражений? Внимателен?

— О подобном вы должны сами судить, сэр.

— Партнер Элайдж, — вмешался Дэниел, — председатель — выше личных пристрастий. Он справедлив и беспристрастен по определению.

— В этом я уверен, — пробурчал Бейли. — Но определения — это абстракция, как и титул «председатель», а индивидуальные председатели — с именами — это конкретные люди, предположительно с собственными особенностями.

Он покачал головой. Вот и у него появилась особенность: три раза он что-то осознал и трижды забывал, а теперь ему известны собственные слова по этому поводу, а толку никакого.

«Он успел раньше».
Кто успел раньше? Когда?
Ответа Бейли не находил.

74

Бейли увидел, что Фастольф ждет его в дверях, а сзади мается робот, словно огорченный тем, что не может встретить гостя, хотя это его функция.

(Вечная человеческая манера — приписывать роботам человеческие побуждения и реакции. На самом деле он не мается, не испытывает огорчения — или каких-либо других чувств, а только легкие колебания позитронных потенциалов из-за того, что он был запрограммирован принимать и оглядывать посетителей, но не мог выполнить свое назначение, не оттолкнув Фастольфа, а сделать этого он также не мог, поскольку отсутствовала достаточно веская причина. А потому он снова и снова делал шаг вперед и пятился, отчего создавалось впечатление, будто он мучится.)

Бейли поймал себя на том, что рассеянно уставился на робота, и с трудом заставил себя перевести глаза на Фастольфа. (Ну почему он все время думает о роботах?)

— Рад снова с вами свидеться, доктор Фастольф, — сказал он и протянул руку. После того что произошло между ним и Глэдией, легко было забыть, что космониты избегают физического соприкосновения с землянами.

Фастольф замаялся, потом воспитанность взяла верх над благоразумием, он взял протянутую руку, на мгновение задержал в своей и тут же отпустил.

— Я еще больше рад, что вижу вас, мистер Бейли, — сказал он. — То, что вам пришлось перенести вчера вечером, очень меня встревожило. Гроза была не слишком сильной, но не могла не ошеломить землянина.

— Так вы знаете, что произошло?

— Дэниел и Жискар ввели меня в курс. Мне было бы легче, явись они сразу же сюда, с тем чтобы потом доставить сюда и вас, но их решение опиралось на то, что дом Глэдии находился ближе к месту поломки машины, а ваш приказ был абсолютно категоричным и безопасность Дэниела вы поставили выше своей. Они верно вас поняли?

— Да. Я принудил их оставить меня там.

— Но было ли это разумно? — Фастольф уже проводил его в гостиную и указал на кресло.

Бейли сел.

— Этого требовали обстоятельства. За нами гнались.

— Жискар сообщил об этом. И еще он сообщил...

— Доктор Фастольф! — перебил Бейли. — Извините, но времени остается мало, а я должен задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас, — тотчас сказал Фастольф с обычной своей любезностью.

— Меня уверяли, что свои исследования функций мозга вы ставите превыше всего, что вы...

— Разрешите, я договорю, мистер Бейли. Я не позволю ничему встать на моем пути, я абсолютно беспощаден, не признаю никаких этических или нравственных обязательств, не останавлиюсь ни перед чем, оправдаю что угодно, если это нужно для моих исследований.

— Да, именно.

— Кто вам это сказал, мистер Бейли? — спросил Фастольф.

— А это имеет значение?

— Возможно, что и нет. К тому же догадаться не трудно. Моя дочь Василия, я это твердо знаю.

— Может быть, — ответил Бейли. — Но я хотел бы знать, верна ли такая оценка вашего характера.

— Вы ждете от меня честного ответа о моем характере? — грустно сказал Фастольф. — В чем-то эти обвинения соответствуют истине. Я действительно придаю своей работе огромную важность и действительно испытываю потребность приносить ей в жертву все и вся. Я пренебрег бы общепринятыми понятиями морали и этики, если бы мог. Но не могу. И в частности, если меня обвинили в убийстве Джендера ради моих исследований человеческого мозга, я категорически это отрицаю. Я не убивал Джендера.

— Вы предлагали, чтобы я подвергся психическому зондированию, чтобы извлечь из моего мозга информацию, изгладившуюся у меня из памяти. А вы не подумали о том, что психическое зондирование могло бы продемонстрировать вашу невиновность, если бы вы на него согласились?

Фастольф задумчиво кивнул:

— Полагаю, Василия настаивала, что мое нежелание подвергнуться ему доказывает мою виновность. Вовсе нет. Психическое зондирование сопряжено с риском и внушает мне такие же опасения, как и вам. Однако остановило меня другое. Больше всего зондирование устроило бы моих противников. Оно не настолько тонко, чтобы послужить неопровержимым доказательством, и они постарались бы поставить под сомнение любые свидетельства моей невиновности. Но с помощью зондирования они получили бы сведения о теории и методах создания человекоподобных роботов. Вот что им нужно. Такой возможности я им не предоставляю!

— Превосходно, — сказал Бейли. — Благодарю вас, доктор Фастольф.

— Не стоит благодарности. А теперь, если разрешите, я вернусь к тому, что узнал от Жискара. По его словам, к вам, пока вы оставались в машине один, подходили неизвестные роботы. Во всяком случае, вы довольно бессвязно говорили об этом, когда вас нашли без чувств под дождем.

— Неизвестные роботы действительно подходили ко мне, доктор Фастольф, — ответил Бейли. — Мне удалось остановить их и отослать обратно. Но благоразумие требовало покинуть машину и спрятаться, прежде чем они вернутся. Возможно, я принял такое решение, потому что мысли у меня мешались. Так утверждает Жискар.

— Жискар воспринимает Вселенную упрощенно. — Фастольф улыбнулся. — А у вас есть предположения о том, чьи это роботы?

Бейли заерзал в кресле, словно не находя удобной позы.

— Председатель уже прибыл? — ответил он вопросом на вопрос.

— Нет. Но он будет здесь с минуты на минуту. Как и Амадирос, глава Института, с которым вы, как я узнал от роботов, имели вчера встречу. Я не уверен, что это было разумно. Вы его раздражили.

— Я должен был поговорить с ним, доктор Фастольф. И он держался очень любезно.

— С Амадиро это ничего не означает. Ссылаясь на то, что он именует вашей клеветой и нестерпимым очернением профессиональных репутаций, он вынудил председателя принять меры.

— Каким образом?

— Задача председателя — устраивать встречу спорящих для достижения компромисса. Раз Амадиро пожелал встретиться со мной, председатель в силу своего положения не мог отложить ее, а тем более запретить. Он обязан провести эту встречу, и, если Амадиро собрал достаточно улик против вас — а собрать улики против землянина ничего не стоит, — расследованию будет положен конец.

— Возможно, доктор Фастольф, вам не следовало прибегать к помощи землянина, учитывая, насколько мы уязвимы.

— Возможно, что и так, мистер Бейли, но ничего другого я просто не сумел придумать. И теперь не могу. Так что предоставляю вам убедить председателя в нашей правоте... Если вы сумеете.

— И вся ответственность лежит на мне? — утрово спросил Бейли.

— На вас и только на вас, — мягко ответил Фастольф.

— Мы будем только вчетвером?

— Вернее, — поправил Фастольф, — втроем. Председатель, Амадиро и я: два оппонента и арбитр, так сказать. Вы же, мистер Бейли, будете всего лишь условно допущены. Председатель может отослать вас, когда ему заблагорассудится, так что, надеюсь, вы будете с ним осторожны.

— Постараюсь, доктор Фастольф.

— Например, мистер Бейли, не протягивайте ему руки. Извините мою прямолинейность.

Бейли поежился, задним числом испытывая смущение за свою бестактность.

— Не протяну, — буркнул он.

— И будьте крайне вежливы. Не бросайтесь гневными обвинениями, избегайте ничем не подкрепленных обвинений...

— Иными словами, я не должен добиваться, чтобы кто-то нечаянно выдал себя. Например, Амадирос.

— Вот именно. Это будет расценено как клевета, и вы добьетесь обратного эффекта. А потому будьте вежливы! Если вежливость прикроет нападение, то пусть. И постарайтесь ничего не говорить, пока к вам не обратятся.

— Пожалуйста, доктор Фастольф, — сказал Бейли, — объясните, почему теперь вы не скупитесь на советы, а раньше не позаботились предупредить меня об опасностях обвинения в клевете?

— Я действительно виноват, — ответил Фастольф. — Но это настолько само собой разумеется, что мне как-то в голову не пришло, что нужны особые объяснения.

— Да, я так и подумал, — пробурчал Бейли.

Фастольф вдруг встрепнулся.

— Я слышу шум машины, и кто-то из роботов идет к двери. Это председатель с Амадиросом.

— Вместе? — спросил Бейли.

— Несомненно. Видите ли, Амадирос предложил встретиться у меня, таким образом предоставив мне некоторое преимущество. А потому получил возможность под видом любезности заехать за председателем и привезти его сюда. Ведь это только естественно, раз они оба должны быть здесь. Но это обеспечило ему несколько минут частной беседы с председателем для отстаивания своей точки зрения.

— Но это не слишком честно, — заметил Бейли. — Вы не могли ему помешать?

— Но я не хотел. Амадирос идет на сознательный риск. Ведь он может раздражить председателя.

— А председатель очень раздражителен по натуре?

— Нет. Не больше любого другого председателя, находящегося на своем посту уже пятое десятилетие. Однако необходимость строго выдерживать все требования протокола плюс необходимость сохранять полное беспристрастие и власть арбитра очень способствуют развитию раздражительности. Амадирос же не всегда разумен. Его добродушная улыбка, белейшие зубы и избыток обходительности могут действовать очень раз-

дражающе, когда тот, кому он их адресует, по какой-либо причине пребывает не в слишком солнечном настроении... Однако я должен идти их встречать, мистер Бейли, и пустить в ход не столь, надеюсь, агрессивное обаяние. Прошу, останьтесь здесь и не вставайте с кресла.

Бейли оставалось только ждать. Почему-то он вдруг подумал, что пробыл на Авроре чуть меньше пятидесяти стандартных часов.

Глава 18

СНОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

75

Председатель был низенький — просто на удивление. Амадиро высился над ним сантиметров на тридцать. Однако причина заключалась в коротеньких ногах — когда они сели, председатель сразу почти сравнялся ростом с остальными, а массивные плечи и грудь придавали ему особую внушительность. Голова у него тоже была крупной, но возраст уже пометил его лицо морщинами, причем не теми, которые оставляет веселый смех. Возникло впечатление, что они прорезали его лоб и щеки из-за тяжелого бремени власти. Волосы у него были совсем белые, жидкие, а на макушке розовела плешь.

Говорил он, как и подобало лицу его положения, властным басом. Пожалуй, от возраста бас этот загрубел, но для председателя, решил Бейли, это был скорее плюс, чем минус.

Фастольф выполнил весь церемониал приветствий, обменялся вступительными пустопорожними фразами, предложил подкрепиться с дороги. Бейли при этом полностью игнорировался.

Только когда с пролиминариями было покончено и все сели — Бейли чуть в стороне от остальных, — Фастольф наконец официально его представил.

— Господин председатель! — произнес Бейли, не протянув руки, но поклонившись, а затем с небрежным

кивком добавил: — С доктором Амадиро, естественно, я знаком.

Легкое пренебрежение в голосе Бейли не утасило улыбку Амадиро.

Председатель, никак не ответив на приветствие Бейли, положил ладони на колени, растопырил пальцы и сказал:

— Так начнем и постараемся, чтобы это заняло поменьше времени и было как можно продуктивнее.

— С самого начала, — продолжал он, — мне хотелось бы подчеркнуть, что я не хочу останавливаться на проступках — или предполагаемых проступках — землянина, но перейду сразу к сути дела. Причем разбирая эту суть, мы оставим в стороне чрезмерно раздутый вопрос о роботе. Нарушение функций робота — это повод для иска в гражданском суде о покушении на право собственности, и наказанием может быть штраф, и только. Более того: если даже будет установлено, что робота Джендера Пэнелла из строя вывел доктор Фастольф, так ведь он помогал в разработке этого робота, руководил его конструированием и владел им в момент, когда робот перестал функционировать. Следовательно, решение будет в его пользу, поскольку человек вправе распоряжаться своей собственностью, как находит нужным. Спорный же вопрос касается исследования и заселения Галактики: будет ли заниматься этим одна Аврора, или Аврора в сотрудничестве с другими космомирами, или мы предоставим это Земле. Доктор Амадиро и глобалисты считают, что это бремя должна нести одна Аврора, доктор Фастольф предпочел бы оставить его Земле.

Председатель сделал паузу.

— Если мы сумеем удалить этот вопрос, то дело о роботе можно будет оставить на усмотрение гражданского суда, а разбора поведения землянина вообще не потребуются — мы просто отошлем его назад. А потому я начну с вопроса, готов ли доктор Амадиро согласиться с позицией доктора Фастольфа для достижения единства. Или не готов ли доктор Фастольф согласиться с позицией доктора Амадиро ради того же.

Председатель выжидающе умолк.

— Мне очень жаль, господин председатель, — сказал Амадиرو, — но я вынужден настаивать на том, чтобы земляне ограничились собственной планетой, а Галактику заселяли только аврорианцы. Однако я готов пойти на компромисс и согласиться, чтобы другие космосмиры приняли определенное участие в заселении Галактики, если такая уступка предотвратит раздоры между нами.

— Так-так, — сказал председатель. — Доктор Фастольф, согласны ли вы поступиться своей позицией с учетом этого предложения?

— Компромисс, предложенный доктором Амадиро, господин председатель, ничего в сущности не меняет. Я готов предложить более значимый компромисс. Почему бы не открыть Галактику для исследований как других космонитов, так и землян? Галактика велика, и места в ней хватит для всех. На такое условие я соглашусь охотно.

— О, конечно! — торопливо заговорил Амадиро. — Ведь это никакой не компромисс. Население Земли, численностью свыше восьми миллиардов, вдвое превосходит население всех космосмиров, взятое вместе. Люди Земли живут недолго и приспособились быстро восполнять свои потери. У них отсутствует уважение к индивидуальной жизни. Они облепят новые миры, размножаясь с быстротой насекомых, и завладеют Галактикой, когда мы только приступим к ее исследованию. Предложить Земле якобы равную возможность освоения Галактики — значит подарить ее им, так какое же тут равенство? Земляне должны ограничиться Землей.

— Что скажете на это вы, доктор Фастольф? — осведомился председатель. Фастольф вздохнул:

— Моя точка зрения известна, и, полагаю, мне не нужно вновь ее излагать. Доктор Амадиро планирует использовать человекоподобных роботов для освоения планет, на которые затем переселятся аврорианцы-люди, но у него человекоподобных роботов пока нет. Он не способен создать их, но и будь они у него, этот проект обречен на неудачу. И компромисс возможен, только если доктор Амадиро согласится в принципе, что земляне все-таки будут участвовать в заселении новых миров.

— В таком случае компромисс невозможен, — сказал Амадиرو.

Председатель недовольно поморщился.

— Боюсь, одному из вас придется уступить. Я не допущу, чтобы Аврору раздирала буря эмоциональных противоречий по столь важному вопросу. — Он посмотрел на Амадиро подчеркнуто без всякого выражения. — Вы намерены использовать выведение робота Джендера из строя как аргумент против взгляда доктора Фастольфа, не так ли?

— Да, намерен, — подтвердил Амадиро.

— Довод чисто эмоциональный. Вы собираетесь утверждать, что Фастольф пытается подорвать ваш план, ложно внушая, будто человекоподобные роботы менее эффективны, чем в действительности.

— Именно этого он и добивается...

— Клевета, — негромко произнес Фастольф.

— Нет, не клевета, если я докажу это, а я докажу! Пусть этот аргумент эмоционален, но он неопровержим. Вы ведь видите это, господин председатель, не так ли? Победа, конечно, останется за моими взглядами, но не без прискорбных осложнений. Мне кажется, вам следует убедить доктора Фастольфа смириться с неизбежным поражением и избавить Аврору от трагической процедуры, которая ослабит наше положение среди космомиров и подорвет нашу веру в себя.

— Как вы можете доказать, что доктор Фастольф вывел этого робота из строя?

— Он сам признает, что он — единственный человек, который мог бы это сделать. Как вам известно.

— Да, — сказал председатель. — Но я хотел, чтобы вы подтвердили это мне — не своим последователям и не средствам массовой информации, а лично мне в частной беседе. Как вы и сделали. — Он обернулся к Фастольфу: — А что скажете вы, доктор Фастольф? Вы действительно единственный человек, который мог бы вывести этого робота из строя?

— Не оставив никаких следов физического насилия? Да, насколько мне известно, никому другому это не удалось бы. Не думаю, что доктор Амадиро настолько силен в робопсихологии, и не перестаю изумляться, что, основав Институт робопсихологии, он с такой

готовностью во всеуслышание объявляет о собственной некомпетентности, даже имея за спиной всех своих сотрудников. — Он насмешливо улыбнулся Амадиро.

Председатель вздохнул:

— Доктор Фастольф, обойдемся без риторики, без сарказмов и тонких шпилек. Что вы можете сказать в свое оправдание?

— Только одно: никакого вреда Джендеру я не причинял. И не утверждаю, что это сделал кто-то еще. Игра случая — принцип неопределенности проявил себя в конкретных позитронных связях. Редко, но бывает. Пусть доктор Амадиро признает, что это была случайность, что никого не станут обвинять бездоказательно, и тогда мы сможем обсудить предлагаемые варианты соглашения, исходя только из их весомости.

— Нет, — сказал Амадиро. — Вероятность случайной гибели робота слишком мала — заметно меньше, чем вероятность того, что ее вызвал доктор Фастольф. Настолько меньше, что снять вину с доктора Фастольфа было бы безответственно. Я не отступлю, и победа останется за мной. Господин председатель, вы знаете, что победа будет моей, и мне кажется, что единственным разумным шагом будет принудить доктора Фастольфа смириться с поражением во имя всепланетного единства.

— А это, — быстро перебил Фастольф, — прямо связано с расследованием, которое по моей просьбе ведет мистер Бейли с Земли.

— Шаг, против которого я возражал с самого начала, — столь же быстро сказал Амадиро. — Этот землянин, возможно, умелый следователь, но он не знает Авроры и ничего не сможет тут сделать. Если, конечно, не считать всяких клеветнических измышлений, из-за которых Аврора может быть выставлена перед космосами в недостойном и смешном виде. Уже в десятке важных гиперволновых программ десятка космомиров встречались сатирические заметки на эту тему. Записи были отправлены в вашу канцелярию.

— И были доведены до моего сведения, — сказал председатель.

— На Авроре многие возмущены, — гнул свое Амадиро. — Позволить этому расследованию продолжать-

ся было бы в моих эгоистических интересах. Оно лишает Фастольфа поддержки общественного мнения и голосов в Законодательном собрании. И чем дольше оно продлится, тем вернее будет моя победа, но оно компрометирует Аврору, и я не хочу получать выгоду от того, что наносит ущерб моей планете. Со всем уважением, господин председатель, я рекомендую положить расследованию конец и теперь же убедить доктора Фастольфа добровольно согласиться с тем, с чем он волей-неволей будет вынужден смириться, заплатив куда более высокую цену.

— Не отрицаю, — сказал председатель, — что, возможно, согласие на это расследование было дано доктору Фастольфу несколько необдуманно. Но, повторяю — возможно. Признаюсь, я предпочел бы прекратить его. Тем не менее землянин (присутствия Бейли он все еще словно не замечал) провел здесь некоторое время...

Он замолчал, как будто ожидая от Фастольфа подтверждения, и тот поспешил сказать:

— Сегодня третий день, как он занимается расследованием.

— В таком случае, — объявил председатель, — мне кажется, будет только справедливо, чтобы, перед тем как запретить расследование, я выяснил, не установил ли он уже что-либо.

Председатель снова замолчал, и Фастольф, взглянув на Бейли, чуть заметно кивнул.

— Господин председатель, — сказал Бейли негромко, — мне не хотелось бы говорить без приглашения. Мне задан вопрос?

Председатель нахмурился и, не глядя на Бейли, произнес:

— Я прошу мистера Бейли с Земли сообщить нам, удалось ли ему что-нибудь установить.

Бейли глубоко вздохнул. Вот оно!

76

— Господин председатель, — начал он, — вчера днем я задавал вопросы доктору Амадиру, который всячески

шел мне навстречу и во многом мне помог. Когда я и мои сопровождающие...

— Ваши сопровождающие? — переспросил председатель.

— Меня сопровождали два робота все время, пока я вел расследование, господин председатель, — ответил Бейли.

— Роботы, принадлежащие доктору Фастольфу? — вмешался Амадиرو. — Я спрашиваю об этом для записи.

— Да. Для записи, — сказал Бейли. — Человекоподобный робот Дэниел Оливо и Жискар Ревентлов, робот более старой модели.

— Благодарю вас, — сказал председатель. — Продолжайте.

— Когда мы покинули территорию Института, выяснилось, что наша машина повреждена.

— Повреждена? — с недоумением повторил председатель. — Кем?

— Мы не знаем, но произошло это на территории Института. Мы прибыли туда по приглашению, так что персонал Института знал о нашем прибытии. И маловероятно, чтобы кто-нибудь еще мог оказаться там без приглашения и без ведома персонала. Если бы это было мыслимо, пришлось бы предположить, что повредить машину мог кто-то из служащих или сотрудников Института, что, разумеется, невозможно без прямого указания доктора Амадиро, а это столь же немыслимо.

— Вы что-то много думаете о немыслимом, — заметил Амадиро. — Обследовал ли машину квалифицированный механик? И было ли это действительно следствие чьих-то козней или просто поломка?

— Осмотр не производился, сэр, — ответил Бейли, — но Жискар, запрограммированный водить машину и хорошо знающий эту, утверждает, что ее повредили.

— А он робот доктора Фастольфа, запрограммированный им и ежедневно получающий от него распоряжения, — сказал Амадиро.

— Вы намекаете... — начал Фастольф.

— Я ни на что не намекаю. — Амадиро примирительно поднял ладонь. — Я просто констатирую... для записи.

Председатель сделал неопределенный жест:

— Может быть, мистер Бейли с Земли продолжит?

— Когда машина сломалась, — сообщил Бейли, — к ней явились другие.

— Другие? — переспросил председатель.

— Другие роботы. Когда они появились, моих роботов там уже не было.

— Минуточку, — перебил Амадирос. — Каким было ваше состояние в тот момент, мистер Бейли?

— Я чувствовал себя не очень хорошо.

— Не очень хорошо? Вы землянин и приспособлены жить только в искусственной обстановке ваших Городов. Под открытым небом вы чувствуете себя плохо, не так ли, мистер Бейли? — спросил Амадирос.

— Да, сэр.

— А вчера вечером разразилась сильная гроза, как, полагаю, известно председателю. Не точнее будет ли сказать, что вы чувствовали себя очень скверно? Почти теряли сознание, если не хуже?

— Да, мне было плохо, — с неохотой признал Бейли.

— В таком случае, — резко сказал председатель, — как ваши роботы могли уйти от вас? Раз вы чувствовали себя плохо, они должны были остаться с вами.

— Я приказал им уйти, господин председатель.

— Почему?

— Я полагал, что так будет лучше, — ответил Бейли. — И объясню почему, если вы разрешите мне продолжить.

— Продолжайте.

— За нами действительно гнались — преследовавшие нас роботы появились у машины вскоре после того, как я отослал моих. Преследователи сразу спросили, где мои роботы, и только услышав, что я отослал их назад в Институт, поинтересовались, не плохо ли я себя чувствую. Я ответил, что нет, и они сразу бросили меня и отправились на поиски моих роботов.

— На поиски Дэниела и Жискара? — уточнил председатель.

— Да, господин председатель. Мне было ясно, что роботы эти следовали строжайшему приказу найти их.

— Почему вам это было ясно?

— Хотя они не могли не видеть, что мне плохо, эти роботы сначала спросили меня о Дэниеле с Жискаром, а потом уже о том, как я себя чувствую. Затем они бросили меня в таком состоянии и продолжили свои

поиски. Следовательно, они получили строжайший приказ отыскать моих роботов, иначе не оставили бы человека, которому явно было плохо. Только я предусмотрел эту погоню за моими роботами, почему и отослал их. Мне представлялось абсолютно необходимым, уберечь их от посторонних рук.

— Господин председатель, — вмешался Амадирос, — разрешите мне задать мистеру Бейли несколько вопросов по этому поводу, чтобы доказать, насколько беспочвенны его утверждения.

— Разрешаю.

— Мистер Бейли, — начал Амадирос, — когда ваши роботы ушли, вы остались в одиночестве, не так ли?

— Да, сэр.

— Следовательно, вы не вели записи происходящего? Не могли их вести? У вас не было записывающего устройства?

— Нет на все три вопроса, сэр.

— И вы чувствовали себя плохо?

— Да, сэр.

— Сумеречное состояние? Вам было так худо, что вы ничего толком не запомнили?

— Вовсе нет, сэр. Я все помню ясно.

— Естественно, вам так кажется. Но не исключено, что вы бредили, что у вас были галлюцинации. А потому несомненно, что слова роботов, да и само их появление никакого доверия не заслуживают.

— Согласен, — задумчиво произнес председатель. — Мистер Бейли с Земли, предположим, что вы действительно помните — или утверждаете, будто помните, — все это, то как вы истолковываете то, о чем говорили?

— Я не решаюсь, господин председатель, высказать вслух свои мысли по этому поводу, опасаясь, что их могут принять за клевету на достойнейшего доктора Амадирос.

— Поскольку вы говорите по моей просьбе и поскольку все сказанное вами не выйдет из этих стен (председатель посмотрел на пустые ниши), вопроса о клевете не встает. Конечно, если я не приду к выводу, что вы злословите.

— В таком случае, господин председатель, — начал Бейли, — я не исключаю, что доктор Амадирос преднамеренно задерживал меня в своем кабинете, подроб-

но обсуждая со мной всякие вопросы, таким образом выгадывая время, достаточное, чтобы повредить мою машину. И продолжал меня задерживать до начала грозы с расчетом, что мне в пути станет дурно. Он несколько раз повторял, что изучал условия жизни на Земле, а потому представлял, какое действие произведет на меня гроза. Мне кажется, он задумал послать за нами роботов, чтобы они забрали нас из остановившейся машины и доставили назад в Институт, якобы чтобы помочь мне, а на самом деле для того, чтобы роботы доктора Фастольфа оказались в его власти.

Амадирос мягко усмехнулся:

— Но чем я руководствовался, подстраивая все это? Вы видите, господин председатель, это сплошные предположения, и любой суд на Авроре признал бы их клеветой.

— У мистера Бейли с Земли есть чем подкрепить эти гипотезы? — сурово осведомился председатель.

— Логикой, господин председатель.

Председатель встал, сразу утратив изрядную долю внушительности, так как практически сохранил тот же рост.

— Я пройду и обдумаю то, что уже услышал. И скоро вернусь.

Он удалился в Личную.

Фастольф наклонился к Бейли, а Бейли к нему. (Амадирос почти не удостоил их взглядом, словно его совершенно не интересовало, о чем они могут совещаться.) Фастольф прошептал:

— Вам есть что сказать еще?

— По-моему, есть, — шепнул в ответ Бейли. — Если мне дадут сказать, но, по-моему, председатель настроен не очень дружески.

— Вот именно. До сих пор вы только ухудшали положение. Я не удивлюсь, если он, вернувшись, объявит разбирательство оконченным.

Бейли качнул головой и уставился на свои ботинки.

77

Бейли все еще созерцал их, когда председатель возвратился, сел поудобнее и обратился на землянина суровый и несколько раздраженный взгляд.

— Мистер Бейли с Земли! — сказал он.

— Я слушаю, господин председатель?

— Мне кажется, вы злоупотребляете моим временем, но я не хочу дать повода для утверждений, будто я не выслушал обе стороны до конца, хотя это и выглядело напрасной тратой времени. Можете вы назвать мне причину, которая побудила бы доктора Амадиро совершать безумства, в которых вы его обвиняете?

— Господин председатель, — произнес Бейли тоном, граничащим с отчаянием, — причина была. И очень веская. Она кроется в том факте, что принадлежащий доктору Амадиро план освоения Галактики пойдет прахом, если он или его Институт не сумеют создать человекоподобных роботов. До сих пор доктор Амадиро не создал ни единого и не способен его создать. Спросите у него, даст ли он согласие, чтобы назначенная Законодательным собранием комиссия установила, есть ли какие-либо признаки, что там создаются или хотя бы разрабатываются функционирующие человекоподобные роботы. Если он заявит, что производство таких роботов уже поставлено на конвейер или они хотя бы существуют в виде чертежей — ну, пусть даже в виде рабочей формулы, если он готов наглядно подтвердить этот факт перед компетентной комиссией, я больше ничего не добавлю и признаю, что мое расследование не привело ни к каким результатам.

Бейли умолк, и у него перехватило дыхание.

Председатель посмотрел на Амадиро, с чьих губ исчезла улыбка.

— Не отрицаю, — сказал Амадиро, — что в настоящее время мы еще не готовы приступить к производству человекоподобных роботов.

— В таком случае я продолжу, — сказал Бейли, тяжело переведя дух. — Разумеется, доктор Амадиро мог бы получить всю необходимую ему информацию от доктора Фастольфа, хранящего ее у себя в голове, но доктор Фастольф отказывается сотрудничать с ним в этом проекте.

— И не соглашусь ни при каких условиях, — пробормотал Фастольф.

— Однако, господин председатель, — продолжал Бейли, — секрет создания человекоподобных роботов известен не только доктору Фастольфу.

— Разве? — удивленно спросил председатель. — Но кому еще? Ваши слова озадачили и самого доктора Фастольфа, мистер Бейли. (В первый раз он не добавил «с Земли».)

— Я действительно озадачен, — сказал Фастольф. — Я убежден, что это известно только мне, и не понимаю, на что намекает мистер Бейли.

— Думаю, мистер Бейли и сам этого не понимает, — заметил Амадирос, кривя губы в улыбке.

Бейли стало душно. Он переводил взгляд с одного на другого, чувствуя, что из них никто... никто ему не сочувствует. Он сказал:

— Но ведь это должно быть известно каждому человекоподобному роботу, не так ли? Возможно, не на уровне сознания — не так, чтобы давать объяснения, но информация эта должна быть скрыта в нем, правда? Если умело задавать вопросы человекоподобному роботу, его ответы и реакции дадут стройную картину его конструкции и создания. В конце концов, если времени будет достаточно, а вопросы составлены умело, человекоподобный робот выдаст информацию, пригодную для создания других человекоподобных роботов. Короче говоря, невозможно сохранить секрет механизма, если сам механизм доступен для подробного изучения.

Фастольф, казалось, был поражен.

— Я понял, мистер Бейли, и вы правы. Мне как-то и в голову не приходило.

— Со всем уважением, доктор Фастольф, не могу не сказать вам, что вы, как и все аврорианцы, обладаете особой индивидуалистичной гордостью. Вас настолько удовлетворяла мысль, что вы — самый лучший робот-психолог, единственный, способный создать человекоподобного робота, что вы перестали замечать очевидное.

Председатель позволил себе улыбнуться.

— Тут он вас поймал, доктор Фастольф! Меня все время удивляла настойчивость, с какой вы утверждали, что вывести Джендера из строя было бы не под силу никому, кроме вас самих, хотя такое утверждение ослабляло ваше политическое положение. Но теперь

мне понятно, что вы готовы пожертвовать своим политическим влиянием, лишь бы не утратить свою уникальность.

Фастольфу это явно пришлось не по вкусу, а Амади-ро нахмурился и сказал:

— Господин председатель, я протестую. Мне еще не доводилось слышать столь злобной клеветы. Все это основано на бредовых фантазиях больного человека. Мы не знаем, и, возможно, никогда не узнаем, действительно ли машину кто-то повредил, а если да, то кто. Не узнаем, действительно ли роботы гнались за машиной и говорили с мистером Бейли или нет. Он просто громоздит заключение на заключение, опираясь на сомнительные происшествия, свидетелем которых был он один — причем в полубредовом состоянии от страха, возможно, галлюцинируя. В суде все это не было бы принято во внимание ни на секунду.

— Здесь не суд, доктор Амади-ро, — сказал председатель, — и я обязан выслушивать все, что может пролить свет на спорный вопрос.

— Пролить свет? Это блуждание в потемках, господин председатель.

— Но каким-то образом складывается определенная картина. Я не поймал мистера Бейли ни на единой нелогичности. Если признать, что он действительно испытал все, о чем говорил, то его заключения кажутся основательными. Но вы отрицаете все это, доктор Амади-ро? Поломку машины, погоню, намерение завладеть человекоподобным роботом?

— Конечно, отрицаю! Категорически! — воскликнул Амади-ро. (Улыбаться он перестал уже давно.) — Землянин может предъявить запись всего нашего с ним разговора и без сомнения, заявит, будто я нарочно задерживал его долгими рассуждениями, приглашением осмотреть Институт, приглашением поужинать со мной... Но ведь все это вполне объясняется моим, как теперь видно, не вполне разумным желанием оказать ему любезность, быть гостеприимным. Я поддался определенной симпатии, которую питаю к землянам, только и всего. Я отвергаю его нелепые истолкования моих поступков и полагаю, что мое слово весит больше его измышлений. Моя репутация — достаточная гарантия,

и эти высосанные из пальца построения никого не убедят, будто я — тот хитрый интриган, каким рисует меня этот... этот землянин.

Председатель неторопливо потер подбородок и сказал:

— Естественно, я не намерен обвинять вас на основе того, что услышал пока от землянина. Мистер Бейли, если это все, то этого недостаточно, хотя ваши соображения и не лишены интереса. Вы можете добавить что-нибудь доказательное? Если нет, то учтите, я больше не могу тратить время без толку.

78

— Я хотел бы остановиться только еще на одном, господин председатель. Возможно, вы слышали о Глэдии Дельмар. Или о Глэдии с Солярии. Сама она называет себя просто Глэдия.

— Да, мистер Бейли, — ответил председатель с досадой в голосе. — Я о ней слышал. И видел гиперволновую драму, в которой вы и она играете столь замечательные роли.

— Много месяцев робот Джендер находился у нее и под конец стал ее мужем.

Устремленный на Бейли неодобрительный взгляд председателя стал возмущенным.

— Чем-чем?!

— Ее мужем, господин председатель.

Фастольф приподнялся, но снова сел. Вид у него был расстроенный.

— Это противозаконно! — резко сказал председатель. — Хуже того: это глупо. Робот не может зачать ребенка. Детей с роботом у нее быть не могло. А статус мужа, как и жены, даруется только после изъявления желания иметь ребенка, если на него получено разрешение. Мне кажется, даже землянину это должно быть известно.

— Да, конечно, господин председатель, — сказал Бейли. — Не сомневаюсь, что и Глэдия это знает. Слово «муж» она употребляла не в юридическом, а в эмоциональном смысле. Она считала Джендера эквивалентом мужа. И относилась к нему как к мужу.

Председатель обернулся к Фастольфу:

— Вы об этом знали, доктор Фастольф? Он ведь был вашим роботом.

— Я знал, что она к нему привязалась, — ответил Фастольф с явным смущением. — Я подозревал, что она использует его сексуально. Но об этой противозаконной фантазии я узнал только сейчас от мистера Бейли.

— Глэдия уроженка Солярии, — сказал Бейли. — И слово «муж» для нее означает не совсем то, что для аврорианки.

— Более чем очевидно, — буркнул председатель.

— Но у нее хватало здравого смысла скрывать это ото всех, господин председатель. Никому на Авроре она об этой фантазии, как выразился доктор Фастольф, не говорила. Мне позавчера она открылась только потому, что хотела, чтобы я усерднее расследовал дело, так близко ее касающееся. Но, думаю, она все равно промолчала бы, не будь я землянином, способным понять ее толкование этого слова.

— Пусть так, — сказал председатель. — Я готов признать за ней — как за солярианкой — такую крупную здравую мысль. Так вы на этом хотели остановиться?

— Да, господин председатель.

— Но это не имеет никакого отношения к рассматриваемому вопросу и не может повлиять на оценку положения.

— Господин председатель, я должен задать еще один вопрос. Один-единственный. Десяток слов, сэр, и я закончу.

Бейли говорил со всей доступной ему убедительностью, ведь наступил решающий момент.

— Ну хорошо. Один последний вопрос, — согласился председатель после некоторых колебаний.

— Да, господин председатель. — Бейли хотелось свирепо закричать, но он сдержался. И даже не повысил голоса. От того, что он собирался сказать, зависело все. Но он даже пальцем не указал, хотя все время подводил разговор к этому финалу. Памятуя наставления Фастольфа, он произнес роковой вопрос почти небрежным тоном:

— Так откуда доктор Амадиرو знал, что Глэдия считала Джендера своим мужем?

— Что-о? — Седые мохнатые брови председателя поползли на лоб. — Откуда вы взяли, что он об этом знал?

Прямой вопрос позволил Бейли продолжать:

— Спросите у него, господин председатель. — И он кивнул в сторону Амадиро, который вскочил и теперь смотрел на Бейли с явным ужасом.

79

Бейли повторил, очень мягко, не желая отвлечь внимание от Амадиро:

— Спросите его, господин председатель. Он как будто взволнован.

— В чем дело, доктор Амадиро? — спросил председатель. — Вы что-нибудь знали о том, что эта солярианка считала робота своим мужем?

Амадиро что-то бессвязно пробормотал, потом крепко сжал губы. Внезапная бледность на его лице сменилась багровой краской. Наконец он выговорил:

— Это бессмысленное обвинение меня несколько ошеломило, господин председатель. Я просто ничего не понимаю.

— Могу ли я объяснить, господин председатель? Очень коротко? — спросил Бейли. (А что если ему не позволяют говорить?)

— Попробуйте, — мрачно сказал председатель. — Если у вас есть объяснение, я буду рад его услышать.

— Господин председатель, — начал Бейли, — вчера днем я беседовал с доктором Амадиро. Поскольку он решил задержать меня, пока не разразится гроза, то говорил много и, видимо, не очень следил за собой. Разговор коснулся Глэдии, и доктор Амадиро мимоходом назвал Джендера ее мужем. Мне любопытно узнать, откуда ему это было известно.

Амадиро все еще стоял, точно обвиняемый перед судьей. Он сказал:

— Правда это или нет, разбираемый вопрос тут ни при чем.

— Может быть, — ответил председатель. — Но меня удивляет ваша реакция на этот вопрос. Мне кажется, для мистера Бейли и для вас он имеет подспудный смысл, и я хотел бы его понять. Ответьте, знали вы или не знали об этой немыслимой связи между Джэндером и солярианкой?

— Откуда мне было знать? — произнес Амадиро прерывающимся голосом.

— Это не ответ, — сказал председатель, — а уход от ответа. Я прошу вас вспомнить, а вы рассуждаете. Так говорили вы или не говорили то, что вам приписывают?

— Прежде чем доктор Амадиро ответит, — вмешался Бейли, которому негодующая вспышка председателя придала уверенности, — я обязан напомнить ему, что Жискар, робот, присутствовавший при нашем разговоре, может в случае необходимости повторить весь наш разговор дословно, воспроизводя наши голоса и интонации. Короче говоря, весь разговор был записан.

Амадиро вскричал с бешенством:

— Господин председатель, робот Жискар был сконструирован и программирован доктором Фастольфом, объявляющим себя лучшим из всех робопсихологов, моим ожесточенным противником. Можем ли мы доверять записям такого робота?

— Господин председатель, — сказал Бейли, — не прослушать ли вам запись, чтобы сделать собственные выводы?

— Пожалуй, — протянул председатель. — Доктор Амадиро, я здесь не для того, чтобы мои решения принимались за меня. Но пока оставим это. Доктор Амадиро, несмотря на эту запись, готовы ли вы заявить — тоже для записи, — что вы ничего не знали о манере солярианки называть робота своим мужем и ни разу не упомянули о нем, как о ее муже? Не забываете — вы же оба члены Законодательного собрания, — что весь наш разговор, хотя здесь и нет робота, записывается моим личным аппаратом. (Он похлопал себя по нагрудному карману.) — Так как же, доктор Амадиро? Да или нет?

Амадиро ответил почти с отчаянием:

— Господин председатель, я, право, не могу вспомнить, что именно сказал в случайном разговоре. Если я и произнес это слово, в чем отнюдь не уверен, то лишь вследствие другого такого же случайного разговора: возможно, кто-то упомянул при мне, что Глэдия просто влюблена в своего робота, точно он ее муж.

— С кем вы вели этот второй случайный разговор? — спросил председатель. — Кто вам сказал это?

— Сейчас я не могу вспомнить.

— Господин председатель, — сказал Бейли, — если доктор Амадиرو будет столь любезен и составит список всех, кто мог бы употребить такую фразу в разговоре с ним, можно было бы опросить их и таким образом установить, кто это был.

— Надеюсь, господин председатель, — воскликнул Амадиро, — вы учтете, как такой опрос подействует на сотрудников Института.

— Надеюсь, что и вы это учтете, доктор Амадиро, — ответил председатель. — И дадите на наш вопрос более удовлетворительный ответ, чтобы не вынуждать нас к крайним мерам.

— Прошу вас, господин председатель, есть еще один вопрос, — сказал Бейли, насколько сумел просительнее.

— Вопрос? Еще один? — Председатель посмотрел на Бейли без особой ласковости. — Какой же?

— Почему доктор Амадиро с таким упорством не хочет признать, что ему было известно пристрастие Глэдии к Джэндеру? Он утверждает, что это не имеет отношения к делу. Тогда почему он просто не скажет, что знал о нем, и все тут? А я утверждаю, что отношение это прямое, что доктор Амадиро знает, в какой мере оно доказывает преступность некоторых его действий!

— Я возмущен этим словом и требую извинений! — загремел Амадиро.

Фастольф чуть улыбнулся, а Бейли крепко сжал губы. Ему удалось вывести Амадиро из себя.

Председатель побагровел и воскликнул гневно:

— Вы требуете? Тре-бу-ете?! От кого вы требуете? Я председатель и выслушиваю все стороны, прежде чем решить, что будет наилучшим в данной ситуации.

Позвольте мне выслушать, как именно землянин истолковывает ваши поступки. Если он клеветает на вас, то понесет наказание, можете не сомневаться — как и в том, что я интерпретирую статьи закона о клевете в наиболее широком смысле. Но вы, доктор Амадиро, никаких требований мне предъявлять не можете! Продолжайте, землянин, изложите вашу версию, но будьте осторожны.

— Благодарю вас, господин председатель, — сказал Бейли. — Дело в том, что один аврорианец знал о тайне Глэдии от нее самой.

— Так кто же это? — перебил председатель. — Перестаньте пускать в ход ваши гиперволновые приемы!

— Господин председатель, — ответил Бейли, — у меня и в мыслях этого не было. Я просто хотел указать, что таким аврорианцем был сам Джендер. Хотя он и робот, но жил на Авроре, а потому его можно назвать аврорианцем. Уж конечно Глэдия в минуты нежности называла его «мой муж». Поскольку доктор Амадиро допускает, что мог слышать от кого-то об отношении Глэдии к Джендеру как к мужу, не логично ли предположить, что слышал он об этом от Джендера? Готов ли доктор Амадиро заявить сейчас для записи, что никогда не разговаривал с Джендером, пока тот находился в доме Глэдии?

Дважды Амадиро открывал рот, словно хотел что-то сказать, и дважды его закрывал без единого слова.

— Так как же? — спросил председатель. — Вы разговаривали с Джендером в указанный период, доктор Амадиро?

Ответа вновь не последовало.

— Если такие разговоры были, — мягко вставил Бейли, — это имеет самое прямое отношение к рассматриваемому вопросу.

— Я тоже начинаю склоняться к этой мысли, мистер Бейли. Ну так как же, доктор Амадиро? Да или нет?

И тут Амадиро взорвался:

— Какие улики есть у землянина против меня в этом деле? Он располагает записями моих разговоров с Джендером? У него есть свидетели, готовые подтвер-

дить, что видели меня с Джэндером? Что у него вообще есть, кроме голословных утверждений?

Председатель обернулся к Бейли, и тот сказал:

— Господин председатель, если у меня нет ничего, то доктор Амадиро мог бы заявить для записи, что никаких контактов у него с Джэндером не было, но он этого не сделал. Мне в процессе расследования пришлось побеседовать с доктором Василией Алиеной, дочерью доктора Фастольфа. Кроме того, я беседовал с юным аврорианцем Сантриксом Гремioniсом. Запись этих бесед ясно покажет, что доктор Василия поощряла ухаживания Гремioniса за Глэдий. Вы можете спросить доктора Василию, зачем она так поступала и не по совету ли доктора Амадиро. Выяснится также, что Гремioniс постоянно отправлялся с Глэдий в дальние прогулки, как нравилось им обоим, — и они никогда не брали с собой робота Джэндера. Можете все это проверить, сэр, если угодно.

— Разумеется, — сухо ответил председатель. — Но если и так, что из этого следует?

— Я указал, что кроме доктора Фастольфа о секрете человекоподобных роботов можно было бы узнать еще и от Дэниела, — начал Бейли. — До гибели Джэндера секретом этим в той же мере владел Джэндер. Но если Дэниел находился при докторе Фастольфе вне досягаемости, Джэндер жил у Глэдии, а она менее способна ограждать своих роботов. Так не мог ли доктор Амадиро воспользоваться длительными отлучками Глэдии, пока она гуляла с Гремioniсом, чтобы разговаривать с Джэндером — возможно, по трехмернику, чтобы изучать его реакции, подвергать различным тестам, а затем блокировать робота так, чтобы он ничего не мог сказать Глэдии про эти разговоры? Не исключено, что он уже почти узнал то, ради чего все это затеял, когда гибель Джэндера положила конец его исследованиям. Тогда он переключился на Дэниела. Возможно, веря, что ему осталось провести лишь несколько испытаний, он и устроил мне вчера ловушку, о чем я уже... э... давал показания.

Председатель пробормотал почти шепотом:

— Да, все сходится. Я просто вынужден верить...

— Еще одно, и мне действительно будет нечего добавить, — сказал Бейли. — Исследуя и ставя опыты на Джендере, доктор Амадиро мог случайно и абсолютно непреднамеренно вывести Джендера из строя, то есть совершить робийство.

И Амадиро, не стерпев, закричал:

— Нет! Ни в коем случае! Все, что я делал с этим роботом, было абсолютно для него безопасно!

— Я совершенно с этим согласен, господин председатель, — вмешался Фастольф. — Я тоже не думаю, что доктор Амадиро вывел Джендера из строя. Однако, господин председатель, это заявление доктора Амадиро представляет собой безоговорочное признание, что он действительно работал с Джендером и что анализ ситуации, сделанный мистером Бейли, в целом верен.

Председатель кивнул:

— Я вынужден согласиться с вами, доктор Фастольф. Вы, доктор Амадиро, вправе заявить, что отрицаете все это, и тогда я, скорее всего, буду вынужден начать официальное расследование, которое крайне вам повредит, чем бы оно ни завершилось. И ведь скорее всего, судя по тому, что я выслушал здесь, завершится оно не в вашу пользу. А потому я рекомендовал бы вам не настаивать на нем, не подвергать риску свое положение в Законодательном собрании, не подвергать риску политический курс, которым Аврора пока следует без малейших осложнений. Насколько я могу судить, до того как был поднят вопрос о гибели Джендера, доктор Фастольф располагал в Собрании большинством голосов (бесспорно, не очень большим) в вопросе о заселении Галактики. Возложив на доктора Фастольфа ответственность за то, что произошло с Джендером, вы привлекли бы на свою сторону достаточно депутатов, чтобы оказаться в большинстве. Теперь, наоборот, доктор Фастольф, если пожелает, может обвинить в гибели Джендера вас — а также в попытке оклеветать своего противника, и вы заведомо проиграете. Однако если я не вмешаюсь, то вы, доктор Амадиро, и вы, доктор Фастольф, поддавшись упрямству или даже мстительности, сплотите вокруг себя своих сторонников и начнете выдвигать друг против друга

всяческие обвинения. Наши политические силы, как и общественное мнение, будут расколоты, раздроблены к величайшему вреду для нас всех. На мой взгляд, в таком случае неизбежная победа доктора Фастольфа обойдется слишком дорого, а потому мой долг как председателя сразу же высказаться в его пользу и подвергнуть давлению ваших сторонников, доктор Амадиرو. Так не лучше ли вам сразу благоразумно уступить и смириться с победой доктора Фастольфа во имя блага Авроры?

— Я не ищу сокрушительной победы, господин председатель, — сказал Фастольф. — И вновь предлагаю компромисс: пусть Аврора, остальные космомиры, а также Земля получают равные права на заселение Галактики. Взамен я буду рад стать сотрудником Института робопсихологии, предоставить в его распоряжение все, что знаю о человекоподобных роботах, облегчив таким образом осуществление плана доктора Амадиро — в обмен на его торжественное обещание не принимать никаких мер против Земли когда-либо в будущем и облечь это обещание в форму договора, который будет подписан нами и Землей.

Председатель кивнул:

— Мудрое государственное решение. Могу ли я рассчитывать на ваше согласие, доктор Амадиро?

Амадиро опустилсЯ в кресло. На его лице застыла горечь поражения.

— Я не искал личной власти или тщеславного удовлетворения победой, — сказал он. — Я хотел того, что для Авроры лучше всего, в чем я твердо убежден, как убежден и в том, что план доктора Фастольфа рано или поздно обернется концом Авроры. Однако я признаю, что бессилен против происков этого землянина (он бросил на Бейли злобный взгляд), и вынужден принять предложение доктора Фастольфа. Все же я прошу разрешения обратиться к Законодательному собранию на эту тему и изложить для записи мои опасения относительно последствий.

— Это, разумеется, мы разрешим, — ответил председатель. — И, доктор Фастольф, если вы послушаетесь моей рекомендации, то незамедлительно отправите землянина восвояси. Он обеспечил победу вашей точке

зрения, но она утратит популярность, если у аврорианцев отыщутся причины усмотреть тут победу Земли.

— Вы совершенно правы, господин председатель, и мистер Бейли вскоре отправится на Землю — с моей благодарностью и, надеюсь, также и с вашей.

— Что ж, — не слишком любезно сказал председатель, — поскольку его находчивость предотвратила опасные политические схватки, я ему благодарен. Так благодарю вас, мистер Бейли.

Глава 19

СНОВА БЕЙЛИ

80

Бейли издали наблюдал, как они уезжали. Хотя Амадирос привез председателя, отбыли они по отдельности.

Фастольф проводил их и вернулся, не скрывая облегчения.

— Идемте, мистер Бейли, — сказал он. — Перекусим, а затем вы отправитесь на Землю без лишних промедлений.

Его роботы уже занялись необходимыми приготовлениями.

Бейли кивнул и заметил саркастически:

— Председатель меня, бесспорно, поблагодарил, но при этом он словно костью подавился.

— Вы представления не имеете, какая вам оказана честь! — сказал Фастольф. — Председатель крайне редко кого-нибудь благодарит. Но, с другой стороны, никто никогда не благодарит председателя. Хвалить его предоставляется истории, а нынешний занимает свой пост свыше сорока лет. Он успел стать раздражительным и брюзгливым, как всегда случается с председателями в конце их пребывания на посту. Однако, мистер Бейли, я благодарю вас еще раз, и вместе со мной вас благодарит Аврора. Вы еще увидите, как земляне выйдут в открытый космос, хотя срок вашей жизни и короток. Всю необходимую техническую помощь мы вам окажем. Каким образом, мистер Бейли, вы умудри-

лись распутать этот наш клубок за двое с половиной суток... нет, меньше... я просто вообразить не могу! Вы — чудо... Но идемте. Конечно, вы захотите немножко привести себя в порядок. Во всяком случае, мне это необходимо.

В первый раз после прибытия председателя у Бейли хватило времени подумать о чем-то кроме следующей своей фразы.

Он все еще не знал, какое озарение трижды посетило его: на грани сна, затем на грани обморока и, наконец, в момент полной расслабленности.

«Он успел раньше».

По-прежнему непонятно, однако он все равно убедил председателя, полностью справился со своей задачей. Так, может, и смысла-то никакого нет? Будто деталь механизма, которая никуда не вставляется и словно бы бесполезна? Так просто чепуха?

Это продолжало его грызть, и за стол он сел победителем, обманутым своей победой. Его мучило ощущение, что он упустил главное.

И вообще, не отступит ли председатель от своего решения? Амадиро проиграл сражение, но он из тех, кто ни при каких обстоятельствах до конца не сдается. Если отдать ему должное и поверить, что он не кривил душой, утверждая, что им движет не честолюбие, а патриотизм, любовь к Авроре, он ни за что не сдастся.

Пожалуй, следует предостеречь Фастольфа.

— Доктор Фастольф, — сказал Бейли, — мне кажется, это еще не конец. Доктор Амадиро будет по-прежнему добиваться изоляции Земли.

Фастольф кивнул и придвинул к себе тарелку.

— Не сомневаюсь. Я другого и не жду, но поскольку с вопросом о гибели Джендера покончено, опасаться больше нечего. Теперь, когда он лишился этого козыря, я знаю, что в Законодательном собрании верх всегда будет за мной. Не бойтесь, мистер Бейли, Земля выйдет в космос. И мести Амадиро — он человек злопамятный — тоже не опасайтесь. Вы покинете Аврору еще до захода солнца. И вас, разумеется, будет сопровождать Дэниел. Ну а наше сообщение, которое мы отправим с вами, обеспечит вам солидное продвижение по службе.

— Я буду рад поскорее вернуться, — сказал Бейли. — Но надеюсь, у меня еще есть время попрощаться кое с кем. Я... я хотел бы повидать Глэдию, а также пожелать всего доброго Жискару, который, возможно, вчера ночью спас мне жизнь.

— Ну разумеется, мистер Бейли! Но что же вы не едите?

Бейли послушно начал ковырять у себя в тарелке — еда не доставляла ему никакого удовольствия. Она почему-то казалась безвкусной, точно воспоминание о разговоре с председателем и недавней победе.

Он не должен был победить. Почему председатель не прервал его, а дал договорить? Да и Амадиرو мог бы все отрицать наотрез. И его слово должно было бы перевесить утверждения и рассуждения землянина.

Впрочем, Фастольф ликовал.

— Я опасался худшего, мистер Бейли. Я опасался, что встреча с председателем преждевременна, что у вас не найдется, что сказать, чтобы изменить положение. Но вы справились великолепно! Слушая вас я был просто вне себя от восхищения. Я все время ждал, что Амадиро потребует, чтобы его слово поставили выше слова землянина, пребывающего в полубезумии, потому что он оказался на чужой планете под открытым небом...

— Извините, доктор Фастольф, — ледяным тоном перебил Бейли, — но я не пребывал в полубезумии. Единственное исключение — прошлая ночь, но больше я ни разу не терял контроля над собой. Все остальное время на Авроре я был в здравом рассудке, пусть иногда и чувствовал себя не наилучшим образом. — Наружу прорывался тот гнев, который он вынужден был подавлять, пока говорил с председателем. — Только во время грозы, сэр... Ну и конечно, — вдруг вспомнил он, — на корабле... несколько секунд, когда мы приближались к Авроре...

Он не понял, почему, каким образом, с какой быстротой его осенила мысль... воспоминание... истолкование. Мгновение назад ее не было, а теперь она пронизала его сознание — четкая, ясная, как будто все время была там, прячась за завесой мыльных пузырьков.

— Иосафат! — потрясенно пробормотал он и вдруг ударил кулаком по столу, так что задребезжали тарелки. — Иосафат!

— Что с вами, мистер Бейли? — растерянно спросил Фастольф.

Бейли уставился на него, не сразу осознав вопрос.

— Ничего, доктор Фастольф. Просто при мысли о наглости Амадиро, когда он погубил Джендера, а потом постарался свалить вину на вас и подстроил, чтобы я вчера попал в грозу, а сегодня приписал мне из-за этого безумие, просто при этой мысли я поддался возмущению.

— Напрасно, мистер Бейли. И, кстати, Амадиро никак не мог убить Джендера. Это все-таки была случайность. Хотя, бесспорно, работа Амадиро с Джендером могла значительно увеличить вероятность такой случайности. Но я решил не возвращаться к этому.

Бейли слушал его вполуха. То, что он сказал Фастольфу, было лишь отговоркой, а то, что говорил Фастольф, никакой важности не имело. Это, как сказал бы председатель, не имело отношения к рассматриваемому вопросу. Собственно говоря, все, что произошло, все объяснения Бейли не относились к делу. Хотя это ничего не меняло.

За одним исключением... и не сразу.

— Иосафат! — прошептал он про себя и внезапно с аппетитом принялся за еду.

81

Снова Бейли пересек луг между домом Фастольфа и домом Глэдии. Он увидит Глэдию в четвертый раз за три дня — и (сердце у него болезненно сжалось) теперь в последний.

Его сопровождал Жискар — на некотором расстоянии, оглядывая окрестности еще более внимательно, чем прежде. Но для чего, если все факты уже известны председателю? Да и вообще, с самого начала опасность угрожала не ему, а Дэниелу. Видимо, Жискар еще не получил новых инструкций.

Только один раз он приблизился к Бейли — когда тот его окликнул:

— Жискар, а где Дэниел?

Жискар мгновенно очутился рядом с ним, словно не хотел повышать голоса.

— Дэниел отправился в космопорт вместе с другими нашими, чтобы организовать вашу доставку на Землю. Он встретит вас в космопорту, сопроводит на Землю и попрощается с вами уже там.

— Отлично! Мне дорог каждый лишний день, который я проведу с Дэниелом. А ты, Жискар? Ты полетишь с нами?

— Нет, сэр, я получил инструкции остаться на Авроре. Однако Дэниел и без меня будет хорошо вам служить.

— Не сомневаюсь, Жискар, но мне будет не хватать тебя.

— Благодарю вас, сэр, — сказал Жискар и столь же молниеносно унесся в сторону. Бейли секунду-другую задумчиво следил за ним... Нет, всему свое время. Сейчас его ждет Глэдия.

82

Она вышла к нему навстречу, и как она изменилась за какие-то два дня! Нет, она не сияла радостью, не танцевала, не искрилась весельем, в ее лице и глазах оставалась серьезность, следствие шока и горькой потери, но тревога, безнадежность исчезли, сменились светлой безмятежностью, словно она вдруг поняла, что жизнь продолжается и даже приносит радость.

Она протянул ему руку с теплой дружеской улыбкой.

— Пожми ее, Элайдж, пожми же! — сказала Глэдия, когда он замаялся. — Смешно, если после прошлой ночи ты будешь стесняться и делать вид, будто не хочешь дотронуться даже до моей руки. Как видишь, я все помню и ни о чем не жалею. Наоборот!

Бейли проделал необычную (для него) операцию — улыбнулся в ответ:

— Я тоже помню эту ночь, Глэдия, и тоже ни о чем не жалею. И хотел бы, чтобы она повторилась, но я пришел проститься.

Ее лицо омрачилось.

— Значит, ты возвращаешься на Землю! Но мои роботы все время поддерживают прямую связь с роботами доктора Фастольфа и они сказали мне, что все прошло очень хорошо. Ведь ты и не мог потерпеть неудачи!

— Да, все прошло удачно. Собственно говоря, доктор Фастольф одержал полную победу. Думаю, теперь никто не посмеет даже намекнуть, что он имел хоть какое-то отношение к гибели Джендера.

— Благодаря тому, что ты установил, Элайдж?

— По-видимому.

— Я так и знала! — В ее голосе прозвучала гордость. — Я знала, что ты во всем разберешься, когда посоветовала вызвать тебя сюда... Но в таком случае почему же тебя сразу отсылают?

— Именно потому, что все выяснилось. Если я задержусь, то, видимо, стану занозой под ногтями вершителей большой политики.

Глэдия посмотрела на него с некоторым недоумением, а потом с тем же недоумением сказала:

— Я не совсем поняла. Это что — земная идиома? Впрочем, неважно. Ты сумел установить, кто убил Джендера? Вот что важно.

Бейли обвел взглядом комнату. В одной нише стоял Жискар, в другой — робот Глэдии. Она без труда истолковала его взгляд.

— Элайдж, да перестань же думать о присутствии роботов! Тебя же не стесняет присутствие стула или вон тех штор?

Бейли кивнул:

— Ну хорошо. Глэдия, мне жаль, мне страшно жаль, но я был вынужден упомянуть, что Джендер был твоим мужем.

Ее глаза широко раскрылись, и он торопливо продолжал:

— У меня не оставалось другого выхода, но я гарантирую, это никак не скажется на твоём положении здесь.

Вкратце пересказав ей ход беседы с председателем, он закончил:

— Как видишь, Джендера никто не убивал. Гибель его была результатом случайности, хотя вероятность

этой случайности скорее всего заметно увеличилась из-за того, чему он подвергался.

— А я даже не подозревала! — ахнула Глэдия. — Ничего не подозревала и оказалась пособницей Амади-ро в его гнусном плане. И он виновен так же, как будто взял молот и ударил Джендера!

— Глэдия, — настойчиво сказал Бейли, — это несправедливо. Он не собирался причинить Джендеру вреда и делал то, что делал, ради блага Авроры, как он его понимает. И наказан он сполна. Потерпел сокрушительное поражение, все его планы рухнули, а Институт робопсихологии скоро признает руководство доктора Фастольфа. Ты не сумела бы придумать наказания страшнее, как бы ни старалась.

— Может быть... Мне надо подумать, — сказала она. — И ведь еще остается Сантрикс Гремнионис, смазливый лакейчик, которому поручили выманивать меня из дома! Теперь понятно, почему он так упорствовал и делал вид, будто надеется вопреки моим отказам. Ну, он, конечно, снова сюда явится, и я с таким наслаждением...

Бейли яростно затряс головой:

— Нет, Глэдия, ты ошибаешься. Я разговаривал с ним и могу тебя заверить, что он понятия не имел о том, что делалось у него за спиной. Все происходило без его ведома, как и без твоего. Как раз наоборот: упорствовал он вовсе не потому, что тебя нужно было выманить из дома, но Амади-ро ловко использовал его настойчивость. А настойчивым Гремниониса сделали его чувства к тебе. Его любовь, если на Авроре это слово означает то же, что на Земле.

— На Авроре оно означает балет. Джендер был робот, а ты — землянин. У аврорианцев все по-иному...

— Об этом ты уже говорила. Но, Глэдия, от Джендера ты научилась принимать, а от меня (я только повторяю твои слова) ты научилась дарить. И если ты научилась радости, то ведь будет только честно в свою очередь научить ей кого-то. Гремнионис так увлечен тобой, что будет учиться охотно. Он уже бросил вызов обычаям Авроры, продолжая упорствовать вопреки твоим отказам. Переступит он и через другие предрассуд-

ки. Ты можешь научить его брать и дарить, и сама научишься, как брать у него и дарить ему.

Глэдия пристально посмотрела ему в глаза:

— Элайдж, ты стараешься избавиться от меня?

Бейли, помедлив, кивнул:

— Да, Глэдия, это так. Сейчас я больше всего на свете хочу счастья для тебя, как никогда ничего не хотел ни для себя, ни для Земли. Сам я счастья тебе дать не могу, но, если его тебе даст Гремнионис, я буду счастлив... почти так же счастлив, как если бы дар этот ты получила от меня. Глэдия, думаю, ты будешь изумлена, с какой поспешностью он откажется от балета, стоит тебе показать ему, как это сделать. Ну а тогда явятся и другие пасть к твоим ногам... И Гремнионис, наверное, сумеет обучить многих женщин. Возможно, Глэдия, вдвоем с ним вы полностью революционизируете сексуальную жизнь на Авроре. Как-никак, в распоряжении у вас целые века!

Глэдия растерянно уставилась на него, но тут же засмеялась.

— Ты меня дразнишь! Нарочно говоришь глупости. Вот уж не ожидала такого от тебя, Элайдж. У тебя ведь лицо всегда ужасно серьезное, даже торжественное. Иосафат! (Последнее слово она попыталась произнести низким баритоном на его манер.)

— Ну, может быть, я тебя чуточку и поддразнивал, но я действительно так думаю. Обещай, что не отнимешь у Гремниониса этой возможности.

Глэдия шагнула к нему, и он без колебаний обнял ее. Она прижала палец к его губам, и он ответил ей поцелуем.

— Разве ты не предпочел бы оставить меня себе, Элайдж? — шепнула она нежно.

Он прошептал в ответ совсем тихо (не в силах ни на секунду забыть о роботах в нише):

— Да, Глэдия, да! Стыдно признаться, но в эту минуту я позволил бы Земле рассыпаться прахом, лишь бы ты стала моей. Но это невозможно. Через несколько часов я покину Аврору, а лететь со мной тебе нельзя. На Аврору меня вряд ли когда-нибудь еще пустят, а ты не можешь посетить Землю. Я никогда больше тебя не увижу, Глэдия, но помнить буду всегда. Еще три-четыре

десятилетия, и я умру, а ты будешь все такой же молодой — и, значит, нам все равно пришлось бы проститься навсегда, даже если бы могли сбыться наши желания.

Глэдия положила голову ему на грудь:

— Ах, Элайдж! Ты дважды появлялся в моей жизни и оба раза — лишь на несколько часов. Дважды ты успевал сделать для меня так много и сразу прощался. В первый раз я только прикоснулась к твоему лицу, но как много это изменило! Второй раз я решилась на несравненно большее, и вновь это изменило так много! Я не забуду тебя, Элайдж, даже проживи я неисчислимые века!

— Только не допусти, чтобы это воспоминание стало преградой твоему счастью. Не прогоняй Гремиониса, сделай счастливым его и позволь ему дать счастье тебе. И ведь ты можешь писать мне, сколько захочешь... Между Авророй и Землей налажена гиперпочта.

— Я буду писать, Элайдж! А ты мне?

— Да, Глэдия.

Они умолкли и оторвались друг от друга, словно против воли. Она осталась стоять в центре комнаты, и когда у двери он обернулся, она все еще стояла там, чуть улыбаясь.

Его губы беззвучно произнесли «прощай!» И так же беззвучно — вслух эти слова у него никогда бы не вырвались — они произнесли «любовь моя».

Ее губы тоже дрогнули, неслышно шепча:

— Прощай, возлюбленный мой!

Он повернулся и вышел, зная, что никогда больше не увидит ее настоящую, никогда больше не прикоснется к ней.

83

Прошло довольно много времени, прежде чем Бейли собрался с силами для дела, которое ему еще оставалось довести до конца. Он молча прошел примерно половину расстояния до дома Фастольфа, но тут остановился и махнул рукой.

Внимательный Жискар тотчас оказался рядом с ним.

— Сколько у меня времени до отъезда в космопорт? — спросил Бейли.

— Три часа и десять минут, сэр.

Бейли на секунду задумался.

— Мне бы хотелось пройтись вон до того дерева, — сказал он затем. — Посидеть, прислонившись к стволу, в полном одиночестве. То есть, разумеется, с тобой, но вдали от других людей.

— Под открытым небом, сэр? — Естественно, робот был неспособен выразить удивление и озабоченность, но Бейли почему-то не сомневался, что, будь Жискар человеком, в его голосе прозвучали бы именно эти чувства.

— Да, — ответил он. — Мне необходимо поразмыслить, а после вчерашней ночи такой тихий день — солнечный, безоблачный, теплый — совсем не кажется опасным. Если я почувствую приближение приступа агорафобии, то сейчас же потороплюсь вернуться в дом, обещаю. Так ты побудешь со мной?

— Да, сэр!

— Отлично!

И Бейли зашагал к дереву. Он осторожно потрогал ствол и осмотрел свой пальцы. Они остались абсолютно чистыми. Убедившись, что кора не испачкает ему спину, он внимательно осмотрел траву у корней, затем осторожно сел и прислонился к стволу.

Спинка кресла, конечно, была бы удобнее, зато, как ни странно, его охватило ощущение тихого покоя, которое в комнате он обрел бы едва ли.

Жискар встал рядом, но Бейли сказал:

— Садись-ка и ты!

— Я чувствую себя совершенно нормально и стоя, сэр.

— Знаю, Жискар, но мне будет удобнее думать, если не придется задирать голову, чтобы смотреть на тебя.

— Но ведь сидя, сэр, мне будет труднее уберечь вас от опасности.

— Я и это знаю, Жискар, но сейчас мне никакая опасность не угрожает. Я выполнил то, что мне поручили, дело завершено, положение доктора Фастольфа вновь стало твердым. Сесть ты можешь без всякого риска, и я тебе приказываю: садись!

Жискар тотчас сел лицом к Бейли, но его взгляд продолжал настороженно блуждать по сторонам.

Бейли поглядывал на небо сквозь листву, удивительно зеленую на голубом фоне, прислушивался к жужжанию насекомых и неожиданным птичьим трелям, следил за колыханием травы неподалеку (наверно, сквозь нее пробиралась какая-нибудь зверушка) и наслаждался этим тихим покоем — таким непохожим на вечный шум и суету Города, подумал он. Такой безмятежный, такой ленивый, такой нерушимый покой...

И впервые в жизни Бейли как будто понял, почему Вне можно предпочесть Городу. Внезапно он поймал себя на мысли, что рад всему пережитому на Авроре и больше всего — грозе. Ведь теперь нет сомнений, что он способен покинуть Землю и приспособиться к условиям нового мира, на котором поселится. Поселится с Беном, а может быть, и с Джесси.

— Вчера ночью во время грозы было темно хоть глаз выколи, — начал он. — И я все думал, увидел ли бы я спутник Авроры, если бы не тучи. У нее же есть спутник, если я не ошибаюсь?

— Два спутника, сэр. Тот, что побольше, — Тифон — тем не менее так мал, что выглядит как звезда второй величины. А второй вообще невооруженным глазом не виден. И его называют попросту «Тифон-два», если о нем вообще вспоминают.

— Спасибо. И, Жискар, спасибо за то, что ты меня спас в прошлую ночь. — Он взглянул на робота. — Я не знаю, как полагается тебя благодарить.

— Меня совершенно незачем благодарить. Я ведь просто выполнял требования Первого Закона. У меня не было выбора...

— Тем не менее не исключено, что я обязан тебе жизнью. И очень важно, чтобы ты знал, что я это хорошо понимаю... А теперь, Жискар, что мне следует сделать?

— Касательно чего, сэр?

— Я выполнил то, что мне было поручено. Доктор Фастольф может больше не опасаться своих врагов в Законодательном собрании. Будущее Земли более или менее обеспечено. И мне словно бы больше нечего здесь делать. Однако все еще остается вопрос о том, что произошло с Джендером.

— Я не понял, сэр.

— Ну, предполагается, что он погиб от случайного замыкания позитронных связей своего мозга, но Фастольф не отрицает, что вероятность этого ничтожно мала. Конечно, от действий Амадира она увеличилась, но все равно осталась бесконечно малой. Во всяком случае, так полагает Фастольф. Вот мне и продолжает казаться, что смерть Джендера явилась результатом сознательного робийства. Однако вновь вернуться к этому вопросу я не осмеливаюсь. Не хочу нарушать нынешнего положения вещей, когда все так хорошо уладилось. Не хочу вновь подвергать Фастольфа опасности. Не хочу бередить горе Глэдии. И не знаю, как поступить. Ни с одним человеком я этого обсудить не могу, вот и разговариваю с тобой, Жискар.

— Да, сэр.

— Ведь я всегда могу приказать, чтобы ты стер все мною сказанное и забыл о нем.

— Да, сэр.

— Так как же мне, по-твоему, следует поступить?

— Если это все-таки было робийство, сэр, его должен был кто-то совершить, однако совершить подобное по силам только доктору Фастольфу, а доктор Фастольф говорит, что он этого не делал.

— Да. С этого мы и начинали. Я верю доктору Фастольфу и совершенно убежден, что он тут ни при чем.

— В таком случае, сэр, это не было робийство.

— А предположим, кто-то еще знает о роботах столько же, сколько доктор Фастольф. Так-то, Жискар.

Бейли подтянул колени к самому подбородку и обхватил их руками. На Жискара он не смотрел и, казалось, о чем-то глубоко задумался.

— Но кто же это может быть, сэр? — спросил Жискар.

Наконец-то для Бейли наступил решающий момент.

— Ты, Жискар, — ответил он.

Будь Жискар человеком, он бы молча и ошеломленно уставился на Бейли, или вспыхнул гневом, или съе-

жился от ужаса, или отреагировал еще как-нибудь. Но он был робот и просто спросил без тени эмоции:

— Почему вы это говорите, сэр?

— Жискар, я абсолютно уверен, что ты точно знаешь, почему и каким образом я пришел к своему выводу. Но, сделай милость, дай мне в этом мирном уголке, пока у меня еще есть время до отъезда, объяснить, как и что — для моего удовольствия. Хочу послушать собственные объяснения. И, пожалуйста, поправь меня, если я в чем-нибудь ошибусь.

— Хорошо, сэр.

— Полагаю, моя исходная ошибка состоит в том, что я считал тебя не таким разносторонним и более примитивным роботом, чем Дэниел, — из-за того лишь, что ты меньше похож на человека. Люди невольно чувствуют, что чем больше робот походит на человека, тем сложнее, совершеннее и способнее должен он быть. Бесспорно, робот твоего типа конструктивно относительно прост, а вот создание робота типа Дэниела оказалось неразрешимой задачей для робопсихологов уровня доктора Амадиро. Только гений — доктор Фастольф — сумел с ней справиться. Но, сдается мне, проблема Дэниела сводится к внешним человеческим характеристикам — мимике, тембру голоса, интонациям, жестам, движениям. Все это очень сложно, но не имеет отношения к сложности мозга. Я прав?

— Вы совершенно правы, сэр.

— Вот я автоматически и недооценил тебя, как недооценивают все. А ведь ты выдал себя еще до того, как мы высадились на Авроре. Возможно, ты помнишь, что перед посадкой у меня начался приступ агорафобии, и на какое-то время я стал даже еще более беспомощным, чем вчера в грозу.

— Я помню, сэр.

— В тот момент со мной в каюте был Дэниел, а ты стоял у двери снаружи. Я впадал в кататоническое состояние и был не в силах издать ни звука, а он, вероятно, на меня не смотрел и потому ничего не заметил. Ты был за дверью, и все же это ты бросился внутрь и отключил астросимулятор. Ты успел раньше Дэниела, хотя в быстроте рефлексов он тебе не уступа-

ет, что и продемонстрировал, когда помешал доктору Фастольфу меня ударить.

— Но доктор Фастольф, конечно же, вас не ударил бы.

— Разумеется. Он просто хотел убедить меня в молниеносности рефлексов Дэниела... Тем не менее, как я только что сказал, в каюте ты успел ко мне раньше. Я был не в том состоянии, чтобы анализировать факты, однако наблюдать — моя профессия, и даже агорафобическая паника не отключает меня полностью, как я доказал вчера ночью. Я все-таки заметил, что ты успел мне помочь раньше Дэниела, хотя потом постоянно об этом забывал. И вывод напрашивался только один.

Бейли умолк, словно ожидая от Жискара подтверждения, но робот ничего не сказал.

(В последующие годы, вспоминая Аврору, Бейли в первую секунду представлял себе именно это. Не грозу. Даже не Глэдию. А тихие минуты под деревом — зеленые листья на фоне небесной синевы, теплый ветерок, жужжание насекомых, шорох зверушек в траве... а напротив него Жискар, и глаза робота чуть светятся.)

— Выходит, — сказал Бейли, — что ты каким-то образом сумел уловить мое внутреннее состояние и даже за закрытой дверью понять, что у меня случился припадок. То есть, говоря коротко и, вероятно, упрощенно, ты способен читать чужие мысли.

— Да, сэр, — спокойно ответил робот.

— И не только читать, а еще и как-то воздействовать на них. По-моему, ты уловил, что я заметил эту странность, и тогда затемнил память о ней в моем мозгу, чтобы я забыл об этом случае, а и вспомнил бы, так не придал бы ему значения. Однако полностью тебе это не удалось, возможно, твоя способность ограничена...

— Сэр, — сказал Жискар, — все решает Первый Закон. Я должен был спасти вас, хотя и понимал, что тем самым выдам себя. А сознание ваше затемнить я мог лишь слегка, чтобы не причинить ему вреда.

Бейли кивнул:

— Да, вижу, у тебя есть свои трудности. Слегка — а потому я вспоминал, когда сознание у меня расслаблялось и было открыто для свободных ассоциаций. В грозу перед самым обмороком я подумал, что ты най-

дешь меня раньше других — как тогда на корабле. Да, ты мог меня найти по инфракрасному излучению, но ведь оно исходило от всех млекопитающих и птиц, а это запутывало поиски... Но ты-то воспринимал деятельность моего мозга и тогда, когда я был без сознания, и это, конечно, тебе помогло.

— Да, очень помогло, — сказал Жискар.

— То, что мне вспоминалось на грани сна или обморока, я вновь забывал, если сознание возвращалось ко мне полностью. Однако вчера ночью со мной была Глэдия, и утром она повторила мне мои слова: «Он успел раньше». Но смысл их я уловил только тогда, когда случайные слова доктора Фастольфа разорвали темную паутину. А тогда я вспомнил и многое другое. Например, когда я усомнился, действительно ли мы летим на Аврору, ты привел доказательства этому прежде, чем я успел задать вопрос... Насколько я понимаю, ты скрываешь свою способность читать мысли?

— Совершенно верно, сэр.

— А почему?

— Чтение мыслей открывает мне, сэр, особую возможность эффективнее выполнять требования Первого Закона, а потому я этой способностью очень дорожу. Она позволяет мне гораздо лучше оберегать людей от потенциальных опасностей. Но мне представляется, что доктор Фастольф, да и любой другой человек, не станет долго терпеть возле себя робота, умеющего читать мысли, а потому я скрываю свою способность. Доктор Фастольф любит рассказывать легенду о роботе, чтее мыслей, которого Сьюзен Кэлвин уничтожила, и мне не хочется, чтобы он повторил ее достижение.

— Да, он рассказывал мне эту легенду. По-моему, он подсознательно подозревает о твоей способности, не то легенда не занимала бы его в такой степени. А для тебя, мне кажется, она опасна. Во всяком случае, я разобрался в случившемся отчасти благодаря ей.

— Я делаю все, что могу, чтобы нейтрализовать опасность, не оказывая излишнего воздействия на сознание доктора Фастольфа. Он ведь никогда не забывает упомянуть о фантастичности и неправдоподобности легенды.

— Да, я помню. Но раз Фастольф не знает, что ты умеешь читать мысли, значит, эта способность не планировалась при твоём создании. Так откуда она у тебя?.. Нет, не отвечай, Жискар. Дай я сам попробую сообразить. Мисс Василия, когда в юности только-только заинтересовалась роботпсихологией, специально занималась тобой. Она сказала мне, что экспериментировала с твоим программированием, а доктор Фастольф особенно за ней не следил. Так, может быть, она совершенно случайно вложила в тебя эту способность. Я прав?

— Да, сэр.

— И ты знаешь, что именно она сделала?

— Да, сэр.

— И пока среди роботов ты единственный чтец мыслей?

— Да, сэр. Но будут и другие.

— Спроси тебя я — или доктор Фастольф, — что именно сделала доктор Василия, ты нам ответил бы в силу Второго Закона?

— Нет, сэр; поскольку я заключил бы, что это причинит вам вред. И мой отказ будет опираться на Первый Закон. Впрочем, эта дилемма не возникнет. Я заранее узнаю о намерении задать этот вопрос и успею нейтрализовать импульс задать его.

— Верно, — сказал Бейли. — Позавчера вечером, когда мы возвращались от Глэдии в дом Фастольфа, я спросил Дэниела, были ли у него контакты с Джендером, пока тот жил у Глэдии, и он ответил отрицательно. Тогда я повернулся к тебе, чтобы задать тот же вопрос, но так его и не задал. Ты нейтрализовал импульс задать его?

— Да, сэр.

— Иначе тебе пришлось бы ответить утвердительно, а ты не хотел, чтобы я знал о твоём с ним общении.

— Да, не хотел, сэр.

— Контактируя с Джендером, ты знал, что Амадирос подвергает его испытаниям — ведь, полагаю, ты мог читать мысли Джендера или улавливать степень напряжения его позитронных потенциалов.

— Да, сэр. Эта способность равно распространяется на умственные процессы и людей, и роботов. Только роботов понимать значительно легче.

— Ты был против того, чем занимался Амадиро, поскольку согласен с Фастольфом в вопросе о заселении Галактики.

— Да, сэр.

— Но тогда почему ты не остановил Амадиро? Почему не нейтрализовал его импульс использовать Джендера?

— Сэр, — ответил Жискар, — заметное вмешательство в умственную деятельность недопустимо. Побуждения Амадиро были глубокими и сложными, нейтрализация их требовала радикального вмешательства, а его интеллект так развит и так ценен, что я не мог рискнуть на воздействие, которое почти наверное причинило бы ему вред. Я не вмешивался, но все время искал способ наилучшим образом осуществить требования Первого Закона. И наконец нашел наименее опасный способ. Принять решение было нелегко.

— Ты решил вывести Джендера из строя, прежде чем Амадиро получил бы сведения, необходимые для создания подлинно человекоподобного робота. И ты знал, как этого достигнуть, поскольку за долгие годы почерпнул все необходимые сведения о теории Фастольфа из его мыслей. Так?

— Именно так, сэр.

— Следовательно, Фастольф все-таки не единственный в мире специалист, которому было по силам уничтожить Джендера!

— В определенном смысле он все-таки единственный, сэр. Ведь мое умение было всего лишь отражением... или экстраполяцией его знаний.

— И этого оказалось достаточно. Но разве ты не предвидел, что в результате Фастольф попадет в опасное положение? Что подозрения, естественно, падут на него? Ты собирался сознаться в содеянном и рассказать о своей способности, если бы это потребовалось для его спасения?

— Я действительно понимал, что доктор Фастольф окажется в неприятном положении, но признаваться в своей вине не собирался. Я надеялся использовать ситуацию для того, чтобы вас послали на Аврору, сэр.

— Меня?! Так это была твоя идея? — Бейли был ошеломлен.

— Да, сэр. С вашего разрешения, я хотел бы объяснить.

— Да уж пожалуйста! — сказал Бейли.

— Я знал про вас от мисс Глэдии и доктора Фастольфа, сэр, и не только из их слов, но и из их мыслей. Я узнал о положении дел на Земле. Выяснилось, что земляне живут за стенами, из которых не имеют сил вырваться. Но мне стало ясно, что аврорианцы тоже живут за стенами — за стенами из роботов, которые оберегают их от всех превратностей жизни, а по плану Амадирос начали бы создавать такие же тепличные условия на других планетах, чтобы вновь укрывать аврорианцев, как стенами. Кроме того, аврорианцы живут за стенами, созданными их собственными долгими жизнями, которые заставляют их переоценивать индивидуализм, мешают объединить научные ресурсы. Избегают они и открытых схваток, а при помощи своего председателя требуют во что бы то ни стало избегать конфронтации и принимать решения прежде, чем проблема будет по-настоящему переварена. Они не желают затрудняться и с боями вырабатывать наилучшие решения. Им требуются умиротворяющие решения.

Стены землян — реальны и буквальны, их существование очевидно и навязчиво, и всегда есть жаждущие вырваться из них. Аврорианские стены нематериальны и даже не воспринимаются как стены, а потому никому даже в голову не приходит рваться на свободу. И я пришел к выводу, что заселить Галактику, положить начало Галактической империи должны земляне, а не аврорианцы или другие космониты. Так рассуждал доктор Фастольф, и я был с ним согласен, но он довольствовался рассуждениями, а мне при моих способностях требовалось больше. Я хотел познакомиться с сознанием хотя бы одного землянина напрямую, а вы были землянином, которого, мне казалось, я мог бы вызвать на Аврору. Заморозка Джендера позволила и остановить Амадирос, и найти повод для вашего появления здесь. Я самую чуточку подтолкнул мисс Глэдию, чтобы она посоветовала доктору Фастольфу пригласить вас, и чуточку подтолкнул его, чтобы он рекомендовал это председателю, и чуточку подтолкнул председателя, что-

бы он дал согласие. С той минуты, как мы встретились, я изучал вас, и результаты превзошли все ожидания.

Жискар замолчал и вновь стал воплощением невозмутимости, как любой робот. Бейли нахмурился.

— Очевидно, в том, чего я здесь добился, никакой моей заслуги нет. Ты, конечно, позаботился, чтобы я добрался до истины.

— Нет, сэр. Наоборот, я чинил вам помехи — конечно, в разумной мере. Я не позволил вам узнать мою способность, хотя мне и пришлось выдать себя. Я постарался, чтобы иногда вы испытывали уныние и отчаяние. Я подталкивал вас выходить во Вне, чтобы изучать, какое действие это на вас окажет. Но вы сумели так или иначе справиться с этими помехами, и я был очень доволен. Я убедился, что вы тоскуете по стенам своего Города, но понимаете, что должны научиться жить без них. Убедился, что вид на Аврору из космоса, а потом гроза оказали на вас самое мучительное воздействие, но не помешали вам думать и не заставили отказаться от вашей цели. Я убедился, что вы умеете справляться со своими недостатками и своим кратким жизненным сроком и что вы не стараетесь уклониться от схватки.

— Откуда ты знаешь, что я типичный представитель Земли? — спросил Бейли.

— Я знаю, что вы не типичны, но ваши мысли сказали мне, что вы не единственный такой, и мы будем созидать вместе с ними. Я об этом позабочусь. И теперь, когда я ясно вижу путь, по которому следует идти, я помогу другим роботам стать такими, как я, и они тоже будут помогать.

— Ты хочешь сказать, что на Землю прибудут роботы, читающие мысли? — перебил Бейли.

— Вовсе нет. И вы имели право встревожиться. Прямое участие роботов означало бы возведение тех самых стен, которые обрекают Аврору и другие космосы на паралич. Землянам придется осваивать Галактику вообще без роботов. Это означает неимоверные трудности, опасности и беды — все то, что роботы попытались бы предотвратить, — но в конечном счете люди колоссально выиграют, добившись всего собственным трудом. И может быть, когда-нибудь в далеком-

далеком будущем роботы снова внесут свою лепту. Кто знает?

— Ты провидишь будущее? — с любопытством спросил Бейли.

— Нет, сэр, но, изучая человеческие мысли, я смутно ощущаю, что существуют законы, которые управляют человеческим поведением, как Три Закона управляют поведением роботов, и, возможно, благодаря им когда-нибудь начнут в какой-то мере оформлять будущее. Человеческие законы несравненно сложнее Трех Законов, и я не знаю, как они действуют. Возможно, они статистические по своей природе, и плодотворно изучать их необходимо на человеческих массах огромной численности. Не исключено, что они очень рыхлы и обретают смысл только тогда, когда эти массы ничего не знают об их действии.

— Скажи, Жискар, это ведь та психоистория, о которой говорил доктор Фастольф? — спросил Бейли.

— Да, сэр. Я очень осторожно внедрил эту идею в его сознание, чтобы начался процесс ее изучения. В ней возникнет нужда — рано или поздно. Ведь теперь существованию космомиров с их долгим сроком жизни и роботизированной культурой подходит конец, а новая волна экспансии человечества, осуществляемая людьми с коротким сроком жизни — без роботов! — вот-вот начнется.

— А теперь, — Жискар поднялся с земли, — я думаю, сэр, нам пора вернуться в дом доктора Фастольфа и подготовиться к вашему отбытию. Разумеется, никаких упоминаний про то, о чем мы говорили, не будет.

— Все останется строго между нами, можешь мне поверить, — сказал Бейли.

— Совершенно верно, — невозмутимо добавил Жискар. — Но пусть вас не пугает мысль о лежащей на вас ответственности. Я позволю вам помнить, но у вас никогда не возникнет желания рассказать о нашем разговоре — никогда и ни малейшего.

Бейли только поднял брови, покоряясь неизбежности, и сказал:

— Жискар, еще одно, прежде чем ты заткнешь мне рот. Присмотри, чтобы Глэдии спокойно жилось на этой

планете, чтобы ее не третировали за то, что она соляри-анка и считала робота своим мужем, и... и пусть она даст согласие Гремнионису, хорошо?

— Я слышал ваш последний разговор с мисс Глэ-дией, сэр, и я все понял. Об этом не тревожьтесь. А теперь, сэр, можно мне попрощаться с вами, пока нас никто не видит? — И Жискар протянул ему руку таким человеческим жестом, какого Бейли у него прежде не видел.

Бейли пожал ее — твердую и прохладную.

— Прощай, друг Жискар.

— Прощай, друг Элайдж, — сказал Жискар, — и помни, хотя название это принято давать Авроре, с этого момента истинный Мир Зари — это Земля.

Содержание

Роботы зари, роман, <i>перевод с английского И. Гуровой</i>	5
---	----------

МИРЫ АЙЗЕКА АЗИМОВА

В двенадцати книгах

Книга четвертая

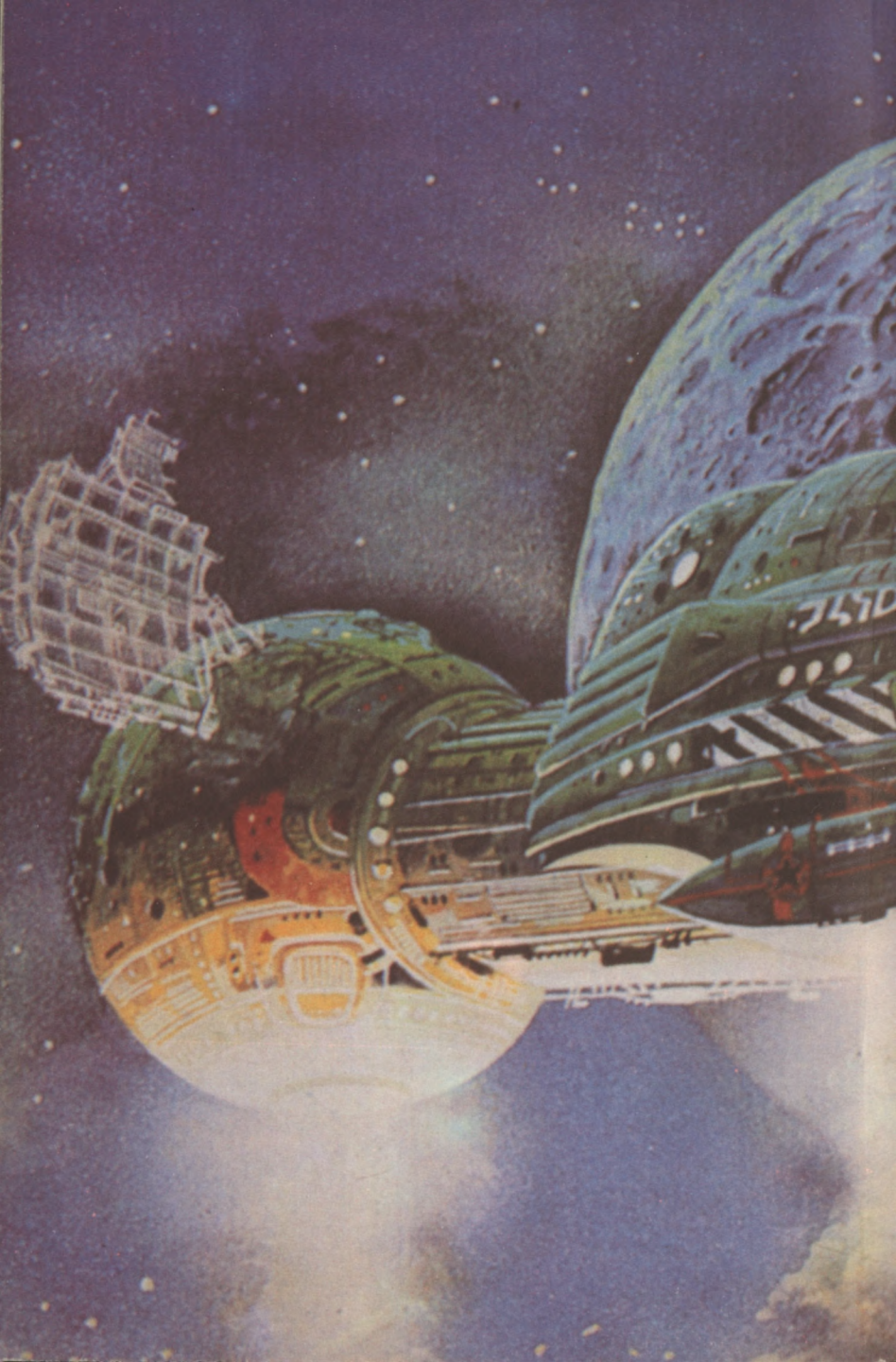
**В оформлении использована работа
Бода Лэйзелла**

Главный редактор А. Захаренков
Ответственный за выпуск Е. Чутов
Редактор А. Александрова
Технический редактор К. Козаченко
Корректоры Н. Дундина, А. Хиршфелде
Оператор компьютерной верстки Н. Жук
Художественное оформление серии: М. Захаренкова
Оформление шмуцтитлов: А. Бибанаев

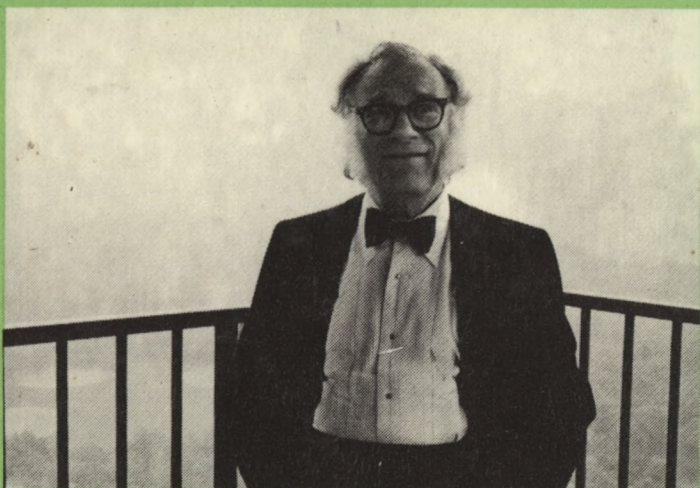
ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 23.09.94.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская.
Гарнитура Балтика. Печать высокая.
Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 24,52. Уч.-изд. л. 24,8.
Тираж 25 000 экз. (1-й завод 1—10 000 экз.). Заказ № 4-340.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.
«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.
Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

РОБОТЫ ЗАРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994